

Э.Б.ВАДЕЦКАЯ, Н.В.ЛЕОНТЬЕВ, Г.А.МАКСИМЕНКОВ

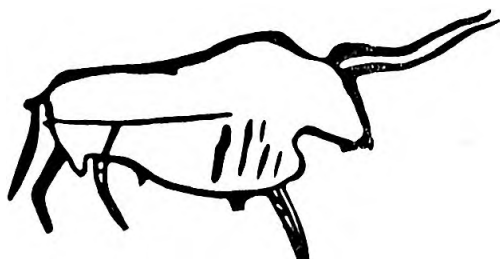
ПАМЯТНИКИ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Э.Б.ВАДЕЦКАЯ, Н.В.ЛЕОНТЬЕВ, Г.А.МАКСИМЕНКОВ

ПАМЯТНИКИ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ленинград
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

Книга посвящена окуневской культуре — новому, ранее неизвестному историческому периоду эпохи энеолита, открытому в результате археологических раскопок в зоне Краснопольского моря. Основным памятником, позволявшим выделить культуру и охарактеризовать ее основные черты, является могильник Черновая VIII. Он дал все виды окуневского явентаря, а также большое количество произведений искусства. Материалы могильника позволили установить культурную принадлежность давно известных каменных stel, наскальных изображений и пазаний минусинских степей.

Издание рассчитано на археологов, историков, искусствоведов.

Ответственный редактор

М. П. ГРЯЗНОВ

МОГИЛЬНИК ЧЕРНОВАЯ VIII— ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди археологических памятников той или иной культуры имеются такие, которые занимают особое место по сравнению с другими. По имени некоторых из них названы сами культуры, так как в большинстве случаев эти памятники были открыты первыми и с них началось знакомство археологов с новым историческим явлением. Другие памятники уникальны тем, что содержат в себе материалы, позволяющие наиболее полно и всесторонне изучить культуру. К ним относится и могильник Черновая VIII, в котором оказались почти все свойственные окуневской культуре вещи, характеризующие ее. Он был открыт и раскопан в 1962—1963 гг.

Многочисленные и своеобразные находки вещей и керамики могильника оказалось возможным сопоставить только с могилами окуневского этапа, выделенными М. Н. Комаровой [52]. Но количество и особенно качество новых материалов и их разнообразие позволили всесторонне охарактеризовать окуневские памятники, выявить их специфические особенности,

что в конечном счете заставило считать их не раннеандроновскими [52] или позднеафанасьевскими [68], а памятниками самостоятельной культуры, не связанной с другими культурами. Именно благодаря раскопкам Черновой VIII была выявлена и описана окуневская культура [84; 85]. В этом и состоит главное значение могильника Черновая VIII.

Материалы этого памятника послужили основой монографического изучения окуневской культуры, результаты которого изложены автором в монографии «Окуневская культура». Но в ней приведены только краткие обобщенные описания памятников. Несмотря на то что материалы Черновой VIII были широко использованы в указанной работе наряду с материалами других памятников, исследования этого могильника как конкретного археологического памятника сделано не было. Восполнить этот пробел и дать целостное представление о нем призвана настоящая публикация.¹

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Красноярская экспедиция в первые годы своей работы основное внимание уделяла «Мекке» сибирской археологии — району сел Батени—Саагани, где изучались памятники разных культур. При выборе памятников для раскопок специально обращалось внимание на внешне новые, ранее неизвестные сооружения. В 1961 г. подгорновским отрядом, которым руководил автор настоящей работы, была проведена разведка долины реки Черновой, впадающей в Енисей примерно в 16 км к северу от с. Сара-

ганга.² Здесь на правой береговой террасе реки Черновой, в 1200 м от ее устья, были обнаружены остатки надмогильных конструкций своеобразного вида. Поэтому в следующем году были перенесены сюда основные работы отряда. В процессе раскопок привлечших внимание памятников, которые оказались позднекарасукскими по времени, непосредственно рядом с ними обнаружены памятники и других эпох. На небольшой площади были открыты афанасьевский, окуневский, карасукский, каменоложский, тагарский могильники и отдельные могилы более позднего времени.

¹ Для того чтобы избежать повторений, при анализе материалов Черновой VIII в публикации будут даны только выводы, сделанные в монографии «Окуневская культура». Например, в ней опущен анализ видов погребений и приведен только их перечень с предельно краткой характеристикой. В то же время в монографии приведены только примеры анализа курганов, а в публикации дан анализ всех курганов. При описании могил в протокольную часть публикации включены некоторые выводы из исследований, а при описании могил с несколькими погребениями приведена последовательность захоронений, которая была уста-

новлена не в поле, а в результате анализа всех аналогичных захоронений окуневской культуры. Кроме того, в описании включены данные пола и возраста не только по антропологическим признакам, но и по косвенным признакам, установленным в процессе исследования разного вида могил и обряда погребения.

² Имеется в виду старый Сараган, в настоящее время затопленный Красноярским морем.

Раскопки окупевского могильника Черновая VIII продолжались два сезона, в течение которых он был полностью раскопан. Для того чтобы не пропустить не видимых с поверхности курганов, вся территория с помощью бульдозера была прорезана разведывательными траншеями, но обнаружить новые курганы не удалось. Всего могильник Черновая VIII содержал 14 курганов.³

Курган 1 (табл. I, 1). До раскопок представлял собой удлиненную, едва приметную на глаз низкую возвышенность. На ее поверхности были заметны выступавшие торцы плит, не образовавшие правильной фигуры. Вокруг камней разбит раскоп размерами 14,5×8,5 м, вытянутый с ЗЮЗ на ВСВ, включивший все видимые камни. После снятия земли на глубину одного штыка выяснилось, что в западной части раскопа находится четырехугольная ограда размером 5,3×5 м, вытянутая с ЗЮЗ на ВСВ. Северо-восточная и северо-западная стенки сделаны из двух рядов невысоких вертикально врытых плит, юго-западная — из одного ряда, а юго-восточная не сохранилась совсем. В 3 м от северо-восточной стены видны остатки другой стены из очень тонких плит. Такая же дополнительная стенка идет в 1 м от северо-западной стены, а за ней, на расстоянии 1 м, сохранились остатки третьей стены. В 4 м к северо-востоку от второй северо-восточной стены находятся отдельные вертикально врытые плиты. Значение и смысл дополнительных стен не выяснен, хотя между ними были проведены дополнительные раскопки. Все 8 могил располагались только внутри основной ограды. На одной из плит северной стены ограды рисунок быка (табл. XXX, 1).

Могила 1 (табл. II, 1). Грунтовая яма неопределенной формы, 100×55×10 см, В—З. Непосредственно под дерном потревоженный скелет взрослой женщины (Алексеев).⁴ На месте кости таза, ног, правой руки. Погребенная первоначально лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. Вещей нет.

Могила 2 (табл. II, 7). Прямоугольный каменный ящик из поставленных на ребро тонких плит, 180×85×80 см, В—З. Дно наклонено к В. В 20 см от западной стены стоит невысокая перегородка во всю ширину могилы. В ящике потревоженный скелет мужчины 18 лет (Алексеев) (женщины — Максименков). На месте кости предплечья, позвоночника, таза и ног. Погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. В отделении, за перегородкой, у северо-западного угла стоял горшок (табл. XXVII, 14), у середины западной стены лежало костяное шило (табл. XVIII, 2), а в заполнении найдены обломок игольника (табл. XVIII, 12) и нуклеус (табл. XX, 2).

Могила 3. Прямоугольный каменный ящик, 90×60×40 см, В—З, из мелких плиток, поставленных на ребро. Южной стены не было. Ящик пустой. Захоронение мальчика.

Могила 4 (табл. II, 3). Прямоугольный камен-

³ Материалы раскопок хранятся в Эрмитаже (ОИПК, кол. 2376, 2377), отчеты — в архивах ИА и ЛОИА АН СССР.

⁴ Определение пола и возраста погребенных в этом могильнике было проведено В. П. Алексеевым и позже Г. Ф. Дебецом. В скобках здесь и далее указано, чье определение. В тех случаях, когда определения вызывают сомнения, во вторых скобках дан пол с учетом и косвенных признаков.

ный ящик, 95×60×65 см, СВ—ЮЗ, из поставленных на ребро тонких плит. Внутри ящика у длинных стен вкопаны плитки с полукруглыми выбоинами на верхних торцах. В выбоинах помещались жерди от настила. Настил имел наклон к ногам. На уровне выбоин кости разрушенного скелета ребенка 4—4,5 лет (Алексеев) (девочки — Максименков). Сохранились кости верхней части туловища. Погребенный лежал на спине, с согнутыми и поднятыми вверх коленями, головой к Ю—З. Под настилом, на дне могилы, в западном углу стоял горшок (табл. XXVII, 9). В заполнении могилы найдены каменный наконечник стрелы (табл. XX, 4) и астрагал барана (табл. XXV, 5). На обломках одной плиты изображение (табл. LIII, 124).

Могила 5 (табл. II, 6, 5). Прямоугольный каменный ящик, 140×45×65 см, В—З, из поставленных на ребро плит. По его краям плашмя лежали плиты. Могила перекрыта обломками отдельных плит. В ней перемешанные кости восьми скелетов, женщины 30—35 лет, женщины неопределенного возраста, детей — от новорожденного до 4 лет и еще одной женщины неопределенного возраста (Алексеев). Среди костей найдены бронзовая пластинка с орнаментом (табл. XIX, 8) и горшок (табл. XXVII, 10). Последовательность погребений в этой могиле не устанавливается. Однако ширина ящика свидетельствует, что все одновременно в нем не могли быть похоронены. Здесь имели место последовательные погребения. Только в отношении женщины, у которой установлен возраст, можно говорить что она была погребена последней, так как сохранились все кости ее скелета. До нее в могиле, видимо, хоронили женщин с детьми.

Могила 6 (табл. II, 4). Прямоугольный каменный ящик, 115×65×80 см, ВЮВ—ЗСЗ, из поставленных на ребро тонких плит. В западной части ящика вдоль длинных стен врыты две поставленные на ребро плитки с выбоинами на торцах. В западной части могилы перемешанные кости скелета женщины 20—22 лет (Алексеев) или 18—20 лет (Дебец). Судя по расположению «подушки», погребенная была положена головой на ЗСЗ. У южной стенки ящика лежал бронзовый игольник с орнаментом из бугорков (табл. XVIII, 13), в котором находились две иглы, а рядом — бронзовый листовидный нож (табл. XIX, 14).

Могила 7 (табл. II, 2). Прямоугольный каменный ящик, 50×40×30 см, В—З, из поставленных на ребро тонких плит. В западной части могилы следы костей грудного ребенка — девочки. У южной стены обломок горшка (табл. XXVIII, 5) и рядом бронзовый игольник с двумя иглами (табл. XVIII, 14).

Могила 8 (табл. II, 8). Прямоугольная грунтовая яма, 142×80×40 см, В—З. Над ямой обломки плит перекрытия. У западной стенки плита. В могиле перемешанные кости двух скелетов: мужчины 25—30 лет (Алексеев) или 20—25 (Дебец) и женщины 30—40 лет (Алексеев и Дебец). На месте сохранились кости стоп, по которым можно судить, что погребенные лежали на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. У юго-восточного угла могилы обломки горшка (табл. XXVII, 1).

Курган 2. До раскопок на поверхности земли были видны отдельные, не связанные между собой

камни. Разбитый вокруг них раскоп выявил остатки разрушенной ограды, от которой сохранился северный угол и часть западной стены. Внутри ограды оказалось три могилы.

Могила 1 (табл. II, 11). Прямоугольный каменный ящик, 130×60×90 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Над западной частью ящика сохранилась плита перекрытия. Кости скелета женщины 25—30 лет (Алексеев) или 30—40 лет (Дебец) перемешаны и лежат в западной части могилы. На месте только три позвонка и крестец. Судя по ним, погребенная лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. Среди костей найдены костяной игольник с орнаментом в виде выпуклостей (табл. XVIII, 15), обломки горшка (табл. XXVII, 5), бронзовое шило (табл. XVIII, 3) и бронзовый листовидный нож (табл. XIX, 15).

Могила 2 (табл. II, 10). Видимо, прямоугольный каменный ящик (сохранилась только северная сторона), 120×50×35 см, В—З. В могиле нарушенный скелет женщины (Алексеев) неопределенного возраста. На месте сохранились нижняя часть позвоночника, кости таза и обломок левого бедра. По ним можно судить, что погребенная лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. В ногах лежали обломки горшков (табл. XXVIII, 3, 9, 13).

Могила 3 (табл. II, 9). Прямоугольный каменный ящик, 100×50×55 см, В—З. На поверхности могилы гряда разбитых черепов, челюсть и кость бедра, принадлежавшие двум взрослым женщинам, взрослому мужчине, ребенку 5.5—6 лет (Алексеев) и фрагмент сосуда (табл. XXVIII, 1).

Курган 3 (табл. III). До раскопок представлял собой еле заметную на глаз плоскую возвышенность, в южной части которой торчал один камень. В результате раскопок выявлена четырехугольная ограда, 9×9.3 м, из поставленных на ребро тонких низких плит (верхние края их не испорчены). Длинная ось идет с ВВСВ на ЗЗЮЗ. Внутри ограды оказалось 15 могил. На двух плитах ограды изображение быков (табл. XXX, 8, 12).

Могила 1 (табл. II, 12, 13). Прямоугольный каменный ящик, 150×80×65 см, ВВСВ—ЗЗЮЗ, из поставленных на ребро плит. Над ящиком обломки плит перекрытия. Западная стена ящика не сохранилась. В ящике разбросанные кости скелетов женщины 30—35 лет и мужчины неопределенного возраста (Алексеев).

Могила 2 (табл. II, 14). Прямоугольный каменный ящик, 70×35×45 см, ССВ—ЮЮЗ, из поставленных на ребро тонких плит. Ящик был перекрыт плитой размером 70×40×5 см. В нем останки детского скелета — мальчика. Судя по костям ног, погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к ЮЮЗ. Дно могилы устлано плитками.

Могила 3 (табл. IV, 3). Прямоугольный каменный ящик, 100×70×50 см, З—В, из поставленных на ребро плит. Над ящиком обломки плит перекрытия, одна из них с неясным изображением (табл. XXX, 2). В западной части могилы отдельные кости скелета ребенка 4—5 лет (Алексеев) (девочки — Максименков). В северо-западном углу горшочек (табл. XXVII, 8).

Могила 4 (табл. IV, 9, 10). Прямоугольный каменный ящик, 155×80×55 см, С—Ю, из поставленных на ребро плит. Дно наклонено к северу. Ящик был перекрыт двумя большими плитами размером 100×40×8 и 130×40×8 см. В ящике нарушенное погребение мужчины (Алексеев). На месте кости голени. По ним можно судить, что погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к Ю. Вместе с ним в могиле 7 черепов: от пяти мужчин — 30, 30, 30—35, 46, 50—60 лет и двух женщин 18—20 и 20 лет (Алексеев) или от пяти мужчин 19—21, 30—35, 35—45, 40—50, 45—55 лет, женщины 17—19 лет и неопределенного пола человека 15—16 лет (Дебец). В могиле оказался горшок (табл. XXVII, 15), который лежал под голенищами, а в заполнении найден бронзовый рыболовный крючок (табл. XX, 3) и обломок бронзового шила (табл. XVIII, 4).

Могила 5 (табл. II, 15). Прямоугольный каменный ящик, 65×45×30 см, В—З, из поставленных на ребро тонких плит. Рядом с ящиком обломки плит перекрытия, на одной из них выбита голова лося (табл. XXX, 3). Дно могилы вымощено плитками, на одной из которых изображено дерево. На северной стенке ящика писаница: дерева и облака. В ящике косточки детского скелета — девочки.

Рядом с могилой лежали обломки двух горшков (табл. XXVII, 3, 4).

Могила 6 (табл. IV, 4). Прямоугольный каменный ящик, 70×50×35 см, СВ—ЮЗ, из поставленных на ребро плит. В ящике отдельные кости детского скелета — мальчика.

Могила 7 (табл. IV, 1, 2). Прямоугольный каменный ящик, 150×70×70 см, СССЗ—ЮЮЮВ, из поставленных вертикально узких плит. На некоторых из них выбиты изображения животных (табл. XXX, 5, 6). Дно устлано плитами, одна из них в северной части стоит наклонно, имитируя как бы подушку. Ящик был покрыт большой плитой размером 150×60×5 см, с изображением личности (табл. LII, 115). В могиле обнаружены останки двух мужчин 25—30 и 45—50 лет и женщины 30—35 лет, от которых сохранились черепа и кости, и двух неопределенного пола взрослых, которым принадлежат нижние челюсти (Алексеев), или же четырех мужчин: двух 20—25 лет, 50—60 и 55—65 лет и одной женщины 25—30 лет (Дебец). Среди костей обломки бронзового шила (табл. XVIII, 5). Судя по положению «подушки», первый погребальный должен был лежать головой к С. Ширина ящика свидетельствует о невозможности одновременного захоронения пяти человек. Об этом же говорит и разная сохранность скелетов. Наиболее полно сохранившиеся два мужских скелета, видимо, принадлежали людям, похороненным последними. Первыми же здесь были погребены женщина либо мужчина и женщина, о чем можно судить по наличию плиты с рисунком в стенке ящика, «подушке» и вымощке.

Могила 8 (табл. IV, 13). Прямоугольный каменный ящик, 145×120×55 см, В—З, из многих поставленных на ребро плит. На одной из северных плит изображение животного (табл. XXX, 7). В могиле, в восточном углу, несколько костей от трех разных скелетов: двух детских 5.5—6 лет и взрослого (Алексеев) (женщины — Максименков). В за-

полнении могилы найдены бисер (табл. XXVI, 4) и обломок горшка (табл. XXVIII, 16).

Могилы 9 (табл. IV, 5). Прямоугольный каменный ящик, 60×35×25 см, СВ—ЮЗ, из поставленных на ребро плит. Покрит плитой размером 67×42×5 см. В западной части ящика обломки черепа младенца (Алексеев) (девочки — Максименков). Погребенная была положена головой к З. В могиле найдены: в восточном углу горшок (табл. XXVII, 7), у южной стенки костяная пластинка (табл. XXIV, 17), у обломков черепа два височных кольца (табл. XIX, 1) и рядом бронзовый трубчатый игольник с иглой (табл. XVIII, 11) и обломок клинка ножа (табл. XIX, 7). По всей площади могилы встречаются мелкие бисеринки и несколько бус (табл. XXVI, 5), возможно, они были нашиты на одежду погребенного.

Могилы 10. Каменный ящик, 45×35×40 см, ССЗ—ЮЮВ, из поставленных на ребро мелких плиток. Сохранились только южная часть ящика, а в нем разложившиеся кости скелета младенца (Алексеев) (мальчика — Максименков).

Могилы 11 (табл. IV, 6). Прямоугольный каменный ящик, 90×60×40 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Над ящиком остатки плиты перекрытия. Дно устлано плитками. На дне ящика остатки скелета ребенка 4.5—5 лет (Алексеев) (девочки — Максименков). Вверху, видимо, попавшие случайно три кости скелета взрослого человека. Рядом с ящиком обломок венчика горшка (табл. XXVII, 2).

Могилы 12 (табл. IV, 11). Прямоугольный каменный ящик, 130×60×55 см, С—Ю, из поставленных на ребро плит. Дно наклонено к северу. Ящик перекрыт несколькими плитами, на двух из них изображение личины (табл. LIII, 123). В ящике скелет женщины 16—18 лет (Алексеев) или мужчины 20—30 лет (Дебец) (женщины — Максименков). Погребенный лежал на спине с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к Ю. Череп отсутствует.

Могилы 13 (табл. IV, 12). Прямоугольный каменный ящик, 120×75×55 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Над западной частью могилы остатки плит перекрытия. В могиле перемешаны кости двух скелетов: пожилой женщины и ребенка 2.5 лет (Алексеев) или мужчины 40—50 лет и ребенка (Дебец) (женщины — Максименков). Среди костей фрагменты трех горшков (табл. XXVII, 6, 11, 12), пять бисеринок и кость животного.

Могилы 14 (табл. IV, 8). Прямоугольный каменный ящик, 125×65×40 см, ВСВ—ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит. На северной стороне ящика красной краской изображено «солнце». В западной части могилы перемешанные кости скелета мужчины 22—25 лет (Алексеев) или женщины 17—19 лет (Дебец) (женщины — Максименков).

Могилы 15 (табл. IV, 7). Прямоугольный каменный ящик, 80×45×30 см, ЮЮВ—ЗСЗ, из поставленных на ребро плит. Ящик перекрыт плитой размером 100×65×10 см. В ящике следы костей младенца (Алексеев) (девочки — Максименков). В юго-восточном углу горшок (табл. XXVIII, 8), рядом бронзовый листовидный нож (табл. XIX, 18). Во всей могиле большое количество мелких бисеринок, видимо, они были нашиты на одежду.

Курган 4. До раскопок на заброшенной пашне чувствовалось едва заметное возвышение земли, на котором валялись мелкие битые плитки. В нескольких местах на этом месте были пробиты траншеи. Под пашней встретились плиты, врытые на ребро. После святия земли обнаружилось четырехугольное сооружение, от которого сохранились остатки северной и восточной стен. Предполагаемые размеры сооружения 12×11 м. Ограда ориентирована почти строго на С. В насыпи встречались битые гальки и фрагменты горшков (табл. XXVIII, 4). Внутри ограды оказалось 11 могил, расположенных в ее западной части.

Могилы 1 (табл. V, 1). Прямоугольный каменный ящик, 160×80×70 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Дно несколько наклонено к В. Над ящиком остатки перекрытия из плит иногда значительных размеров. В западной части перемешанные кости скелетов мужчины 35—40 лет (Алексеев) или 30—35 лет (Дебец), взрослой женщины и ребенка 4 лет (Алексеев). Судя по наклону дна, погребенные были положены головой на З. Среди костей скелетов в заполнении могилы найдены каменный, похожий на изображение животного (табл. XXV, 25), два костяных ножевидных предмета — иглы для вязания сетей (табл. XVIII, 18), круглая галечка (табл. XXV, 26), клык медведя со сверлиной (табл. XXV, 23) и клюв птицы (табл. XXV, 24).

Могилы 2 (табл. V, 2). Прямоугольный каменный ящик, 145×55×55 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Дно имеет наклон в западную сторону и устлано плитами. Над ящиком мелкие обломки плит от перекрытия. В могиле разрозненные кости скелетов: женщины 20 лет (Алексеев), ребенка 1 года и новорожденного. Найдены несколько бус и бисер (табл. XXVI, 6). Судя по наклону дна, первоначально погребенные лежали головой на В.

Могилы 3 (табл. V, 4). Прямоугольный каменный ящик, 150×85×65 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Дно имеет небольшой наклон к В. Над могилой и внутри ее обломки разбитых плит перекрытия. В могиле части разрушенных скелетов: мужчины 30—35 лет и обломки костей скелета женщины 20 лет (Алексеев) или мужчины 20—25 и женщины 18—20 лет (Дебец). Мужчина был положен на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на З.

Могилы 4 (табл. V, 5). Овальная грунтовая яма, 115×50×30 см, ССВ—ЮЮЗ. Перекрыта тремя плитами, общие размеры перекрытия 130×80×5 см. В могиле скелет мужчины 16—18 (Алексеев) или 13—15 лет (Дебец), на спине, с согнутыми в коленях ногами и поджатыми к тазу пятками, головой на ЮЮЗ.

Могилы 5 (табл. V, 6). Прямоугольный каменный ящик, 140×80×50 см, С—Ю, из поставленных на ребро плит. Дно наклонено к С. Над северной частью могилы плита перекрытия размером 90×70×5 см. В могиле три скелета, под головами у них стоит наклонно плита — «подушка». Погребение 1-е — у восточной стены мужчина 50—55 (Алексеев) или 45—55 лет (Дебец), на спине, с согнутыми и поднятыми вверх коленями, головой к Ю. Погребение 2-е — у западной стены женщина 35—40 (Алексеев) или 30—35 лет (Дебец) на спине,

с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к Ю. Погребение 3-е — на левой части скелета женщины ребенок 1—2 лет (Алексеев), вытянуто, на спине, головой к Ю. В могиле найдена костяная острога (табл. XX, 11), одна часть которой лежала у черепа первого погребенного, а вторая — между скелетами, и бронзовый разрушенный нож (табл. XIX, 11) под ногами первого скелета.

Могила 6 (табл. V, 10). Прямоугольный каменный ящик, 175×105×60 см, ВСВ—ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит. Дно устлано плитами и наклонено в восточную сторону. Над западной частью могилы сохранились разбитые плиты перекрытия. В южной части могилы в полном беспорядке кости скелетов мужчины 18 лет и женщины 25—30 лет (Алексеев) или 20—25 лет (Дебеч). Судя по наклону дна могилы, погребенные были положены головой к З.

Могила 7 (табл. V, 7). Прямоугольный каменный ящик, 135×65×50 см, ЗСЗ—ВЮВ, из поставленных на ребро плит. Могила перекрыта плитами, на двух из них изображения (табл. LIII, 130). На расстоянии 10 см от восточной стены врыта плита — «подушка», на ее торце полукруглое углубление. Дно могилы наклонено к З. В могиле нарушенный скелет подростка 14 лет (Алексеев) (женщины — Максименков), большинство костей в западной части могилы. Отдельные кости оказались в сочленениях. Можно подумать, что погребенная лежала на спине, с согнутыми ногами, головой к В. В могиле найдены два каменных наконечника стрел (табл. XX, 5, 6) и 36 астрагалов, большинство из них у южной стены. Один имеет насечку и крест (табл. XXV, 6). Одна из плит оказалась с изображением, вторая половина которого находилась в могиле 8 (табл. LII, 117).

Могила 8 (табл. V, 8). Прямоугольный каменный ящик, 135×100×60 см, ЗСЗ—ВЮВ, из поставленных на ребро плит. Перекрыта двумя обломками большой плиты размером 105×100×10 и 100×75×5 см. Пол устлан плитками и имеет наклон к В. У западной стены врыта плитка с выбитой, служившая «подушкой». В могиле в перемешанном состоянии кости скелета четырех человек: женщины 35—40 лет (Алексеев) или 30—35 лет (Дебеч), подростка (юноши) 12—13 лет, ребенка 2 лет и ребенка 1 года (Алексеев). Среди костей найдены обломок бронзового ножа у «подушки», 2 клыка медведя (табл. XXV, 27, 28) и фрагменты горшка (табл. XXVIII, 17). На плитах южной и северной стены могилы изображения (табл. LII, 114, 117).

Могила 9 (табл. V, 11). Прямоугольный каменный ящик, 150×70×65 см, почти В—З, из поставленных на ребро плит. По краям ящика лежали остатки плит перекрытия. Дно устлано плитками, на одной из них изображение животного (табл. XXX, 4). Плитка у западной стены стоит наклонно. В могиле только кость правой голени. По ней можно судить, что погребенный — женщина (?) (Алексеев) лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З.

Могила 10 (табл. V, 9). Прямоугольный каменный ящик, 130×60×50 см, ССВ—ЮЮЗ, из поставленных на ребро плит. Могила покрыта плитой размером 150×80×3 см. Дно устлано плит-

ками, наклонено к С. В могиле скелет женщины 18 лет (Алексеев) и (Дебеч), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЮЗ. На левой руке кости годовалого младенца, повернутого головой на ЮЮЗ.

Могила 11 (табл. V, 3). Прямоугольный каменный ящик, 80×60×45 см, ЮЮВ—ССЗ, из поставленных на ребро плит. Покрытие не сохранилось. Пол устлан плитками. В могиле останки ребенка 4 лет (Алексеев) (девочки — Максименков). Северная плита ящика имеет изображение.

Курган 5 (табл. VI). До раскопок на поверхности заброшенной пашни валялись отдельные мелкие плитки. С помощью разведывательных траншей под папшей обнаружены лежащие горизонтальные плиты. После снятия земли выявлены остатки разрушенной ограды, в которой было 10 могил. От ограды сохранилась только часть восточной стены. Ограда, видимо, была размером не менее 13×13 м. В насыпи найдены битые гальки.

Могила 1 (табл. VII, 1). Прямоугольный каменный ящик, 130×65×60 см, В—З, с очень небольшим отклонением к Ю, из поставленных на ребро плит. Над ящиком обломки двух плит перекрытия. Дно наклонено к В. От погребенного (женщины) сохранились один шейный позвонок, зуб и обломок ребра. Судя по наклону дна, скелет должен был лежать головой к З. В могиле найдены зубы животного (табл. XIX, 10; XXV, 2) и обломки сосуда (табл. XXVIII, 11).

Могила 2 (табл. VII, 5). Прямоугольный каменный ящик, 170×110×70 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Над ящиком обломки плит, самый крупный из них размером 100×70×5 см. На дне могилы плитки. На южных и восточных плитах ящика изображены личины (табл. LII, 116, 119). В ящике в перемешанном состоянии кости двух людей: женщины 18 лет и ребенка 4—5 лет (Алексеев и Дебеч).

Могила 3 (табл. VII, 6). Прямоугольная грунтовая яма, 160×140×80 см, В—З. Над ямой лежала кучка плиток. Дно устлано плитами. В середине могилы верхняя часть скелета женщины 25 лет (Алексеев и Дебеч), которая первоначально лежала на спине, с согнутыми и поднятыми вверх коленями, головой на З. У северной стены могилы верхняя половина скелета женщины 25 лет (Алексеев и Дебеч), первоначально погребенная лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Среди костей, найденных в заполнении могилы, нижняя челюсть пожилого мужчины (Алексеев) или 40—50 лет (Дебеч). Обнаружены маленький обломочек бронзового предмета и трубчатая кость птицы, может быть, игольник (табл. XVIII, 17). На нескольких обломках плит видны рисунки (табл. XXX, 9—11).

Могила 4 (табл. VII, 4). Прямоугольный каменный ящик, 145×80×70 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Ящик перекрыт пятью плитами, размеры четырех из них 180×55×5 см. Вдоль западной стенки ящика идет небольшая перегородка из вертикально поставленной плитки, служившая «подушкой». Дно наклонено к В. В могиле скелет женщины 30—35 лет (Алексеев) или 20—25 лет (Дебеч), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З.

У левого виска найдены два височных бронзовых кольца (табл. XIX, 2), а на правом запястье — бусы.

Могила 5 (табл. V, 12). Прямоугольный каменный ящик, $80 \times 70 \times 45$ см, В—З, с небольшим отклонением к С, из поставленных на ребро плит. Ящик покрыт расслоившейся плитой. На дне ящика обломки костей ребенка 1—2 лет (Алексеев) (мальчика — Максименков).

Могила 6 (табл. VII, 2). Прямоугольный каменный ящик, $145 \times 70 \times 65$ см, ВЮВ—ЗСЗ, из поставленных на ребро плит. Над ящиком разбитая плита перекрытия. В западной части ящика грудка костей. На дне остатки скелета женщины (Алексеев) неясного возраста. На месте сохранились часть костей рук, позвоночника, кости левой части таза, по которым можно судить, что погребенная первоначально лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. В верхней части могилы под плитами перекрытия найден развалившийся горшок, а среди костей обнаружен обломок костяной пластинки (табл. XX, 8).

Могила 7 (табл. V, 14). Прямоугольный каменный ящик, $170 \times 100 \times 65$ см, из поставленных на ребро плит. Над ящиком завал из плит, на некоторых из них имеются изображения (табл. LI, 118). Северная стенка ящика состоит из двух рядов плит: на внутренней плите личина и писаница (табл. XXXI, 3, 8). Дно устлано плитами и имеет наклон к В. В ящике целый скелет с поврежденной верхней частью мужнины 30—36 лет (Алексеев) или 25—35 лет (Дебец), на спине, с согнутыми в коленях ногами, упавшими к Ю, головой на З. В северо-восточном углу череп женщины 40—50 лет (Дебец). Конструктивные особенности могилы и плита с рисунком свидетельствуют, что она предназначалась для женщины, которая была погребена первой. Позже на ее месте был захоронен мужчина.

Могила 8. Прямоугольный каменный ящик, $55 \times 35 \times 25$ см, В—З, из поставленных на ребро плит. Могила перекрыта плитой размером $60 \times 50 \times 5$ см и мелкими плитками. На стене изображение животных. Дно устлано плитками. В могиле обломки костей ребенка 1—2 лет (Алексеев) (мальчика — Максименков). У западной стены остатки черепа. Видимо, ребенок был положен головой на З.

Могила 9 (табл. VII, 3). Прямоугольный каменный ящик, $140 \times 75 \times 60$ см, В—З, из поставленных на ребро плит. Над ящиком обломки плит перекрытия. Дно земляное, наклонено к В. В могиле разрушенный скелет подростка 10—11 лет (Алексеев) (женщины — Максименков). По сохранившимся на месте костям можно судить, что первоначально погребенная лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. У северной стенки могилы, на уровне левого локтя лежали человеческая головка, сделанная из камня (табл. XXIV, 3, 5), 10 каменных просверленных кружочков (табл. XXVI, 13), бронзовая игла (табл. XVIII, 6), обломки костяного игольника, остатки бронзового ножа (табл. XIX, 16), 3 бусины (табл. XXVI, 11). Кроме того, в заполнении могилы найдены вторая каменная головка и костяная пластинка (табл. XXIV, 16), а вокруг нее бусинки.

Могила 10 (табл. V, 13). Прямоугольный каменный ящик, $145 \times 65 \times 40$ см, В—З, из поставленных на ребро плит. Над ящиком несколько небольших плит перекрытия. Дно устлано плитами, имеет наклон к В. В западной части плитка стоит наклонно. В могиле три тесно прижатых скелета. Погребение 1-е — у северной степы мужчина 30—35 (Алексеев) или 20—25 лет (Дебец), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. Погребение 2-е — у южной стены женщина 20—25 лет (Алексеев и Дебец), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. Погребение 3-е — на груди скелета женщины ребенок 9 (Алексеев) или 7—8 лет (Дебец), головой к З.

Курган 6 (табл. VII, 7). До раскопок на поверхности земли был виден угол ящика. Раскопом не удалось обнаружить ни остатков ограды, ни других могил. Ящик прямоугольный, из вертикально поставленных плит, $150 \times 65 \times 50$ см, В—З. Перекрытия не было. Отсутствует западная стена и часть северной. Дно устлано плитами. В ящике разрушенные скелеты женщины 40 (Алексеев) или 40—50 лет (Дебец) и нижней челюсти мужчины 45—50 лет (Дебец) и пожилой женщины (Алексеев). На месте сохранились кости правой ноги, часть тазовых костей, кости левого предплечья и кисти. Судя по ним, погребенная первоначально лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Лучшая сохранность женского скелета свидетельствует, несмотря на разграбление, что она была погребена позже других. Первоначально же в могиле были похоронены мужчина и женщина.

Курган 7 (табл. VII, 13). С помощью траншей на пашне обнаружена плитка, торчавшая из земли. В результате расширения раскопа и удлинения траншеи не удалось найти ни ограды, ни других могил. Углубление у плитки выявило разрушенную могилу, которая сейчас представляется грунтовой ямой. У ее северной степки стоит плитка, видимо, это был ящик. Прослеженные размеры ямы 140×130 см, ВЮВ—ЗСЗ. В могиле в полном беспорядке кости нескольких человек. Погребение 1-е — взрослый мужчина, от него на месте кости голени и стоп, по которым можно судить, что он первоначально лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЗСЗ. Погребение 2-е — взрослая женщина, на месте кости стопы, по которым можно судить, что погребенная была положена головой на ЗСЗ. Погребение 3-е — подросток, кости в беспорядке. Погребение 4-е — в беспорядке кости ребенка 7 лет (Алексеев). Размеры могилы и то, что сохранившиеся на месте кости взрослых занимают не всю могилу, а только северную ее часть, позволяют предполагать одновременность захоронения мужчины и женщины с двумя детьми.

Курган 8 (табл. VIII). До раскопок на заброшенной пашне прослеживалось небольшое всхолмление удлиненной формы, вытянутое с З на В, по склонам которого валялись битые плитки песчаника. Форма всхолмления зависела от направления распашки. С целью выяснения границ кургана были заложены траншеи от подножья к центру кургана, с помощью которых обнаружены плиты покрытий могильных ящиков. Был разбит раскоп

прямоугольной формы размером 15.5×10.5 м. Следов ограды обнаружить не удалось. В кургане оказались 22 могилы, наибольшее их скопление в юго-западной части кургана. Северо-восточная и юго-восточная части кургана пусты.

Могила 1 (табл. VII, 8). Прямоугольный каменный ящик, 70×45×40 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Перекрытие отсутствует. Могила оказалась пустой.

Могила 2 (табл. IX, 9). Прямоугольный каменный ящик, 175×100×70 см, ВСВ—ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. В западной части на дне две толстые плиты, образующие «подушку». Ящик был перекрыт большими плитами размером 220×140 см. В могиле разрушенный скелет мужчины 50—60 лет (Дебеч), на месте кости таза и ног, согнутых в коленях. Судя по ним, погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Могила 3 (табл. VII, 9). Прямоугольный каменный ящик, 60×45×20 см, В—З, из вертикально поставленных плит, южная стена отсутствует, перекрытие не сохранилось. В заполнении ящика отдельные кости ребенка — мальчика, а на краю могилы кость бедра взрослого человека, попавшая из другой могилы. Вещей нет.

Могила 4 (табл. VII, 10). Прямоугольный каменный ящик, 60×45×25 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Ящик был перекрыт небольшой плитой. В заполнении могилы найден позвонок взрослого человека, от основного погребения (мальчика) ничего не сохранилось. Вещей нет.

Могила 5 (табл. IX, 1, 2). Прямоугольный каменный ящик, 120×50×40 (45) см, Ю—С, из поставленных на ребро плит. Дно могилы наклонено к С. Покрытие — одна большая плита размером 150×70 см, обложенная по краям мелкими плитками. Под плитой частично сохранился кусок бересты, видимо от покрытия. В могиле скелет мужчины 20—25 лет (Дебеч) (женщины — Максименков), на спине, с согнутыми и поднятыми вверх коленями и вытянутыми руками, кисти рук под тазом, головой на Ю. В ногах, в северо-восточном углу, горшок (табл. XXVIII, 19), справа от черепа костяной игольник с двумя костяными иглами (табл. XVIII, 9), под верхними позвонками найдены листовидный нож, вставленный под углом в деревянную рукоятку (табл. XIX, 12), и шило (табл. XVIII, 1) тоже в деревянной рукоятке.

Могила 6 (табл. IX, 8). Прямоугольный каменный ящик, 150×110×55 см, ВЮВ—ЗСЗ, из вертикально поставленных плит. Плиты покрытия разбросаны, часть из них упала в могилу. В ней в полном беспорядке кости трех людей: мужчины 20—25 лет, взрослого и ребенка (Дебеч) (мужчины, женщины и ребенка — Максименков). В заполнении три подвески из клыков медведя (табл. XXV, 30, 31) и мелкие обломки сосуда (табл. XXVIII, 2, 10).

Могила 7 (табл. VII, 11, 12; IX, 13, 14). Прямоугольный каменный ящик, 170×90×45 см, Ю—С, из вертикально поставленных плит. Дно наклонено к С. Северная часть покрытия нарушена грабителями. Обломки плит провалились в могилу. Снаружи западной стены грунтовая неправильных очертаний яма шириной 55 и глубиной 40 см. В ящике в полном беспорядке кости трех людей.

От первого скелета мужчины 20—25 лет (Дебеч) на месте сохранились кости стоп, судя по которым погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на Ю. Стопы густо окрашены охрой. От второго скелета взрослого человека (Дебеч) (женщины — Максименков) на месте также сохранились кости стоп, судя по которым он имел ту же ориентировку, что и первый. Стопы тоже окрашены. Судя по положению костей, оба погребения были совершены одновременно. От третьего скелета — ребенка (Дебеч) сохранились только отдельные кости, его положение не определяется. В прирезке оказались кости полностью нарушенного скелета мужчины 35—45 лет (Дебеч). В заполнении могилы найден кремниевый наконечник стрелы (табл. XX, 7).

Могила 8 (табл. IX, 16). Прямоугольный каменный ящик, 70×55×40 см, В—З, из поставленных на ребро плит. На плите восточной стены тонкими линиями вырезаны животные. Изображение обращено к земле. Ящик перекрыт плитой. В могиле потревоженные сусликами кости скелета ребенка — девочки. У северо-восточного угла могилы горшок (табл. XXIX, 2) и обломки бронзового височного кольца, в заполнении могилы второе височное кольцо (табл. XIX, 3) и мелкий каменный бисер (табл. XXVI, 2), у восточной стенки остатки дерева.

Могила 9 (табл. IX, 15). Прямоугольный каменный ящик, 70×40×40 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. На плите западной стены изображено животное (табл. XXXI, 1), рисунок обращен к стенке могилы. Ящик перекрыт плитой размером 120×60 см. В могиле скелет ребенка — девочки, на спине, с согнутыми в коленях ногами, левая часть скелета нарушена. У восточной стенки горшок (табл. XXVIII, 18). По всей могиле разбросан мелкий бисер (табл. XXVI, 10).

Могила 10 (табл. IX, 12). Прямоугольный каменный ящик, 70×35×25 см, ЮЗ—СВ, из поставленных на ребро плит. Восточная стена отсутствует. Покрытие не сохранилось. Кости человека — мальчика и вещи не сохранились.

Могила 11 (табл. IX, 10, 11). Каменный ящик неправильной формы, 120×70×55 см, З—В, из поставленных на ребро плит. На внутренней стороне восточной стенки могилы прочерченное изображение быка. Северная часть покрытия провалилась в могилу. На одной из плит прослеживается изображение глаза. В могиле три разрушенных скелета: мужчины 40—45 лет, мужчины 20—25 лет (Дебеч) (женщины — Максименков) и ребенка (Дебеч). От одного из погребенных на месте сохранились часть грудных позвонков, ребра, обломки таза и правая плечевая кость. По ним можно судить, что этот погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Кости второго скелета находились в беспорядке. Третий скелет — ребенка находился выше других, его кости лежали вдоль западной стены могилы. Это позволяет предположить, что ребенок был положен головой на С. Вдоль южной стенки в процессе расчистки были обнаружены отдельные кусочки охры, охристые прослойки и золистая примесь. В могиле найдены мелкий бисер (табл. XXVI, 8) и 4 фрагмента горшка (табл. XXVIII, 6, 7).

Могила 12 (табл. IX, 7). Овальная грунтовая яма 125×60×50 см, ЮЮВ—ССЗ, дно устлано плитами. Плиты покрытия разбросаны. В северной части могилы непосредственно под плитами скопленные кости подростка 16—18 лет (Дебец) (мужчины — Максименков). В могиле на месте верхняя часть скелета и кости стопы. Судя по лпм, погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на С. Вещей нет.

Могила 13 (табл. IX, 3). Прямоугольная грунтовая яма, 90×50×50 см, ССЗ—ЮЮВ, перекрытая обломками плиты общим размером 160×80 см. В яме полуразрушенный скелет ребенка 7—8 лет (Дебец) (девочки — Максименков), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЮВ. В заполнении могилы найдены две стеатитовые головки (табл. XXIV, 7, 8), стеатитовые кружки (табл. XXVI, 14) и зубы животных (табл. XXV, 3).

Могила 14 (табл. IX, 4). Прямоугольный каменный ящик, 80×45×25 см, В—З, из поставленных на ребро плит. Западная и южная стенки отсутствуют. Дно устлано плитками, перекрытие отсутствует. Погребение (мальчика) не сохранилось. Вещей нет.

Могила 15 (табл. IX, 5). Прямоугольный каменный ящик, 75×50×45 см, В—З, из вертикально поставленных плит. В восточной части могилы невысокая перегородка из вертикально поставленных плиток, видимо «подушка». Перекрытие не сохранилось. В могиле в беспорядке кости ребенка — девочки. Среди костей в юго-западном углу бронзовое пило в костяной рукоятке (табл. XVIII, 7, 8). В южной стенке височное кольцо в обломках (табл. XIX, 9). В заполнении могилы обломок дна сосуда.

Могила 16 (табл. IX, 6). Прямоугольный каменный ящик, 170×110×55 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Дно наклонено к В. Ящик был закрыт двумя плитами. В могиле скелет женщины 60—70 лет (Дебец), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. На черепе следы охры. В ногах погребенной, в юго-восточном углу, горшок (табл. XXIX, 6). К северу от ящика, за его пределами, вне связи с комплексом лежал маленький горшочек (табл. XXIX, 5).

Могила 17 (табл. X, 8). Прямоугольный каменный ящик, 60×45×20 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Северная и западная стенки не сохранились. Дно устлано плитами. Перекрытие не сохранилось. Погребение (мальчика) отсутствует. Вещей нет.

Могила 18 (табл. X, 4). Прямоугольный каменный ящик, 60×35×35 см, З—В, из поставленных на ребро плит. Покрытие не сохранилось. Погребение (мальчика) отсутствует. Вещей нет.

Могила 19 (табл. X, 6). Прямоугольная грунтовая яма, 95×40×55 см, З—В, перекрыта обломками трех плит. Скелет подростка 12—14 лет (Дебец) (девочки — Максименков), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. На черепе следы красной краски. Вещей нет.

Могила 20 (табл. X, 9). Прямоугольный каменный ящик, 60×40×25 см, З—В, из поставленных на ребро плит. Дно устлано плитками. Ящик был перекрыт выкладкой из небольших плиток.

В могиле потревоженное погребение ребенка — девочки. На месте кости черепа, судя по которым, погребенный лежал головой на З. У южной стенки горшок (табл. XXVIII, 15), рядом с черепом листовидный нож (табл. XIX, 17), два височных кольца (табл. XIX, 6), а по всей могиле рассыпанный мелкий каменный бисер (табл. XXVI, 12).

Могила 21 (табл. X, 1—3). Прямоугольный каменный ящик, 120×60×55 см, ЗСЗ—ВЮВ, из поставленных на ребро плит. Перекрытие не сохранилось. В ящике три скелета от двух последовательных погребений.

Погребение 1-е — у южной стенки могилы скелет мужчины 20—40 лет (Дебец), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЗСЗ. На тазовых костях скелета ряд предметов (табл. XXI, XXIII), череп птицы, лунообразный большой каменный предмет, роговой жезл, на конце которого вырезана голова хищного зверя, пожирающего другого зверя, красный неправильной формы камень, роговой предмет с пасечкой по краю — остов вкладышевого ножа, роговой «рипон» с резьбой в виде рогов и ушей животных, каменные пластинка и топор. У правой кисти каменный шар, у правого запястья и правой ноги крупные бусы, у левого предплечья на костях руки второго скелета кипжал (табл. XXI, 5).

Погребение 2-е — у северной стенки ящика скелет взрослого человека — женщины, на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЗСЗ. Правая рука этого скелета лежит на левой руке первого скелета, а ноги наклонились и опираются о ноги этого же скелета. Оба скелета не потревожены, видимо, похоронены одновременно. За головой скелета из 2-го погребения лежал бронзовый игольник с костяными иглами (табл. XVIII, 16). Над правой кистью клык медведя, на тазовых костях мелкий бисер. В заполнении могилы над костями скелетов клыки и зубы медведя (табл. XXI, 1—4).

Погребение 3-е — в ногах предыдущих скелетов грудой лежали кости третьего взрослого человека — женщины. На черепе следы красной охры. Среди костей пест и галька из мягкого камня, два гарпуна, роговой предмет, горшок, наполненный кусками охры (табл. XXIX, 4), лисьи клыки, обломки еще одного гарпуна, бронзовый нож со следами дерева и зубы медведя (табл. XXII).

После расчистки могилы и удаления костей на дне в юго-восточной части могилы оказались кости трех пар стоп, по которым можно судить, что сначала был похоронен человек, которому принадлежит третий скелет, затем его кости вытащили из могилы и похоронили людей, от которых остались первый и второй скелеты. Кости первого погребенного вместе с его вещами положили в ногах вновь захороненных.

Могила 22 (табл. X, 5). Прямоугольный каменный ящик, 55×35×20 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитками, могила перекрыта плитой. Погребение (мальчика) отсутствует. Вещей нет.

Курган 9 (табл. XI). До раскопок на поверхности пашни прослеживалось небольшое всхолмление, по склонам которого валялись битые плитки песчаника. С целью выяснения конструкции кургана были заложены траншеи от подножья всхолмления

к центру, с помощью которых обнаружены плиты могильных ящиков. На площади, ограниченной траншеями и одиночными плитами ограды, был заложен раскоп прямоугольной формы размером 13,6×4 м. После зачистки раскопа выяснилось, что курган имеет прямоугольную форму. От ограды сохранились лишь две плиты восточной стены и несколько упавших плит северной. В кургане обнаружено 10 могил, сконцентрированных в южной части. Северо-восточная и северо-западная части кургана пусты.

Могила 1 (табл. X, 11). Прямоугольный каменный ящик, 130×60×40 (50) см, З—В, из вертикально поставленных плит. Дно наклонено к В. Перекрыта двумя плитами общим размером 160×80 см. В могиле скелет мужчины 55—65 лет (Дебец) (женщины — Максименков), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Под черепом слева костяной иглольник (табл. XVIII, 10).

Могила 2 (табл. X, 15). Прямоугольный каменный ящик, 175×105×80 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитами, имеет наклон к В. Плиты покрытия разбиты, часть из них провалилась в могилу. В могиле в полном порядке кости скелетов взрослого человека (женщины) и ребенка, на месте сохранились лишь часть костей левой стопы и кости левой кисти взрослого человека, судя по которым, погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой к З. Вещей нет.

Могила 3 (табл. X, 12). Прямоугольный каменный ящик, 70×40×30 см, З—В. Дно устлано плитками, у западной стенки наклонная плитка — «подушка». Перекрытие, общее с могилой 4. Погребение (мальчика) не сохранилось. Вещей нет.

Могила 4 (табл. X, 10). Прямоугольный каменный ящик, 80×40×30 см, З—В. Дно устлано плитками, у западной стенки наклонная плитка — «подушка». Перекрытие, общее с могилой 3. В могиле остатки скелета ребенка — девочки, от которого на месте сохранилась часть черепа. Судя по ней, погребенный лежал головой на З. В юго-восточном углу могилы горшок (табл. XXIX, 1).

Могила 5 (табл. X, 16, 17). Прямоугольный каменный ящик, 170×90×80 см, ССЗ—ЮЮВ, из поставленных на ребро плит. Плита покрытия разбита и провалилась в могилу. В могиле в полном беспорядке кости скелета мужчины 60—70 лет (Дебец). Вещей нет.

Могила 6 (табл. XII, 1). Прямоугольный каменный ящик, 175×85×55 см, Ю—С, из вертикально поставленных плит. Плита покрытия разбита и провалилась в могилу. В могиле в полном беспорядке кости мужчины 20—25 лет (Дебец) (женщины — Максименков). В заполнении могилы найдены клык медведя (табл. XXV, 32) и мелкий каменный бисер.

Могила 7 (табл. XII, 2). Прямоугольный каменный ящик, 90×45×85 см, ЗЗЮЗ—ВВСВ, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитками и имеет наклон к З. Перекрыта плитой размером 130×60 см. В могиле разрушенный скелет ребенка 4—5 лет (Дебец) (девочки — Максименков). На месте череп, часть шейных позвонков и, видимо, кости бедра, судя по которым погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх

коленями, головой на З. На левой части груди, на уровне локтя две большие костяные пластинки, одна из которых с рельефным изображением женского лица. На месте левой руки, в 5 см от пластинок каменная головка, у северной стены на уровне таза полностью орнаментированная пластинка, у верхнего эпифиза левого бедра каменная подвеска с личиной. У левого бедра неорнаментированная пластинка с рельефным изображением лица. У середины правого бедра маленькая пластинка, на уровне таза, слева от него, каменная головка (табл. XXIV, 2, 4, 6, 11—13, 15). В заполнении могилы найден мелкий каменный бисер (табл. XXVI, 15).

Могила 8 (табл. X, 13). Прямоугольный каменный ящик, 45×30×30 см, СЗ—ЮВ, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитками. Плита покрытия разбита. Погребение (мальчика) отсутствует. Вещей нет.

Могила 9 (табл. X, 14). Прямоугольный каменный ящик, 95×45×40 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитами. Над восточной частью могилы обломки плит. В могиле нарушенный скелет мужчины 20—25 лет (Дебец). На месте развалившиеся в разные стороны кости ног, части таза и ребер, по которым можно судить, что погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Под плитами пола обломок остроги (табл. XX, 10).

Могила 10 (табл. XII, 3). Прямоугольный каменный ящик, 70×45×45 см, ЗЮЗ—ВСВ, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитками. Покрытие не сохранилось. Погребение (мальчика) отсутствует. Вещей нет.

Курган 10 (табл. XIII). До раскопок на поверхности земли можно было видеть распаханное, едва заметное всхолмление, на территории которого в некоторых местах лежали плитки. Проведенные разведывательные траншеи обнаружили под слоем земли лежащие горизонтально плиты. В результате расширения раскопа был вскрыт курган, от ограды которого сохранились части северной и восточной стен. Предполагаемые размеры кургана 15 (С—В)×13 (З—В) м. На этой площади оказалось 12 могил, большая часть из них находилась в южной стороне кургана. В насыпи встречались кости людей, выброшенные из могил. Могилы сооружались с разной глубины. Видимо, более высокие могилы, впускные, находились в насыпи более ранних захоронений.

Могила 1 (табл. XII, 11). Прямоугольный каменный ящик, 150×60×40—65 см, ЗЗЮЗ—ВВСВ, из поставленных на ребро плит. Дно от середины устлано плитами и имеет наклон к В. Перекрыта плитами общим размером 300×120 см. В могиле скелет женщины 20—25 лет (Дебец), на спине, с согнутыми ногами и подтянутыми вверх коленями, свалившимися направо, головой на ЗЗЮЗ. Вещей нет.

Могила 2 (табл. XII, 10). Прямоугольный каменный ящик, 150×65×55—60 см, ЗЗЮЗ—ВВСВ, из поставленных на ребро плит. Дно имеет наклон к В. Ящик перекрыт четырьмя относительно большими плитами общим размером 160×120 см. В могиле скелет женщины 45—55 лет (Дебец), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, упавшими направо, головой на З. У левой руки бисер, у левого виска височное кольцо (табл. XIX, 5).

Могила 3 (табл. XII, 8). Овальная грунтовая яма, 135×70×25—40 см, З3ЮЗ—ВВСВ. Дно наклонено к В. Могила перекрыта крупными плитами, под которыми в три ряда лежали мелкие плитки. Общий размер перекрытия 300—180 см. В могиле скелет женщины 20—25 лет (Дебеч), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Вещей нет.

Могила 4 (табл. XII, 13). Прямоугольный каменный ящик, 165×95×70—80 см, З3ЮЗ—ВВСВ, из вертикально поставленных плит. Северная стена не сохранилась. Дно наклонено к В. От покрытия по сторонам ящика сохранились куски плит. В могиле в полном беспорядке кости скелета взрослого человека — мужчины. Судя по наклону дна, погребенный лежал головой на З. Вещей нет.

Могила 5 (табл. XII, 9). Прямоугольный каменный ящик, 75×40×55 см, ЮВ—СЗ, из поставленных вертикально плит. Перекрытие не сохранилось. В могиле скелет ребенка, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЗСЗ. Рядом череп второго ребенка, от которого сохранились отдельные кости скелета. Его положение аналогично первому. В заполнении могилы каменная головка (табл. XXIV, 1).

Могила 6 (табл. XII, 14). Прямоугольный каменный ящик, 155×80×38×60 см, ВВЮВ—ЗЗСЗ, из вертикально поставленных плит. Дно наклонено к В. Над могилой в три ряда обломки плит разной величины, не образовавшие правильной фигуры. Общий размер перекрытия 220×160 см. В могиле в полном беспорядке кости трех человек: мужчины 45—55 лет, женщины 55—65 лет и ребенка (Дебеч). В заполнении могилы две каменные бусины (табл. XXVI, 7).

Могила 7 (табл. XII, 7). Прямоугольный каменный ящик, 165×70×60 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Дно наклонено к СВ. Над западной частью ящика груды плит. В могиле разрушенные скелеты двух взрослых людей — мужчины и женщины. От лежавшего у южной стены на месте остались только кости голени и стоп. Судя по ним, погребенные первоначально лежали на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ. От лежавшего у северной стены на месте сохранились кости стопы. Судя по ним, он лежал так же, как и два первых погребенных. В заполнении могилы бисер.

Могила 8 (табл. XII, 4). Прямоугольный каменный ящик, 75×35×30 см, Ю—С, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитами. Плита под головами стояла наклонно. Покрытие в два слоя: сверху одна плита размером 80×40 см, ниже плита размером 120×70 см. В могиле два детских скелета. Нижняя часть скелета, находившегося у западной стены, разрушена, но все же ясно, что он лежал на спине, головой на ЮЮВ. Второй скелет ребенка, тоже разрушенный, находился в таком же положении, как и первый.

Могила 9 (табл. XII, 12). Прямоугольный каменный ящик, 110×30×40 см, ЮЮВ—СЗ, из вертикально поставленных плит. Перекрыта плитами в два слоя, общий размер перекрытия 140×80 см. В могиле скелет ребенка 7—8 лет (Дебеч) (мальчика — Максимерков), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЮВ. Вещей нет.

Могила 10 (табл. XII, 5). Прямоугольный каменный ящик, 100×45×40 см, З3ЮЗ—ВВСВ, из поставленных вертикально плит. У восточной стены на дне плитка. От перекрытия сохранилась часть плитки над восточным краем. Кости скелета (девочки) не сохранились. У восточной стенки также остатки горшка, рядом с ними бисер (табл. XXVI, 3).

Могила 11. Небольшая грунтовая яма, перекрытая двумя плитами общим размером 120×70 см. Над плитами обломки детского черепа (мальчика).

Могила 12 (табл. XII, 6). Каменный прямоугольный ящик, 90×35×40 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Над западной и южной частями могилы обломок плиты перекрытия размером 60×80 см. В могиле плечевая кость и часть костей таза ребенка — мальчика. Вещей нет.

Курган 11 (табл. XV). Находится на нераспаханной поверхности почвы. До раскопок представлял едва заметную сильно расплывшуюся возвышенность, которая во время работ 1962 г. была принята за естественную неровность почвы. С помощью проложенной разведывательной траншеи удалось обнаружить под землей камни. Расширение раскопа выявило ряд могил, большая часть которых располагалась в ряд с В на З. Всего на территории раскопа размером 13 (В—З)×8 (С—Ю) м оказалось 8 могил. Ограда не найдена.

Могила 1 (табл. XIV, 1). Прямоугольный каменный ящик, 120×65×30 см, ЮЮЗ—ССВ, из вертикально поставленных плит, отклонившихся наружу. От перекрытия сохранились отдельные мелкие плитки. Могила не углублена в материк. В могиле в полном беспорядке кости скелета женщины 15—16 лет (Дебеч). Вещей нет.

Могила 2 (табл. XII, 16). Прямоугольный каменный ящик, 160×50×60 см, ЮЮВ—СЗ, из вертикально поставленных плит. Восточная стена завалилась внутрь. От перекрытия сохранились отдельные обломки плит. В могиле в полном беспорядке кости скелета женщины 20—25 лет (Дебеч) и среди них кости ребенка. Вещей нет.

Могила 3 (табл. XIV, 4). Прямоугольный каменный ящик, 125×60×50 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Дно наклонено к В. Перекрытие — одна большая плита и ряд мелких плит общим размером 180×110 см. В могиле разрушенный скелет человека 17—19 лет (Дебеч) (женщины — Максимерков). На месте кости таза и ног, судя по ним, погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. При разработке могилы обнаружено небольшое количество каменного бисера (табл. XXVI, 1).

Могила 4 (табл. XII, 15). Прямоугольный каменный ящик, 145×64×65 см, ЗЗСЗ—ВВЮВ, из вертикально поставленных плит. На дне в некоторых местах лежали плитки. От перекрытия сохранилась одна большая разбитая плита размером 190×100 см. В могиле в полном беспорядке кости скелета взрослого человека — мужчины. Вещей нет.

Могила 5 (табл. XIV, 5). Овальная грунтовая яма, 140×90×45 см, ЮЗ—СВ, с наклонным к СВ дном. От перекрытия сохранилась одна большая разбитая плита с изображением быка. В могиле в полном беспорядке кости двух скелетов: мужчины 30—40 лет и женщины 20—25 лет (Дебеч). Судя

по пахлопу дна, погребенные лежали головой на З. При разборке костей найдено небольшое количество мелкого каменного бисера.

Могила 6 (табл. XIV, 3). Прямоугольный каменный ящик, 95×50×35 см, СВ—ЮВ, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитами и имеет наклон к ЮВ. Над западной частью ящика обломок плиты перекрытия. В могиле в полном беспорядке кости скелета подростка 10—12 лет (Дебеч) (женщины — Максименков). На месте кости стоп, судя по которым погребенный лежал на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на СЗ. У стоп бронзовый нож — кинжал (табл. XIX, 13) и каменный шар (табл. XX, 1). Было найдено также 62 астрагала.

Могила 7 (табл. XIV, 2). Овальная грунтовая яма, 165×20×50 см, З—В, дно устлано плитами и имеет наклон к В. Перекрытие — несколько плит различной формы, лежавших в два ряда, общий размер 160×110 см. В могиле скелет женщины 20—25 лет (Дебеч), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Вещей нет.

Могила 8. Прямоугольный каменный ящик, 120×60×60 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Северная стена ящика отсутствует. Перекрытие — несколько длинных узких плит, положенных вдоль могилы в два ряда, общий размер 140×90 см. В могиле потревоженный скелет подростка 14—16 лет (Дебеч) (женщины — Максименков), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на З. Голени окрашены в красный цвет. Между плитами перекрытия оказался каменный топор (табл. XX, 9), в северо-восточном углу стоял горшок на поддоне (табл. XXIX, 8), у стоп лежали астрагалы, на 15 из них вырезаны кресты (табл. XXV, 7—22). При разборке скелета найден мелкий каменный бисер.

Курган 12 (табл. I, 2). Находился на задернованной поверхности почвы, рядом с курганом 11-м. До раскопок представлял едва заметное плоское возвышение. С помощью разведывательных траншей обнаружены под слоем земли плиты. В результате раскопа размером 1,3×7 м удалось обнаружить северо-восточный угол и, видимо, часть западной стены ограды. С В на З курган имел 12 м, а с С на Ю размеры не ясны, так как южная стена не обнаружена. Первоначально камень в южной части раскопа был прижат за остатки ограды, но впоследствии он оказался стеной ящика. Всего в кургане обнаружено 5 могил.

Могила 1 (табл. XIV, 9). Прямоугольный каменный ящик, 150×80×45 см, ЗЗЮЗ—ВВСВ, из поставленных на ребро плит. Дно наклонено к В. От перекрытия сохранились куски плит общим размером 160×120 см. В могиле в беспорядке кости двух скелетов: мужчины 35—40 лет и взрослого человека (Дебеч) (женщины — Максименков). Судя по наклону дна могилы, погребенные лежали головами на ЗЗЮЗ. Найдены астрагалы баранов и обломок бронзового кольца (табл. XIX, 4).

Могила 2 (табл. XIV, 7). Прямоугольный каменный ящик, 125×50×60 см, ЗСЗ—ВЮВ, из поставленных на ребро плит. Дно — наклоненная к ВЮВ плита, в западной части под ней вертикальная перемычка. Перекрытие — куски различных плит, общий размер 180×100 см. Северная стена ящика имеет изображение личины (табл. LII, 113), ее об-

ломок найден в перекрытии. В могиле полуразрушенный скелет мужчины 35—45 лет (Дебеч) (женщины — Максименков), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЗСЗ. Найдены также кости и обломки черепа ребенка. Кроме того, здесь оказалась челюсть еще одного ребенка, которая могла попасть из могилы 3-й. В заполнении могилы обнаружены 2 астрагала молодого барана со сверлиной (табл. XXV, 1, 4).

Могила 3 (табл. XIV, 10). Каменный ящик, от которого сохранились две плиты. Размеры не устанавливаются, З—В. От перекрытия остались мелкие обломки плит. В могиле обломки черепа и газовая кость ребенка — мальчика.

Могила 4 (табл. XIV, 8). Овальная грунтовая яма, 160×60×10—40 см, С—Ю, дно наклонено к Ю. Перекрытие не сохранилось. В могиле скелет мужчины 23—27 лет (Дебеч), на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на С. Вещей нет.

Могила 5 (табл. XIV, 6). Разрушенный прямоугольный каменный ящик, 150×50 см, З—В, из вертикально поставленных плит. Перекрытие не сохранилось. В могиле отдельные кости скелета женщины 40—50 лет (Дебеч). Вещей нет.

Курган 13 (табл. XVI). Расположен на заброшенной пашне, на склоне холма, образующего правый берег речки Черновой, в 1 км от ее устья. До раскопок на поверхности валялись отдельные плитки. В результате раскопа обнаружена ограда 7 (З—В)×8 (С—Ю) м, от которой сохранились части северной, восточной и западной стен. В кургане одна могила.

Могила 1 (табл. XIV, 11). Прямоугольный каменный ящик, 145×55×45 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. Дно устлано плитами и наклонено к С. На западной стене выбит круг. От перекрытия сохранилось несколько мелких обломков плит. В могиле остатки трех скелетов: двух взрослых людей — мужчины и женщины и ребенка. Кости в полном беспорядке. Судя по наклону дна, погребенные лежали головами к Ю. В заполнении могилы найден мелкий каменный бисер (табл. XXVI, 9). В ограде обнаружен черепок (табл. XXVIII, 12).

Курган 14 (табл. XVII). Расположен в нескольких метрах к северу от кург. 13. До раскопок на поверхности валялись отдельные мелкие плитки. В результате раскопок обнаружена ограда 8 (СВ—ЮЗ)×8 (СЗ—ЮВ) м, от которой сохранились отдельные плиты всех сторон. В ограде 3 могилы.

Могила 1 (табл. XIV, 13). Прямоугольный каменный ящик, 140×85×40 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит, на одной из плит изображение головы быка (табл. XXXI, 9). Покрытие не сохранилось. В могиле в полном беспорядке кости трех скелетов: двух взрослых людей (мужчины и женщины) и ребенка. Вещей нет.

Могила 2 (табл. XIV, 14). Прямоугольный каменный ящик, 140×85×40 см, ЮЗ—СВ, из вертикально поставленных плит. От перекрытия сохранились обломки плит. В могиле отдельные кости скелета ребенка — мальчика.

Могила 3 (табл. XIV, 12). Прямоугольный каменный ящик, 120×50×40 см, СВ—ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От перекрытия сохранились отдельные мелкие плитки. В западной части по-

перек могилы устроена еще одна могила, обе они падаются под углом 90°.

Погребение 1-е — в могиле остатки разрушенного скелета женщины 12—14 лет (Дебсц); на месте кости ног, судя по которым погребенная лежала на спине, с согнутыми ногами и поднятными вверх коленями, головой на ЮЗ. У южного угла поддон от сосуда (табл. XXVIII, 14).

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ЧЕРТ И ОСОБЕННОСТЕЙ ПАМЯТНИКА

Как можно было видеть, ограды Черновой VIII представляют собой почти правильные квадраты с разницей в длине сторон, не превышающей 1 м. Даже в тех случаях, когда ограды сохранились не полностью, расположение могил свидетельствует, что они находились не в круглой или удлиненно-прямоугольной ограде, а в ограде, близкой по форме к квадрату. Все ограды этого памятника сделаны из плит песчаника, поставленных на ребро. Плиты невысокие и первоначально выступали над поверхностью почвы на 25—60 см. Верхние края их не расслоились, а сохранили свою первоначальную структуру, что указывает на короткий срок их пребывания в открытом состоянии. Довольно скоро после сооружения ограды плиты были перекрыты землей разрушавшихся надмогильных сооружений. В каждой ограде, кроме ограды 13, заключено по несколько могил. Как было установлено исследованиями, могилы сооружали последовательно и над каждой из них возводили индивидуальное земляное сооружение.

Ни в одной из оград могильника Черновая VIII в процессе раскопок не была установлена индивидуальная последовательность сооружения могил. Связано это с тем, что материал насыпи представляет собой продукт разрушения дерна, из которого возводили надмогильное сооружение. Насыпь и древний горизонт, в котором выкапывали самые первые могилы в ограде, по составу однородны. Наблюдать следы выкида из могил в этих условиях совершенно невозможно. Кроме того, многие насыпи были позже распаханы, что привело к дополнительному перемешиванию материала насыпи. Вместе с тем в процессе раскопок с несомненностью устанавливается, что могилы выкапывали не с одного горизонта. Одни из них полностью углублены в древнюю почву, у других верхняя часть ящика выступает над ней, третьи же вообще сооружены в насыпи. Это позволяет наметить группы могил в зависимости от уровня их расположения. Но здесь могут возникнуть сомнения относительно принадлежности могил тому или иному слою, и эти сомнения тем больше возрастают, чем больше будет выделено последовательных групп. Для того чтобы более объективно судить о последовательности заполнения кургана могилами, целесообразнее выделить три основных горизонта. Первый горизонт — наиболее ранние могилы, те, которые были выкопаны с древней дневной поверхности. Второй горизонт — промежуточный, могилы его отчасти углублены в древнюю поверхность почвы. И третий горизонт — верхний, объединяющий могилы, вырытые в насыпи.

Погребение 2-е — в перпендикулярной пристройке, под слоем мелких плиток береста, покрывавшая скелет мужчины 35—45 лет (Дебсц), лежавший в анатомическом порядке, на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЮВ. Вещей нет.

Такое расположение могил связано с тем, что первые могилы выкапывали тогда, когда площадь ограды была еще не занята надмогильными сооружениями и их развалами. Могилы второго горизонта выкапывали уже с поверхности отчасти развалившихся и расплывшихся насыпей первых могил, а могилы третьего горизонта — тогда, когда развалы предыдущих насыпей заполнили всю площадь ограды. Естественно, что внутри каждого условного слоя отдельные могилы расположены по отношению друг к другу на относительно разных уровнях. Однако это не может объективно свидетельствовать о конкретной индивидуальной последовательности могил. Не исключено, что могилы верхнего горизонта, расположенные выше других, могли быть сделаны раньше ниже расположенных, так как для них использовали возвышенные места, в то время как для самых поздних выбирали углубления между развалами насыпей. Это лишний раз свидетельствует о нецелесообразности дробного деления могил по слоям.

Учитывая сказанное, можно перейти к индивидуальной характеристике оград, рассмотреть, в какой последовательности в каждой из них выкопаны могилы и кто в них похоронен. Иными словами, можно попытаться установить историю сооружения каждой ограды и последовательность захоронений в них.

Курган 1 (табл. I). Ограда содержала 8 могил. Порядок их сооружения следующий: к нижнему горизонту относятся могилы 2, 4, 6, в них соответственно похоронены женщина 18 лет, женщина 20 лет и девочка; ко второму горизонту относятся могилы 5, 7, 8, в них пахотятся женщина с ребенком в составе могилы с несколькими погребенными, девочка и парное погребение мужчины и женщины. Самые поздние могилы 1, 3, 5, в них похоронены взрослая женщина, мальчик и два последовательных погребения женщины с ребенком из могилы 5. Внутренняя площадь кургана практически вся заполнена могилами. Видимо, в связи с этим с восточной стороны были врыты плиты для увеличения площади ограды, но там по каким-то причинам захоронения не производились.

Курган содержал три одиночных женских погребения, три погребения женщины с ребенком, одно парное — мужчины и женщины, одно погребение мальчика и одно — девочки. Погребений больше чем могил, так как в их количество включены и последовательные захоронения в могиле с несколькими скелетами. Здесь отсутствовало только индивидуальное погребение мужчины. Всего в этом кургане оказались останки 14 человек, из них: одного

мужчины в составе парного погребения, 7 жещип, мальчика, девочки и 4 неясных по полу детей. Дети составляют примерно около половины погребенных.

Курган 2. В ограде обнаружены всего 3 могилы. Первой в кургане, в могиле 1, была погребена женщина 25—30 лет, а потом женщина и неопределенный по полу взрослый человек с черепами. Судя по количеству могил, этот курган только начали использовать для захоронений. Здесь оказались два одиночных женских погребения и одно неопределенное захоронение. Всего в кургане захоронено три человека, если считать по скелетам, или шесть, если учитывать черепа. Здесь оказались останки одного мужчины (только череп), трех женщин (от одной только череп), взрослого человека неопределенного пола и ребенка (только череп). В кургане отсутствует индивидуальное захоронение мужчины.

Курган 3 (табл. III). В ограде оказалось 15 могил. Первыми в кургане сооружены могилы 1, 4, 7, 8, 12. Одна из этих могил занимала центральное положение. Нужно сказать, что, кроме первых двух курганов, во всех остальных курганах можно видеть такое расположение могил, когда одна из них находится ближе других к геометрическому центру сооружения. В данном случае это могила 8, в которой были похоронены женщина и два ребенка. В остальных могилах первой группы были погребены мужчина и женщина, женщина с ребенком, мужчина и женщина (первое погребение могилы 7) и молодая женщина. Во второй группе находятся могилы 3, 5, 13, 14. В них похоронены девочка 4—5 лет, грудная девочка, женщина с ребенком и женщина 17—19 лет. Кроме того, к этой группе погребений нужно отнести и поздние погребения могилы 7. В третьей, последней, группе могил находились мальчик, грудной мальчик, еще грудной мальчик, девочка 4—5 лет, грудная девочка и еще грудная девочка. Курган практически весь заполнен могилами, хотя в нем и остались отдельные, не занятые могилами места. Необходимо отметить, что все последние могилы, занимающие верхний ярус, являются детскими. В этом кургане было два одиночных женских погребения, два — женщины с детьми, два — парных, три — мальчиков, пять — девочек и три неясных погребения. Всего в этом кургане похоронено 23 человека, если считать по скелетам, или 29, если учитывать и черепа. Найдены останки 5 мужчин (и 5 мужских черепов), 7 женщин (и один женский череп), 3 мальчиков, 5 девочек и 3 детей неясного пола. Учитывая и черепа, и скелеты, возраст погребенных взрослых здесь был следующий: 5 мужчин 20—40 лет, а 4 старше 40, 4 женщины моложе 20 лет, 2 от 20 до 40 и одна — старше 40 лет. В этом кургане, как и в двух предыдущих, совсем нет одиночных мужских погребений.

Курган 4. В ограде оказалось 11 могил. В центре кургана, вернее ближе к нему, находилась могила 6, в которой лежали мужчина и женщина. В этом кургане четкого деления могил по горизонтали не наблюдается. Но в отдельных местах можно видеть, что края покрытий соседних могил несколько находят друг на друга. Учитывая эти наблюдения, могилы можно разделить в основном на две группы, отнеся к третьей, самому позднему слою, только одну могилу. Первыми, кроме указанной могилы 6, были могилы 2, 4, 8, 10, в которых соответственно похоронены женщина с двумя детьми, мужчина 13—

18 лет, мужчина, женщина и два ребенка, женщина и ребенок. Ко второй группе относятся могилы 1, 9, 5, 7, в которых погребены мужчина, женщина и ребенок, мужчина и женщина, мужчина, женщина и ребенок, женщина 14 лет и женщина неопределенного возраста. В могиле 11, относящейся к третьей группе, была похоронена девочка.

Среди погребений имеются индивидуальное мужское, 2 женских, 2 женщин с детьми, 2 парных, 3 парных с детьми, 1 погребение девочки. Всего в кургане похоронены 22 человека, из них 6 мужчин, 8 женщин, 1 девочка и 7 детей неясного пола. Дети этого кургана составляют третью часть всех погребенных. Трое мужчин, похороненных в кургане, не достигли 20 лет, двое имели возраст от 20 до 40 и один старше 40 лет. У женщин 4 были моложе 20 и 2 от 20 до 40 лет.

Курган 5 (табл. VI). Ограда содержала 10 могил. В центре кургана находилась могила 3, где одновременно были похоронены мужчина и две женщины. К первой, наиболее ранней группе могил, кроме названной, следует отнести могилы 1, 2, 7, 9. В них были погребены взрослая женщина, женщина с ребенком, мужчина, женщина и подросток, женщина 10—11 лет. Ко второй группе относятся могилы 4, 6, 10, где лежали женщина 30—35 лет, взрослая женщина и мужчина, женщина и ребенок. К третьей группе относятся могилы 5 и 8 с погребениями мальчиков. Вся восточная часть этого кургана оказалась свободной, видимо, в нем продолжали хоронить, так как он не был до конца заполнен.

Здесь были 4 одиночных погребения женщин, 1 — женщины с ребенком, 2 — мужчины, женщины и ребенка, 2 — мальчиков и мужчины с 2 женщинами. Всего в кургане найдены останки 17 человек: 3 мужчин, 9 женщин, 2 мальчиков, 3 детей неясного пола. Двое из мужчин были в возрасте от 20 до 40 лет и один старше 40 лет. Из женщин две не достигли 20 лет, четыре имели от 20 до 40 и одна была старше 40 лет. Соотношение детей и взрослых в этом кургане такое же, как и в предыдущем: дети составляли одну треть всех погребенных.

Курган 8 (табл. VIII). В ограде обнаружены 22 могилы. В центре кургана располагалась могила 6, в которой были погребены мужчина, женщина и ребенок. Наиболее ранними могилами, кроме указанной, были могилы 2, 5, 12, 13, 16, в которых соответственно похоронены мужчина 50—60 лет, женщина 20—25 лет, мужчина 16—18 лет, девочка 7—8 лет, женщина 60—70 лет. В могилах второго яруса (7, 8, 11, 15, 20, 21) похоронены мужчина, женщина, ребенок, мужчина 35—45 лет, девочка, мужчина, женщина, ребенок, девочка, еще одна девочка и первичное погребение женщины в могиле 24. Во всех могилах третьего яруса (1, 3, 4, 9, 10, 14, 17—19, 22) оказались только дети. Видимо, к последним захоронениям следует отнести и вторичное погребение мужчины и женщины в могиле 21, хотя сама она сооружена раньше. Курган этот, несмотря на наличие небольших отдельных свободных мест, следует считать заполненным.

В кургане оказалось 4 одиночных мужских погребения, 3 одиночных женских, 1 парное, 3 парных с детьми, 8 погребений мальчиков, 5 погребений девочек. Всего здесь находились останки 31 окуневца, из них было 8 мужчин, 7 женщин, 8 мальчиков, 5 девочек и 3 ребенка неопределенного пола. Дети

составляли половину всех погребенных. Что же касается возраста взрослых, то среди мужчин двое достигли 20 лет, четверо были в возрасте от 20 до 40 лет, двое — старше 40 лет. Из женщин три имели возраст 20—40 лет и одна старше 40 лет.

Курган 9 (табл. XI). В ограде обнаружено 10 могил. В центре кургана находилась могила 2, в которой была погребена женщина с ребенком. Кроме того, к первой группе относятся могила 1, где лежала женщина 55—65 лет. Ко второй группе можно отнести могилы 5—9, в них соответственно погребены мужчина 60—70 лет, женщина 20—25 лет, девочка 4—5 лет, мальчик, младенец, мужчина 20—25 лет. Последними были сооружены могилы 3, 4, 10, в которых лежали младенцы: 2 мальчика и 1 девочка. Этот курган заполнен не целиком. Здесь оказалось 2 одиночных мужских погребения, 1 женское с ребенком, 3 погребения мальчиков, 2 погребения девочек. Всего в кургане обнаружены останки 11 человек. Среди них были 2 мужчины, 3 женщины, 3 мальчика, 2 девочки и 1 ребенок неопределенного пола. Дети составляют половину погребенных. Из мужчин один был до 40 лет, а другой старше. Из женщин одна имела возраст от 20 до 40 лет, а вторая была старше 40 лет, возраст третьей неизвестен.

Курган 10 (табл. XIII). В ограде было 12 могил. В центре кургана находилась могила 4, где был похоронен мужчина. К первой группе, кроме указанной могилы 4, относятся могилы 1—3, 6, 10, в которых соответственно были погребены женщина 20—25 лет, женщина 40—55 лет, женщина 20—25 лет, мужчина, женщина и ребенок, девочка. Ко второй, более поздней группе относятся могилы 7, 9, 11, 12, где похоронены женщина и женщина, мальчик 7—8 лет и два мальчика неопределенного возраста. Последними были сооружены могилы 5, 8, в которых лежало по 2 ребенка. В этом кургане оставались еще свободные места. Большинство детских могил, особенно из второй группы, располагалось по окраинам кургана.

В кургане были 1 одиночное мужское погребение, 3 одиночных женских, 1 парное, 1 парное с ребенком, 3 погребения мальчиков, 2 погребения девочек. В двух могилах находилось по два ребенка. Всего в кургане оказались останки 17 человек: 3 мужчин, 5 женщин, 3 мальчиков, 2 девочек и 4 детей неясного пола. Половина погребенных этого кургана дети. Один из мужчин был старше 40 лет, двое женщин были в возрасте от 20 до 40 лет и двое старше 40 лет.

Курган 11 (табл. XV). В ограде обнаружено 8 могил. Из-за неясных границ кургана установить, какая могила была центральной, невозможно. Трудно определить и последовательность сооружения могил. Но можно все же считать, что первыми были вырыты могилы 5—7, где погребены: мужчина и женщина, женщина 10—12 лет, женщина 20—25 лет. Ко второй группе относятся могилы 2—4, 8, в которых произведены захоронения женщины с ребенком, женщины 17—19 лет, мужчины и женщины 14—16 лет. К третьей группе относится одна могила — 1-я, где находились останки женщины 15—16 лет. Расположение могил свидетельствует о том, что этот курган не был заполнен до конца и его использование только начиналось.

В этом кургане имелись 1 одиночное погребение мужчины, 5 одиночных погребений женщин, 1 по-

гребение женщины с ребенком и 1 — мужчины и женщины. Всего в кургане похоронено 10 человек: 2 мужчины, 7 женщины и 1 ребенок. Один из мужчин старше 40 лет, а из женщин четверо имели возраст от 20 до 40 и трое свыше 40 лет.

Курган 12 (табл. I). В ограде 5 могил. Центральной в этом кургане можно считать могилу 5, где лежала женщина 40—50 лет. Кроме нее, к первой группе относится могила 4 с погребением мужчины 23—27 лет. Ко второй группе можно отнести могилы 1 и 2, где соответственно были погребены мужчина и женщина и женщина с ребенком. Последней была сооружена могила 3, в которой лежал мальчик. В этом кургане только начали производить захоронения.

В кургане были следующие погребения: одно мужское одиночное, одно женское одиночное, одно женщины и ребенка, одно парное и одно мальчика. Всего здесь похоронено 7 человек: 2 мужчины, 3 женщины, мальчик и ребенок неопределенного пола. Дети составляют около одной трети погребенных. Оба мужчины имели возраст от 20 до 40 лет, а женщины — одна от 20 до 40, а вторая старше 40 лет.

Курган 13 (табл. XVI). В ограде оказалась всего одна могила, расположенная близко к центру. В ней погребена женщина с двумя детьми. В кургане только начали хоронить.

Курган 14 (табл. XVII). В ограде оказалось 3 могилы. Центральная могила — 1-я, где похоронены мужчина, женщина и ребенок. К первой группе относятся и могила 3, где находились останки мужчины и женщины. Могила 2 более поздняя, в ней лежал мужчина — подросток. Как и в кургане 13, здесь только начали хоронить.

Всего в кургане погребено 6 человек: 3 мужчины, 2 женщины и ребенок. Один из мужчин не достиг еще 20 лет, а второй был в возрасте между 20 и 40 годами. Одна из женщин была моложе 20 лет.

Анализ каждого кургана позволяет перейти к выяснению некоторых общих черт. Здесь в первую очередь нужно обратить внимание на то обстоятельство, что в каждом кургане одна из могил занимает либо центр ограды, либо расположена близко к нему. Во всех случаях она оказывается среди могил первого слоя, то есть была одной из самых ранних. Более того, можно утверждать, что именно с сооружения центральной могилы начинались захоронения в ограде. Об этом свидетельствует ограда 13, в которой была всего одна могила, расположенная почти в ее центре.

В центральных могилах оград Черновой VIII оказались различные виды погребений. В них были 1 одиночное мужское погребение, 3 одиночных женских, 3 погребения женщин с детьми, 1 парное, 2 парных с ребенком, и в одном случае был погребен мужчина с 2 женщинами. Ни одного одиночного захоронения ребенка в центральных могилах нет (табл. 1).

Все могилы первого слоя выкопаны с древней дневной поверхности. Сооружены они, видимо, не одновременно, но установить их последовательность, как уже указывалось, невозможно. Можно говорить только о том, что они были выкопаны позже центральной могилы. Об этом свидетельствует их расположение в ограде: они всегда находятся между

Таблица 1. Состав погребений в могилах по условным слоям

Слой	Число погребений							
	м	ж	жр	жкр	мж	р	м 2ж	пеленко
Третий	—	2	2	—	—	28	—	—
Второй	6	9	5	4	5	11	—	—
Первый	4	13	4	3	4	3	—	1
Центральная могила	1	3	3	2	1	—	1	—

центральной могилой и стеной ограды, часто параллельно одной из стен центральной могилы. Такое их расположение можно объяснить тем, что над центральной могилой и прилегающей к ней поверхностью находилось земляное надмогильное сооружение прямоугольной в плане формы, параллельно стенам которого выкапывали более поздние могилы.

Погребения в могилах первого слоя представлены 4 одиночными мужскими, 13 одиночными женскими, 4 жепскими с ребенком, 4 парными, 3 парными с ребенком, 3 одиночными детскими и 1 неясным погребением. Как можно видеть, в могилах этого слоя больше всего различных захоронений взрослых, в то время как одиночных детских погребений совсем немного. Все могилы второго слоя выкопаны не с древней дневной поверхности, а с более высокого уровня, образовавшегося после разрушения земляных надмогильных сооружений более ранних могил, развалы которых заполняли внутреннюю часть ограды. Индивидуальная последовательность сооружения могил этого слоя также не устанавливается, хотя ясно, что они сделаны не одновременно. Между могилами первого и второго слоев нет временного разрыва. По всей видимости, в определенный момент, когда вся первоначальная дневная поверхность была занята более ранними надмогильными сооружениями, в промежутках между ними пачинали выкапывать очередные могилы. Об этом можно судить по тому факту, что случаи расположения одной могилы над другой чрезвычайно редки. В зависимости от места, занимаемого могилой, она имеет соответствующую ориентировку. Во время сооружения могил этого слоя более ранние надмогильные сооружения имели разную сохранность, поэтому могилы рассматриваемого слоя расположены на разной высоте относительно друг друга.

Среди погребений в могилах второго слоя были 6 одиночных мужских, 9 одиночных женских, 5 женских с ребенком, 5 парных, 4 парных с ребенком, 11 индивидуальных детских. Количество одиночных детских захоронений значительно возросло по сравнению с могилами первого слоя.

Самые поздние могилы третьего слоя выкапывали с поверхности развала более ранних насыпей. Видимо, и здесь для их сооружения в основном выбирали пониженные участки.

Среди погребений в могилах этого слоя оказались 2 одиночных женских, 2 женских с ребенком и 28 одиночных захоронений детей.

В наиболее поздних для каждого кургана могилах взрослых почти не хоронили. Подавляющее большинство погребений представлено одиночными детскими погребениями. Отсюда можно заключить, что после сооружения ограды в ней начинали хоронить

взрослых или взрослых с детьми, в то время как детей продолжали погребать в более ранних оградах, впуская их могилы в насыпи предшествующих.

В оградах, где было много детских одиночных захоронений, дети составляют примерно половину погребенных, в то время как в других оградах, где таких погребений мало, дети составляют незначительную часть лежащих на кладбище.

В первобытном обществе детская смертность была очень велика. Казалось бы, это явление должно было найти отражение в составе погребенных каждого кургана. Однако, как было показано, в одних оградах детей практически нет, а в других их много. Объяснить это можно лишь одним — детей хоронили либо с одновременно умершей матерью, либо в более ранних оградах, которые таким образом превращались в своеобразные детские кладбища, как это имело место и в других культурах, например в андроновской [22, 24; 85, 177].

Все это позволяет говорить о том, что на окуневском кладбище было два вида оград: ограды, где хоронили в основном взрослых, и ограды, где в окуневское время уже перестали хоронить. Последние характеризуются большим количеством одиночных детских погребений. Таким образом, количество детских погребений в ограде является показателем ее состояния в окуневское время.

В курганах, где много детских одиночных погребений, вся площадь ограды занята могилами, в которых дети составляют половину всех погребенных. Кроме того, в них встречаются все разновидности погребений. В остальных курганах, где детских захоронений немного, не вся территория ограды занята могилами, количество захоронений людей небольшое и погребенных взрослых значительно больше, чем детей. Все указанные особенности позволяют проанализировать могильник в целом.

В четырех оградах (1, 3, 4 и 8) вся площадь оказалась занята могилами. В них же было и больше всего погребенных. В самой маленькой ограде — кург. 1 — похоронено 15 человек, в кург. 3 и 4 — по 23 человека, в кург. 8 — 31 человек. Дети здесь составляли половину погребенных. В каждой ограде были все виды окуневских погребений.

Четыре других ограды (5, 9—11) значительно отличались по указанным чертам от предыдущих. В этих оградах имеются свободные от могил места. В них было погребено меньше людей. В кург. 5 — 17 человек, в кург. 9 — 11, в кург. 10 — 17, а в кург. 11 — только 10 человек. Детей в каждом кургане немного. В кург. 5 они составляли треть всех захороненных, а в кург. 11 был всего один ребенок. В каждом из курганов представлены не все виды захоронений.

Четыре последние ограды (2, 12—14) своими особенностями отличались от всех остальных. У них большая часть площади оказалась пустой. В кург. 2 погребено только 3 человека, в кург. 12 — 7, в кург. 13 — 3, а в кург. 14 — 6 человек. Только в кург. 12 число погребенных детей составляло около одной трети. Необходимо отметить, что в каждом кургане многие разновидности погребений отсутствовали.

Рассматривая могильник в целом и учитывая выделяющиеся своими чертами группы курганов, можно прийти к выводу, что в могильнике Черновая

VIII существовали три разновидности оград. Первая группа курганов представлена целиком заполненными оградками, в них уже в окуневское время либо перестали хоронить, либо прихоранивали только детей. Вторую группу составляют функционирующие ограды, где продолжали хоронить взрослых и детей. Что же касается третьей группы, то это были вновь построенные ограды, где только начали погребать.

Если рассматривать план могильника, то нетрудно заметить, что курганы первой группы расположены близко один к другому и образуют цепочку. Курганы второй группы находятся в некотором удалении от них, кург. 9 и 10 расположены к северо-востоку, а кург. 11 — к северо-западу от первой группы. Только кург. 5 как бы продолжает цепочку. Что же касается курганов третьей группы, то кург. 2 как бы вклинился между курганами первой группы, кург. 12 находится к северо-западу, рядом с кург. 11, а кург. 13, 14 — на значительном расстоянии к юго-западу от остальных. Характер расположения курганов разной степени заполненности говорит о росте этого могильника от первоначального ядра в разные стороны.

Наличие в могильнике трех групп курганов, в каждую из которых входят ограды с одинаковыми чертами, позволяет высказать предположение, что окуневский коллектив, оставивший Черновую VIII, состоял из каких-то микроколлективов, которых, по всей видимости, было не менее четырех. Если бы могильник был оставлен единым коллективом, то на кладбище все курганы были бы заполнены, кроме последнего, где продолжали хоронить. В данном случае картина иная. Видимо, не всех живших в окуневском поселке можно было похоронить в любой оградке. Каждый житель поселка мог быть погребен только в какой-то определенной оградке, принадлежавшей его микроколлективу. По мере заполнения одной оградки каждый микроколлектив строил новую, где начинал хоронить взрослых, а детей продолжали захоранивать в более раннюю оградку. Следовательно, Черновая VIII представляет собой могильник, который состоял из отдельных кладбищ, принадлежавших микроколлективам, жившим в одном поселке.

Детально анализировать отдельные погребения могильника Черновая VIII не имеет смысла, так как они были изучены вместе с другими окуневскими памятниками в монографии «Окуневская культура». Но все же привести основные сведения о них здесь необходимо.

Публикуя первые сведения об окуневской культуре на основе материалов могильника Черновая VIII, я писал о наличии у окуневцев одиночных, парных и коллективных погребений, а также захоронений человека с несколькими черепами [84, 169; 85, 166]. Однако в результате дальнейшего анализа группы коллективных погребений, особенно на Черновой VIII, пришлось убедиться в неправильности моих первоначальных представлений. Коллективные захоронения этого могильника, как выяснилось, представляли собой серию последовательных погребений в одну и ту же могилу. Теперь можно обоснованно утверждать, опираясь на материалы Черновой VIII, что у окуневцев имелись одиночные мужские, женские и детские погребения, захоронения женщин с ребенком, которые можно рассматривать как вариант одиночных женских погребений, пар-

ные захоронения, парные с ребенком и погребения одного человека с несколькими черепами. Что же касается коллективных захоронений, то их у окуневцев не было. В могилках со многими скелетами можно выявить последовательные погребения указанных выше основных видов.

Одиночных мужских захоронений в Черновой VIII оказалось 11. Они встречены в семи курганах: в пяти из них было по одному такому погребению, в кург. 8 — 4, а в кург. 9 — 2. Мужчин хоронили преимущественно в каменных ящиках и очень редко в грунтовых ямах. Среди одиночно похороненных мужчин только трое были в возрасте от 30 до 40 лет, четверо же не достигли еще 20 лет, двое стариков были старше 50 лет и у двух возраст не определен. Одиночные мужские погребения редки для могильника Черновая VIII. Более того, погребенных мужчин в зрелом возрасте совсем немного, большинство из них либо юноши, либо старики. Для захоронений мужчин характерно полное отсутствие инвентаря. Возможно, у них в могилах лежали какие-либо предметы из органических материалов, но они, как и одежда, до нас не дошли.

Одиночных женских захоронений и погребений женщин и ребенка в Черновой VIII оказалось 35, причем последних в три раза меньше. Могилы женщин имели ряд конструктивных особенностей. У многих из них пол имел наклон в сторону ног, иногда он был вымощен мелкими плитами. В головной части находились «подушки»: либо наклонно поставленные плиты, либо плиты, врытые вертикально на некотором удалении от степы. У отдельных вертикальных «подушек» была сделана выбоина для головы. В стенах ящиков женских могил встречались обломки плит с рисунками. Одиночно погребенные женщины в подавляющем большинстве случаев захоронены в возрасте от 20 до 40 лет, меньше юных женщин от 10—12 до 20 лет, совсем немного старух. Последнее объясняется тем, что, как показали демографические исследования, продолжительность жизни женщин в окуневское время была короче, чем мужчин. По материалам Черновой VIII при анализе погребений женщин с ребенком было установлено, что брачный возраст у окуневцев начинался с 12—14 лет. Но ранние браки приводили к преждевременной смерти молодых женщин. В отличие от мужчин, судя по наиболее сохранившимся могилам, женщины хоронили с определенным устойчивым набором инвентаря. Им всегда ставили сосуд, при них были нож, шило, игольник с иглами. Женская одежда была расшита бисером и бусами. У головы находились височные кольца. Судя по наличию «подушек» и наклону дна, при погребении на голову у женщин был головной убор или высокая прическа.

Парные погребения представлены двумя разновидностями: захоронение мужчины и женщины и мужчины, женщины и ребенка. Всего парных погребений обеих разновидностей в могильнике насчитывается 18. Могилы, содержавшие такие погребения, представлены каменными ящиками. У многих из них имелись особенности, характерные для женских могил: наклонное в сторону ног дно, вымощки, вертикальные и наклонные «подушки». Если в могилах встречается инвентарь, то в основном это предметы, которые находятся при женщинах, горшки, игольники, шилья, ножи, украшения. Только в двух могилах (кург. 4, мог. 1 и кург. 8, мог. 21) обнаружены

вещи, положенные явно с мужчинами. В первом случае это была часть черепа журавля-красавки, который встречен только в особых погребениях мужчин, во втором — целый набор культовых предметов (табл. XXV), который свидетельствует о том, что данный мужчина является выдающимся членом коллектива и исполнял, по всей видимости, какие-то религиозные функции.

Сохранность некоторых погребений свидетельствует о том, что у окуневцев существовали как одновременные, так и разновременные парные погребения. Причем в тех могилах, где имелись разновременные погребения, первыми были похоронены женщины. Об этом свидетельствуют конструктивные особенности могил, наличие среди плит ящиков обломков с рисунками, значительно худшая сохранность костей женщины и почти полностью сохранившийся скелет мужчины. Но таких погребений немного. Чаще встречаются одновременные парные погребения. Об этом можно судить по тому, что окуневские могилы узки, хотя и рассчитаны на погребения двоих людей. Трупы плотно были прижаты один к другому, поднятые вверх колени оказались непо потревоженными. В случае разновременности захоронений со-

хранить более ранний скелет в полной сохранности было невозможно. В тех могилах, где со взрослыми похоронен ребенок, его кости всегда находились на скелете женщины. В парных погребениях ребенка всегда укладывали на труп женщины, видимо, подчеркивая тем самым неразрывную связь матери и ребенка и после их смерти.

В могильнике Черновая VIII оказалось два редких, но характерных для окуневцев погребения человека с несколькими черепами (кург. 2, мог. 3 и кург. 3, мог. 4). Обе могилы — каменные ящики. В первой из названных могил были кости взрослого и черепа двух взрослых женщин, мужчины и ребенка. Пол погребенного установлен не был. Во второй могиле, по мнению В. П. Алексеева, был погребен мужчина, вместе со скелетом найдены пять мужских и два женских черепа. Но в этой могиле было наклонное дно, у ног стоял горшок, найден обломок бронзового предмета и рыболовный крючок. Все эти черты косвенно свидетельствуют о том, что здесь погребена женщина. Однако расхождение с мнением антрополога делает случай неясным. Поэтому сейчас говорить о том, кого хоронили с черепами, затруднительно.

ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ

Могильник Черновая VIII позволил не только выяснить особенности окуневских памятников и виды погребений, он дал также серию находок, которые впервые познакомили исследователей с массовым окуневским инвентарем. Известные до этого памятники содержали только некоторые виды вещей и горшков [52]. Опубликованные в указанной работе горшки, как теперь стало ясно, не позволяли создать полное представление о формах и орнаментах окуневской посуды.

Рассмотрение инвентаря из могил Черновой VIII целесообразно начать с описания найденной в ней керамики, в первую очередь с целых или археологически целых горшков, а потом их фрагментов.

Сосуд из кург. 1, мог. 2 (табл. XXVII, 14). Высота 15.5 см, диаметр устья 15.5, диаметр дна 8, толщина стенок 0.8 см. Дно плоское с плавным переходом к стенкам. От дна стенки круто расходятся в стороны, а потом идут почти вертикально вверх. Край венчика плоский, закругленный снаружи. По внешнему краю венчика идут небольшие вдавления концом тонкой палочки. Под вдавлением палочкой прочерчены три горизонтальных желобка, а ниже вся стенка сосуда покрыта горизонтальными рядами отрисков дощечки с закругленным концом, напоминающих ногтевой орнамент.

Сосуд из кург. 1, мог. 4 (табл. XXVII, 9). Высота 12 см, диаметр устья 12.5, диаметр дна 8, толщина стенок 0.7 см. Дно плоское, переход к стенкам резкий, стенки сначала расходятся в стороны и вверх, а с середины сосуда идут вертикально. Край венчика закруглен. Под венчиком идут три горизонтальные опоясывающие сосуд линии, нанесенные зубчатым штампом. Две такие же линии идут у самого дна. Между верхними и нижними линиями находятся три с половиной полосы, образованные вертикально стоящими отрисками зубчатого штампа.

Дно орнаментировано расположенными по его окружности двойными углами, направленными вершинами к центру дна, и косым крестом, нанесенным зубчатым штампом.

Сосуд из кург. 1, мог. 5 (табл. XXVII, 10). Высота 10 см, диаметр устья 11.5, диаметр дна 4.5, толщина стенок 0.4 см. Дно плоское, стенки плавно расходятся от дна в стороны и вверх, а от высоты примерно трети горшка они идут вертикально вверх, а у венчика отгибаются в стороны. Край венчика плоский, несколько срезанный наружу. Под венчиком идет ряд овальных ямок. Их в некоторых местах перекрывает опоясывающий сосуд двойной зигзаг, нанесенный отрисками зубчатого штампа. Второй зигзаг идет по середине тулова, а третий у дна. Дно орнаментировано тремя рядами отрисков зубчатого штампа и насечками по окружности.

Сосуд из кург. 2, мог. 1 (табл. XXVII, 13). Высота 12 см, диаметр устья 12, диаметр дна 6.5, толщина стенок 0.5 см. Дно плоское, стенки плавно расходятся от дна в стороны и вверх, а от середины высоты сосуда идут вертикально вверх. Венчик прямой. Под ним идут три горизонтальные, опоясывающие сосуд полосы, нанесенные зубчатым штампом. Между первой и второй полосами выдавлены круглые ямки. Ниже полос нанесен зубчатым штампом зигзаг, а внутри его тем же штампом снизу и сверху изображена фигура в виде буквы А. Этот фриз подчеркнут горизонтальным рядом отрисков штампа. Ниже с середины сосуда в обрамлении горизонтальных отрисков идет второй фриз, представляющий собой два пересекающихся зигзага, в результате чего образуются ромбы, пересеченные по середине горизонтальным рядом отрисков зубчатого штампа. У самого дна идут четыре горизонтальных ряда.

Сосуд из кург. 3, мог. 3 (табл. XXVII, 8). Высота 7 см, диаметр устья 7.5, диаметр дна 5, толщина стенок 0.5 см. Дно плоское, стенки идут в стороны и вверх. Венчик прямой, по внешнему краю украшен оттисками конца палочки. У дна идут шесть прочерченных палочкой и опоясывающих сосуд бороздок. Остальная поверхность стенок покрыта шестью параллельными зигзагами, нанесенными зубчатым штампом. Дно украшено прочерченными палочкой двойными арками, обращенными вершинами к центру, отчего центральная часть дна похожа на шестиконечную звезду.

Сосуд из кург. 3, мог. 4 (табл. XXVII, 15). Высота 13 см, диаметр устья 12.5, диаметр дна 7, толщина стенок 0.7 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам, стенки от дна расходятся в стороны и вверх. Венчик закруглен наружу. Под венчиком идут четыре кольцевые прочерченные палочкой бороздки. Стенки сосуда украшены тремя горизонтальными лентами, образованными вертикально поставленными оттисками зубчатого штампа.

Сосуд из кург. 3, мог. 9 (табл. XXVII, 7). Высота 8 см, диаметр устья 9, диаметр дна 6, толщина стенок 0.5 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам. Стенки от дна расходятся в стороны и вверх. Венчик срезан наружу. Под венчиком идут две зигзагообразные полосы, прочерченные острой палочкой. Остальная поверхность сосуда украшена семью кольцевыми лентами, образованными параллельными рядами оттисков края дощечки.

Несколько фрагментов сосуда из кург. 3, мог. 13 (табл. XXVII, 11). Высота 16 см, диаметр устья 15, диаметр дна 7, толщина стенок 0.7 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам. Стенки, несколько изгибаясь, расходятся от дна в стороны и вверх. Венчик срезан наружу. Под венчиком идут пять параллельных рядов круглых ямок, опоясывающих сосуд. Три таких же ряда находятся у дна. Остальная поверхность сосуда покрыта шестью горизонтальными лентами, образованными вертикальными параллельно поставленными оттисками зубчатого штампа. Дно украшено тремя концентрическими рядами бороздок, прочерченных острой палочкой.

Сосуд из кург. 3, мог. 15 (табл. XXVIII, 8). Высота 12 см, диаметр устья 12, диаметр дна 6.5, толщина стенок 0.7 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам. Стенки плавно расходятся от дна в стороны и вверх, затем от высоты трети сосуда идут почти строго вертикально вверх, а на последней трети несколько отгибаются наружу. Венчик прямой. Под венчиком десять кольцевых бороздок, прочерченных концом острой палочки. По третьей сверху бороздке нанесены круглые ямки. Под бороздкой идет лента из прямоугольников разной величины, каждый из них заштрихован попеременно в горизонтальном или вертикальном направлении параллельными бороздками, нанесенными концом острой палочки. Под прямоугольниками опять идут десять параллельных бороздок. Под ними лента заштрихованных в разных направлениях треугольников, еще ниже два параллельных ряда круглых ямок, а у самого дна четыре бороздки. Дно украшено тремя концентрическими бороздками, нанесенными палочкой.

Сосуд из кург. 4, мог. 8 (табл. XXVIII, 17). Высота 19 см, диаметр устья 18, диаметр дна 9, толщина стенок 0.9 см. Дно плоское, с резким пере-

ходом к стенкам. Они от дна идут в стороны и вверх. Венчик прямой. Стенки от венчика до дна покрыты горизонтальными рядами вертикальных оттисков зубчатого штампа.

Сосуд фрагментированный из кург. 5, мог. 1 (табл. XXVIII, 11). Примерная высота 15 см, диаметр венчика около 14, диаметр дна 7, толщина стенок 0.6 см. Дно плоское, с плавным переходом к стенкам. Они, мягко изгибаясь, идут в стороны и вверх, а с середины высоты сосуда — вертикально вверх. Венчик прямой. Стенки почти до дна покрыты горизонтальными бороздками, нанесенными зубчатым штампом. Только у самого дна идет полоса орнамента из наклонных оттисков зубчатого штампа, ряды которых отделяются двумя или тремя оттисками того же орудия, поставленными под прямым углом к предыдущим. На дне по окружности идут оттиски того же штампа.

Сосуд из кург. 8, мог. 5 (табл. XXVIII, 19). Высота 18.5 см, диаметр устья 16.5, диаметр дна 8.5, толщина стенок 0.7 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам. Они идут от дна в стороны и вверх. Венчик закругленный. Под венчиком пять горизонтальных бороздок, нанесенных зубчатым штампом. Вся остальная поверхность сосуда украшена шестью сливающимися горизонтальными лентами, образованными параллельными наклонными оттисками зубчатого штампа.

Сосуд из кург. 8, мог. 8 (табл. XXIX, 2). Высота 7 см, диаметр устья 7, диаметр дна 6, толщина стенок 0.5 см. Дно уплощенное, с почти незаметным переходом к стенкам. Они от дна резко расходятся в стороны, а от высоты трети сосуда постепенно сужаются к устью. Венчик закруглен. Стенки и дно покрыты ямками.

Сосуд из кург. 8, мог. 9 (табл. XXVIII, 18). Высота 10.5 см, диаметр устья 10.5, диаметр дна 5.5, толщина стенок 0.6 см. Стенки не очень резко отходят от дна, идут в стороны и вверх и, не достигая примерно последней четверти высоты, едва заметно расходятся в стороны. Венчик закруглен. Под ним пунктирным штампом нанесены два двойных пересекающихся зигзага, образующих ромбы. Ниже до дна идут четыре ленты из параллельных вертикальных оттисков зубчатого штампа.

Сосуд из кург. 8, мог. 16 (табл. XXIX, 6). Высота 19 см, диаметр устья 17, диаметр дна 9, толщина стенок 0.9 см. Дно плоское, с относительно резким переходом к стенкам. Они от дна расходятся в стороны и вверх. Венчик закругленный. По обеим сторонам закраины имеются вдавления концом зубчатого штампа. Вся поверхность сосуда украшена горизонтальной елочкой, нанесенной параллельными оттисками зубчатого штампа.

Сосуд из кург. 8, рядом с мог. 16 (табл. XXIX, 5). Высота 6 см, диаметр устья 6, диаметр дна 3, толщина стенок 0.6 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам. Они расходятся от дна в стороны и вверх. Венчик прямой. Под венчиком три кольцевые прочерченные острой палочкой бороздки, между которыми образуются острые валики. Две такие же бороздки находятся у самого дна. Стенки сосуда украшены вертикальной елочкой, нанесенной гладким штампом. На дне имеются бессистемные бороздки, сделанные палочкой.

Сосуд из кург. 8, мог. 20 (табл. XXVIII, 15). Высота 13 см, диаметр устья 12, диаметр дна 7,

толщина стенок 0.6 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам. Они па треть высоты сосуда расходятся в стороны и вверх, а выше идут вертикально вверх, с небольшим прогибом внутрь сосуда. Венчик закругленный. Под венчиком четыре кольцевые прорезанные палочкой бороздки. Вся поверхность сосуда покрыта шахматным узором, квадраты которого попеременно заштрихованы в горизонтальном или вертикальном направлениях. Бороздки сделаны отступающей палочкой. На дне отступающей палочкой нарисованы два сектора.

Сосуд из кург. 8, мог. 21 (табл. XXIX, 4). Высота 11.5 см, диаметр устья 10.5, диаметр дна 6.5, толщина стенок 0.7 см. Дно плоское, с относительно плавным переходом к стенкам. Они от дна до середины высоты сосуда идут, плавно изгибаясь, в стороны и вверх, а далее также плавно сужаются к венчику. Венчик закругленный, срезанный внутри горшка, его края как бы отогнуты наружу. Под венчиком отступающей палочкой нанесены пять кольцевых бороздок. Стенка сосуда украшена пятью лентами, образующими параллельными прорезанными бороздками. На дне четыре сегмента, нанесенных отступающей палочкой.

Сосуд из кург. 9, мог. 4 (табл. XXIX, 1). Высота 9.5 см, диаметр устья 10, диаметр дна 5, толщина стенок 0.8 см. Дно плоское, с резким переходом к стенкам. Они от дна расходятся в стороны и вверх. Поверхность сосуда покрыта редкими беспорядочно поставленными оттисками пунктирного штампа. На дне неправильный крест из двух полос, образующих параллельными прорезанными бороздками.

Сосуд из кург. 11, мог. 8 (табл. XXIX, 8). Высота 14 см, диаметр устья 12.5, диаметр дна (поддона) 8.5, толщина стенок 0.6 см. Сосуд на кольцевом поддоне высотой 2.5 см, украшенном капелюрами. От поддона стенки круто расходятся в стороны и вверх, а затем плавно сужаются к устью. Венчик срезан прямо, расширенный. Под ним идут два зигзага, образованных оттисками зубчатого штампа. Остальная поверхность стенок покрыта горизонтальными лентами из параллельных оттисков вертикально поставленного зубчатого штампа.

Приведенное описание целых или почти целых горшков могильника Черновая VIII позволяет судить о формах посуды этого памятника. По характерному профилю их можно разделить на три неравные по количеству единиц группы: горшки — профилированные сосуды с изогнутыми стенками; банки — сосуды с прямо расходящимися в стороны и вверх прямыми стенками, похожие на перевернутый на меньшее основание усеченный конус; индивидуальные сосуды — горшок на поддоне.

Пропорции посуды этого памятника довольно устойчивые. Высота их почти всегда равна диаметру устья, а дно в два раза меньше. Некоторые отклонения от нормы не имеют существенного значения, так как они колеблются в пределах 1 см.

Целые сосуды позволяют судить и о закономерностях распределения орнамента. Он четко делится на зоны. За исключением четырех целых сосудов (табл. XXVIII, 17; XXIX, 1, 2, 6), у всех остальных выделяется первая зона орнамента, расположенная под венчиком и представленная бороздками, зигзагами или ямками. Вторая зона — тулово, у большинства банок оно покрыто однообразным орнаментом,

идущим до самого дна. У горшков у дна отмечается третья узкая зона орнамента. Четвертая зона — дно. У банок оно часто не орнаментировано, у горшков почти всегда покрыто орнаментом. В целом банки украшены проще (табл. XXVIII, 17—19; XXVII, 7, 14, 15; XXIX, 6), чем горшки, хотя имеются и довольно нарядные экземпляры (табл. XXVII, 10, 11, 13). Но наиболее сложные и интересные орнаменты встречены все же на горшках (табл. XXVIII, 8, 15).

Выяснение наиболее характерных черт посуды могильника по целым экземплярам дает возможность перейти к описанию фрагментов. Для установления их принадлежности к определенному виду посуды наиболее доказательными являются венчики и придонная часть, по которым более или менее точно можно судить о первоначальной форме сосуда.

В кург. 1 в двух могилах найдены фрагменты двух сосудов. В мог. 8 (табл. XXVII, 1) оказалось несколько фрагментов венчика и стенок, украшенных зубчатым штампом. Под венчиком идет вертикальная елочка в три-четыре ряда, а на стенках она располагается горизонтальными рядами. Эти фрагменты принадлежат банке. У нее был прямой венчик, диаметр устья равен 18 см, такой же, видимо, была и высота сосуда. Срезанный прямо венчик второго сосуда, также, по всей видимости, банки, происходит из мог. 7 (табл. XXVIII, 5). Под венчиком идут две горизонтальные бороздки, а ниже ленты из вертикальных оттисков гладкого штампа. Размеры сосуда не устанавливаются.

В кург. 2 во всех могилах оказались обломки сосудов. В мог. 1 (табл. XXVII, 5) найдено дно с придонной частью, диаметр его 6.5 см. Видимо, сосуд был 12—13 см в высоту и с таким же диаметром устья. Судя по направлению стенок, это скорее был горшок. Он украшен параллельными рядами оттисков конца закругленной палочки. У дна выделяется зона, где эти ряды разделены или подчеркнуты бороздками. В двух других могилах — мог. 2 (табл. XXVIII, 3, 9, 13) и 3 (табл. XXVIII, 1) — оказались стенки сосудов. Они в общем маловыразительны, судить о форме сосуда нельзя. Нужно только отметить, что на одном из них имеются бугорки, вообще характерные для окуневской посуды других памятников, но, кроме этого обломка, они не встречаются в Черновой VIII. Особое внимание обращает на себя черепок из мог. 3 (табл. XXVIII, 1). Это единственный обломок с орнаментом, ближайшим образом напоминающим украшение энеолитических сосудов района Красноярска и керамики, найденной Л. П. Зяблиным на стоянке под горой Уюк, относящейся, по всей видимости, к доафанасьевскому времени.

Больше всего обломков сосудов найдено в кург. 3. Здесь оказались два венчика (табл. XXVII, 2, 12). Первый из них был из мог. 11. Судя по профилю, он принадлежал горшку, диаметр устья которого и, следовательно, высота составляли около 13 см. Зона у венчика не выделена, стенки покрыты плотными оттисками зубчатого штампа. Второй венчик из мог. 13, видимо, от банки, диаметр устья которой 11 см. Под венчиком три кольцевые бороздки, а ниже скобообразные оттиски. Из мог. 5 (табл. XXVII, 3, 4) происходят два обломка донца. Ни размеров, ни формы сосудов по ним установить не удастся. Один украшен оттисками зубчатого, а другой — гладкого штампа. Из мог. 8 происходит обломок донца с при-

донной частью, видимо, от банки (табл. XXVIII, 16). Диаметр донца 8,5 см. Скорее всего диаметр устья и высота были 16—17 см. Орнамент нанесен зубчатым штампом. Это вертикальные ромбы, границы которых сделаны тремя параллельными оттисками штампа. Украшение этого обломка индивидуально. Еще один фрагмент найден в мог. 13 (табл. XXVII, 6). Он представлен, судя по пзгбу, обломком стенки горшка. Сосуд был украшен лентами из параллельных вертикальных оттисков зубчатого штампа, разделенных прочерченными линиями.

Из кург. 4 происходит один фрагмент стенки сосуда (табл. XXVIII, 4). Поверхность обломка покрыта плотным ячеистым узором. Судить о первоначальном облике сосуда невозможно.

В кург. 8 в двух могилах оказались обломки сосудов. В мог. 6 найден обломок венчика (табл. XXVIII, 10), диаметр устья 13,5 см и, следовательно, такая же высота. Под венчиком идет два ряда горизонтальных параллельных оттисков зубчатого штампа, под ними наклоненный вправо вертикальный ряд оттисков, ниже его две бороздки, сделанные зубчатым штампом, а ниже стенка сосуда, по всей видимости, была покрыта лентами из вертикальных рядов, нанесенных тем же орудием. Форма сосуда не устанавливается. Два мелких фрагмента от одного сосуда украшены оттисками гладкого штампа (табл. XXVIII, 2). В мог. 11 (табл. XXVIII, 6, 7) также найдены два фрагмента, один из них украшен концом закругленной дощечки, а другой зубчатым штампом. Ни форму, ни размеры сосудов представить не удается.

Из единственной могилы кург. 13 происходит мелкий обломок сосуда (табл. XXVIII, 12). Он покрыт плотными оттисками конца заостренного штампа. Судить по нему о сосуде в целом невозможно.

В кург. 14, мог. 4 (табл. XXVIII, 14) найден кольцевой поддон, не имеющий орнамента. Можно

предположить, что это остатки сосуда индивидуальной формы.

Рассмотрение фрагментов сосудов мало что дает для установления первоначальной их формы, так как она сама восстановлена по целым образцам сосудов. В то же время они дали несколько новых видов украшений, не встречаемых на целых сосудах, что дополняет представление об окуневских орнаментах. Рассматривая орнаментацию всей керамики могильника Черновой VIII, нетрудно заметить, что даже двух совершенно одинаковых горшков нет. Правда, встречаются банки с близким или похожим орнаментом (табл. XXVIII, 19; XXVII, 15), но это касается в первую очередь сосудов, украшенных наиболее просто. Индивидуальность каждого сосуда — характерная и характеризующая черта окуневской посуды. Правильность подобного утверждения становится особенно наглядной, если сравнить посуду этого могильника с горшками следующей по времени андроновской культуры из могильника Сухое озеро I. Там встречено по нескольку совершенно идентичных горшков, сделанных рукой одного мастера. Такой картины в Черновой VIII не наблюдается. И вообще для андроновской посуды Евсея характерно строгое распределение видов орнамента по зонам, определенный стандарт украшения горшков. У окуневцев этого нет. По всей видимости, такая особенность посуды окуневцев связана с характером ее изготовления. У андроновцев изготовлением посуды занимались все. У окуневцев скорее всего сосуды делали в каждой семье. При соблюдении характерных для культуры в целом пропорций каждое изделие украшалось сообразно индивидуальным вкусам изготовителя. Причем посуда из каждого могильника имеет некоторые свои особенности, видимо, свойственные тому или иному коллективу. Но наряду с этим наблюдаются и общеокуневские приемы изготовления посуды, чаще всего проявляемые в банках.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНВЕНТАРЯ

Как уже указывалось выше, окуневцы в могилы мужчин инвентаря не клали, вернее, в них не оказалось вещей, сделанных из стойких к разрушению материалов, хотя не исключено, что там были вещи, сделанные из органических материалов. Интересно отметить, что в некоторых курганах ни в одной из могил не оказалось инвентаря, в то время как в других курганах он найден. Последнее обстоятельство пока недостаточно ясно. Но, несмотря на все это, в целом могильник дал значительный набор вещей, позволяющий судить о материальной культуре населения, оставившего его.

Инвентарь можно распределить по группам: оружие и орудия труда, украшения и предметы культурного назначения.

Орудия труда и оружие. Предметы этой категории трудно четко разделить по функции, скорее всего обе они были совмещены в одном орудии. Некоторые из предметов этой группы, такие как топоры, кипжалы, встречаются чрезвычайно редко, в то время как другие — пожи, пиля, игольники — составляют постоянный набор инвентаря погребенных.

Топоры. В могильнике их найдено два. Один из них входил в состав инвентаря кург. 8, мог. 21 (табл. XXI, 8), а другой найден среди плит перекрытия кург. 11, мог. 8 (табл. XX, 9). Отличаясь несколько размерами и конкретными деталями, оба орудия близки по всем основным своим характеристикам. Оба изготовлены из галек, которым была придана форма топора путем удаления лишнего материала либо сколами, либо оббивкой заготовки. После получения заготовки ее дополнительно прошлифовали, придав соответствующую форму. Орудие имеет удлиненно-трапециевидную в плане форму с широким закругленным лезвием и суживающимся заостренным или закругленным обухом. Лезвие дополнительно заточено шлифовкой. Поперечное сечение имеет вид удлиненного овала. Боковые грани топоров закруглены. В профиль топор имеет вид асимметричного клина. Аналогичные окуневские топоры были найдены А. Н. Липским на стоянке у оз. Шира.⁵

⁵ Хранятся в Абаканском музее.

Кинжалы. Орудий, которые можно назвать кинжалами, в могильнике оказалось два. Один из них найден в составе инвентаря кург. 8, мог. 21 (табл. XXI, 5), а второй в кург. 11, мог. 6 (табл. XIX, 13). Оба предмета представляют собой медные или бронзовые пластины удлиненно-пламевидной формы. Черешок у них отсутствует, но верхняя обушковая часть клинка несколько сужена по сравнению с наиболее широкой частью и закруглена. Эта часть орудия, судя по находкам в других могильниках (Лебяжье, Красный Яр II), вставлялась в торец костяной или деревянной рукоятки. Первый из этих предметов имел 13 см в длину и узко-ромбическое сечение. По середине вдоль всего клинка проходят слабо заметные грани. Длина второго 11.5 см, сечение плоско-овальное.

Ножи. В могильнике оказалось 9 экземпляров ножей (табл. XIX, 7, 11, 12, 14—18; XXII, 1). Все они в разной степени фрагментированы, но это не мешает судить об их первоначальной форме. Они представляют собой тонкие раскованные пластины из меди или бронзы, в плане овальные, с закругленными или притупленными концами. Их длина колеблется от 9 до 6 см, а ширина — от 3 до 1.5 см. Ножи закреплялись в костяные или деревянные рукоятки. На двух из них сохранились следы рукояток (табл. XXII, 1; XIX, 12). Эти экземпляры одной из длинных сторон вставлялись в рукоятку, которая была параллельна рабочему краю. Такие ножи были похожи на современную опасную бритву. Остальные, по всей видимости, закреплялись в рукоятках иначе. Они вставлялись под углом к костяной или деревянной рукоятке, как у ножа из Бельгир.

Наконечники стрел. Они происходят из трех могил — кург. 1, мог. 4, кург. 4, мог. 7, кург. 8, мог. 7 (табл. XX, 4—7). Все они в плане удлиненно-овальные, имеют один острый конец, а другой закругленный. Но на одном наконечнике имеется небольшое срезающее прямо основание. Все они сделаны из отщепов двусторонней отжимной ретушью, их края неровные, зубчатые. Наконечники стрел нельзя рассматривать как инвентарь окуневских могил. Они попадали в могилы, видимо, вместе с человеком, в теле которого находились. Только в одном случае, в Тас-хазее, вместе с погребенным обнаружено несколько аналогичных наконечников, что свидетельствует о нахождении в могиле колчана со стрелами. В некоторых могилах других памятников аналогичные наконечники были найдены внутри скелета.

Остроги. В трех могилах — кург. 4, мог. 5 (табл. XX, 11), кург. 8, мог. 21, основное погребение (табл. XXII, 5, 10), кург. 9, мог. 9 (табл. XX, 10) — найдены остатки острога. Они представлены вырезанными из рога гарпунами. Находки гарпунов парами не оставляют сомнения в том, что они входили в состав одного орудия. Каждая половинка является зеркальным изображением другой. С внешней стороны гарпун серповидно изогнут, а с внутренней имеет зубцы, количество и расположение их на обеих половинках симметрично. У каждой пары внутренняя часть черешка вертикально срезана и плотно примыкает к другой. У двух острог черешки удлиненные, с наружной стороны прямые, составленные вместе, они образуют длинный плоский клин, который вставляли в древко. У одной остроги из кург. 4 черешок короткий, а с наружной стороны сделаны

плечики, которые служили для закрепления остроги в древке.

Иглы для вязания сетей. Они найдены в составе инвентаря кург. 4, мог. 1 (табл. XVIII, 18). Представляют собой плоские пластины, вырезанные из кости. Пластины в плане удлиненно-овальные, с закругленно-заостренными концами. Одна длиной 18.5 см, а вторая 16 см. В сечении они узко-лизовидные. В верхней части у длинной иглы овальное отверстие, а у короткой круглое. Поверхность заполирована, а боковые грани довольно острые. Об использовании их как игл, а не костяных кинжалов свидетельствует отсутствие сколько-нибудь выраженной рукоятки. Держать их, как кинжал или нож, из-за остроты боковых граней трудно. Аналогичные предметы известны в составе инвентаря китойских и глазковских погребений Прибайкалья. Правда, А. П. Окладников глазковские иглы называет кинжалами для снятия бересты. Однако использовать их как кинжал трудно из-за отсутствия рукоятки. Видимо, более прав М. М. Герасимов, считающий их иглами для вязания сетей [103, 107, 108, табл. 79, 1—4; 20, 448].

Рыболовный крючок. Был найден в кург. 3, мог. 4 (табл. XX, 3). Он изготовлен из проволоки и имеет вид современного рыболовного крючка, только несколько меньше изогнут. Жальце загнуто внутрь крючка. В других окуневских памятниках крючков не найдено. Но они широко распространены в глазковской культуре Прибайкалья, в которой имеются прямые аналоги окуневскому крючку [103, 37, табл. 77, 3, 4, 6].

Шилья. Они найдены в семи могилах в составе инвентаря женских погребений (табл. XVIII, 1—8). Одно из них костяное (табл. XVIII, 2), сделанное из трубчатой кости, срезанной наискось. Рабочий конец заточен и заполирован. Остальные представляют собой бронзовые или медные стержни, четырехгранные или подовальные в сечении. Судя по наиболее сохранившимся экземплярам, их размеры колеблются от 3 до 7 см. Шилья вставлены в торец костяной (табл. XVIII, 7, 8) или деревянной (табл. XVIII, 1) рукоятки.

Игольнички. Они, как и шилья, происходят из женских могил. В Черновой VIII найдено 10 игольничков (табл. XVIII, 9—17; XXII, 11). Шесть из них (табл. XVIII, 9, 10, 12, 15, 17; XXII, 11) сделаны из трубчатых костей крупных птиц. У костей отрезаны эпифизы, а сама трубчатая часть заглажена и заполирована. Один из них украшен орнаментом (табл. XVIII, 15) в виде ряда бугорков вдоль игольничка. Остальные 4 игольничка (табл. XVIII, 11, 13, 14, 16) металлические. Они сделаны из медной или бронзовой раскованной пластины, свернутой в трубочку. Размеры и диаметр металлических игольничков аналогичны костяным. Один из игольничков (табл. XVIII, 13) украшен орнаментом в виде двух рядов бугорков. Они были выдвинуты на подготовленной пластине. В игольничке находились иглы, которые были воткнуты в какой-то органический материал, скорее всего в кожаный ремешок. Все иглы костяные, по форме и конструкции аналогичны современным. Иглы из одного игольничка имели разные размеры и, видимо, предназначались для различных работ. В некоторых иглах в момент раскопок в ушках находились нити из шерстяной пряжи.

Украшения. Значительная группа вещей из могильника представлена украшениями, которые происходят из женских могил. Исключенные составляют некоторые подвески из клыков медведя, которые были найдены в мужских могилах.

Височные кольца. Их в могильнике найдено 11 (табл. XIX, 1—6, 9). Обычно в могилах встречаются по 2 кольца. В кург. 5, мог. 4 оба кольца оказались с одной стороны черепа одно под другим, как это изображено на стеатитовых головках. Все височные кольца сделаны из медной или бронзовой проволоки, круглой или несколько уплощенной в сечении. Концы кольца обычно заострены и несколько заходят один за другой. Парные кольца всегда одинакового диаметра, но он у разных колец колеблется от 3 до 7 см.

Бусы. Все бусы сделаны из разноцветного яркого камня, скорее всего стеатита. Их немного, но они достаточно разнообразны (табл. XXVI, 5, 6, 7, 11, 13, 14). Наиболее характерными можно считать небольшие (от 1 до 2 см в диаметре) каменные кружочки с биконическим отверстием. Они найдены и в других окуневских могильниках, а также широко известны из глазковских могил Прибайкалья [103, 191]. Бусы других форм попадают значительно реже, и они почти всегда индивидуальны. Чаще других встречаются бочковидные бусы разных цветов, а также плоские кружочки диаметром около 0.5 см. Единственными в своем роде оказались две удлиненные бочковидной формы бусины из кург. 10, мог. 6. Одна из них длиной 1.5 см, а вторая — 2 см. Они вырезаны из желтого стеатита.

Бисер (табл. XXVI). Он находился почти во всех женских могилах. Это мелкие (диаметром 2—3 мм) каменные кружочки из белого, желтого, черного и красного стеатита. Судя по расположению, бисер был нашит на одежду. Видимо, им были вышиты передники и украшены края одежды. Этот бисер полностью соответствует глазковскому. До находок этого вида украшений в окуневских могилах можно было согласиться с А. П. Окладниковым, что глазковский бисер является показателем связи с Востоком [103, 172]. После открытия окуневского бисера стала ясной ошибочность этих представлений, так как из того же материала, из которого сделан бисер, окуневы изготовляли культовые вещи — женские головки, известные только в этой культуре. Кроме того, месторождения пиррофиллита и агальматолита, из которых делали бисер и головки, известны в Саянах.

Украшения из костей и зубов животных. В качестве украшений, а может быть и амулетов, широко использовались различные кости и зубы животных — козули, медведя, лисы, суслика. В трех могилах оказались просверленные альчики козули (табл. XXV, 1, 4, 8). В шести могилах встречены клыки медведя (табл. XXI, 3; XXV, 23, 27—33). В коренной части большинства клыков проделано отверстие для подвешивания, но у некоторых клыков таких отверстий не было. Вместо отверстия в коренной части сделана зарубка, за которую подвешивали клык. Наряду с клыками в состав ожерелья входили и другие зубы медведя (табл. XXI, 2, 4). У них также в коренной части имеется отверстие для подвешивания. Использовали как украшения и клыки лисицы (табл. XXI, 1), но они скорее были нашиты на одежду, так как не имеют отвер-

стия для подвешивания. В Черновой VIII, как и в ряде других могильников, для вышивки передника широко использовались резцы сурка (табл. XIX, 10; XXV, 2, 3).

Предметы культового назначения. Кости и зубы животных, найденные в могилах, видимо, не только служили украшениями, но и являлись культовыми предметами — амулетами или оберегами, хотя такое их название можно лишь предполагать. В то же время в составе инвентаря некоторых могил оказались вещи, которые иначе чем культовыми назвать нельзя. Они происходят из кург. 8, мог. 21. Здесь большая их часть лежала у пояса мужчины. Видимо, первоначально все вещи пахотились в какой-то сумке или мешке. Другие вещи, которые также можно отнести к культовым, были обнаружены среди костей первого погребения той же могилы. А стеатитовые головки и костяные пластинки с женскими лицами встречены в ряде женских или девичьих могил.

Жезл. Он находился среди других предметов на поясе мужчины в мог. 21. Это кусок рога длиной 26 см (табл. XXIII, 1). Его поверхность обработана и заглажена. Посередине имеется короткий выступ. На более широком конце вырезана скульптурная композиция: в пасти хищника зажата голова зверя. Изображение сильно фрагментировано. Исходя из окуневских рисунков и изображений на стенах, композицию в целом можно реконструировать в достаточной мере точно. Удлиненная форма предмета, завершенная головой, на первый взгляд представляется изображением змеи. Однако среди окуневских звериных мотивов змеи нет. Но там часто встречается мифический хищный зверь с оскаленной пастью, точную видовую принадлежность которого установить невозможно. Голова скорее всего похожа на медвежью. Пасть раскрыта, показаны клыки и зубы, а на темени солярный знак. Глаза изображены вставленными в углубления костяными конусовидными гвоздиками. Из пасти торчит голова животного. Это скорее всего голова барана, если судить по изогнутым рогам. Рот животного раскрыт, глаза сделаны так же, как и у хищника. Назначение предмета не ясно, но, возможно, это колотушка для бубна.

«Ритон». Роговой сосуд конической формы (табл. XXIII, 2). Найден вместе с жезлом. Сильно фрагментирован, но установить первоначальную форму и орнамент можно. Длина предмета 18 см. Диаметр широкой верхней части 5 см. Внутри сделано конусовидное углубление в 10 см. Оно интенсивно окрашено охрой, которая, по всей видимости, здесь хранилась. Поверхность «ритона» орнаментирована. По верхнему краю идут два рельефных валика. Под ними фриз из стилизованных изображений глаз, рогов и ушей быка — самый популярный орнаментальный мотив на окуневских стенах. Посередине также идут два рельефных валика, над которыми стилизованное изображение ушей животного, а под ними — полулунная фигура. Нижний конец сосуда был оформлен в виде скульптурного изображения, но что конкретно там было, неясно из-за плохой сохранности.

Луница. Сегментированный каменный предмет длиной 29 см, наибольшей шириной 7 и толщиной 0.5 см. На верхнем выпуклом конце имеется биконическое отверстие (табл. XXIII, 3). Сделан из белого камня. На поверхности предмета имеются следы охры.

Остов вкладышевого пожа. Вместе с перечисленными выше вещами находились куски костяного предмета, который можно определить как остов для вкладышевого пожа. Размеры его не устанавливаются. В сечении предмет имел треугольно-овальное очертание. В более узкой части была продольная прорезь, а на обушковой пли поперечные нарезки, отчего сам обушок получился рифленным.

Каменный шар. Рядом с кистью мужчины, на поясе у которого найдены вышеописанные предметы, находился шар (табл. XXI, 10) диаметром 5,5 см. В шаре имеется сквозное отверстие. Он сделан из какого-то белого камня, скорее всего из мрамора. Частью какого предмета являлся шар, установить нельзя, но можно думать, что он либо был навершием булавы или жезла, либо крепился на ремне как кистень. В могильнике оказался и второй шар. Он происходит из кург. 11, мог. 6 (табл. XX, 1). Этот шар в отличие от первого сделан менее аккуратно, его диаметр 3,5 см, и у него нет отверстия. Назначение его неясно.

Каменные плитки (табл. XXI, 6, 9). В составе инвентаря из кург. 8, мог. 21 оказались 2 плитки. Одна из них из серого камня, прямоугольной формы, 5,5×4×1,5 см. Вторая первоначально, видимо, была овальной формы, но сохранилась только пополюину. Поверхность плиток заглажена, со слабыми следами охры. По всей видимости, они служили для растирания охры или смешивания ее с жиром, перед тем как нанести краску на кожу.

Пестик (табл. XXII, 8). Среди костей основного погребения из мог. 21, сложенных в ногах погребенных позднее, наряду с другими предметами найден пестик в виде усеченного копуса. Сделан он из мягкого камня. На поверхности хорошо прослеживаются следы обработки — вертикальные срезы, придающие поверхности пестика грапелый вид. Нижняя поверхность заглажена. Пестик служил для растирания охры.

Части черепов птиц (табл. XXV, 24). Найдены в двух могилах. Эти черепа, по определению зоолога И. М. Ермоловой, принадлежали журавлю-красавке. Один череп почти полный, но разломан, он был найден среди вещей на поясе мужчины из мог. 21. Часть клюва от второго черепа обнаружена в разграбленной мог. 1, кург. 4. Можно полагать, что вместе с погребенным в могилу клали череп журавля.

Фигурная галька. В кург. 4, мог. 1 найдена естественная галька, по очертаниям напоминающая медведя (табл. XXV, 25). Несмотря на ее естественное происхождение, в ней можно видеть амулет, так как естественных предметов в других могилах этого памятника нет.

Женские головки и костяные пластинки с женскими лицами (табл. XXIV). В нескольких могилах были обнаружены миниатюрные антропоморфные изображения. Их детальное описание и анализ даны в статье Э. Б. Вадецкой (см. ниже, с. 70 и сл.). Происходят они из могил девочек-подростков или молодых женщин. Головки представляют собой стегативные стерженьки от 1,5 до 5 см. На верхнем конце скульптурное изображение лица. Нижняя часть стерженька не имеет дополнительной обработки. Лицо подтреугольной формы, уплощенное, нос показан невысоким вертикальным валиком, глаза — узкими овалами, брови и рот — черточками.

По краям лица, от висков вниз идут в ряд по несколько штук височные кольца. На голове черточками показаны волосы. На костяных пластинках удлиненной формы тоже изображено лицо. В большинстве случаев оно прочерчено, но иногда встречаются и рельефные рисунки. По краям лица показаны височные кольца, черточками обозначены волосы. Нижние части пластинок не обработаны. Только на одной пластинке нижняя часть орнаментирована дополнительными черточками, имитирующими раскраску тела. К этой же группе находок относится каменная треугольная пластинка со схематическим изображением лица, полностью аналогичным наиболее сложным окуневским личицам. Эти предметы являлись составной частью каких-то культовых куколок-божков, сделанных из разных материалов.

Кроме описанных групп предметов, в отдельных могилах оказались вещи или их части, найденные в единичных экземплярах. В кург. 5, мог. 8 (табл. XX, 8) была найдена обломанная костяная пластинка. По форме она напоминает те, на которых были нарисованы жепские лица, но в данном случае следов рисунка нет. Назначение ее неясно. Среди вещей основного погребения мог. 21 оказался ряд костяных и роговых предметов (табл. XXII, 2, 3, 4, 6, 9). Это костяной крючок, обломок изогнутого костяного стержня, костяная заготовка с продольным пазом, видимо, для изготовления каких-то пластин, куски рога, костяная обкладка с нарезанным зигзагом. Последняя напоминает пластинки из одной могилы Красного Яра II, которые, по всей видимости, были частью составного лука. В той же могиле была найдена удлиненная галька (табл. XXII, 7), она могла использоваться как пестик. В кург. 4, мог. 1 обнаружена маленькая чечевицеобразная галечка (табл. XXV, 26), по всей видимости, служившая украшением. В кург. 2, мог. 2 найден нуклеус из кремня, на широкой стороне которого видны сколы (табл. XX, 2).

Помимо инвентаря, могильник дал великолепную серию плит с рисунками. Эти плиты служили строительным материалом для ящиков, но в двух или в трех случаях оказались в оградах. Изображения по их характеру можно разделить на две группы: личины и рисунки животных. Правда, на некоторых плитах встречены и те, и другие рисунки, иногда перекрывающие друг друга. Несмотря на то что плиты являются составной частью материалов могильника, в данной статье они не рассматриваются, так как подробно описаны и исследованы в настоящем сборнике Э. Б. Вадецкой и Н. В. Леонтьевым.

* * *

Открытие и исследование могильника Черновая VIII сыграло очень важную роль в археологическом изучении Минусинской котловины. Уже в первый год раскопок и в процессе предварительного их осмысления стало ясно, что Черновая VIII является уникальным памятником, не встречавшимся до сих пор. Все, что было в нем найдено, производило впечатление нового и необычного, хотя отдельные вещи и некоторые горшки указывали на близость Черновой VIII к памятникам окуневского этапа. Однако в целом могильник все же отличается от них. В от-

лично от отдельных могил или случайно раскопанных к тому времени курганов, не создававших целостного представления о памятниках, здесь перед исследователями предстал могильник, давший сразу очень много новой и разнообразной информации, отсутствовавшей у известных памятников окуневского этапа.

Открытие Черновой VIII заставило искать новые аналогичные памятники, и они были открыты в разных местах котловины. Раньше на них не обращали внимание: либо не замечали их, либо не предполагали их истинной ценности. Но вслед за Черновой VIII были раскопаны могильники на правом берегу Енисея: в Черемушном логу и у с. Сыда. Появились новые памятники и на левом берегу, и не только непосредственно у Енисея, но, что самое важное, в глубине степей, в предгорьях Кузнецкого Алатау. Они свидетельствовали о повсеместном распространении этого вида могильников, о неслучайности могильника Черновая VIII, о его характерности для Минусинской котловины и соответственно об ареале окуневской культуры.

Могильник Черновая VIII оказался самым крупным из известных до настоящего времени памятников. Видимо, поэтому он дал самый многочисленный и разнообразный материал, который сразу стал эталоном.

Эта роль могильника как эталонного памятника сохраняется и до настоящего времени, так как пока только в нем обнаружены образцы подавляющего большинства окуневских вещей. Именно в нем одновременно найдены и наиболее часто встречающиеся наборы вещей, характерные только для этой культуры, и уникальные вещи, представленные единичными экземплярами. Значительное количество сосудов, украшенных разнообразным орнаментом, позволило выявить формы, пропорции и принцип орнаментации окуневской посуды.

В могильнике отсутствуют какие бы то ни было следы заимствований и связей с предшествующей и последующей культурами. Инвентарь могильника не содержит посторонних примесей, поэтому, опираясь на него, удалось среди ранее раскопанных могил выявить погребения, относящиеся к окуневской культуре, которые до этого ошибочно считались афанасьевскими [83; 40]. Значительное количество вещей из собраний музеев, культурная принадлежность которых до этого была неясна, после раскопок Черновой VIII получило свое культурное определение.

С самого начала археологического изучения Сибири внимание исследователей привлекали каменные

позвяния и стелы, о времени и культурной принадлежности которых было высказано много различных предположений.⁶ В 20-е гг. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер высказали мнение о карасукской принадлежности большинства стел, что было воспринято исследователями Южной Сибири как окончательное решение вопроса о времени этих памятников. Даже после того как М. П. Грязнов в связи с находками у церкви в Абакане пересмотрел свое мнение и высказал предположение о раннеандроновском возрасте реалистической группы стел [21], другие исследователи продолжали придерживаться его первоначального представления [47; 48]. Только находки в Черновой VIII женских головок и пластинок с изображением сложной личины позволили окончательно доказать окуневскую культурную принадлежность стел эпохи бронзы Минусинской котловины [15].

Открытие на плитах рисунков животных, аналогичных наскальным рисункам Саян, позволило выделить целый пласт писаниц, окуневский возраст которых не может вызывать сомнения. Рисунки на плитах открыли новые пути для исследования писаниц этого района и несомненно окажут свое влияние на изучение таких же памятников в соседних областях.

Изучение Черновой VIII позволило открыть новую культуру. Новые культуры в археологии открываются довольно часто. Достаточно на любой относительно слабо изученной территории в течение некоторого времени проводить планомерные раскопки разнообразных памятников, как выявятся такие, которые раньше не были известны, и соответственно какой-то исторический период получит свое освещение. Открытие же новой культуры в Минусинской котловине, которая после работ С. А. Теплоухова и С. В. Киселева являлась самой изученной в археологическом плане территорией Сибири и где не оставалось места для каких-либо новых исторических периодов, имеет принципиально иное значение. Раскопки могильника, приведшие к открытию окуневской культуры, заставили переосмыслить утвердившиеся представления об истории эпохи энеолита и бронзы Минусинской котловины, а вслед за ней и всей Южной Сибири. Выявился новый исторический период, ускользнувший от внимания исследователей. Культура этого периода является в отличие от пришлых, предшествующей афанасьевской и последующей андроновской, культур истинно сибирской.

⁶ Историю их изучения смотри в статье Э. Б. Вадецкой настоящего сборника.

ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В МОГИЛЬНИКЕ ЧЕРНОВАЯ VIII

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА

В 1957 г. впервые за всю историю археологических изысканий в Минусинской котловине при раскопках могильника Тас-Хазаа на плитах погребальных конструкций были обнаружены гравированные и покрашенные изображения антропоморфных существ и птиц. Уникальные по стилю и тематике, они, однако, не нашли должного места на страницах научных работ, так как культурная принадлежность памятника долгое время оставалась неясной. А. Н. Липский датировал его афанасьевским временем [77, 271], в то время как Г. А. Максименков и А. А. Иванова отнесли к этой эпохе лишь часть могил, а остальные сочли более поздними, окуневскими [83; 40].

Уточнению культурной принадлежности плит с рисунками из Тас-Хазаа способствовало открытие Г. А. Максименковым могильника Черновая VIII, давшего богатейшее собрание произведений древнего изобразительного искусства. Полевые наблюдения и последующие исследования показали, что все изображения на плитах Черновой VIII были созданы в окуневскую эпоху [14]. Это в свою очередь позволило Э. Б. Вадецкой на основании стилистического анализа антропоморфных изображений пересмотреть вопрос о датировке большинства каменных изваяний минусинских степей [14], а А. А. Формозову, даже при неполном знакомстве с материалами могильника, — подвергнуть сомнению сложившееся представление о хронологии сибирских петроглифов.

Изучение черновских гравировок только начинается. Нет сомнения, что им суждено стать не только «опорной точкой» для датировки произведений окуневской культуры, но и ценным источником для характеристики религиозных представлений, быта, хозяйства и многих других сторон жизнедеятельности окуневских племен. В связи с этим они заслуживают более полной публикации, чем это было сделано до сих пор.

Как и в могильнике Тас-Хазаа, плиты с гравировками Черновой VIII находились в составе погребальных конструкций, где они служили стенками и днищами погребальных ящиков, перекрытиями могил и стенками оград. Только три обломка плит

с рисунками были найдены не в курганах, а на пашне между ними.

В кург. 1 был встречен только один рисунок быка на плите серого песчаника, находившейся в северной стенке ограды. Рисунок выполнен на грубой неровной поверхности плиты точечной выбивкой. Рога животного дополнительно прошлифованы осколком песчаника. У быка массивное туловище с небольшим горбом на месте лопаток и слабо выделяющийся подгрудок. Угловатая короткая голова с прорисованным глазом и ртом вытянута вперед. Она отделена от туловища поперечной чертой. Ноги животного широко расставлены для передачи движения. На животе короткой чертой обозначен препуций. Голову венчают длинные изогнутые вверх рога (табл. XXX, 1).

В кург. 3 изображения животных встречались в четырех могилах и в стенке ограды.

Могила 3. На небольшом обломке плиты красноватого песчаника, входившего в состав перекрытия могилы, находится изображение быка, производящее впечатление неоконченного. Тонкими процарапанными линиями даны дугообразно изогнутая спина, оба вытянутых вперед рога и контур морды животного (табл. XXX, 2).

Могила 5. Рядом с погребальным ящиком, среди плит покрытия находился обломок плиты серого песчаника, на верхнем широком конце которого выбита дугообразная выемка. Плиты с подобными выбоинами использованы в других погребениях могильника в качестве «подушек» под голову погребенных. В верхней части плиты сохранилась часть рисунка головы лося. Прощлифованными линиями прорисован удлиненный контур морды с массивной верхней губой и ртом, которую пересекают три параллельные линии. На верхней губе вырезаны два овала, соединенные прямой линией. Ниже головы лося грубый незавершенный рисунок: круг с точкой внутри и отрезок прямой линии (табл. XXX, 3).

Могила 7. На плите серого песчаника с неровной поверхностью, использованной в качестве составной части для стенки ящика, глубокими прошлифованными линиями изображены собака и бык, обращенные вправо. У собаки удлиненное поджарое

туловище, широко раскинутые в быстром беге длинные сухие ноги и закинутый на спину топкий хвост. Голова передана сплутцо, видны разинутая пасть и торчащие короткие уши. На туловище вырезана изогнутая продольная линия, в задней части она пересечена вертикальной чертой, а спереди упрется в линию, «отсекающую» от туловища голову с шеей. На шее нанесено несколько продольных параллельных линий (табл. XXX, 5).

Бык, идущий впереди собаки, наделен массивным туловищем с выступающим горбом и отвисшим подгрудком. Голова животного украшена очень длинными изогнутыми рогами, направленными вперед. На туловище вырезаны одна продольная линия и несколько коротких, вертикальных, расположенных ниже ее. У быка обозначены половые признаки. В верхней части плиты, над фигурами животных, проведены короткие, наклонно поставленные параллельные линии.

На второй плите из этой могилы, также служившей составной частью стенки ящика, тонкими резными линиями изображена крупная голова быка с массивной, угловатой мордой, на которой двумя concentрическими овалами обозначены глаза, прорисованы открытый рот, маленькое ухо и два длинных изогнутых рога. Линии контура спины и груди обрываются изломом плиты (табл. XXX, 6).

Могила 8. На плите серого песчаника с перовой поверхностью, которая служила северной стенкой ящика, помещены изображения быка и собаки (?). У быка, нанесенного довольно широкими шлифованными линиями, массивное удлиненное туловище со слабо выраженным угловатым горбом и отвислым подгрудком, длинный хвост и резко подчеркнутые половые признаки. Ноги животного расставлены в стороны и передают движение. В отличие от большинства быков это животное изображено комолым. На голове у него прорисованы лишь оба уха да глаза в виде кружка. Голову от туловища отделяют две дугообразные линии. Одна дугообразная линия, являющаяся продолжением линии ноги, отделяет заднюю часть туловища (табл. XXX, 7).

Рисунок второго животного, напоминающего собаку, производит впечатление незавершенного. Тонкими резными линиями прорисовано поджарое туловище животного с вытянутой вперед головой, над которой торчат уши. Глаз изображен в виде кружка. Передняя нога вытянута вперед. Между собакой и быком изображены три круга с двумя продолговатыми линиями между ними, видимо, это незавершенный набросок личины.

В ограде этого же кургана находилась плита зеленоватого песчаника с изображением двух быков, выполненных четкими, хорошо шлифованными линиями. Оба они обращены вправо. Первый бык значительно крупнее по размерам. От прочих изображений быков могильника его отличают непропорционально тонкие передние ноги и неестественно прорисованный рот. Задние конечности и хвост животного остались недорисованными. Половые признаки не обозначены. Голова животного отделена от шеи дугообразной линией (табл. XXX, 12).

Второй рисунок выполнен более искусно. Он, вероятно, один из лучших в могильнике, хотя и не выделяется из общей массы применением принципиально новых изобразительных средств. Животное наделено массивным туловищем со слабо прогнутой

спиной и небольшим горбом на месте лопаток. Короткая массивная голова с прорисованным ртом украшена развернутыми вперед рогами и отделена от туловища линией. На ногах животного, расставленных в движении, слабым расширением контура намечены копыта. У животного обозначены половые признаки и прорисован длинный, опускающийся до самой земли хвост (табл. XXX, 8).

В кург. 4 плиты с изображениями животных были найдены в двух могилах.

Могила 8. На крупном обломке плиты зеленоватого песчаника, служившей стенкой погребального ящика, между головой и вытянутой вперед ногой фантастического зверя — хищника тонкими линиями вырезано неполное изображение быка. Прорисованы лишь спина, голова с прямыми и изогнутыми на концах рогами да линия передней ноги (табл. LI, 117).

Могила 9. Среди плит, устилающих дно могилы, находились две плиты с изображениями. На первом небольшом обломке серого песчаника с фрагментом широкой шлифованной линии личины, слева от нее, выгравирована неполная фигура птицы, напоминающей ворона. Ее небольшая с раскрытым клювом голова выполнена сплошной силуэтной шлифовкой. Шея и грудь прорисованы контурными резными линиями (табл. XXX, 4).

На втором обломке плиты, помимо широкой линии личины, в нижней части, сохранился фрагмент фигуры животного: изогнутые и поднятые кверху рога, небольшое ухо и часть дугообразно изогнутой спины, от линии которой опускаются вниз несколько параллельных линий, обрезающих изломом плиты. Выше этой фигуры находится неполное изображение животного с вытянутой вперед головой удлиненной формы, покрытой орнаментальными линиями. У животного прорисованы оба уха, глаза в виде кружка и рот. Шея животного значительно толще и длиннее, чем у быков. Грудь прямая, без выделенного подгрудка. Спина с небольшим выступом на месте лопаток. По всем особенностям телосложения это животное более всего напоминает комолую корову.

В кург. 5 изображения животных были встречены в трех могилах.

Могила 2. На большой плите корпичевого песчаника, служившей стенкой погребального ящика, выгравированы крупное изображение антропоморфной личины и несколько фигур животных. Последние занимают только правую часть плиты и размещены почти перпендикулярно к основному изображению (табл. LI, 119). Все фигуры выполнены глубокими резными шлифованными линиями. В нижней части плиты находится грубый набросок головы быка. Его пересекает неполное изображение крупного рогатого животного, похожего на корову. У него вытянутая вперед, удлиненной формы голова с согнутыми под углом прямыми рогами. Глаз и поздря животного обозначены в виде ямок, рот — изогнутой линией, а уши — зерновидными углублениями. Длинная шея отделена от головы двумя поперечными линиями. Передние ноги животного непропорционально короткие, широко расставлены для передачи движения. Живот и задняя часть туловища остались недорисованными.

Выше этой фигуры расположен бык (он частично заходит на нее задними ногами). У него короткая массивная голова, увенчанная небольшими изогнутыми рогами. Тяжеловесное туловище его покрыто

сложной орнаментальной композицией. Костяком ее являются дугообразные линии, «отсекающие» заднюю часть туловища и голову животного, соединенные между собой продольной линией. Короткие сильные ноги животного расставлены в движении. Они трактованы, как и на других рисунках животных, очень скупо, без выделения копыт. Глаз животного обозначен овалом, а рот — чертой. На животе подчеркнуты половые признаки.

Позади этого быка находится фигура крупного рогатого животного, изображенного с резко выброшенными вперед передними ногами. Голова у него такой же удлиненной формы, как и у изображенной ниже коровы. Дугообразно изогнутые рога направлены вперед с изгибом книзу. Длинная шея отделена от головы поперечной чертой. Легкое поджарое туловище украшено двумя косыми чертами, а задняя часть его отделена поперечной линией. Хвост и задние конечности животного откинута назад. Несмотря на наличие выступа на животе, который можно отождествить с препуцием, это животное значительно отличается по телосложению от быков, обликаясь с другой группой изображенных на плитах животных, напоминающих более всего коров. Небольшой выступ на животе можно рассматривать как скопление жировых отложений. Подобная особенность телосложения встречается и у некоторых современных пород коров.

Выше этой фигуры находится рисунок головы животного со слабо изогнутыми, вытянутыми вверх рогами. Удлиненной формой голова несколько напоминает коровью.

Сзади нее изображена неполная фигура животного, во всех основных чертах тождественного изображению коровы. Голова животного удлиненной формы, суживается к рту. На верхней губе вырезан полукруг, от которого по направлению к рогам проведена прямая линия. Передние ноги резко выброшены вперед. На передней части туловища вырезаны два косых креста. Рога направлены вперед со слабым изгибом вверх.

Выше этого животного вырезан неполный силуэт быка с крупной, выразительно прорисованной головой и небольшими изогнутыми рогами. Туловище его изображено неполностью: проведены лишь линии спины, груди и части живота. Голова животного «отмечена» дугообразной линией, а на боку вырезан большой косой крест. Глаз обозначен ямкой.

Могила 3. На нескольких обломках большой плиты с фрагментами крупного изображения антропоморфной личины, использованных для подстилки дна могилы, встречены изображения животных. На лицевой стороне одного из них справа от широкой шлифованной линии личины находится фигура безрогатого животного с вытянутой вперед и несколько приподнятой головой. Изображение различается с трудом, так как плоскость плиты покрыта большим количеством посторонних царапин. Туловище животного вытянутое, поджарое, с большим препуциальным выступом на животе. Показаны 4 тонкие ноги и хвост. Глаз обозначен кружком, голова отделена от туловища поперечной чертой, такая же линия отделяет и заднюю часть туловища. Эту фигуру частично пересекает неполное изображение быка, обращенного в противоположную сторону. Прорисованы лишь вытянутая вперед голова с изогнутыми рогами, часть линии спины и передняя нога.

На обратной стороне этого фрагмента впису сохранилась верхняя часть фигуры крупного рогатого животного, выполненного широкими шлифованными линиями. Сохранились часть одного рога, линия спины и часть хвоста. Выше этой фигуры помещено изображение головы крупного рогатого животного, выполненное грубой точечной выбивкой. Голова животного короткая, угловатая, с небольшими поднятыми вверх и слабо изогнутыми рогами. Рот обозначен короткой чертой (табл. XXX, 11).

На втором обломке плиты находятся фрагменты фигуры быка, нанесенные резными, хорошо шлифованными линиями. Сохранились верхняя часть головы, на которой видны рот и поднятые вверх изогнутые рога, часть горбатой, дугообразно изогнутой спины и косой крест, вырезанный на передней части туловища (табл. XXX, 9).

На третьем обломке с фрагментом широкой линии личины сохранились передняя часть фигуры птицы и фрагмент изображения какого-то животного. Фигура птицы, похожей на ворона, выполнена сплошной шлифовкой силуэта. У нее прямой раскрытый клюв, небольшая голова, над спиной поднимаются два дугообразных отростка, обрезанные линией излома плиты (табл. XXX, 10). Второе животное, расположенное выше, выгравировано резными контурными линиями. Возможно, это также птица. Голова и большая часть туловища ее не сохранились. На боку у этого животного вырезан косой крест, шея отделена от туловища дугообразной линией (табл. XXX, 10).

На последнем маленьком обломке песчаника из этой могилы уцелело изображение задней части фигуры животного (отрезок линии спины, длинный хвост и обе задние ноги), судя по обозначенному половому признаку, быка.

Могила 7. На обломке плиты, образующем северную стенку ящика, сохранился фрагмент крупной антропоморфной личины, между широкими линиями которой выгравированы две фигуры коров. У первой из них вытянутая вперед голова удлиненной формы, на ее конце выступающим полукругом обозначены поздри (?). У животного прорисованы две пары рогов. Первые рога дугообразно изогнуты книзу и слились друг с другом концами. Вторые рога поднимаются с изгибом вверх. Глаз на голове животного обозначен кружком, а рот — линией. Удлиненное поджарое туловище с горбом на месте лопаток и голова сплошь проработаны мелкой точечной выбивкой, поверх которой в передней и задней части туловища вырезано по косому кресту. Корова наделена длинным хвостом с утолщением на конце. Ноги ее широко расставлены в движении (табл. XXXI, 3).

Вторая корова по телосложению и приданной ей позе почти тождественна первой. Однако у нее иной формы поднятые вверх дугообразно изогнутые рога, прорисованы оба уха и недоработанная задняя часть туловища. Одна из задних конечностей отсутствует, другая выгравирована искаженно. Линии крупы коровы перекрыли широкую линию личины. На туловище животного вырезаны 3 косых креста. Голова отделена от туловища поперечной линией. У края рта прорисован уголок, обращенный вершиной в сторону шеи (табл. XXXI, 8).

Среди плит покрытия этой могилы находился массивный обломок плиты зеленоватого песчаника с фрагментом крупного изображения коровы и головы быка. Оба рисунка выполнены резными шлифованными линиями. Туловище у коровы массивное, слегка поджарое, с небольшим выступом на животе. Спина прямая с небольшой горбинкой на месте лопаток. Шея длинная со слабо выделенным подгрудком. Голову украшают длинные изогнутые кверху рога и орнаментальные линии: одна — поперек морды, вторая — от линии шеи к концу морды. Ухо животного обозначено овалом. Передние ноги расставлены в движении. Задняя часть туловища определена дугообразной линией (табл. XXXI, 5).

Над головой коровы помещен крупный рисунок головы быка. Прорисованы лишь контур морды с выделенным ртом и часть линии шеи. Рог намечен только один и то не полностью.

В кург. 8 изображения животных встречены на плитах трех могил.

Могилка 8. Плита коричневого песчаника с несколькими фигурами животных, выгравированными тонкими линиями, служила восточной стенкой ящика. Рисунки находились на плоскости, обращенной к земле. Центральной фигурой на плите является крупное изображение быка, обращенного в левую сторону. У животного массивная, вытянутая вперед голова с изогнутыми и развернутыми вперед рогами, прямая спина с небольшой горбинкой, крупные расставленные в движении задние ноги, намеченный одной линией длинный хвост, четко обозначенные половые признаки. Прорисована лишь одна передняя нога и то не полностью, отсутствует и часть линии живота. Голова животного отделена от шеи поперечной линией, а задняя часть туловища — двумя дугообразными линиями.

Фигуру этого быка в задней части пересекает перевернутое неполное изображение быка вдвое меньшего размером, выполненное очень тонкими, с трудом прослеживаемыми линиями. Прорисовано массивное туловище с одной задней ногой и частью передней. Намечен один рог. Туловище быка пересекает продольная линия, соединенная со спиной и животом несколькими двухдужными линиями (табл. XXXI, 6).

Выше и параллельно предыдущей фигуре расположено небольшое неполное изображение комолого быка. Прорисованы голова с выделенными ртом и глазом, часть линии спины и грудь. Голова отделена от туловища дугообразной линией.

Третье неполное изображение быка помещено перед большим быком. У него прорисована голова с выделенным ртом и вытянутыми вперед изогнутыми рогами, а также проведена часть линии спины. Глаз животного обозначен кружком (табл. XXXI, 2).

Могилка 9. На обломке плиты серо-зеленого песчаника, служившем юго-западной стенкой ящика, сохранился фрагмент изображения быка. Отсутствуют передняя часть головы, окончания рогов и задняя часть туловища. Рисунок выполнен тонкими резными линиями. У животного прогнута спина с резко выраженным горбом на месте лопаток и небольшой подгрудок. Передние ноги показаны неесте-

ственно топкими и короткими. Голова отделена от туловища дугообразной линией (табл. XXXI, 1).

Могилка 11. В центральной части большой плиты, служившей восточной стенкой погребального ящика, резными линиями с последующей их шлифовкой нанесена фигура быка. У животного несколько удлиненное туловище с угловатым горбом на месте лопаток и слабо выраженный подгрудок. Ноги расставлены в движении. Длинный хвост заканчивается метелкой. На массивной голове с отвислыми губами чертой обозначен рот, а кружком — глаз. Изогнутые под углом рога направлены вперед. Голова частично отделена от туловища поперечной линией. На передней части туловища вырезаны крест и два ряда наклонно поставленных линий, а на задней — несколько дугообразных линий. Часть линии живота не сохранилась (табл. XXXI, 7).

В кург. 9 покрытием могилы 5 служила большая, разбитая на части плита серо-зеленого песчаника (несколько обломков ее находилось в покрытии мог. 7), на которой обнаружено фрагментарно сохранившееся крупное изображение быка. Полная длина его фигуры предположительно составляла около 1 м. Рисунок не закончен. Линии точечной выбивки прерывистые, не везде одинаково плотные. Животное наделено массивной головой с обозначенным ртом и очень короткими рогами. На спине выделен крутой горб на месте лопаток, а на фрагментах задней части туловища сохранились отрезки линий ног и половые признаки.

В кург. 14 среди плит покрытия могилы 1 находился обломок плиты зеленоватого песчаника, на котором линиями точечной выбивки с последующей тщательной их шлифовкой выполнено крупное изображение головы быка с короткими отрезками линий шеи и груди. У животного изогнутые дугой и вытянутые вперед рога, переданное силуэтно ухо и обозначенный чертой рот. Голова отделена от шеи поперечной линией (табл. XXXI, 9).

На панине между курганами были найдены три обломка плит с изображениями животных. На одном из обломков оказалось неполное изображение быка, выполненное резными линиями. Прорисованы лишь верхний контур головы с длинными изогнутыми рогами, ухо и линия спины. По туловищу быка проведена продольная линия, пересеченная несколькими дугообразными линиями. Перед головой животного резными линиями выгравированы отдельно два рога. На обратной стороне обломка вырезаны две человеческие фигуры (табл. XXXI, 4).

На втором обломке плиты фигуру обнаженной женщины частично пересекает неполный рисунок головы коровы с отрезком линии шеи. Голова животного вытянута. На морде обозначены рот, ноздря и глаз. Голову пересекает продольная линия, а за краем рта выгравирован уголок, обращенный вершиной в сторону туловища.

Наконец, еще на одном небольшом обломке плиты зеленоватого песчаника, покрытом резными линиями геометрического характера, тонкими линиями прорисована небольшая голова быка с длинными изогнутыми рогами и выделенным ртом.

АНАЛИЗ РИСУНКОВ, ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ

Проведенный обзор показывает, что почти все изображения находятся на обломках плит, служивших подручным строительным материалом. Многие из них были разбиты еще до установки в курганах, ряд других разбили сами строители для того, чтобы подогнать плиты под размеры выкопанных могильных ям.

Рисунки на некоторых плитах были выгравированы задолго до использования плит в курганах, о чем говорят выветренность поверхности плит и затертость линий рисунков. Однако этот срок не мог быть очень значительным, так как верхняя отслаивающаяся корка плит в большинстве случаев сохранилась неповрежденной.

Плиты с гравировками до установки их в курганах, вероятно, находились на каком-то капище. Возражения С. И. Руденко и его собственная гипотеза о наскальном происхождении рисунков лишены основания [131], так как в Минусинской котловине (в том числе и в районе р. Черновой) девонские песчанниковые напластования располагаются наклонно. Сверху они обычно задернованы. Наскальные изображения находятся при этом на торцах плит, а не на их плоскостях. В Черновой VIII изображения на торцах не встречены, но зато найдено несколько обломков плит с рисунками на обеих плоскостях, что полностью исключает вероятность их наскального происхождения.

По количеству и типам рисунков плиты подразделяются на три группы: плиты только с одним изображением личины или животного, плиты с несколькими изображениями животных, плиты с изображениями личины и животных.

Сроки использования плит каждой группы с первоначальной целью, очевидно, были различными. Если плиты первой группы прошли только один этап использования, то для плит второй и третьей групп устанавливается факт многоактного употребления. Отсутствие композиционной связи между изображениями животных на плитах второй группы, нередкая наслоенность одной фигуры животного на другую и расположение их иногда под значительным углом друг к другу позволяют сделать заключение о том, что эти рисунки создавались неодновременно. Художники, гравировавшие последующие изображения, не всегда заботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности предыдущие, хотя площадь плиты позволяла сделать это. Подобная же картина наблюдается на плитах третьей группы, где каждая из них предназначалась первоначально лишь для крупного изображения антропоморфной личины, и только по истечении какого-то времени на нее начинали наносить рисунки животных, линии которых иногда перекрывают основное изображение. В могильнике Тас-Хазаа, по наблюдениям А. Н. Липского, тонкие штриховые рисунки птиц и антропоморфных существ также выполнены позднее, чем более монументальные изображения личин [77]. Очевидно, все гравировки по истечении какого-то срока утрачивали свою роль, что заставляло художников создавать новые рисунки. Часть же плит с рисунками, ставшими ненужными, шла для строительных нужд.

В художественном отношении изображения животных далеко не равноценны. Одни из них отличаются тщательностью и высоким мастерством исполнения, другие же выгравированы небрежно, со значительными искажениями пропорций тел животных. Вместе с тем и те и другие имеют ряд общих черт, дающих возможность судить об основных особенностях окуневского звериного стиля.

Количество видов животных, изображенных на плитах Черновой VIII, невелико: 34 фигуры крупного рогатого скота (включая фрагменты), две фигуры собаки, три фигуры ворона, фрагмент головы лося и одна фигура лошади (?). Крупные рогатые животные по основным особенностям экстерьера подразделяются на две неравные группы. Наиболее многочисленная состоит из фигур тучных быков, как правило, с подчеркнутыми признаками пола, вторая (8 фигур) — из рогатых животных, отличающихся от быков-производителей более удлиненной формой головы, легким поджарым туловищем и длинными сухими ногами. Эти животные первоначально определялись мною как коровы [73], так как весь комплекс признаков их экстерьера, казалось, не превышает различий между коровой и быком, но при этом вызывало некоторое недоумение присутствие преуциальных выступов на животе ряда «коров». Другие исследователи либо не замечают различий между этими двумя группами животных [112; 86], либо видят в них две разные породы быков [147].

Установлению истины способствовала находка небольшой плиты с изображением «коров» в окуневском могильнике Разлив X [122]. У двух из них четко прорисованы соски вымени. Следовательно, часть фигур «коров» действительно являются коровами. Окончательную разгадку принесли находки, сделанные автором в окуневском могильнике на окраине г. Минусинска в 1978 г. В двух грунтовых ямах рядом с могилами там были обнаружены культовые захоронения черепов и передних ног крупных рогатых животных, которые были определены зоологом Н. М. Ермоловой как вола. По экстерьеру вол занимает как бы промежуточное положение между коровой и быком-производителем, отличаясь от последнего более длинными рогами, грацильными ногами, более легким туловищем и менее массивной, суженной к лицевой части головой [63, 47—48]. В окуневском искусстве различия в телосложении между коровой и волком не ощутимы, только присутствие преуциального выступа позволяет определить, что изображен вол, а не корова.

После публикации первых гравировок Черновой VIII среди исследователей наметилась тенденция воспринимать окуневский звериный стиль как нечто аморфное, не поддающееся точной характеристике. Эта тенденция отразилась в работах А. А. Формозова, где основные особенности окуневских изображений быков сведены к «отрубленности» голов и скелетности [144], т. е. к признакам довольно ярким, но присущим и некоторым инородным петроглифам. Еще более резко эта тенденция выражена в интересной, но не лишенной методических ошибок статье Н. Л. Подольского, где вообще отрицается факт существования «специально окуневского типа (тради-

дпи) изображения животных» [112, 273]. На первый взгляд такой вывод кажется очень убедительным, так как он подкреплен подсчетами повторяемости стилистических приемов у изображений быков Черновой VIII, а они, согласно сводке, очень разнообразны и противоречивы. Однако выявленная разнообразность обусловлена прежде всего тем, что Н. Л. Подольский при подсчете свел вместе фигуры быков, волков и коров, несмотря на то что они довольно четко различаются по экстерьеру. Нельзя не отметить и того, что в сводке обойдены молчанием некоторые общие для всех рисунков приемы и придано решающее значение частным моментам.

Более объективный стилистический анализ показывает, что между отдельными изображениями значительно больше сходства, чем различий, причем эти общие моменты не только выявляют основные особенности окуневского звериного стиля, но и дают возможность достоверно определять окуневскую принадлежность изображений животных на скалах и изваяниях.

В отличие от Н. Л. Подольского мы не считаем все стилистические приемы, характеризующие окуневский звериный стиль, равноценными. По значимости их, очевидно, следует подразделять на две категории: приемы, характерные для подавляющего большинства изображений животных одного вида (исключения единичны); приемы, характерные для значительной части изображений (исключения до 50%).

При таком подразделении приемы первой категории следует рассматривать как определяющие принадлежность той или иной фигуры к окуневской изобразительной традиции, а приемы второй категории — лишь как подтверждающие сделанное заключение. К первой категории можно отнести следующие приемы:

1. Техника исполнения рисунков. Она представлена двумя разновидностями. Большинство изображений выполнено резными линиями, процарапанными на плите острым резцом. Линии многих фигур после этого дополнительно прошлифованы осколками песчаника, благодаря чему они получились более четкими и глубокими. У ряда других фигур резные линии, представляющие собой как бы набросок будущего рисунка, прорабатывались точечной выбивкой, а затем шлифовывались осколками песчаника. Только у двух незавершенных изображений быков Черновой VIII линии выбивки остались непрошлифованными.

2. Контурный характер изображений. Исключения составляют одна фигура коровы и одна фигура птицы. У коровы резной контур заполнен мелкой точечной выбивкой, после чего на туловище были вырезаны косые кресты. Следовательно, этот рисунок занимает как бы промежуточное положение между контурными и силуэтными рисунками.

3. Присутствие орнаментальных линий на туловище животного. К ним я отношу и линию, «отсекающую» голову. Исключения составляют вышеупомянутая фигура птицы и вторая фигура птицы с силуэтно трактованной головой. Такая трактовка головы аналогична «отсечению» ее поперечной линией.

4. Примитивно-реалистическая трактовка образа, выражающаяся в подчеркивании наиболее характерных особенностей экстерьера животного, в отмеченной Н. Л. Подольским гибкости, подвижности линии

рисунка. Фигуры быков-производителей наделены массивным туловищем с более тяжелой передней частью, прямой спиной, подчеркнутой холкой, укороченной массивной головой (длина ее лишь в отдельных случаях немного превышает высоту), парой изогнутых рогов, направленных вперед вверх, и всеми четырьмя довольно короткими и сухо трактованными ногами, причем у задних ног обрисован изгиб скакательного сустава, копыта не обозначены, всегда изображен хвост.

У фигур коров и волков туловище более поджарое, удлиненное, спина прямая, с намеченной холкой, шея длинная, голова тоже удлиненная, суживающаяся к концу морды и наделенная парой изогнутых рогов; ноги удлиненные, сухие, обозначен изгиб скакательного сустава задних ног, копыта не выделены, изображен хвост.

5. Динамизм стиля. Все животные изображены с расставленными в движении ногами.

Ко второй категории можно отнести следующие приемы:

1. Животные всегда почти обращены вправо (36 из 48 фигур).

2. У изображений быков выделен подгрудок, показана тупая, словно обрубленная морда с обозначенным ртом, подчеркнуты половые признаки, нанесена линия, «отсекающая» голову (13 из 17 фигур).

3. У изображений коров и волков отсутствует подгрудок, обозначены рот, уши, глаза, прорисованы вымя или препуший.

О том, что описанные приемы в действительности характеризуют окуневский звериный стиль, а не только изображения животных Черновой VIII, можно судить по рисункам животных на плитах другого окуневского могильника у с. Лебяжьего [88]. Выбитые на них три фрагментарные фигуры быка, одна фигура коровы или вола и одна фигура лошади выполнены в полном соответствии с «канонами» изображений животных Черновой VIII. Их отличают лишь незавершенность и более небрежный характер рисунков, а также преобладание фигур, обращенных влево.

Стилистически тождественны изображениям животных Черновой VIII и многие гравировки на изваяниях [143; 74; 73]. Из них наибольший интерес для рассматриваемой темы представляет стела из улуса Сартыгой, ныне хранящаяся в Хакасском областном краеведческом музее [26, рис. 50]. Она, подобно ряду других стел с изображениями животных, предназначалась для антропоморфной личины, и лишь впоследствии выше нее был выбит рисунок самки лося или оленя (табл. XLII, 70). Личина этого изваяния почти тождественна одной из черновских. Подобное же сходство с черновскими гравировками проявляет и контурный рисунок лося, выполненный широкими прошлифованными линиями. Фигуру животного характеризует примитивный реализм стиля — прорисовка всех четырех ног, раскинутых в быстром шаге, трактованных, как и на черновских рисунках, довольно сухо, без наметки копыт, и, наконец, присутствие орнаментальной композиции, основными элементами которой являются уже знакомые по черновским гравировкам линия, «отсекающая» голову от туловища, продольная полоса по туловищу и дугообразные линии, пересекающие эту полосу. Туловище животного поджарое, с небольшим горбом на месте лопаток, по очертаниям

близкое туловищу фигур черновских волов. Длинная шея вытянута вперед. Голова небольшая, с раскрытым ртом и прорисованными ушами и глазами. Присутствие всех этих типичных для гравировок Черновой VIII признаков не оставляет сомнений в окуневской принадлежности данного изображения. Более того, оно исполнено в соответствии с «канонами» так называемой «ангарской традиции», выведенной Н. Л. Подольским. Этот факт, так же как отмеченное Н. Л. Подольским совпадение очертаний туловища окуневских зверей-хищников с туловищем отдельных лосей «ангарской традиции», отнюдь не свидетельствует об эклектичности окуневского искусства, а лишь раскрывает ограниченность понятия «ангарская традиция». Это и неудивительно, так как нельзя требовать, чтобы быка изображали так же, как лося.

Из числа окуневских изображений животных на скалах отметим лишь рисунки животных на скале у разьеда Бельтыры, ошибочно датированные А. Н. Липским тагарским временем [84, рис. 6]. Представленные на ней фигуры коров, лошадей, козла и барана выполнены в стиле, аналогичном стилю изображений животных Черновой VIII. Фигуры лошадей по основным приемам совпадают с изображениями лошадей из могильника у с. Лебяжьего и со скалы около улуса Сулек [26, рис. 9]. Обращает на себя внимание лишь то, что у четырех из них головы трактованы силуэтно, как у птицы из Черновой VIII, а пятая фигура полностью силуэтная.

Новая и довольно необычная серия окуневских изображений животных была открыта в 1974 г. на плитах размытого кургана в могильнике Разлив X [122]. Она состоит из фигур крупных рогатых животных и двух лосей (?). Свообразие этой серии рисунков заключается прежде всего в необычной стилизации фигур. У большинства коров и волов туловища показаны утрированно поджарыми. Если зрительно продолжить линию живота, то почти у всех фигур она выйдет к основанию хвоста, чего не наблюдалось ни у одного из черновских рисунков. Головы животных также показаны необычно узкими и длинными. Ноги удлинены, причем скакательный сустав задних ног обозначен неестественно низко. Из других «новинок» стиля следует отметить очерченность копыт, появление горбины на крупе и «серег», свисающих с шеи ряда фигур.

Контраст между черновскими и разливскими рисунками настолько разителен, что до находок в Разливе X они производили впечатление произведений другой эпохи. Рисунки разливского стиля достаточно широко распространены в Минусинской котловине [157, рис. 186; 24, рис. 20; 74], что позволяет предполагать одновременность изображений черновского и разливского стилей. Последние, очевидно, знаменуют начало упадка реалистического направления в окуневском искусстве.

По проблеме семантики окуневского звериного стиля к настоящему времени выказаны две близкие точки зрения. Согласно одной из них, рисунки животных имеют культовый характер и свидетельствуют о существовании у окуневцев пережиточных тотемистических представлений [73]. Вторая гипотеза основана на том, что в окуневском искусстве преобладают изображения быка-производителя, который мыслится М. Д. Хлобыстиной как тотемный предводитель племени, одновременно ассоциируемый с

солнцем [147]. Семантика других изображений животных ею не затрагивается.

За последние годы открыто немало новых произведений окуневского звериного стиля, и сейчас можно действительно утверждать, что изображения быка, вола и коровы представлены в окуневском искусстве значительно богаче, чем изображения остальных животных. Это соотношение вряд ли существенно изменится и в будущем, так как особая «популярность» образов крупного рогатого скота была обусловлена, видимо, его первостепенной ролью в окуневском хозяйстве. Об этом свидетельствуют и упомянутые выше культовые захоронения черепов и костей ног вола в окуневском могильнике у г. Минусинска. Там же были захоронены черепа и кости ног барана и лошади, только в меньшем количестве. Подобные захоронения костей домашних животных, главным образом быка, известны и в других культурах ранних скотоводов [133; 64; 152; 51; 57]. Исследователи, интерпретируя их, отмечают, что данные захоронения свидетельствуют о большой роли быка в хозяйстве в связи с использованием его в качестве тягловой силы для транспорта и при пахоте, а с другой — о существовании культа этого животного.

Вторым показателем ведущей роли крупного рогатого скота в религиозных представлениях окуневских племен служат каменные изваяния. Личины многих из них наделены длинными изогнутыми рогами и звериными ушами. Их принято считать бычьими, но это, видимо, не совсем так. Рога реального быка, как правило, короткие и толстые, у коровы они несколько длиннее, но наиболее внушительных размеров (до 60 см длины) они достигают у вола.

О принадлежности рогов изваяний не быку-производителю, а волу или корове свидетельствуют, как это ни покажется странным, и орнаментальные линии, украшающие туловище и голову многих животных. В литературе рисунки с подобными дополнительными линиями довольно часто называются «скелетными», а сами линии истолковываются при этом как изображения жизненно важных органов животного или частей его тела [105; 144]. Перенесение подобной трактовки на орнаментальные линии фигур животных Черновой VIII вряд ли возможно. Достаточно указать, что из всех рисунков только два можно трактовать без натяжки как скелетные.

Орнаментальные линии окуневских гравировок животных довольно разнообразны, но некоторые из них устойчиво повторяются на многих фигурах. К их числу относятся линия, отделяющая голову от туловища, продольная линия по туловищу и косые кресты на нем. Вместе с тем можно заметить, что у ряда фигур коров и волов головы украшены такими линиями, которых нет у быков-производителей. В Черновой VIII у края рта трех волов выгравирован уголок, обращенный вершиной в сторону шеи, а в Разливе X морды нескольких коров и валов пересечены двумя поперечными линиями, причем у одного из животных они завершаются раздвоенными окончаниями. Точно такие же линии мы обнаруживаем у антропоморфных личин: две полосы, пересекающие лицо, и уголки у краев рта. У поздних антропоморфных изображений поперечные линии, как и у разливского вола, завершаются раздвоенными окончаниями. Семантическая связь изображе-

дый коровы и вола с антропоморфными фигурами подчеркнута у нескольких рисунков разливого типа и схематичными личинами, выгравированными на крупе.

Поперечные полосы и уголки у краев рта на личинах являются элементами раскраски, причем такой, которая, судя по охристым полосам на некоторых черепах из Черновой VIII и Лебяжьего, имела и на лицах реальных людей. По аналогии можно предположить, что подобными линиями, крапеными или исполненными каким-либо иным способом, окуневцы «украшали» и головы некоторых реальных животных. Реальными могли быть и орнаментальные линии на туловищах животных. В этом убеждает рисунок обнаженной женщины на одной из плит Черновой VIII, тело которой покрыто орнаментальной «раскраской», аналогичной раскраске животных [17].

Возможность украшения животных орнаментальными линиями не только на рисунке, но и в реальной жизни может показаться необычной, но подобные явления имели место даже в недалеком прошлом у многих народов Сибири. Так, у тофаларов оленя, посвященного духу-хозяину гор и вод, расписывали полосами при помощи красок [117]. Селькупы у оленя, посвященного духам, наносили на одном боку изображение духа, а на другом выстригали изображение вожжи [120]. Ненцы у посвященных оленей выстригали знак солнца или изображения духов, а иганасаны — особого вида тамги [31]. Долганы расписывали оленей полосами охры при их лечении от некоторых заболеваний [113]. Подобные обычаи существовали и далеко за пределами Сибири [128, 524; 161].

В реальной жизни окуневцы украшали, видимо, только тех животных, которые являлись объектами культа. Благодаря раскраске животные в известной степени уподоблялись человеку. Этим, видимо, подчеркивалось родство человека и животных или антропоморфных божеств и животных. Фигуры, наделенные элементами раскраски антропоморфных личин, были, очевидно, близки последним и по семантике, в то время как изображения других животных, и прежде всего быка-производителя, отражают какие-то иные представления. Хотелось подчеркнуть следующий момент: в Черновой VIII, впрочем, как и на плитах других окуневских могильников, нет ни одной фигуры животного, которая бы находилась

в композиционной (сюжетной) связи с рисунком личины. Следовательно, несмотря на близость семантики, изображения волков и коров наносили с несколько иными целями, чем те, которые преследовали, создавая личины. Незавершенность многих фигур, многочисленные случаи перекрывания одного рисунка другим свидетельствуют о том, что изображения животных наносились на плиты для проведения какого-то обряда, после чего судьба рисунков переставала интересовать художников.

Изображения антропоморфных личин несомненно играли гораздо большую роль в религиозных представлениях, о чем можно судить даже по монументальности изображений. Некоторые исследователи видят в них изображения солнечного божества, Великой праматери, божеств Нижнего мира [80; 148]. В этой связи хочется заметить, что по отношению к высшим божествам, какими несомненно являлись бы и божество Солнца, и Великая праматерь, вряд ли были бы допустимы те действия, которые практиковали окуневцы по отношению к своим антропоморфным божествам: плиты с изображениями преднамеренно разбивали, использовали по утилитарному назначению для строительных нужд или для создания новых изображений. Не избежали такой судьбы и некоторые из известных каменных изваяний. Как показывают многочисленные этнографические аналогии, подобные меры предпринимались для «наказания» в чем-либо провинившихся духов, божеств низшего ранга, считавшихся непосредственными покровителями рода [31]. Именно их изображения были распространены у всех народов Сибири, в то время как изображения верховных божеств, как правило, отсутствовали.

Представляется весьма вероятным, что по крайней мере некоторая часть антропоморфных личин являлась изображениями обожествленных шаманских предков, покровителей рода [74]. В этом случае часть рисунков животных на плитах, а именно тех, которые наделены элементами раскраски антропоморфных личин, можно рассматривать как изображения зооморфных шаманских духов. В этой роли выступали не только домашние, но и дикие животные, о чем свидетельствует фрагментарно сохранившаяся голова лося из Черновой VIII, морда которого пересечена полосами раскраски, аналогичными раскраске одной из личин этого могильника.

ОКУНЕВСКИЙ КУРГАН У УСТЬЯ РЕЧКИ ЧЕРНОВОЙ

В первые годы работ в долине речки Черновой были произведены обследования ближайших окрестностей места основных раскопок. Непосредственно на берегу Енисея, на террасе правого берега речки Черновой, у впадения ее в Енисей, было раскопано 6 курганов. Пять из них оказались раннетагарским, а один — окуневским. Этот пункт работ получил название Черновая IV.

Терраса, где производились раскопки, в прошлом была занята дер. Черновой, которую отсюда перенесли в связи с разрушением берега Енисея. На поверхности террасы, сплошь заросшей крапивой, можно было видеть остатки домов, а также фундаментов в виде кладок из плитняка.

Памятники на этой территории оказались сильно разрушенными не только потому, что здесь возводили постройки, но и потому, что отсюда брали камень для различных хозяйственных нужд. Поэтому от оград остались только мелкие разрозненные плитки. Раскопанные курганы были открыты в основном с помощью разведывательных траншей.

От окуневского кургана № 6 сохранились мелкие остатки ограды, границы и размеры которой не устанавливаются, так как она разрушена срубом, о чем свидетельствуют обнаруженные при раскопках бревна. В раскопе оказались четыре могилы.

Могила 1. Каменный прямоугольный ящик, 153×110×45 см, ВСВ—ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит. Южная и западная стенки ящика разрушены срубом. Над ящиком мелкие плитки перекрытия. В могиле остатки трех погребенных: двух взрослых и ребенка. У одного из взрослых на месте грудная клетка и кости таза, судя по которым, он лежал на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой к ЗЮЗ. От другого на месте позвоночник с ребрами и кости стоп. Судя по ним, погребенный лежал на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЗЮЗ. От ребенка найдены перемещенные кости. Среди костей обломки сосудов (табл. XXIХ, 7, 9).

Могила 2. Грунтовая яма, 160×120×60 см, СЗ—ЮВ, с завалом камней. Первоначально, видимо, это был ящик. Сильно разрушена срубом. Дно вымощено плитками. В яме остатки костей трех скелетов: двух взрослых и ребенка 4 лет. Среди костей обломки горшка.

Могила 3. Каменный прямоугольный ящик, 130×75×45 см, СВ—ЮЗ, из поставленных на ребро плит. Покрытие могилы не сохранилось. Дно имеет наклон к ЮЗ. В могиле останки двух взрослых людей и ребенка, кости которых находились в перемешанном состоянии, в полном беспорядке. В заполнении могилы мелкие обломки горшка (табл. XXIХ, 3).

Могила 4. Каменный трапециевидный ящик, 120×60—40×30 см, СВ—ЮЗ, из поставленных на ребро плит. От покрытия сохранились обломки плит, разбросанные вокруг ящика. В юго-западном углу могилы в полном беспорядке гряда костей взрослого человека.

Состояние памятника не позволяет рассматривать многие детали его конструкции. Не устанавливаются размеры и ориентировка самого кургана, можно только отметить, что его стены были сооружены из вертикально поставленных плит. Нет уверенности и в том, что он содержал только четыре могилы, так как другие захоронения могли оказаться за пределами раскопа, хотя в разные стороны для проверки были проведены траншеи.

Правда, можно говорить о том, что здесь, как и в других окуневских курганах, могилы сооружались последовательно. Не вызывает сомнения, что могила 3 была выкопана раньше, чем могила 4. Соотношение их по горизонту с двумя другими могилами не ясно, так как копались они в разные годы. Что же касается конструкции могил, то все они первоначально представляли собой каменные ящики обычных для окуневской культуры размеров, формы и пропорций. Могила 4, трапециевидная в плане, получила такой вид в результате отклонения плит от вертикального положения. Несмотря на небольшое количество могил, в них удалось наблюдать черты, свойственные и другим могилам этой культуры, а именно тем, где похоронены женщины. Это наклон пола могилы в сторону ног погребенной и вымощка пола плитами песчаника.

Состав погребенных в могилах такой же, как и в других погребениях этой культуры. В трех могилах были похоронены мужчины, женщина и ребенок, а в одной — взрослый человек. Несмотря на то что пол и возраст погребенных из этого кургана антропологами не были определены, сочетание двух взрослых и ребенка по другим памятникам всегда

является захоронением мужчины, женщины и ребенка. Это позволяет и в данном случае видеть в захоронениях двух взрослых и ребенка парные погребения с ребенком.

Никаких вещей с погребенными найдено не было. Возможно, их не было и первоначально, так как в некоторых окуневских курганах даже в сохранившихся погребениях вещей не оказывалось.

В то же время в трех могилках с парными погребениями найдены обломки горшков, которые в мужские могилы не ставили, они всегда встречаются с женщинами. Всего были найдены обломки пяти сосудов, но фрагменты двух из них утрачены.

Сосуд (табл. XXIX, 7), высота 13 см, диаметр устья 13, диаметр дна 6.5 см. Стенки от дна плавно расходятся в стороны, а с середины высоты сосуда поднимаются вертикально вверх. Венчик закругленный. Толщина стенок 5 мм. Вся поверхность сосуда покрыта орнаментом. Под венчиком идут горизонтально две волнистые полосы, нанесенные прямо поставленным зубчатым штампом. Под ними, сплошь покрывая стенку, идут девять полос, горизонтально опоясывающих сосуд, нанесенных прямо поставленными вертикальными оттисками четырехзубого штампа. Эти полосы образуют широкую ленту высотой 6 см. Под ней до дна идут каплеобразные оттиски наклонно поставленного конца палочки.

Сосуд (табл. XXIX, 9), высота 11 см, диаметр устья 11, диаметр дна 6 см. Стенки от дна расходятся в стороны, а на высоте примерно одной трети идут вертикально вверх. Сосуд уникален. Он имеет невысокий напольный поддон в виде шестигранника. И само тулово сосуда также шестигранное, но с менее резкими углами. По поверхности сосуда идут шесть волнистых валиков. Толщина стенок между валиками 5 мм, а с толщиной валика составляет 10 мм. Край венчика срезан прямо. По его центру идут наборы концом острой палочки, и ее же оттиски нанесены по краям среза. С наружной стороны венчика имеется небольшое утолщение, покрытое вертикальными бороздками, нанесенными концом палочки. Вся поверхность сосуда покрыта волнистыми полосками, повторяющими изгибы валиков и украшенными вертикальными бороздками, которые нанесены

концом острой палочки. С нижней стороны поддона, поперек его также сделаны насечки.

Обломок верхней части сосуда (табл. XXIX, 3), диаметр 11 см. С наружной стороны имеются два небольших вертикальных налета. Край венчика скругленный, украшенный по краям оттисками зубчатого штампа. Под венчиком идет полоса вертикальных оттисков зубчатого штампа, а ниже стенка покрыта вертикальной плотной елочкой, нанесенной тем же штампом.

Один из утерянных обломков представлял собой край «курильницы» со следами перегородки.

Несмотря на небольшое количество находок горшков, керамика этого кургана имеет важное значение. Если два горшка полностью соответствуют всем остальным сосудам окуневской культуры, то многогранный сосуд, связанный по форме, пропорциям, наличию поддона с остальной окуневской посудой, является уникальным. Именно многогранность позволила сопоставить его с керамикой энеолитического времени, происходящей из поселения Самусь IV [91; 93], где многогранные сосуды представлены сериями. Сближение Самуси IV и окуневских памятников подтвердилось и рядом других сходств. Поэтому находка горшка, пусть даже в единичном экземпляре, является важным фактом, указывающим на сходство, близость и сопорядкованность самусьской и окуневской культур.

Утерянный обломок курильницы с перегородкой позволил поставить вопрос о сходстве и отличиях курильниц эпохи энеолита из Минусинской котловины и установить, что для окуневских памятников характерны курильницы с перегородкой, а для более ранних афанасьевских — курильницы без перегородок, но с ручками.

Таким образом, несмотря на незначительные размеры кургана, его сильную разрушенность и небольшое количество находок в нем, он является важным памятником, позволившим выяснить некоторые новые, ранее ускользавшие от исследователя черты и связи. Его общеокуневский облик сомнения не вызывает, а своеобразные сосуды позволили установить новые детали культуры окуневского времени.

ИЗВАЯНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Миусинская котловина занимает особое место в истории Сибири по богатству и изученности археологических памятников. Но древняя история Среднего Енисея известна в основном по погребениям. Поэтому здесь важен каждый иной, не погребальный, археологический памятник, освещающий другие стороны культуры древнего населения. Вот почему очень ценным историческим источником являются имеющиеся здесь оригинальные каменные стелы с выбитыми на них антропоморфными личинами. Они разбросаны по степи либо стоят на курганах и даже встречаются в могилах.

Историческое значение стел в том, что они памятники древнего изобразительного искусства и духовной культуры, иным словом, в них отражено мировоззрение их создателей. Они ценны также рисунками, которые встречаются на них, помимо личин: это изображения животных, деталей одежды, головных уборов, украшений, позволяющие в какой-то степени представить себе внешний облик древних обитателей южносибирских степей.

В целом значение этих памятников выходит за пределы Енисея. Каменные, костяные и деревянные идолы известны в археологии на многих территориях. Некоторые из них, в частности в погребениях ямной культуры, в Горбуповском торфянике, в энеолитических могилах Прибайкалья, хронологически близки енисейским [144, 204—205]. Поэтому исследование енисейских стел прямо или косвенно поможет изучению и других различных антропоморфных изображений.

Миусинские стелы часто называют каменными бабами, изваяниями и плитами с личиной. Все эти названия не совсем точные. Хотя на многих стелах выпуклостями обозначены груди и живот, а в нескольких случаях контуром показаны шея, плечи либо руки, это не скульптуры и не человеческие фигуры. К тому же на стелах преобладают не рельефные, а плоские лица. Поэтому их лишь условно можно называть изваяниями. Не совсем точно их всех именовать стелами, так как лица выбивались и на стелах, и на массивных глыбах с рваными гранями, и на широких тонких плитах, и просто на небольших камнях. Тем не менее из-за отсутствия более точного определения и для избежания излишних по-

вторений в данной работе сохраняется вся традиционная терминология этих памятников.

✓ Сохранность стел различная. В степи стоят стелы массивные и чаще целые, но изображения сильно выветрены. В могилах известны обломки тонких плит, зато на них отчетливые рисунки. По ним можно установить технику изготовления изображений: сначала топкими штрихами намечали рисунок, затем выбивали широкий неглубокий желобок, который затирали абразивом и окрашивали охрой. Поскольку желобки выбивались неглубокие (1 см), они от времени стерлись и выветрились. Не только время, но и климатические условия степей не благоприятствовали сохранению изображений. Слабый снеговой покров зимой, резкая смена температур днем и ночью, дожди, ветры явились факторами сильного разрушения памятников. Кроме того, стелы уничтожались местными жителями в более позднее время и, возможно, даже самими создателями. Тем не менее теперь известно около 200 памятников. Принимая во внимание их древность и неблагоприятные условия сохранения, следует думать, что таких каменных идолов на Енисее в свое время было очень много.

Наибольшее количество памятников известно в треугольнике рек Камышты и Уйбата с притоками. Однако они есть и на северо-западе котловины, в районе оз. Шпра п р. Белого Юуса, и на северо-востоке, на речке Черновой, и на востоке, по р. Тубе, а на юге и юго-западе аналогичны стелам крашенные личины, известные на писаницах в Саянах. Таким образом, в настоящее время можно считать, что миусинские изваяния разбросаны по всей котловине и дальнейшие поиски их не должны прекращаться.

С исследованием изваяний связано очень много вопросов: передают ли они один и тот же образ, но по-разному трактованный, или разбиваются на какие-то этнические, стилистические, хронологические и другие группы; с какими народами связаны эти памятники и каково их происхождение; к какому периоду относятся; какую форму религии они отражают; какое их назначение и конкретный смысл; как объяснить их вторичное использование в могильных памятниках. Конечно, не на все вопросы пока можно ответить. В данной работе делается попытка

ответить на те из них, которые кажутся наиболее важными, наиболее узловыми и которые в то же время стали доступны разрешению благодаря увеличившемуся более чем в два раза количеству известных памятников и новым материалам, добытым Красноярской археологической экспедицией Института археологии Академии наук СССР, работавшей в зоне затопления Красноярской ГЭС в период с 1960 по 1970 г.

В работе рассматриваются классификация извая-

ний, их хронологическая и культурная принадлежность, различные зооморфные изображения, сопровождающие антропоморфные личины, и семантика.

Вопросы происхождения изваяний в работе не затрагиваются, поскольку это связано с происхождением самой культуры, к которой они относятся, что в данное время еще неясно.

Автор благодарит М. П. Грязнова и Г. А. Максименкова за предоставление всех собранных ими материалов и за помощь в работе по изучению стел.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ИЗВАЯНИЙ

История изучения древних южносибирских изваяний начинается с XVIII в. Подход к данным памятникам и метод их исследования неоднократно изменялись. По-разному также определялись их время и культурная принадлежность.

Первые описания и зарисовки изваяний даются в путевых записях ученых-путешественников по Сибири XVIII в. — Д. Г. Мессершмидта, Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и П. С. Палласа [125; 61; 108]. Поскольку все они, начиная с Мессершмидта, описывали все, «что zelo старо и необыкновенно», то и «каменные бабы», достаточно примечательные, не миновали их внимания. Они зарисовывали изваяния, указывали, где они стоят. А П. С. Паллас даже специально раскопал несколько могил близ Улук-Хуртуях-таса (Большой каменной старухи), у с. Аскиза, пытаясь установить связь этого памятника с курганами [108, 503]. Однако и рисунки, и местонахождения камней в этих работах настолько неточны, что часто последующий путешественник не мог найти изваяние, описанное предыдущим, либо уже известное изваяние принимал за новое. Так, Г. Ф. Миллер не нашел некоторых изваяний, виденных Мессершмидтом и опубликованных Страленбергом [125, 87—92]. Сами изваяния описывались бегло в путевых дневниках. Их описания перемежались с описаниями других встречавшихся древностей, дорожных впечатлений, обычаев из жизни инородцев, слышанных от старожилков легенд тех мест. Всего было известно около десяти камней с антропоморфными изображениями, да и то это были стелы, которые находились близ проезжих дорог и бросались в глаза. Неудивительно, что в сочинениях этих путешественников часто упоминаются одни и те же камни. Ученые XVIII в. не пытались определить время и назначение каменных идолов и, конечно, смешивали изваяния бронзовой эпохи с более поздними. Все же уже тогда П. С. Паллас отметил основную особенность енисейских изваяний, а именно что высечены в камне не фигуры, а «слепо разные человеческие рожки». Он также предугадал, что они поставлены «должны быть еще гораздо прежде времен киргизских» [108, 479].

В XIX в. началось более детальное изучение древностей Сибири и появились специальные работы, посвященные каменным изваяниям, в которых делалась попытка их исторического освещения, выросло количество находок. Г. И. Спасский [134] перечисляет 9 известных ему «каменных баб», Н. А. Костров [54; 55] — 11, Н. И. Попов [114] — 18, И. П. Кузнецов-Красноярский [62] — 23. Изваяния-

ми в этот период занимались также М. А. Кастрен [159], Н. Пестов [109], А. И. Пискарев, В. В. Радлов [125], И. Р. Аспелин [158], Н. М. Ядринцев [155], Д. А. Клеменц [49; 50], И. Т. Савенков [132]. Их статьи неравноценны. Наибольшее научное значение имеют работы Н. И. Попова, Д. А. Клеменца и И. П. Кузнецова-Красноярского.

Статья Н. И. Попова «О каменных бабах Минусинского края» явилась первой сводной работой по Минусинским изваяниям. В ней были обобщены все известные памятники, мнения о них всех авторов (от Мессершмидта до Пестова) и впервые определен район распространения баб: от слияния рек Белого и Черного Июса на севере до р. Теи (притока р. Абакана) на юге. Поповым отмечено также, что все каменные изваяния находятся по левую сторону р. Енисея, почти сплошь стоят на курганах или вблизи них, причем баба сделана из того же материала, что и другие камни, стоящие на кургане. Дальше других исследователей Н. И. Попов шел и в определении времени каменных монументов, считая, что они принадлежат древнейшему населению края.

Большую роль в изучении каменных изваяний сыграл возникший в 1877 г. Минусинский музей, объединивший вокруг себя сибирских исследователей, интеллигентов, любителей старины. Сотрудники музея специально разыскивали изваяния, зарисовывали, фотографировали их и по возможности свозили в музей, где был для них построен павильон. Помимо Минусинского музея, стелы начали вывозить в музеи городов Томска и Красноярска. Во время своих путешествий по Сибири И. Р. Аспелин зарисовывал стелы, не только стоящие на месте, в степи, но и уже находящиеся в музее. Деятельность местных археологов Д. А. Клеменца, И. П. Кузнецова-Красноярского, А. В. Адрианова, И. Т. Савенкова не ограничивалась только сбором памятников. Они пытались классифицировать изваяния, сопоставить их с каменными бабами других территорий, определить смысл изображений, выяснить границы их распространения. Археологам стало известно уже несколько десятков изваяний, среди которых было много ранее не опубликованных.

Подводя итог, можно сказать, что в отличие от XVIII в. в XIX в. появились работы, в которых наряду с обычными описаниями изваяний, передачей ходивших о них в народе легенд и случаев поклонения им со стороны местных жителей делались попытки научного освещения изваяний. Г. И. Спасский, Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский пытались их классифицировать; Н. Пестов

и И. Т. Савенков — объяснить смысл начертаний; Н. И. Попов и И. П. Кузнецов-Красноярский — выяснить границы распространения стел. Однако все исследователи по-прежнему смешивали изваяния бронзового века с немногочисленными в Сибири средневековыми памятниками. Отсюда общее заблуждение: их непосредственно связывали с курганами, на которых многие из них стояли, и считали надмогильными средневековыми памятниками. Только И. Р. Аспелин и В. В. Радлов относили изваяния к бронзовому веку. Однако к этой истине они подошли случайно, аргументируя это тем, что курганы, на которых стоят камни с антропоморфными изображениями (имеются в виду тагарские курганы), содержат много бронзовых вещей [126]. ✓

Новый этап изучения минусинских изваяний начался с работы М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера «Древние изваяния Минусинских степей», коренным образом изменившей те представления о каменных сибирских бабах, которые сложились о них в течение двух предыдущих столетий. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер выделили из всей массы сибирских изваяний единичные средневековые, четко отмежевывая их от основной, своеобразной и характерной лишь для данного края серии памятников. Последние они отнесли к эпохе бронзы, установив их вторичное использование в конструкциях тагарских курганов и чагатах. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер дали первую полную публикацию всего имеющегося к тому времени материала: 55 стел, зарисованных ими в степи, в музеях и по хранящимся в архивах фотографиям И. П. Кузнецова-Красноярского, А. В. Адрианова и И. Т. Савенкова [26]. Эта работа широко ознакомила специалистов с памятниками изобразительного искусства древнего Енисея и позволила им заняться вопросами семантики, хронологии и культурной принадлежности изваяний на базе собранного материала. В 1934 г. Аппельгрэн-Кивало издал рисунки и материалы экспедиции И. Р. Аспелина, в частности 15 рисунков минусинских изваяний, не

вошедших в публикацию М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера.

В течение 20 лет хронологическая и культурная принадлежность изваяний, предложенная Грязновым и Шнейдером, не вызвала сомнений. Но после этого были найдены антропоморфные изображения в могилах окуневской, андроновской и карасукской культур. И дискуссия о возрасте стел возникла вновь. Однако количество известных каменных изваяний увеличилось не только за счет находок в могилах. Свыше 20 новых стел свезено в Абаканский музей из степи А. Н. Липским. А в 1963 и 1964 гг. Г. А. Максименков со своим сотрудником Н. В. Леонтьевым предпринял поездки по местам, где были известны стелы, — по рекам Уйбату и Бире, в районе озера Шира и р. Черной и в окрестностях дер. Солеозерной. Ими открыта большая серия новых стел и обследованы ранее известные изваяния. По их указаниям и под их наблюдением художники К. Г. Претро и Н. Л. Лейкум зарисовали эти стелы и заново зарисовали стелы, хранящиеся в музеях городов Абакана и Минусинска.¹

В процессе зарисовок изваяний в поле и в музеях выяснилось, что многие из опубликованных изображений зарисованы неточно. Накопившиеся с момента публикации Грязнова и Шнейдера материалы, а также неточность некоторых старых рисунков вызывают необходимость не только нового исследования изваяний, но и новую их публикацию.²

В своей посмертно вышедшей работе «К изучению минусинских каменных изваяний» С. В. Киселев наметил путь, по которому должно идти в связи с новыми материалами исследование древних каменных изваяний минусинских степей. Перед исследователями он поставил следующие задачи: 1) тщательная классификация всех изображений, 2) выяснение возможностей увязки их с отдельными памятниками тех или иных культур, 3) их стилистический и семантический анализ [48, 58]. В этом направлении и строилась настоящая работа.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИЗВАЯНИЙ

Для того чтобы выяснить время, культурную принадлежность и семантику сибирских древних изваяний, необходимо весь имеющийся материал привести в определенную систему. Между тем каменные изваяния внешне достаточно разнообразны: они варьируют по размерам, очертаниям, материалу, условиям нахождения. Встречаются рельефные и плоскостные изображения. Одни камни напоминают своими очертаниями форму сигары, сабли, столба с треугольным или четырехугольным сечением, другие имеют вид массивной бесформенной глыбы или тонкой ровной плиты. Высота камней колеблется от 1 до 3 м, но бывают камни меньшего и большего размера. Некоторые изваяния высекались из гранита, другие из песчаника. Различаются изваяния по условиям нахождения: одни стояли на курганах, другие — одиноко в степи, третьи найдены в могиле. Личины на камнях отличаются большим либо меньшим сходством с человеческими лицами. Сами личины отличаются количеством глаз, поперечных полос, формой головного убора и т. д. Такое большое

внешнее разнообразие памятников в пределах одной территории вызывает необходимость их классификации.

Попытки расчленить все каменные изваяния Минусинской котловины предпринимались еще в XIX в.

Г. И. Спасский выделял камни в виде человеческих фигур, с изображением человеческих лиц и с изображением животных [134, 22].

Н. И. Попов разделял изваяния по половому и возрастному признаку [115, 57], считая, что камни передают изображения как мужские, так и женские, а также юношей, девиц и старух.

¹ В приложении II настоящей статьи указаны по каждой конкретной стеле фамилии художников, зарисовавших их.

² В последние годы стало известно еще несколько новых стел. Они найдены Л. Р. Кызласовым, Н. Л. Леонтьевым, Э. Б. Вадецкой, А. Н. Липским, Н. В. Нащевым, М. П. Грязновым, М. Н. Пшеницкой, Я. И. Сунчугашевым. Некоторые из них использованы в работе.

Н. М. Ядрищев разделял изваяния по месту находки: кампи, стоящие на курганах и вне курганов, но вблизи них [156, 22].

Д. А. Клеменц предложил первую наиболее детальную классификацию. Он выделил четыре группы минусинских каменных баб, каждую из которых считал определенной стадией в развитии искусства «высекания» изваяний. К первой, самой древней, стадии он относил примитивные силуэты людей и животных без следов обтесывания. Эти силуэты, по его мнению, доказывают местное происхождение минусинских каменных баб. Ко второй стадии отнесены плоские плиты, на которых изображены глаза, рот, нос и головной убор. Третью стадию составлял к тому времени лишь один усть-есинский камень с рельефным реалистическим лицом на плоской поверхности (табл. XXXIII, 16). К четвертой стадии как к венцу скульптуры, по словам Д. А. Клеменца, относятся те каменные бабы, которые приближаются к формам человеческого тела. Например, «хуртуяктас» (старуха-камень), имеющая сформированную голову и зачатки грудных желез (табл. L, 106). Сюда же Д. А. Клеменц относил и изображение мужчины с чашей с р. Юсы, т. е. позднее средневековое изображение [50, 33].

Несмотря на имеющиеся недостатки, в классификации Д. А. Клеменца правильно подмечена группа плит с изображением глаз, рта, носа и головного убора, т. е. человеческой головы, а усть-есинское изваяние с реалистическим лицом выделено в особую группу.

И. П. Кузнецов-Красноярский в своей неопубликованной работе «Заметки о каменных бабах южной части Енисейской губернии»³ выделил три типа изваяний: первый тип самый распространенный — это изображения лица, иногда с верхней частью туловища, причем голова снабжена подобием рогов или звериными ушами. Ко второму типу он, как и Д. А. Клеменц, отнес усть-есинский камень, к третьему типу — изображение рогатого лица с ушами и с большим разинутом ртом.

Наиболее ценным в его классификации представляется вывод о том, что самую массовую группу изваяний составляют изображения одних только человеческих лиц, для которых характерны такие нереальные, фантастические элементы, как рога и звериные уши. Как и Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский выделил усть-есинский камень среди других памятников, тем самым отличая реалистические изображения от нереалистических. Средневековые памятники вообще не вошли в его классификацию. Он первый указал на их редкость в минусинских степях.

М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер в 1929 г. все изваяния минусинских степей разделили на два типа. К основному типу изваяний бронзовой эпохи были отнесены памятники с изображениями одних лишь голов, в редких случаях с верхней частью туловища; второй тип составили изваяния полной фигуры человека, известные в минусинских степях лишь в нескольких экземплярах и датированые I тыс. н. э. Внутри основного типа изваяний М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер отметили две разновидности: одно-

ликие стелы и двуликие, на которых высечены либо две человеческие личины, либо личина животного и человека [26, рис. 39—45].

Задолго до М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера сибирские исследователи отмечали своеобразие и разнотипность древних изваяний Среднего Енисея. Однако лишь М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер четко обособили памятники эпохи бронзы от средневековых по сюжету, технике исполнения и назначению, тем самым открыв путь к тщательному их анализу.

М. П. Грязновым в 1950 г. предложена более дробная классификация изваяний, по уже внутри их древнего типа. Основанием для нее послужили две костяные пластинки с антропоморфными изображениями, найденные В. П. Левацовой в могильнике у церкви г. Абакана, опубликованные С. В. Киселевым.

Согласно новой классификации М. П. Грязнова, изваяния разделяются на три формы: раннюю, основную и переходную. К ранней форме он отнес усть-есинскую «хыс-тас» (ту самую, которая Д. А. Клеменцем и И. П. Кузнецовым-Красноярским отмечена своим наибольшим реализмом) и установил ее стилистическое единство с изображениями на абаканских пластинках, а также с двумя камелными миниатюрными фигурками с рек Беи и Таштыпа.

Наибольшее количество изваяний принадлежит к основной форме, для которой характерны следующие особенности: на камне выбита одна голова, на лице обычно проведены одна, две и даже три горизонтальные линии, на лбу часто показан третий глаз; голова изображена со звериными рогами, ушами или другими придатками; изображение всегда женское, на гранях кампа выбиты круги с четырьмя лучеобразными уголками, — по-видимому, солярные знаки [24, 131—132].

Между этими двумя группами памятников М. П. Грязнов поместил 7 изваяний, сочетавших признаки обеих групп, показывающих развитие форм изваяний от реалистических изображений женщины к сложным стилизованным схемам: сначала прибавлялись третий глаз и поперечные линии на лице, затем звериные уши, рога и другие дополнения.

Таким образом, в основе классификации М. П. Грязнова лежат реализм и схематизм изображения. Самым важным в этой работе было выделение реалистической формы среди остальных сибирских каменных изваяний древнего типа. К настоящему времени появились новые аналоги реалистическим памятникам, в том числе костяные пластинки, камелные миниатюрные фигурки и стелы. Они подтвердили правильность выделения особой реалистической группы среди древних изваяний минусинских степей. Основная же группа изваяний, передающая, по словам М. П. Грязнова, характерный сложившийся иконографический образ, выделена им менее четко. Данная ей характеристика слишком обща и охватывает много разновидностей памятников, объединяемых в одну группу.

Классификация М. П. Грязнова получила живой отклик в работах специалистов по сибирской археологии, в частности С. В. Киселева и Л. Р. Кызласова. С. В. Киселев еще за год до выхода в свет классификации М. П. Грязнова выделил реалистическую и нереалистическую группы среди древних минусинских изваяний, однако наиболее четко свое мнение он выразил позже, в 1958 г., в рецензии на книгу

³ Кузнецов-Красноярский И. П. Заметки о каменных бабах южной части Енисейской губернии. — Архив ММ, № 29, л. 14.

М. П. Грязнова «История древних племен Верхней Оби». Говоря о минусинских «каменных бабах», он подчеркивал их своеобразие и значительное различие между реалистическими («андроповскими») и нереалистическими («карасукскими») изваяниями. Первые, согласно его определению, — это человеческие фигуры, вторые же — стелы с личинами. С таким разделением памятников трудно согласиться. Реалистические изваяния лишь иногда напоминают человеческую фигуру, а чаще это тоже стелы с личиной в нижней или верхней части камня, и, наоборот, среди нереалистических изваяний есть похожие на женскую фигуру. Что же касается орнаментики стел, то сейчас стала совершенно очевидной ошибочность представлений об ее древнекаменном характере. Волнистые же линии, в которых С. В. Киселев видел изображения драконов и духов, встречаются на стелах с разными личинами [47, 277—278].

Хотя С. В. Киселев и М. П. Грязнов обособили в реалистическую группу почти одни и те же памятники, между классификациями этих исследователей имелась существенная разница. М. П. Грязнов в реалистических изображениях видел раннюю форму одного типа изваяний, т. е. реалистические и нереалистические памятники он считал звеньями единого искусства. С. В. Киселев же постоянно отмечал резкую разницу между этими изваяниями и стелы с нереалистическими личинами считал принадлежащими другой эпохе и другому народу, пришедшему в Минусинскую котловину из восточных районов. Таким образом, на взгляд по вопросу о единстве или различии изваяний бронзового века Сибири повлияли представления самих авторов об истории племен Южной Сибири в эпоху бронзы.

Л. Р. Кызласов решает вопрос о единстве минусинских изваяний несколько иначе, как бы объединяя эти две точки зрения. Он так же, как и С. В. Киселев, считает, что реалистические и нереалистические памятники достаточно четко обособляются друг от друга. Если первые имеют внешне реальные черты, то на вторых представлены схематизированные личины типа Тао-те или же морды дракона. Однако нереалистические изваяния появились на Енисее в результате видоизменения местных реалистических памятников, и в этом смысле они генетически к ним восходят [65, 20—21].

А. Н. Липский различает несколько сменяющихся образов: личины с лучами, человекообразные личины со «звериными ушами и рогами, реалистические женские и мужские лица, личины дитяти». Он никак не аргументирует эти названия и, видимо, исходит только из внешнего субъективного впечатления [78; 79, 41—45; 80, 14]. Подобный подход не нов. В начале века В. Г. Ксенофонтов аналогично видел в минусинских изваяниях отчетливые бычьи и лошадиные морды [58; 59].

Итак, начиная с XIX в. делались попытки разделить енисейские изваяния на две, три и даже больше групп, стадий, форм или видов. Как уже говорилось выше, большинство исследователей делили изваяния по признаку их реализма или схематизма. Эти признаки сами по себе слишком широкие и могут обнимать множество разновидностей памятников. Поэтому серия нереалистических изображений, во много раз большая, чем реалистическая, осталась непроанализированной. И неясно, действительно ли за внешним разнообразием памятников скрываются какие-то

реальные группы. Группы могут различаться по хронологии, этнической принадлежности, стилистике, назначению, технике и т. д. Следовательно, классификация изваяний остается первостепенной задачей, с которой следует начинать их изучение. В настоящее время классификация изваяний облегчается двумя обстоятельствами: значительно увеличилась серия изваяний и сделаны точные прорисовки большинства известных памятников.

Выделить группы можно как по одному, так и по нескольким признакам, присущим каждому изваянию группы и отсутствующим у изваяний, не входящих в данную группу. Однако в качестве оснований деления необходимо брать не случайные, а существенные, определяющие признаки — те, от которых зависят другие признаки. Следовательно, сначала надо выяснить, какие из признаков объективные и существенные, а какие случайны.

Наглядных внешних признаков, по которым можно попытаться разделить изваяния, несколько. К ним относятся: 1) условия находки, 2) плоское или рельефное изображение, 3) техника выбивки, 4) реалии и 5) само изображение. Рассмотрим их по порядку.

Условия находки. Плиты и стелы, встречающиеся в разных условиях, имеют идентичные личины (например, стелы № 65 и 115, 17 и 133, 57 и 114).

Таким образом, место нахождения изваяний не является признаком, существенным для их классификации.

Плоское или полурельефное изображение. Можно попробовать разделить изваяния по плоскостному или рельефному изображению. Но при этом подмечается следующее: сам характер материала и расположение на камне изображения диктуют различия. Если личина располагается на плоскости, то все черты и орнаментальные дополнения исполняются желобчатой врезанной линией, т. е. получается линейная графика. Если личина располагается на узкой грани, то она представляет собой в большинстве случаев овальную плоскую поверхность, иногда очерченную желобком. На этой площадке желобком намечены черты лица. Лишь в некоторых случаях эта выпуклая поверхность приобретает рельефное изображение носа, глаз и подбородка, но и тогда орнаментальные дополнения исполнены желобчатой врезанной линией [26, 65].

Следовательно, и этот признак не является существенным для классификации древних минусинских изваяний.

Реалии. Выделение группы по реалиям не годится уже потому, что, помимо серег (на семи стелах) и копий (на одной стеле), никаких предметов не изображено.

Техника. Техника выбивки изваяний также не является существенным признаком для классификации. Они выбиты каменными ударными орудиями, местами шлифованы. Как было установлено М. П. Грязновым, такой способ обработки камня практиковался с неолита и, вероятно, до железного века включительно [21, 130].

Не могут служить существенными признаками классификации стел их размеры, толщина, размещение изображения на широкой или узкой грани плиты, в нижней или верхней части камня. Во всех случаях можно встретить идентичные личины.

Антропоморфное изображение на стелах. В качестве оснований деления могут быть сами изображения, т. е. какими элементами и их деталями они отличаются друг от друга. Наиболее полные изображения состоят из следующих элементов: личины, обрамления головы (головного убора), шеи, рук, груди, живота и дополнительных «солярных знаков». Однако такие элементы, как шея, руки, грудь, живот и солярные знаки, имеются на стелах с личинами, различающимися даже чисто внешне. Это обстоятельство не позволяет их использовать как основу для классификации. Остаются два элемента — личина и ее обрамление, условно называемое «головной убор». Эти элементы и положены в основу предлагаемой классификации. В свою очередь личина и головной убор состоят из различных деталей, таких как глаза, нос, рот, полосы на лице, звериноподобные рога, уши и т. д. Естественно, что трактовка отдельных деталей разнообразна и могут быть самые индивидуальные варианты изображения. Для классификации же нужны основные варианты. Отсюда первая задача — проследить все встречающиеся варианты деталей лица и головного убора, но выделить основные, наиболее частые. Основные варианты изображения тех либо других деталей лица и головного убора следует формализовать, для чего дается свое цифровое обозначение каждого из вариантов. В целом каждое изображение, состоящее из лица, полос на лице и головного убора и выраженное цифровым рядом, необходимо расположить в порядке возрастания этого ряда и увидеть, группируются ли изображения и по каким признакам. Однако получится очень большое разнообразие цифровых рядов, обозначающих изображения. Следующая задача — отделить второстепенные детали, дробящие, но не определяющие группы изображений. За счет такого выделения цифровое обозначение изображения сократится, что приведет к определению основных групп, четко разделенных друг от друга основными ведущими признаками.

Для классификации использованы не все изваяния, имеющиеся по точным зарисовкам, а те, на которых сохранились все или почти все детали личины и головного убора. Если на стеле имеется несколько антропоморфных личин, каждая из них рассматривается по отдельности. Всего привлечено 126 стел, что составляет 136 личин, и 2 личины взяты с писаницы.

Рассмотрим в отдельности каждый элемент изображения.

Лицо или личина (рис. 1). Включает контур лица, глаза, рот, нос, уши. Незначительные различия — размеры лица, а также отдельных деталей, — меньшие или большие, опускаются.

Контур лица (рис. 1, графа I). Некоторые личины не имеют контура. Это те, которые изображены на широкой плоской грани плит. Большинство же ограничено контуром, выполненным желобком. Всего зафиксировано 8 вариантов контуров: овал, удлинённый овал, овал с заостренной или скошенной нижней частью, прямоугольник или квадрат с закругленными углами, круг и эллипс. Учитывая, что одни представлены значительным количеством экземпляров, а другие единичные, контуры лица можно свести к трем основным вариантам: овальные (72%), круглые (5%) и подчетырехугольные (10%). Отсут-

ствие контура лица будет считаться четвертым вариантом (13%).

Глаза (рис. 1, графа II). По количеству глаз личины на стелах отчетливо делятся на две группы: двухглазые и трехглазые. У тех и других встречаются одинаковые варианты изображения глаз. Различаются 22 варианта или разновидности. Чаще всего глаза изображены лунками, кружками либо кружками с лунками. Реже встречаются глаза в виде двух концентрических кружков и двух концентрических кружков с лункой посередине. Наблюдаются случаи, когда два глаза не соответствуют третьему. Например, два глаза изображены лунками, а третий — кружком или кружком с лункой; два глаза изображены двумя кружками, а третий — кружком с лункой и т. д. Поскольку последние варианты очень индивидуальные, их можно присоединить к шести основным: две лунки (22%), два кружка (5%), два кружка с лунками посередине (6%), три лунки (13%), три кружка (24%), три кружка с лунками (30%).

Нос (рис. 1, графа III). У личин носы бывают рельефные и плоские. Рельефный изображен полностью, он прямой либо с крыльями. Плоский нос изображается в виде двух точек, полукружков, реже кружков либо полукружков с точками посередине. В единичных случаях поздри соединяются перемычкой либо, помимо поздрей, намечены контуры носа. Учитывая, что отдельные варианты представлены значительным количеством экземпляров, а другие единичные, их можно свести к трем основным: нос полный рельефный (27%), нос, обозначенный поздриями-точками (23%), и нос, обозначенный поздриями-полукружками (35%). Отсутствие носа на личине считается четвертым вариантом (15%).

Рот (рис. 1, графа IV). Зафиксировано 8 вариантов рта. Чаще встречается овальный рот в виде сплошного углубления (58%). Его формы и размеры варьируют. Иногда рот выбит овальным желобком (23%), в редких случаях такой желобок разделен по краям кривыми или прямыми линиями. Сюда же относится единственный случай, когда рот выбит двумя параллельными желобками. Третий вариант составляет рельефный рот с рельефными губами и сплошь выбитым в середине углублением (19%).

Уши (рис. 1, графа V). Ушами личины называем полуовалы, изображенные за пределами контура лица, на уровне носа. В единичных случаях уши изображены кружком, треугольником, прямоугольником. Поскольку уши показаны далеко не у всех личин и при этом значительно преобладают овальные уши, само наличие или отсутствие ушей кажется более существенным признаком, чем их форма. В связи с этим выделяем два варианта: отсутствие ушей и их наличие.

Таким образом, в результате анализа всех деталей лица выделены основные их варианты. Каждому выделенному варианту даем цифровое обозначение. Например, глаза, выраженные двумя лунками, обозначаются цифрой 1, двумя кружками — цифрой 2, тремя кружками — цифрой 5. Нос в виде точек обозначен цифрой 1, а полукружками — цифрой 2. Аналогично пронумеровываются варианты рта и контура лица. Отсутствие тех или иных деталей имеет нулевое обозначение. В целом вся личина выражена пятизначным числом в следующей последовательности: контур, глаза, нос, рот, уши. Напри-

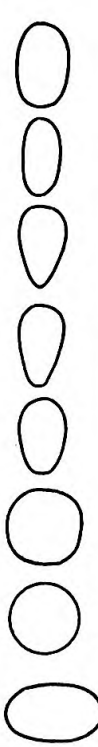
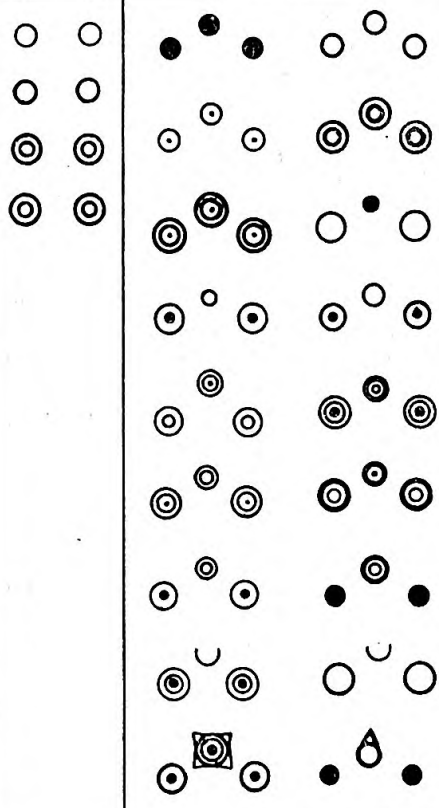
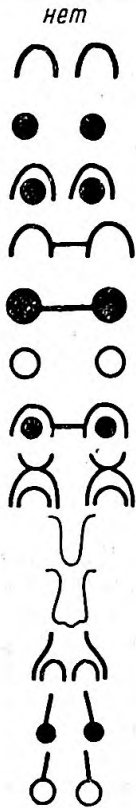

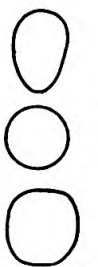
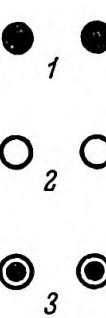
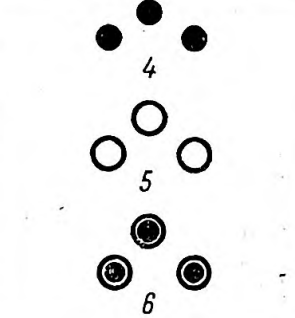

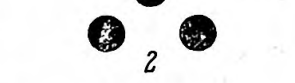
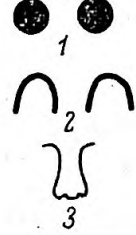

I контур лица	II глаза		III нос	IV рот	V уши
нет 			нет 		
нет 			нет 		нет 0 есть 1
			нет 		

Рис. 1. Варианты изображений различных деталей лица.

мер, 01220, 12011. Неясные или стершиеся детали обозначаются вопросительным знаком. Например: 12?31.

Полосы на лице (рис. 2). У большинства личинок есть полосы. Они располагаются на лбу, под глазами, под носом, у рта, на подбородке, а также около ушей.

Полосы на лбу (рис. 2, графа I). Зафиксировано 8 разновидностей полос, которые сводятся к трем вариантам: скобкообразные или волнистые вертикальные полосы между глаз (53%); горизонтальные прямые или волнистые полосы выше глаз (8%) и сочетание вертикальных и горизонтальных полос (2%). В ряде случаев полос на лбу нет (37%), что считается четвертым вариантом.

Полосы под глазами (рис. 2, графа II). Преобладают личинки с одной полосой под глазами, реже с двумя полосами. Несколько раз встречены три и даже четыре полосы. Поскольку последние единичны, все разновидности полос под глазами следует свести к двум вариантам: одна полоса под глазами (55%) или несколько полос (28%). Третьим вариантом считается отсутствие полос под глазами (17%).

Полосы под носом (рис. 2, графа III). Под носом также чаще бывает по одной полосе, реже две. Полосы варьируют: прямые, волнистые, с развилкой на конце, с опущенными книзу концами и т. д. В единичных случаях встречаются три горизонтальные полосы. Таким образом, под носом высечены от одной до трех полос. Однако есть личинки вовсе без полос под носом. Поэтому все разновидности целесообразно свести к двум вариантам: в первом случае под носом помещены одна или несколько полос (63%), во втором — нет полос (37%).

Полосы на подбородке (рис. 2, графа IV). Чаще бывает по одной или по две горизонтальные полосы, реже по три полосы. Учитывая, что полосы на подбородке изображены не у всех личинок, признак наличия или отсутствия полос кажется более существенным, чем их количество. Поэтому все разновидности полос на подбородке следует свести к двум вариантам: одна или несколько полос на подбородке (34%) и отсутствие полос (66%).

Полосы около ушей (рис. 2, графа V). Как и на подбородке, эмиевидные полосы около ушей — более редкая особенность личинок. Обычно их бывает по одной или по две с каждой стороны уха. Поэтому их разновидности также сводятся к двум вариантам: наличие полос около ушей (35%) и отсутствие полос (65%).

Полосы у рта (рис. 2, графа VI). Полосы в виде незамкнутых треугольников с каждой стороны рта встречены только у 11 личинок. Поэтому отмечаются два варианта: наличие полос у рта (8%) или их отсутствие (92%).

Помимо перечисленных полос, на многих личинках от носа, обозначенного одними поздрями-точками, с обеих сторон отходят вверх волнистые отростки, напоминающие запятуу. Уже говорилось, что контуры носа имеются только на нескольких плоских личинках, тогда, как правило, нет указанных отростков. Это заставляет предполагать, что подобные отростки могут означать контуры носа, а не какие-то дополнительные линии «раскраски» лица.

Подобно деталям лица выделенные варианты лицевых полос получают цифровое обозначение.

В частности, вертикальные полосы на лбу обозначены цифрой 1, горизонтальные — цифрой 2, комбинация из тех и других — цифрой 3. Отсутствие каких-либо полос имеет нулевое обозначение. В целом расположение полос на каждой личинке выражено шестизначным числом в следующей последовательности: полосы на лбу, под глазами, носом, на подбородке, около ушей и рта. Например, 111000; 010000. Неясные варианты обозначаются вопросительным знаком. Например: 121?00.

Головной убор (рис. 3). Как правило, сохраняется хуже, чем сама личинка. Эта часть камня часто отбита, сильно выветрена, затерта тершимся о стелу скотом. К тому же нередко стела стоит вниз головой и данное изображение находится в земле. Иногда сохраняются лишь отдельные детали убора. Поэтому при анализе головных уборов использовано меньшее количество изваяний, чем при анализе деталей лица. Личинки могут иметь на голове следующие украшения: вертикальную ленту, звериноподобные рога и уши, корону, лучи.

Вертикальные украшения (рис. 3, графа I). От лба многих личинок вверх по стеле поднимается вертикальное украшение. Его формы варьируют. Чаще всего оно имеет вид прямой или волнистой ленты с развилкой на нижнем конце (у лба). Однако имеется много единичных разновидностей: в виде трех прямых линий, волнистых линий с боковыми отростками, лесенки, окаймленной треугольниками, и т. д. Поскольку разновидности вертикального украшения очень индивидуальны и не все личинки имеют его, целесообразно этими разновидностями пренебречь, а выделить наличие или отсутствие вертикального украшения в головном уборе личинки.

Рога (рис. 3, графа II). Зафиксировано 8 разновидностей рогов: чаще встречаются большие широкие рога, но бывают узкие, длинные и короткие с боковыми отростками, с разветвлениями вверх и т. д. Так как последние разновидности единичны и встречаются личинки без рогов, следует выделить два варианта: наличие рогов в составе головного убора или их отсутствие.

Звериноподобные уши (рис. 3, графа III). Имеется не менее 11 разновидностей звериноподобных ушей, составляющих часть головного убора: овальные узкие и широкие, с поперечными или продольными полосами, с боковыми отростками и т. д. Большинство разновидностей единичны. Поэтому в целом различаются два варианта: наличие ушей на голове или их отсутствие.

«Короны» (рис. 3, графа IV). Есть личинки с убором на голове, напоминающим «корону». Зафиксировано 20 разновидностей «корон»: маленькие, из треугольников и ромбов; большие, с прямыми или изогнутыми зубцами; «короны» с боковыми отростками; «короны» из прямых лучей с развилками на нижнем конце и т. д. Все разновидности единичны, хотя имеют общую деталь — три зубца. Поэтому целесообразнее пренебречь различиями и установить наличие или отсутствие «короны» на голове личинки.

«Волосы» и лучи (рис. 3, графа V). На некоторых стелах на голове личинок изображены «волосы». В виде длинных прядей они опускаются по обе стороны головы. Кроме этого, встречаются прямые лучи, расходящиеся от головы вверх и в стороны. Вероятно, это те же волосы (см. ниже, с. 63). Лучи и

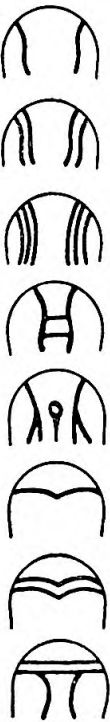

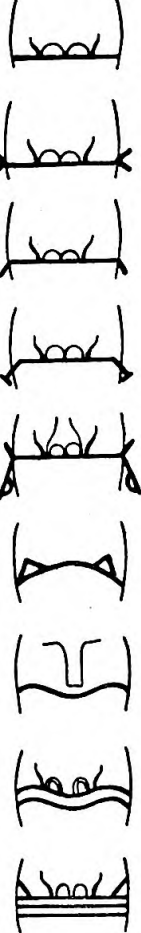

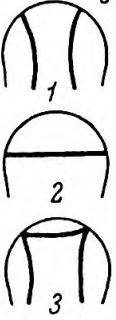
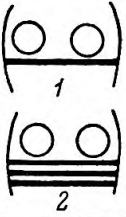
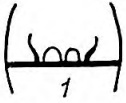
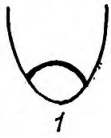

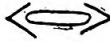

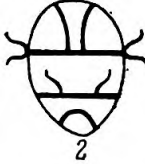
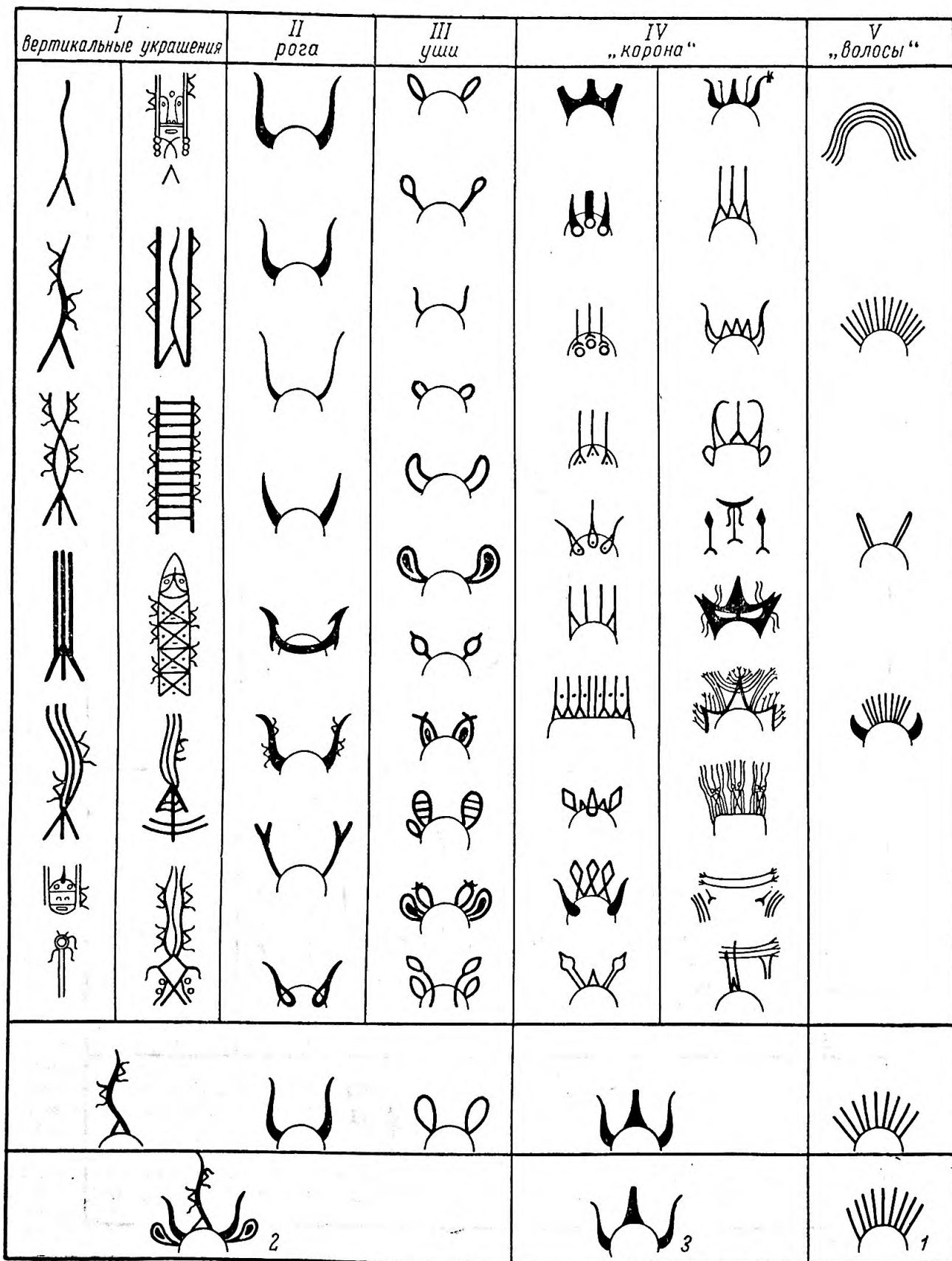
I на лбу	II под глазами	III под носом	IV на подбородке	V около ушей	VI у рта
					
<p>нет 0</p> 	<p>нет 0</p> 	<p>нет 0</p> 	<p>нет 0</p> 	<p>нет 0</p> 	<p>нет 0</p>
		<p>нет 0</p>			

Рис. 2. Варианты деталей раскраски лица.

«волосы» встречаются на стелах редко, поэтому следует различить два варианта: наличие «волос» на голове или их отсутствие.⁴

Для формализации каждая из выделенных деталей головного убора («вертикальное украшение», рога, звериные уши, «короны», лучи-«волосы») обозначается цифрой 1, что означает наличие данной детали в составе головного убора. Отсутствие той или иной детали в составе головного убора имеет нулевое обозначение. Неясная деталь обозначена вопросительным знаком. В результате головной убор личины выражается пятизначным числом. Например: 11100, 12100, 00001.

Разделение изображений на группы. В результате цифрового обозначения частей полного изображения, т. е. личины, полос на лице и головного убора, каждое полное изображение может быть выражено рядом из 16 цифр. В табл. А (Приложение I) цифровые обозначения личин расположены в порядке возрастания. В таблице выписаны обозначения лица, все комбинации лицевых полос, детали головного убора. Достаточно взглянуть на таблицу, чтобы убедиться, что есть личины с одинаковыми деталями, образующие группы.

Анализ групп из одинаковых личин показывает, что некоторые из этих групп отличаются одной деталью, контуром, трактовкой глаз, рта, либо ушами, но совпадают со всеми остальными. Это наводит на мысль, что среди всех учетных признаков могут быть менее существенные. Однако определить, какие из признаков более важные с точки зрения классификации личин, а какие второстепенные, можно лишь, сопоставив детали лица с лицевыми полосами и головным убором, т. е. целиком проанализировав всю таблицу.

Что касается комбинации полос на лице, то здесь отчетливо выделяются группы личин, у которых только одна полоса под глазами, а также группа без лицевых полос. Остальные цифровые ряды четких групп не образуют, однако, как правило, отражают обязательное сочетание полос на лбу, под глазами и носом. Исключения единичны. При сопоставлении вариантов полос с деталями лица выясняется, что лишь одну полосу под глазами имеют те личины, у которых глаза обозначены двумя лунками, рот — сплошным углублением, а нос (если он есть) — двумя точками (группы 1, 2, 5, 6). Отличаются же личины между собой только контуром. Совсем не имеют полос овальные личины с двумя глазами-лунками, рельефным носом, ртом в виде сплошного углубления и без ушей (группа 7).

Большинство личин в таблице имеют несколько вариантов полос в зависимости от их расположения в том или другом месте лица, от количества полос под глазами, а также от того, как расположены полосы на лбу, — вертикальные они или горизонтальные. Однако общим для всех этих личин является, как уже указывалось, наличие не одной, а нескольких лицевых полос. При этом идентичные личины могут иметь как вертикальные, так и горизонтальные полосы на лбу, одну или две полосы под глазами, могут иметь и не иметь полос на подбородке, около

рта и ушей. Все эти отличия выглядят малосущественными для классификации, поскольку не влекут за собой каких-либо изменений в остальных деталях лица.

Из указанного сопоставления можно сделать вывод: личины, идентичные или отличающиеся между собой только одной деталью, объединяются одинаковыми вариантами лицевых полос, а личины, отличающиеся друг от друга несколькими деталями, также различаются и вариантами лицевых полос.

При рассмотрении головных уборов наблюдаются следующие закономерности: во всех случаях, когда головной убор полностью сохранился, вертикальное украшение, рога и звериные уши встречаются вместе, а «короны» либо «волосы»-лучи по отдельности. При сопоставлении головных уборов с вариантами лицевых полос и деталей лица также можно сделать два вывода. Во-первых, личины, отличающиеся друг от друга лишь одной деталью лица, объединяются как одинаковым расположением лицевых полос, так и одинаковыми головными уборами. Во-вторых, личины, отличающиеся между собой, помимо одной детали лица, еще и количеством глаз, разнятся также вариантами лицевых полос и головных уборов. Следовательно, число глаз оказывается важным классификационным признаком, ведущим за собой разные варианты лицевых полос и головных уборов.

Той единственной деталью, которая в ряде случаев отличает личины друг от друга, бывают контур лица, трактовка глаз, рта, отсутствие ушей и даже, хотя и реже, трактовка носа. Таким образом, мы имеем право предполагать, что все эти детали несущественны для классификации изваяний на основные группы. Однако наиболее четко как малосущественный классификационный признак выступают формы контуров лица, глаз и ушей. В самом деле одинаковые контуры встречаются у личин, резко отличных друг от друга, и, наоборот, разные контуры бывают у идентичных личин, поскольку во многом зависят от материала и формы камня. Аналогично среди трехглазых личин есть разновидности, связанные с разной трактовкой глаз: в виде лунок, кружков, кружков с лунками в середине. Однако почти все они имеют несколько лицевых полос и похожий головной убор, а у некоторых совпадают и остальные детали лица.

Что касается ушей, то они зафиксированы у небольшого количества личин, как правило, у трехглазых. Так как часто нельзя установить, стерлись ли они или их не было, целесообразно этот признак не принимать во внимание.

Итак, в результате анализа табл. А можно выделить более и менее существенные признаки среди деталей лица, вариантов лицевых полос и головных уборов. Существенным классификационным признаком является число глаз — два или три. Малосущественными признаками оказались контур лица, трактовка глаз и ушей.

Среди вариантов лицевых полос существенными признаками являются отсутствие полос, наличие одной полосы (т. е. простая раскраска лица) и нескольких полос на лице (раскраска сложная) (см. ниже, с. 60), несущественными — число полос под глазами, расположение их на лбу (вертикальные или горизонтальные) и на подбородке, около рта и ушей.

⁴ Известны также головные уборы в виде конусов, но они встречаются со штриховыми, а не выбитыми личинами на плитах могильника Тас-Хазаа и на двух стелах, не включенных в классификацию (№ 83, 139).

Среди варпантов обрамления головы существенными признаками являются отсутствие головного убора, наличие «волос», «короны», звериноподобного головного убора; несущественными — отдельные детали, входящие в головной убор: вертикальное украшение, рога и звериные уши.

Цифровое описание личин с учетом только существенных признаков изображения сокращается до 5 цифр. Среди деталей лица сохраняются число глаз, нос, рот. Каждая из деталей имеет два-три варпанта. Полосы на лице обозначаются одной из цифр, соответствующих трем вариантам: нет полос, одна полоса, несколько полос. Головной убор также сводится к одному из четырех вариантов: нет убора, лучи «волосы», «корона», звериноподобный убор. Сокращенные цифровые обозначения изображения отражены в табл. В (Приложение I).

На основании анализа данной таблицы намечаются основные признаки, по которым делятся личины. Первым из них по-прежнему является число глаз, поскольку двухглазые и трехглазые личины отличаются также лицевыми полосами и головными уборами. Более того, если разделить их согласно полосам на лице или головному убору, они распадутся на те же двухглазые и трехглазые личины. Таким образом, эти три признака, число глаз, наличие того или иного варианта лицевых полос и головного убора, являются важнейшими. Что касается других признаков (рот и нос), то заметим следующее. Разная форма рта не влечет за собой изменения других деталей. Личины с одинаковым числом глаз, одной формой носа, одинаковым вариантом лицевых полос и головного убора могут иметь разную форму рта. Форма же носа иногда вызывает изменение остальных деталей личины. Например, двухглазые личины с рельефным носом не имеют лицевых полос, а с носом, обозначенным точками, имеют одну полосу под глазами. У трехглазых личин с рельефным носом рельефный рот в отличие от личин с плоским носом, у которых рот показан желобком или овальным углублением. Видно, рот никогда не является ведущим признаком, а нос бывает лишь иногда, и то в тех случаях, когда он рельефный. Поэтому варианты рта можно исключить из основных признаков, а варианты носа свести к двум: носы плоские и рельефные. Целесообразно также сократить один из вариантов головного убора. Дело в том, что «корона» или звериноподобный убор отличают трехглазые личины от двухглазых. Однако у трехглазых личин «корона» или звериноподобный головной убор не вызывают каких-либо изменений других деталей. К тому же, забегая несколько вперед, можно сказать, что «корона» является не чем иным, как тем же звериноподобным убором из рогов, ушей и вертикального украшения, но более стилизованным (см. ниже, с. 61). Значит эти два варианта головных уборов можно свести к одному, условно называемому «сложный головной убор».

Таким образом, с учетом только основных признаков цифровое описание личин выражается четырехзначным числом, под каждой из цифр которого скрываются ведущие классификационные признаки — количество глаз (два глаза — цифра 1, три — цифра 2), форма носа (нос плоский — цифра 1, рельефный — цифра 2), лицевые полосы (нет полос — 0, одна полоса под глазами — цифра 1, несколько полос на лице — цифра 2), головной убор

(нет убора — 0, «волосы»-лучи — 1, сложный головной убор — цифра 2). Например: 2122, 2120.⁵

По выделенным признакам изображения делятся на три основные отличительные группы, которые условно называются: простая, реалистическая и сложная нереалистическая (табл. В, Приложение I).

Первая группа — простая, состоит из 10 личин. К ней относятся личины с двумя глазами, без носа, с одной поперечной полоской под глазами, без головного убора, но иногда на голове изображены лучи «волосы» (№ 1—3, 7, 17, 18, 25, 97а, 99, 127 б).⁶

Вторая группа — реалистическая, состоит из 8 личин. Они все имеют два глаза и рельефный нос, но у них нет полос и головного убора. Только в одном случае изображены «волосы» (№ 16, 23, 34, 97, 106, 107, 121, 141).⁷

Третья группа — сложная, самая большая, состоит из 75 личин (около 55% всех взятых для классификации). Они представляют собой наиболее стандартный, установившийся иконографический образ и в то же время наиболее нереалистичный. Личины этой группы всегда трехглазые, с плоским носом, с несколькими лицевыми полосами и сложными звериноподобными головными уборами.⁸

Большинство изображений распадается на эти три группы. Но есть личины с каким-нибудь отклонением от той или иной группы. Они образуют подгруппы (рис. 4).

Группа простых личин имеет две подгруппы. Первую подгруппу (I-а) составляют 5 личин, аналогичных основной группе, но наличие носа в виде точек приближает их к реалистической группе личин. Вторую подгруппу образуют 8 личин (группа I-б), у которых не одна, а несколько лицевых полос (№ 6, 8, 14, 129, 134), либо 3 глаза (№ 12, 19, 27), это приближает их к группе сложных личин.

Реалистических изваяний немного, но к ним также относятся миниатюрные фигурки, стилистическое единство которых с личинами этой группы доказано М. П. Грязновым [21, 134]. В реалистической группе есть своя подгруппа, состоявшая из 9 личин, которые имеют черты личин как данной группы (рельефный нос и два глаза), так и переалистической группы (несколько лицевых полос и сложный головной убор) (№ 13, 21, 35, 42, 43, 47, 96а, 136, 140).

Подгруппу сложных нереалистических личин составляют 6 личин, отличающихся от основной группы лишь одной деталью — рельефным носом (№ 24, 26, 33, 36, 103, 108). Последним признаком они свя-

⁵ В табл. А и Б значительное число личин имеют неясное изображение носа: точками или полукружками. В связи с этим носы личин обозначены вопросительными знаками. Однако нет сомнения в том, что носы у них плоские, а не рельефные, поэтому в табл. В носы этих личин также обозначены цифрой 1.

⁶ Очевидно, к этой же группе относится личинка 133, верх которой обломан.

⁷ К этой группе, может быть, относятся личинки 15 и 37, у них неясны горизонтальные полосы выше лба.

⁸ У нескольких личин данной группы головной убор был, но не сохранился. У личин 61, 71, 88, 106а, 103б, 116а головной убор не зафиксирован. Однако следует иметь в виду, что верх стелы 88 обломан, на стелах 71 и 106а место, где мог быть изображен убор, выветрено, миниатюрная дополнительная личина стелы 103б не закончена, личинка 116а также не основная, а дополнительная на стелу и входит в композицию вертикального украшения головного убора основной личины. Все это заставляет и эти единичные личины отнести к нереалистической группе.

зываются с основной реалистической группой и тем самым представляют собой переходные личины от личин сложной группы к личинам реалистическим.

Таким образом, каждая из основных выделенных групп личин через свою подгруппу связывается с двумя другими: группа простых личин — со сложной

глаз, рта, носа, по много и общего. Например, глаза и рот изображены на реалистических и нереалистических личинах как ямками, так и желобками; нос в виде точек встречается на простых и нереалистических, сложных, личинах. Аналогично общие детали прослеживаются в сюжете изображения. Поперечная

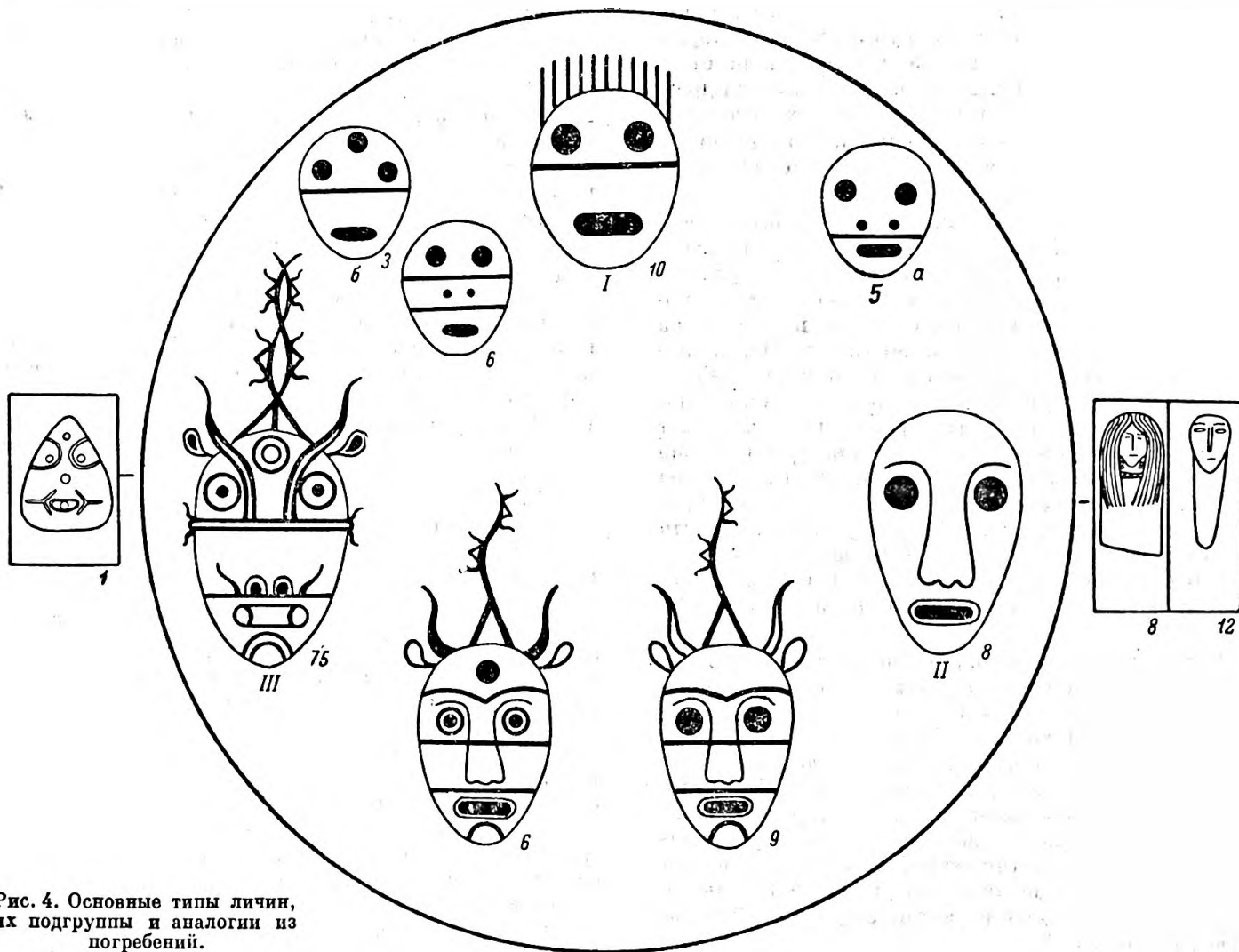

Рис. 4. Основные типы личин, их подгруппы и аналогии из погребений.

и реалистической группами, группа реалистических личин — с простыми и нереалистическими и т. п. Следовательно, выделенные основные группы минусинских изваяний нельзя считать абсолютно изолированными друг от друга. Они составляют круг взаимосвязанных памятников⁹ (рис. 4). Не нарушают этого единства ни стилистические, ни сюжетные особенности каждой группы. В частности, в каждой группе преобладает та или другая трактовка

черта под глазами есть как на простых, так и на сложных, нереалистических, личинах; лучи-«волосы», характерные для простых личин, изображены на одной реалистической (№ 16) и нереалистической (№ 96) личине; рога, признак личин нереалистической группы, и лучи сочетаются на простой и нереалистической личинах (№ 11, 76, 135). Все это свидетельствует о том, что основные три группы изваяний стилистически едины.

КУЛЬТУРНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ИЗВАЯНИЙ

Древние изваяния Сибири приобретают ценность исторического источника, если определена их культурная и хронологическая принадлежность. Только

⁹ На рис. 4 не изображены отдельные промежуточные личины, не повторяющие друг друга, а также те, у которых количество лицевых полос или головной убор остались неясными.

тогда они могут быть включены в число других памятников какого-либо определенного периода истории древних племен и использованы для изучения истории их культуры [21, 128].

В XVIII и XIX вв. эти памятники без тени сомнения связывали с курганами, на которых большинство из них стоит, а сами курганы относили к «чуждым»

или монгольским племенам [125, 145]. Так их датировали по слухам и легендам, когда еще не существовала археологическая наука. Даже Клеменц и Кузнецов-Красноярский, подметившие несколько типов среди изображений человеческих лиц на Енисее, по-прежнему считали их монгольскими. Лишь И. Р. Аспелин и В. В. Радлов датировали изваяния эпохой бронзы, по возрасту курганов, на которых они стояли и которые данные исследователи относили к бронзовому веку. Датировку запутывали древнекавказские надписи, нанесенные поверх некоторых личин. Их считали одновременными, что сильно завышало истинное время древних енисейских антропоморфных изображений [155, 474].

М. П. Грязновым и Е. Р. Шнейдером была предложена в 1929 г. первая научная датировка. Они пришли к выводу, что каменные изваяния характерного для Минусинской котловины типа стоят на курганах, относящихся к периоду не ранее первого этапа тагарской культуры (VII в. до н. э.). Но, исследуя личины во вторичном использовании, М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер предположили, что они относятся к еще более раннему периоду и принадлежат одной культурной эпохе, ограниченной сравнительно небольшим промежутком времени. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер считали наиболее вероятной принадлежность их карасукской культуре, полагая, что для изготовления изображений требовался массивные бронзовые орудия, «каковые едва ли могли быть в начальных стадиях бронзовой эпохи» [26, 82].

Находки костяных пластинок с выгравированными человеческими лицами в могильнике у церкви г. Абакана в 1945 г. позволили более точно связать елы с определившимися археологическими комплексами. Пересмотрев свою прежнюю датировку, М. П. Грязнов отнес реалистические изображения типа усть-есинской хыс-тас (№ 16) к раннеандоновскому этапу, как тогда называлась малоизученная еще группа памятников культуры, впоследствии получившей название окуневской, а все остальные изваяния — ко времени развитой андроновской культуры [21, 143].

Новая датировка не была принята большинством специалистов, которые согласились с отнесением реалистических изображений к андроновскому времени, а все остальные, нереалистические, простые и сложные, согласно нашей классификации, по-прежнему считали карасукскими [46, 165; 65, 20; 20, 550].

Однако последующие раскопки показали, что и эта датировка неточная, так как в окуневских могилах (Черновая VIII) были найдены плиты с нереалистическими личинами, а также миниатюрные каменные фигурки и пластинки типа абаканских. Причем реалистические изображения найдены в самих погребальных комплексах, а нереалистические — во вторичном использовании. Иными словами, оказалось, что реалистические изваяния не могут быть более древними, чем нереалистические, скорее наоборот. Мнения исследователей о времени древних изваяний разделились: согласно М. П. Грязнову, они все принадлежат одной культуре [21, 143], по С. В. Киселеву и А. Н. Липскому, они относятся к разным археологическим культурам, возникли на Енисее в эпохите, а может

быть, даже в эпохите и существовали вплоть до эпохи железа [48, 58; 80, 15].

Чтобы установить культурную принадлежность и, следовательно, относительную датировку изваяний, прежде всего надо «выяснить возможность увязки их с отдельными памятниками тех или иных культур» [48, 58].

К сожалению, не для всех изваяний можно установить место их происхождения. Выше 130 stel найдены стоящими или поваленными в степи и около 25 — в могилах. Не менее 30 изваяний найдено вне курганов, иногда даже далеко от них. Они массивные, имеют характерную саблевидную, заостряющуюся вверх форму или форму столба. Но среди них есть два овальных камня, а одно изваяние напоминает форму вытянутой лодки (№ 110). На стелах встречаются изображения всех трех групп, а на одной (№ 106) высечены две личины — сложная и реалистическая. Нет уверенности в том, что все найденные вне курганов стелы находились в первоначальном положении. В частности, три из них лежали изображением к земле, а одна стояла вниз головой (№ 45), явно находясь во вторичном положении.

Значительное количество изваяний встречалось на всех надмогильных сооружениях, имеющих в своей структуре стоящие камни [26, 79].

Около 20 изваяний стояли на чагасах и 15 — в помпильных сооружениях таштыкской культуры. Преимущественно они имеют вид стел, но встречаются также массивные плиты и столбы. На них высечены изображения всех трех групп. На одной стеле видны даже две личины — простая и переалистическая сложная (№ 99). Эти изваяния являются рядовыми плитами оград, ориентированы как попало и стоят иногда вверх ногами.

Более 50 изваяний стояли в оградах тагарских курганов. Среди них большинство массивных стел, столбов, бесформенных глыб и плит; значительно меньшее число их имеет толщину 12—15 см. Последние найдены в стенках оград, в то время как остальные использованы для угловых камней. Они также служат рядовыми плитами оград и ориентированы как попало. К тому же несколько изваяний были вкопаны вниз головой. Таким образом, стелы использовали вторично в зависимости от своей пригодности для стенок или угловых камней оград. На тагарских курганах также встречены изваяния всех трех групп, а на одной из стел (№ 103) высечены две личины — реалистическая и нереалистическая.

Значительная серия изваяний найдена в самих могилах. Как правило, данные памятники имеют вид тонких плит с плоским изображением личины на широкой грани. Плиты с личинами во всех случаях использованы вторично, точнее говоря, как строительный материал для покрытия могил или стенок ящиков-гробов.

Самые ранние могилы, где использованы изваяния, относятся к окуневской культуре. В них же встречено и наибольшее количество плит с изображениями. Первое место среди окуневских могильников занимает могильник Черновая VIII (на р. Черновой), давший более 15 обломков плит с антропоморфными рисунками. Девять плит найдены непосредственно в могилах, остальные — в оградах. Все личины на плитах относятся к нереалистической, сложной группе [14, 217]. Помимо личин, на двух плитах вырезаны фигуры двух мужчин и одна

желтая. Лица людей изображены в профиль, они реалистичны, без полос и третьего глаза. У женщины по спине распущены волосы [17, 262, рис. 1, а]. Похожее изображение женской фигуры выбито на плите ограды одного из курганов в окуневском могильнике Сыда V [17, 262, рис. 1, б], а три изваяния найдены Н. В. Леонтьевым среди плит могильника Лебяжье.

В кургане Тас-Хазаа найдены обломки от трех высеченных и одной крашеной личины. Лишь одна целая личина имеет два глаза-лунки, рот в виде овального углубления, на голове два луча. Она без поперечной полосы под глазами, но, судя по остальным деталям, соответствует группе простых личин (№ 90). Еще большее с ними сходство обнаруживают штриховые рисунки людей на плитах того же кургана. У некоторых из процарапанных фигурок лица без носа, под глазами черта, а на голове изображены лучи-«волосы» или высокие шапки [81, 165, рис. 2].

Два изваяния найдены в могилах кургана, известного под названием «Большое кольцо», у истоков речки Камышты. Одна личина двухглазая, с рельефным носом, но с поперечными лицевыми полосами. Согласно классификации, она относится к подгруппе реалистических личин (№ 136). Вторая личина тоже двухглазая, плоская, безносовая, с лучами на голове, но также с несколькими лицевыми полосами. Она соответствует подгруппе простых личин (№ 134).

В могилах андроновской культуры изваяния встречены дважды: Сухое озеро I, долина речки Черновой, раскопки Максименкова 1963 г.; Соленоозерная I, р. Белый Июс, раскопки Нащекина 1964 г. Обе личины относятся к сложной, нереалистической группе (№ 152, 137).

Две плиты известны из могил карасукской культуры. Одна со сложной, нереалистической личинкой (№ 74) найдена в с. Знаменке [24, 88]. Другая с личинкой простой группы (№ 133) обнаружена на площадке Есинской МТС, на р. Еси [77, 277].

В могилах тагарской культуры изваяний пока не найдено, не считая плит с изображением хищников и штриховым рисунком фигуры человека в высоком головном уборе. Последнее изображение (на плите в каменном завале могилы на площадке Есинской МТС) аналогично человеческим фигуркам в Тас-Хазаа [77, 277].

Следовательно, все три группы изваяний найдены во вторичном использовании в могилах разных археологических культур, начиная с окуневской. Тем самым, отпадает возможность связывать их происхождение с последующими культурами — андроновской, карасукской и т. д. Более того, факт нахождения разных изображений в окуневских могилах наводит на мысль, что между группами нет хронологического разрыва. Подобное предположение подтверждается также и стилистическим единством изваяний разных групп.

Убедительным доказательством одновременности изваяний, относящихся к разным группам, служат те из них, где выбиты две и более различных личин, каждая из которых является частью единого образа, целого изображения. К таким стелам относятся ширинская, палгановская, «киме-тас» (Абаканский музей) и тагминская (Миусинский музей).

На ширинской стеле (№ 103) основное изображение принадлежит к реалистической группе, а в рисунке головного убора есть две личины, относящиеся к простой и сложной, нереалистической группам. Все три личины образуют единый рисунок, что полностью исключает возможность их одновременности.¹⁰

В верхней части стелы из окрестностей улуса Палганова (№ 99) высечена двухглазая личина (группа I). Верхний слой плиты, где расположена вторая, нижняя, личина, осыпался, однако сохранившийся контур лица, полоса на подбородке, а также рога определяют ее принадлежность к сложным личинам (группа II). Оба изображения, как и на ширинской стеле, образуют единый рисунок.

На залощенной плоской грани стелы из улуса Тазмина (№ 98) выбито и окрашено охрой подчетырехугольное трехглазое лицо, испещренное лицевыми полосами, с серьгами и в оригинальной «короне» из трех пучков змеевидных отростков (группа II). Непосредственным продолжением этого изображения является вторая двухглазая личина, помещенная на уровне груди первой личины (группа I). Оба рисунка создают единый образ, воплощенный в камне.

Посередине стелы «киме-тас» (девица или камень-лодка, № 110) высечена крупная фантастическая личина с тремя глазами, многочисленными лицевыми полосами, звериными рогами и ушами (группа II). В рисунке головного убора использованы несколько личин, имеющих только по два глаза и рот (группа I). Следовательно, и на этой стеле личины разных групп (I и II) образуют один общий рисунок.

Таким образом, оказался справедливым вывод М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера, сделанный еще в 1929 г.: строго выдержанный стиль минусинских изваяний во всем многообразии форм не мог жить в течение целого ряда культурных эпох, изваяния относятся к одной культурной эпохе, ограниченной сравнительно небольшим промежутком времени [26, 79].

Предположить, что изваяния, возникнув в эпоху энеолита, продолжали сохраняться и в дальнейших культурах, т. е. изготавливались по древнему стандарту последующими сибирскими племенами, андроновскими, карасукскими и тагарскими, невозможно, поскольку племена различных археологических культур отличаются не только друг от друга, но и от энеолитических племен своими формами хозяйства и социальными отношениями. Следовательно, и их мировоззрение должно отличаться. К тому же за этот период сибирской истории несколько раз менялся антропологический тип, что свидетельствует о смене населения. Андроновцы, карасукцы и тагарцы, видимо, специально не уничтожали более древние изваяния. Чаще всего они, вероятно, не обращали внимания на полустершиеся изображения, когда использовали стелы для своих погребальных сооружений. Что же касается хакасов, то последние, как известно, даже поклонялись некоторым из древних изваяний, особенно похожим на женские фигуры (№ 12, 27, 106). Это, впрочем, не мешало

¹⁰ Помимо антропоморфных изображений, на стеле высечена пасть хищника, также образующая единый рисунок с личинами (см. выше, с. 56).

им одновременно другие подобные камни употреблялись для строительных и других нужд [10, 44].

К какой же конкретно культурной эпохе могут относиться изваяния? Поскольку самыми древними могилами, в которых они найдены, являются окуневские, значит верхней хронологической границей изваяний должна быть окуневская культура. Сложнее определить нижнюю хронологическую границу изваяний и, следовательно, их культурную принадлежность: относятся ли они к окуневцам, афанасьевцам или, может быть, еще более ранне?

Аргументом в пользу доокуневского времени изваяний является то обстоятельство, что они даже в окуневских могилах использовались в чисто практических целях, как строительный материал для погребальных сооружений. Следовательно, они старше самого захоронения. Именно из этих соображений некоторые исследователи склонны относить часть изваяний к афанасьевской культуре и даже к неолитическому времени [48, 58; 81, 163]. Нельзя не признать этот аргумент веским, однако целый ряд фактов свидетельствует о том, что он еще недостаточен для обоснования датировки изваяний доокуневским временем. В инвентаре афанасьевских могил не найдены какие-либо антропоморфные изображения. В окуневские же захоронениях достаточно много различных подобных находок, и они приобретают особое значение для решения вопроса о времени изваяний.

Одним из видов таких изображений являются костяные пластинки, на которых выгравировано человеческое лицо. Для пластинок использованы трубчатые кости животных. Всего известно 8 пластинок: 2 из них найдены в могильнике у церкви в г. Абакане и 6 — в могильнике Черновая VIII. Пластины не одинаковы по размерам. Длина самой большой пластинки 9 см, самой маленькой — 4 см, ширина от 1 до 4 см. Лицо на всех пластинках узкое, с длинным прямым носом, маленьким ртом и длинными волосами. Четыре имеют серьги, одно — бусы. Лица помещены всегда на верхнем конце пластинок. В одном случае, помимо лица, изображены руки и платье. Лица выгравированы тонкими штриховыми линиями, однако у трех из них контур и подбородок рельефны. Следовательно, изображения на костяных пластинках как чисто графические, так и слабо рельефные (табл. XXIV, 13, 14, 16).

Как уже указывалось, еще в 50-е гг. М. П. Грязнов указал на стилистическое сходство рисунков на абаканских пластинках с изображением, выбитым на усть-есинском камне (№ 16) [21, 132—134]. Они похожи узким овалом, заостренным подбородком, прямым носом и длинными прядями волос, спускающимися по обеим сторонам прямого пробора. На основании подобного сходства М. П. Грязнов датировал абаканские пластинки и усть-есинскую «хыс-тас» одним и тем же временем. Этот факт никем из специалистов сомнению не подвергался. Новые пластинки из Черновой VIII также похожи на усть-есинскую «хыс-тас». Следовательно, подтверждается датировка усть-есинской «хыс-тас» окуневским временем. Но теперь рисунок на усть-есинском камне не является единственной реалистической личиной на стелах, какой она долгое время оставалась. Этот рисунок открывает собой группу реалистических рельефных изображений. Наибольшее наглядное сходство связывает усть-есинскую

«хыс-тас» с бейской скульптурной головой (№ 124; табл. XXIV, 15) и с рельефным лицом, высеченным на каменном столбе, привезенным с р. Нини и хранящимся в Абаканском музее (№ 23). Однако все другие реалистические личины составляют одну группу с тремя указанными. Таким образом, вся группа реалистических мшусипских изваяний называется окуневской. Среди лиц на костяных пластинках одно пересечено поперечными штрихами под глазами и посом, что аналогично личинам реалистической подгруппы. Следовательно, и эта подгруппа находит свое отражение в погребальном комплексе.

Другим видом окуневских антропоморфных изображений являются стеатитовые пестикообразные фигурки, имеющие вид столбика, на одном конце которого выполнена круглая скульптурная голова с длинными волосами и серьгами в ушах. Такие стеатитовые фигурки были известны раньше по случайным находкам. Одна из них с речки Таштыпа хранится в Национальном музее в г. Хельсинки, куда была привезена И. Р. Аспелиным из Сибири в 1887 г. [157, 48, рис. 242]. Вторая такая фигурка найдена спустя 70 лет (в 1958 г.) школьниками у горы Сторожевой, в районе оз. Шира [30, 203—205]. В могильнике Черновая VIII обнаружено 8 целых фигурок и обломок от 9-й (табл. XXIV). В могильнике Сыда V найдена одна фигурка. Фигурки все малюпкие, в сечении круглые, наибольшая длина 5 см. Вырезанные в камне лица очень сходные, почти тождественные изображениям на костяных пластинках: овальные, вытянутые, с заостренным подбородком, прямым носом, узкими глазами и маленьким ртом. У тех и других одинаково изображены прямыми черточками волосы, в ушах серьги. Скульптурные изображения обнаруживают еще большую близость, чем графические, к рельефным реалистическим личинам на стелах (табл. XXIV, 4—11) и подтверждают, что последние относятся к окуневскому времени.

Еще одно антропоморфное изображение, найденное в одной могиле с костяными пластинками и стеатитовыми фигурами (Черновая VIII), представляет собой каменистую подвеску с нереалистической трехглазой личиной. Сквозными отверстиями высверлены три глаза, ноздря и рот. Вокруг глаз процарапаны скобообразные полосы, по краям рта — «уголки» (табл. XXIV, 12). Личина аналогична многим нереалистическим сложным личинам, как тем, которые обнаружены на плитах данного кладбища, так и тем, которые высечены на стелах в степи. Поскольку принадлежность этой подвески к окуневскому времени не вызывает сомнения, то и вся связанная с ней группа нереалистических сложных трехглазых личин, видимо, должна относиться к этому же периоду.

Итак, только простые личины (группа I) не отражены в инвентаре окуневского кладбища Черновая VIII. Однако они есть на плитах могильника Тас-Хазаа. К тому же раз все три группы антропоморфных изображений археологически одновременны, как уже указывалось выше, простые личины относятся к одному времени с реалистическими и нереалистическими, сложными, т. е. к окуневскому.

Есть и другие неравнозначные по своей ценности факты, подкрепляющие связь изваяний с оку-

невской культурой: например, отдельные вещи, изображенные на стелах и найденные в могилах, к ним относятся серьги и копыя.

Круглые крупные серьги изображены на нескольких стелах как в степи, так и в могильниках. Они же выгравированы на миниатюрных каменных и костяных фигурках. Такие же серьги неоднократно найдены в инвентаре окуневских могил, они часто лежали по две штуки с каждой стороны черепа. Именно в таком же порядке, по две и больше у каждого уха, серьги, как правило, изображены на миниатюрных фигурках и стелах (№ 96).

Что касается изображений обломков, то известны один целый рисунок и два в обломках (№ 114). Разумеется, по очертаниям на плите нельзя категорически датировать копые, однако самой близкой аналогией ему является окуневское копые из впускной могилы под г. Моисеихой [32]. Оба копыя черешковые, вытянутые, узкие и длинные, они плавно сужаются от наиболее широкой части и слегка расширяются к низу втулки. Копья сейминско-турбинского типа значительно отличаются от описанных более широкими втулкой и пером.

Ряд зооморфных изображений на стелах также находят свои аналоги в инвентаре окуневских могил, а на нескольких черепахах людей сохранились следы красных полос, пересекающих лицо в тех же местах, что и у личин (см. ниже, с. 59).

Таким образом, на основании вышеизложенных наблюдений можно сделать вывод о принадлежности стел окуневских могильников, а также и остальных древних каменных изваяний Енисея к окуневской культуре. Сомнение вызывают лишь несколько стел, не включенных в классификацию. К ним относится изваяние из улуса Кызласова, датированное Л. Р. Кызласовым таштыкской эпохой на основании внешнего сходства с таштыкскими гипсовыми масками [67, 158, рис. 61, а, б], а также два камня, отмеченные М. П. Грязновым и Е. Р. Шнейдером как памятники неизвестного типа [26, 88].

Конечно, синхронность изваяний могильника Черновая VIII и миниатюрных изображений относительная, лишь в том смысле, что они принадлежат одной археологической культуре. Поскольку во всех окуневских могилах плиты с изображениями вторично использованы, они были высечены не для погребения и не для того, чтобы сопровождать покойника в могилу, в противном случае эти плиты не были бы обломаны и поставлены как попало, обломки с изображением одного и того же «божества» не оказались бы в разных могилах. Стелы безусловно изготовлялись до сооружения могил и служили иным целям. Ясно, что они старше самих могил, в которых найдены, но не настолько, чтобы их возникновение связывать с людьми другой, предыдущей культуры — афанасьевской или более ранней. Их создавали те же люди, которые строили кладбище, ровесники погребенных или их ближайшие предки, т. е. сами окуневы. Косвенным подтверждением тому служит слабая выветренность и хрупкость изваяний могильников Черновая VIII и Тас-Хазаа. Они безусловно сравнительно недолго стояли на открытом воздухе и недолго использовались по своему прямому назначению, так как легко ломались и слоились.

Вторичное использование стел как строительного материала вскоре же после их первоначального упо-

ребления известно в археологии не только у окуневцев. Более 20 могил ямной культуры перекрыты стелами. Стелы относятся к той же ямной культуре, однако они ранее были вкопаны в землю [144, 178—181]. Существенно, что стелы ямной культуры датируются III—началом II тыс. до н. э. Вероятная датировка окуневских стел — начало II тыс. до н. э. Видимо, вторичное использование статуй, несущих определенную смысловую нагрузку в культовых представлениях, не противоречило мировоззрению человека той далекой эпохи.

Этнографией также зафиксированы многие примеры кратковременного использования символических рисунков, идолов, онгонов и т. п. Их часто сами идолопоклонники разбивали, заменяли другими, сжигали или уничтожали каким-либо другим способом. Причины подобного уничтожения бывали различные. По сведениям Д. К. Зеленина, еще в XVIII—XIX вв. остяки на Оби в случае неудачной охоты разрубали свои леканы на мелкие кусочки; пенцы не оправдавшие ожидания онгоны колотили, плевали в них и разбрасывали. Негры выбрасывали ненужный фетиш, чтобы избежать его мщения, кеты на Енисее стегали своих божков и бросали в огонь [31, 113—119]. Телеуты, шорцы и кумандинцы Алтая уничтожали своих куколок-божков, когда последние приходили в негодность или их скапливалось очень много. Шорцы заменяли куколок одной новой, а остальные уносили подальше от дома и привешивали в мешке к дереву. Телеуты помещали их на маленький плотик и пускали вниз по реке [29, 133]. Некоторые народы уничтожали священные изображения, принадлежавшие не роду, а индивидуальному человеку, это происходило после его смерти. По сведениям М. А. Кастрена, самоед Томской губернии после смерти владельца его идила считали мертвым богом и бросали в реку; то же делали гольды, предварительно разломав идола У бурят онгоны после смерти хозяина считались вредными для оставшегося потомства, и их сжигали [160, 171]. Но и поврежденные священные предметы чаще не выбрасывали, а уносили подальше в лес, в горы и там припрятывали. Например, остяки на р. Салыме, заменяя через каждые 7 лет старые онгоны новыми, первых захоранивали в землю под деревом [31, 122]. Вполне вероятно, что те из окуневских изваяний, которые высечены на тонких, легко бьющихся плитах, быстро выходили из строя и заменялись новыми.

В факте вторичного использования камней со «священными изображениями» тоже нет ничего необычного. Известны случаи, когда рисунки, связанные с определенным обрядом, по завершению его стирали и наносили новые. Например, на бронзовых зеркалах, хранящихся в Ханты-Мансийском музее, выгравированы люди в высоких головных уборах, заканчивающихся головой птиц или животных, и изображения одних животных. На них же имеются следы предыдущих изображений [149, 155]. То же явление наблюдалось еще в палеолите, когда на изображение одного животного наносилось изображение другого [110, 150].

На плите из могильника Черновая VIII высечен фантастический зверь. Помимо зверя, на плите имеются три глаза — остатки личины. Следовательно, обломанная плита с личиной и здесь была вторично использована для нового изображения.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что, как свидетельствуют этнографы, почиталось только изображение, наделенное жизнью, душой. В частности, у народов Сибири изображение считалось наделенным жизнью в тех случаях, когда имело глаза (народы Амура) либо рисовалось кровью или ее заменителем (эвенки), когда в него тем или иным путем «вселял» душу шаман. А если необходимо было удалить жизнь, душу или духа из изображения, его стирали (эскимосы), предавали огню (буряты), разбивали [36, 748—749]. Но если дух отсутствует, изображение мертво и представляет в глазах человека просто кусок дерева, игрушку или куклу [33, 226]. Ненцы, в частности, «столь мало почитательны к своим богам, что по окончании обрядов обращают кумиры в обыкновенные вещи и, нередко употребляя вместо простой палки, бросают их куда ни попало» [31, 117].

Исходя из этнографических данных, кажется логичным предполагать, что выпедшие из употребления изваяния представляли в глазах окуневцев просто кусок плиты, который в случае недостатка строительного материала можно было использовать для погребального склепа. В связи с этим можно объяснить использование плит с личинами самими окуневцами, а не чужими племенами. Первобытному человеку свойственна вера в существование не только своих, но и чужих «богов», которые могут оказаться могущественнее его собственных [146, 170—171]. Поэтому при использовании плит с личинами нужно было знать, что изображение мертво,

душа, вмещенная в него, удалена, а знать это строители могил могли при условии, что это их идолы, а не чужие.

Таким образом, использование окуневцами своих поломанных изваяний в качестве строительного материала не противоречит археологическим данным и может найти объяснение в этнографии. Очевидно, выйдя из употребления, эти изваяния теряли в глазах своих создателей смысл, святость и применялись в зависимости от своей пригодности. В связи с этим становится понятным, почему в могилах найдены тонкие плиты, а не обломки массивных. Обломки массивных стел, имеющих вид столбов, саблевидных стел или глыб, не годились ни для стенок ящичков, ни для покрытия могил. К тому же их труднее было разбить, а сами они редко выходили из строя, в то время как тонкие песчаниковые плиты легко бились и слоились. Единственный обломок относительно массивной стелы найден на речке Камыште среди булыжников, укрепляющих стенки ямы; для этой цели он подходил.

Итак, наличие на одних и тех же стелах разных личиц, каждая из которых составляет часть цельного художественного монумента, единого изображения, как и стилистический анализ изваяний, свидетельствуют об их одновременности. находка серии миниатюрных фигурок в погребальных комплексах окуневских могил наряду с некоторыми другими наблюдениями не оставляет сомнения в том, что изваяния относятся к той же окуневской культуре.

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди всех окуневских стел выделяются две стелы, заканчивающиеся вверх головой барана или архара. В то время как нижнее антропоморфное изображение плоское и стилизованное, верхнее зооморфное скульптурное и более реальное, поэтому принадлежность их к одному времени можно усомниться. С. В. Киселев считал, что «верхние личины несомненно позднейшего происхождения, времени вторичного использования памятника» [44, 283]. Л. Р. Кызласов, наоборот, нижние личины считает более поздними, чем верхние [65, 17]. К настоящему времени на стелах известны не только изображения баранов. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть все стелы с имеющимися на них зооморфными изображениями и выяснить отношение последних к самим окуневским личинам, а также связь с другими самостоятельными изображениями.

Зооморфные изображения на стелах делятся на три группы: 1) скульптурные головы баранов или архаров, 2) графические и скульптурные изображения хищников, 3) графические изображения быков.

Бараны. До нашего времени дошли три каменные скульптуры баранов, на которых есть изображения личин.

Бурский баран (табл. LI, 111). На более узкой грани стелы высечены две нереалистические сложные личины, над ними, а также на боковых гра-

нях — солярные знаки и пасти хищников. На противоположной грани изображена волнистая лента с поперечными линиями, окаймленная треугольниками. Стела заканчивается вверх скульптурной головой барана с сильно загнутыми вперед рогами. Рога высечены глубокими желобками, они неширокие, к концу суживающиеся. Глаза барана изображены двумя концентрическими кружками, ноздри — точками, рот — длинным овальным углублением.

Верхбиджинский баран (табл. XLVIII, 95). На передней (более узкой грани) сложная личина, под ней обозначены выпуклостями груди и живот. На этой же грани, выше личины, первоначально было еще одно изображение, от которого сохранились ухо и часть контура. На боковой грани высечен солярный знак. Стела заканчивается вверх скульптурной головой барана с крутыми загнутыми вперед рогами. Они неширокие, к концу суживаются. От рога отходят волнистые линии и ухо. Ноздри и глаза изображены кружками, рот — очень длинным овальным углублением. Морда барана под глазами и носом пересечена полосами. На лбу барана виден солярный знак.

Майдашинский баран (табл. XLIX, 100). В верхней части в профиль изваяна голова барана с круто загнутыми вперед рогами. Они неширокие, к концу суживающиеся и заггибающиеся внутрь. Желобком обозначено ухо, кружком — глаза, морда обломана. Кроме головы, на широкой грани изображена

глубокими желобками передняя нога. На обратной стороне высечена трехглазая личина. Может быть, на рельефном выступе под мордой барана была еще одна личина, но стерлась.

Эти изваяния различаются тем, что на двух из них изображены только головы баранов (бурьский и верхбиджинский), а на одном голова и нога (майдашинский). Однако они имеют много общих черт: большие неширокие рога, глаза-кружки, рот в виде длинного узкого углубления. Иными словами, все три головы выполнены в одной манере.

Решить вопрос о синхронности изваяний головы барана и человека можно, исходя из их компоновки на стеле. На бурьской или верхбиджинской стеле морда барана высечена сверху на выступе камня, в то время как личина человека расположена на специально затесанной грани, слившейся с шейей барана. Значит по структуре камня баран не мог высекаться позже личины. Если же баран высечен раньше, то нижняя часть камня оставалась бы необработанной или по-прежнему оформленной. Окуневцы же в таком случае должны были исключительно бережно обращаться с изображением барана, чтобы включить его органически в задуманную ими композицию, что вряд ли возможно. Видимо, скульптуры баранов синхронны с личинами. Тем более что некоторые детали изображений совпадают. На бирьской стеле у барана и личины одинаковая трактовка глаз и рта. На верхбиджинской стеле у барана одинаковый с личиной рот. Кроме того, на затылке имеется солярный знак, морда пересечена полосой, а от рога отходят волнистые линии. Это все детали, сопровождающие антропоморфные личины. Иными словами, бараны и антропоморфные личины выполнены в одной манере.

Предположение о синхронности изображений баранов и личин подтверждается при анализе композиции бурьской стелы в целом, на которой все они образуют цельный рисунок, что исключает их разновременность (табл. LI, III). Подобное уже отмечалось на ширинской, палгаповской стелах и на «кеме-гас». Разница лишь в том, что на бурьской стеле вместо верхней человеческой личины высечена морда барана.

Таким образом, размещение головы барана на стеле, одинаковая трактовка деталей зооморфной и антропоморфной личин, композиционное расположение их в едином рисунке — все свидетельствует о том, что изображение бурьского барана, а значит и остальных баранов, стилистически с ним связанных, одновременно личинам. Следовательно, они также относятся к окуневской культуре.¹¹

Хищники. Бурьская стела известна по многочисленным публикациям. Однако ни один исследователь не зафиксировал, что, помимо барана и антропоморфных личин, внизу стелы высечена развернутая голова хищника. Его пасть раскрыта и из нее торчат зубы, клыки и длинный язык (табл. LI, III).

¹¹ Известны еще два каменных изваяния баранов, на которых нет антропоморфных личин, — уйбатский и баран из Барнаульского музея. Последняя скульптура лежащего барана на основании сходства с деревянными таштыкскими статуэтками (похожа поза животных) датирована Л. Р. Кызласовым таштыкским временем. Что касается уйбатского барана (№ 101), он, вероятно, относится к той же окуневской культуре, поскольку между ним и майдашинским бараном бассейровое сходство.

Такое изображение не единично. На ширинской стеле и в котловине оз. Беле изображена в фас и профиль аналогичная морда хищника с раскрытой пастью, длинным языком, торчащими зубами и клыками. У зверя небольшие стоячие уши (табл. XLIX, 103; LIV, 140). Похожее изображение, но только скульптурное найдено в инвентаре окуневского могильника Черновая VIII (кург. 8, мог. 21). На конце костяного жезла вырезана морда хищника с раскрытой пастью и в ней голова какого-то другого животного. Глаза хищника вставные, из раскрытой пасти торчат клыки и зубы. Длина жезла 25 см, сечение круглое, поверхность украшена орнаментом в виде треугольников (табл. XXIII, 1).¹²

Очевидно, к этому же кругу памятников относится скульптурная голова зверя, хранящаяся в Красноярском музее и доставленная туда А. В. Адриановым из с. Знаменки. Плита имеет форму головы и шеи хищника. Морда массивная, пасть раскрыта, и из нее торчат клыки (№ 104) [26, 83; 13, 176].

На писанице «Сулекские девки», снятой А. В. Адриановым и опубликованной М. П. Грязновым и Е. Р. Шнейдером, высечены зверь и рядом с ним морда и уши второго животного. Последнее изображение, очевидно, не закончено, но по очертаниям морды и стоячим ушам этот зверь аналогичен вышеописанным, а также тем, что изображены на этой же писанице.¹³

Основной зверь писаницы высечен полностью. У него широкое туловище, резко сужающееся к крупу, ноги тонкие, длинные, когтистые, широкая морда с раскрытой пастью, длинным высунутым языком, торчащими зубами и клыками, а также и ленькие прямые уши (табл. LIII, 127).

Похожий зверь высечен на плите с личиной на окуневского могильника Черновая VIII (кург. 4, мог. 8). Плита служила стенкой ящика и была поставлена паружу изображением. Зверь крупный, во всю плиту, размером 110×90 см. Линии изображения широкие и окрашены охрой. У зверя широкая морда, слегка закругленный кверху нос, овальные уши. Из раскрытой пасти торчат по два клыка сверху и снизу и тонкий длинный язык. Широкое туловище резко сужается к крупу, ноги длинные, тонкие, со «шпорами» и когтями. Туловище и морда покрыты поперечными полосами. Вдоль хребта и длинного задранного вверх хвоста идут короткие вертикальные отростки (табл. LII, 117) [13, 174].

Еще один стоящий зверь высечен на писанице Третьего Лога, на берегу Енисея, выше дер. Байкалово. Зверь меньшего размера, чем предыдущие. Его длина 35 см. Он имеет аналогичное широкое в плечах и резко сужающееся к крупу туловище. Ноги длинные, но без когтей. Уши маленькие, стоячие, пасть раскрыта, и видны непропорционально большие клыки и зубы (табл. LIII, 125).

На той же писанице «Сулекские девки» имеется второе полное изображение зверя, отличающегося позой. Зверь сидит в позе человека. Его очертания не очень четкие, но все же можно определить раскрытую пасть, длинные ноги, задранный вверх хвост

¹² Каменная подвеска — изображение хищника с раскрытой пастью — найдена и в могильнике Карасук II.

¹³ Описание писаницы «сулекские девки» и ее местонахождения имеется в полевых дневниках А. В. Адрианова, хранящихся в Томском университете.

и поперечные отростки от хребта и хвоста. Он приблизительно в два раза меньше стоящего зверя (табл. LIII, 127).

Зверь в такой же позе изображен и на писанице в Третьем Логу, на берегу Енисея, ниже р. Сыды.¹⁴ У него широкие плечи и поджатый живот, длинный, но опущенный вниз хвост. Ноги согнуты в коленях, передние лапы имеют когти. Морда непропорционально большая для туловища. Пасть раскрыта, из нее торчат клыки. Уши стоячие, длинные. Длина зверя приблизительно 25 см (табл. LIII, 128).

Несколько отличен зверь на плите, служившей покрытием тагарской могилы на речке Черновой (могильник Черновая IX, кург. 2, мог. 2). Зверь сидит, у него открытая пасть, очень выпуклый живот и длинные когтистые лапы. От головы, хребта и лап идут волнистые линии пока непонятного значения. По обеим сторонам изображения высечены змеи (табл. LII, 120). Зверь занимает всю плиту размером 180×80 см.

С каждым годом увеличивается количество данных изображений. Они обнаружены на писаницах в зоне затопления Красноярской ГЭС. Два зверя, стоящий и сидящий, найдены Н. В. Леонтьевым близ устья речки Хантегир (Хантегир II), они имеют те же черты, что вышеописанные, но не высечены, а накрашены охрой. Очень выразительный стоящий крупный хищник с оскаленной пастью и когтистыми лапами обнаружен на плите тесинского кургана под г. Барсучихой [124, 247].

Таким образом, очень похожие изображения хищников есть на стелах, писаницах, а также представлены отдельными скульптурами. Они различаются между собой тем, что в одних случаях изображена только голова, а в других — голова и туловище. В свою очередь полные изображения хищника делятся на две группы: стоящих и сидящих в позе человека. Однако общих черт у всех больше, чем различий. Черты сходства прежде всего проявляются в трактовке морды: для всех изображений характерны раскрытая оскаленная пасть, непропорционально большие клыки, стоячие уши, часто высунутый язык.

Стоящие звери имеют общую трактовку туловища — оно широкое, массивное в плечах, резко сужающееся к крупу, — а также длинные тонкие лапы. Но встречаются и мелкие отличия: хвостатые и бесхвостые, с вертикальными отростками по хребту или без них. Эти мелкие различия не нарушают представления об едином образе хищника.

Сидящие звери, помимо морды, тоже имеют похожую трактовку туловища, широкого в плечах и сужающегося к крупу, длинные лапы и хвост. Хотя и у них имеются мелкие различия: разная величина ушей, наличие или отсутствие вертикальных отростков у хребта, а также хвоста, когтей.

Сходство между всеми изображениями позволяет, с одной стороны, считать, что перед нами образ одного и того же зверя, а с другой, — что все они выполнены в одной манере и должны быть синхронными. Те из них, которые найдены в могилах или высечены на камнях с личинами, помогают решить,

к какому же времени относятся все эти изображения.

Поскольку плита со зверем из могильника Черновая VIII найдена в тех же условиях, что и плита с антропоморфными личинами, т. е. в условиях вторичного использования, и даже в одной и той же могиле, и зверь, как и личины, высечен желобками, окрашенными охрой, можно предполагать их одновременность. Более веский аргумент в пользу их одновременности дает анализ всего рисунка бюрской и ширинской стел. На ширинской стеле морда хищника сливается со всеми остальными изображениями, образуя с ними одну композицию, причем сосок на человеческой груди является в то же время глазом хищника, а выпуклость груди очерчивает лоб хищника. Таким образом, само расположение хищника на стеле исключает возможность разновременности его высекания с антропоморфными личинами. На бюрской стеле голова хищника менее четко включена в единую композицию с антропоморфными личинами. Она обрамлена на затылке деталями, очень специфичными для окуневских личин, — треугольниками с волнистыми отростками, что не оставляет сомнения в ее принадлежности к тому же художественному стилю. Наконец, основным доказательством синхронности личин и хищников является сам факт нахождения в окуневских могилах костяного жезла со скульптурной головой разъяренного хищника, а также миниатюрное изображение целого хищника.

Быки. Изображения быков известны на серии плит могильника Черновая VIII, на стелах у г. Красное камня, улуса Кызласова, у оз. Черное, дер. Знаменки (табл. LII, 118, 119; XLIV, 80; XLIII, 74). Они отличаются от антропоморфных личин и хищников как реализмом, так и техникой нанесения, поскольку переданы тонкими, глубокими, врезанными линиями или силуэтом. Одни животные изображены стоящими, другие бегущими. Реалистические изображения животных на камнях непосредственно не связаны с личинами и, очевидно, вырезались с другими целями (см. выше, с. 27). Анализ плит могильника Черновая VIII позволяет установить, что быки связываются с личинами такими деталями изображения, как уголки у рта и форма рогов, а с хищниками — крестами по туловищу, теми же уголками у рта и в одном случае раскраской туловища. Кроме того, на одних плитах могильника животные расположены под личиной, а на других — поверх нее. Следовательно, изображения реалистических животных оказываются синхронными антропоморфным личинам. Значит и они принадлежат к окуневскому искусству.

Итак, все зооморфные изображения, встречаемые на стелах, — бараны, хищники и быки¹⁵ — оказываются синхронными и принадлежат окуневской культуре. Тем самым они расширяют наше представление об окуневском искусстве вообще и полнее отражают мировоззрение людей той эпохи. Кроме того, они открывают путь к изучению и, следовательно, к датировке многих наскальных рисунков древнего Енисея, связанных с ними.

¹⁴ Использован по эстампажу А. В. Адрианова, хранящемуся в МАЭ.

¹⁵ На стеле улуса Сартыгой (№ 70), а также на обломке плиты могильника Черновая VIII есть изображение лося, выполненного в той же манере, что и быки.

Оригинальные каменные скульптуры отражают идеологические представления древних ваятелей, поэтому раскрытие их смысла приблизит нас к пониманию некоторых сторон мировоззрения и верований окуневцев, что может послужить ключом к пониманию мировоззрения и других энеолитических народов, живших в сходных условиях. Семантика изваяний — узловой и очень важный вопрос. Но решить его хотя бы частично можно, только опираясь на археологические данные. Построения же, основанные на одних отдаленных этнографических параллелях, принимают, с нашей точки зрения, лишь гипотетический характер. Поэтому раскрытие смысла древних каменных изваяний Сибири зависит прежде всего от накопления археологических знаний.

Семантика изваяний включает три стороны: назначение памятника, т. е. надмогильный или иной культурный его характер; смысл отдельных деталей изображения; наконец, смысл, вкладываемый создателями изваяний в само изображение в целом.

Перечисленные стороны семантики неравноценны в возможности своей расшифровки в настоящее время. Сейчас относительно твердо можно говорить о культовом характере изваяний, а также о смысле различных непонятных на первый взгляд деталей антропоморфного изображения. На эти две стороны семантики и обращено в данной работе большее внимание. Тем более что без их объяснения нельзя решить и смысл изваяния в целом. Однако для выяснения последнего вопроса пока нет археологических данных, а этнографические параллели могут лишь указать на общее направление, в котором его надо искать.

Изваяния не имеют прямой связи с курганами. Это памятники какого-то древнего культа. Однако, поскольку многие из них стоят среди камней надмогильных сооружений, ученые и путешественники XVIII и XIX вв. видели в них надмогильные памятники. «Под рельефными изображениями, — писал Д. А. Клеменц, — правильные раскопки должны обнаружить следы могильной ямы» [50, 35]. О тех же камнях, которые стояли вне курганов, они спрашивали сторожков и зачастую показания последних, легенды, сопутствующие изваяниям, принимали за истину. Местные жители по-своему толковали эти непонятные им изображения. Например, изваяния, стоявшие вниз головой, по их представлениям, означали важных (больших) людей, умерших и ушедших в землю (в царство мертвых), а камни с отчетливыми изображениями рогов на голове они называли «айна», т. е. черт.

Путешественники не раз наблюдали поклонения и жертвоприношения «каменным бабам» со стороны хакасов. Еще Д. Г. Мессершмидт описывал, как они почитали хуртуях-тас (табл. L, 106): «Каждый из них три раза ездил вокруг нее и по совершению церемонии клал у подножия под траву часть своего провианта, чтобы статуя могла питаться сообразно своему аппетиту» [125, 17]. В XIX в. этой «старухе» открыто не поклонялись, но смазывали ее лицо жиром и сметаной. Так же ей поклонялись и в начале XX в., что зафиксировано фотографиями Островских, хранящимися в Минусинском музее. А по указанию Л. Р. Кызласова, ее по ночам кор-

мили хакасы у музея еще в 60-е гг. В архиве И. Т. Савенкова имеется запись о подобном поклонении «курчинской бабе» (табл. XXXIII, 12): «Эта баба пользуется почетом у местного населения. Осмотрена она только в 1910 г. Ведя раскопки около стелы улуса Таэмин, не хотелось возбудить тревогу среди населения. В 1910 г. мы до ее осмотра успокоили некоторых инородцев, видимо, заинтересованных этой бабой, дав слово не тревожить именно этого курганного камня».¹⁶

В какой-то степени почести и жертвоприношения со стороны местных жителей мешали считать изваяния надгробными памятниками. Сибирский губернатор А. Степанов писал: «... грубые старухи, девки, бабы (камни) не стоят на могилах, не составляют надгробных памятников, а составляют предметы чествования для татар идолопоклонников, как угодники или покровители в хорошем улове зверя и в сохранности и приплоде скота» [137, 129].

Других исследователей поклонение каменным истуканам наводило на мысль, что они были одновременно и надмогильными памятниками, и памятниками иного, непогребального культа. Н. И. Попов утверждал, что они надгробные, воздвигнутые в честь покойников, а не идолы, не изображения богов для поклонения. Но в то же время он предполагал, что, возникшая как надгробные памятники, «каменные бабы» могли превращаться в религиозный памятник у последующих потомков и даже у того народа, который их делал. Такой переход от «статуи к идолу» им был подмечен у многих народов [116, 57].

И. Т. Савенков делил изваяния на надмогильные и чисто религиозные, «вотивные». Важно отметить, что к этой мысли он пришел в результате раскопок таэминской стелы (табл. XLVIII, 98). Им была заложена разведочная канава, крестом, на протяжении 10 сажен при ширине в 2 аршина и глубине до 2,5 м. Везде встречался «целик» — нетронутая песчаная почва. Сам камень в земле был вплотную в несколько рядов обложен большими камнями, плотно сжимавшими его основание.¹⁷ Следовательно, именно в результате раскопок в конечном итоге было установлено, что некоторые из древних минусинских изваяний не являлись погребальными памятниками.

Однако распространить этот факт на все изваяния древнего типа смогли лишь в 20-е гг. нашего столетия М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер благодаря накопившимся в науке к этому времени представлениям о конструкции надмогильных сооружений разных сибирских археологических культур. В результате этих археологических открытий они могли доказать вторичное использование изваяний в оградах тагарской культуры и в чаатасах и, следовательно, отсутствие связи между изваяниями и курганами.

Таким образом, непогребальный, а иной, культурный характер изваяний установлен 40 лет назад. Сейчас, располагая большим количеством материала

¹⁶ Савенков И. Т. Рукопись. — Архив ММ, 1911 г., № 75.

¹⁷ Там же, № 86.

п новыми фактами, исследователи могут это подтвердить. К таким фактам прежде всего относится использование поломанных стел для окуневских могил. Кроме того, зафиксированы изваяния вне курганов, часто даже вдали от них. Около 10 изваяний раскопаны Л. Р. Кызласовым в 1970—1971 гг. Погребений не обнаружено, но вокруг изваяний имелись жертвенные ямки. Часть из них связана с хакасскими жертвоприношениями, другие — с костями и черепами баранов, забутованные мелкими камнями, — очевидно окуневские. Чрезвычайно важно, что у основания одной из стел, называемой «Ах-Оба» (левый берег речки Нипп), также находился череп жертвенного барана.¹⁸ Подтверждением непогребального значения изваяний служит и их классификация: изображения не индивидуальные, а делятся на три группы, отражающие три определенных, устойчивых, близких к канону образа.

Большинство изваяний имеет детали, значение которых исследователи трактуют по-разному. Это рога и звериные уши, третий глаз, полосы на лице, лучи, расходящиеся от головы во все стороны, головные уборы, поразительно напоминающие короны. Они придают изображениям нереальный, фантастический вид. А неправильное их толкование приводит к искаженному представлению данного образа.

Попытка понять смысл (расшифровать) отдельных непонятных деталей личин (трех глаз, рогов, лицевых полос и некоторых других) была предпринята И. Т. Савенковым. В трехглазых енисейских идолах он видел не изображения людей или олицетворенных богов, а «символические начертания», отражающие верования их создателей. Объяснения, которые И. Т. Савенков дает «начертаниям», очень сложны и мистичны. Приводим ниже объяснение личины одной из стел улуса Тазмин (табл. XXXV, 28). Три глаза личины символизируют: правый — восточное, восходящее солнце; левый — западное, заходящее солнце; третий — небесное око или символ полуденного солнца. Поперечную черту лица он определяет как символическую линию земли, под ней и над ней души, обращенные друг к другу, означающие небо надземное и небо подземное, «небо загробного мира». Дугообразные полосы на лбу И. Т. Савенков рассматривал как руки земли, знаки возвышения к небу третьего глаза, символа небесного света, а рот — как главную дверь души земной.¹⁹ В этих символических начертаниях он видел наличие веры их создателей в две души — небесную, которая улетает на небо, и подземную, которая уходит под землю. Однако И. Т. Савенков связывал изваяния непосредственно с погребением в данном кургане и считал, что существовала еще вера в третью душу, находящуюся неглубоко под землей, в могиле, около останков покойного. В подобном толковании чувствуется попытка автоматически связать верования в три души, сохранившиеся, в частности, у бурят еще в XIX в. [9, 13], с древними изображениями на стелах.

Особенно подробно И. Т. Савенков разъясняет смысл начертаний на второй стеле, привезенной им из улуса Тазмин. На ней две личины соединены в

одной композиции, верхняя в «короне» в виде трех змеевидных пучков (табл. XLVIII, 98). Этой стеле И. Т. Савенков придавал особое значение для понятия мировоззрения ее создателей. В отчете Минусинского музея за 1908—1909 гг. он отмечал, что этот камень в научном отношении весьма ценен, так как помогает раскрыть представления о загробной жизни в связи с культом солнца. Вот как И. Т. Савенков объясняет изображение: верхняя личина — грубая имитация человеческого лица — означает солнечное божество, три глаза — три солнца; нижняя личина представляет два сливающихся прямоугольника, верхний — душа умершего, нижний — подземное божество в «короне», принимающее эту душу.²⁰

Любопытно толкование И. Т. Савенкова двуликих стел. В его рукописях есть следующая запись: «Отдельные головы на животе женщины и на груди баранов наводят на мысль об особенностях погребального обряда. Может быть, эти начертания отмечают ритуальное значение убиваемой при погребении девицы или женщины. Только раскопки помогут до некоторой степени осветить эти очертания».²¹ Вообще И. Т. Савенков, связывая культ барана с культом солнца, предполагал, что изваяниям баранов приносили человеческие жертвы. Объяснения изображений, предложенные Савенковым, исследователей не убедили. Однако И. Т. Савенков был первым археологом, который пытался, хотя с нашей точки зрения неудачно, определить конкретный смысл изображений, сопровождающих человеческие лица на стелах.

В 1950 г. М. П. Грязнов, давая характеристику «минусинским бабам», отмечал, что значение ряда деталей изваяний — рогов, полос, третьего глаза и змеевидной, поднимающейся вверх от лба ленты — пока непонятно [21, 131]. Однако теперь благодаря новым зарисовкам и материалам появилась возможность раскрыть частично смысл того, что было неясно.

Полосы на лице (рис. 5). Полосы имеют большинство личин. Наиболее распространены три варианта их расположения на лице. Первый вариант: на лице только одна полоса, всегда под глазами, через переносье. Второй вариант: полосы проведены на лбу, под глазами, под носом и на подбородке. Как правило, на всех участках лица по одной полосе, но иногда на подбородке две полосы, либо совсем нет полос. Третий вариант: сюда же относятся личины, у которых на каком-нибудь участке лица проведено не две, а три полосы.

В ряде случаев одинаковыми, двойными или тройными линиями изображены не только лицевые полосы, но и головной убор (табл. XL, 59; XLIV, 80; XLV, 83, 85). Поэтому трудно сказать, скрывается ли за этими двойными и тройными лицевыми полосами определенный смысл или это не более чем изобразительный прием. Кроме того, в некоторых местностях, например в районе речки Черновой, на личинах, на подбородке, нет полос, в то время как в других местах, в частности по р. Уйбату, наблюдается разное их число у идентичных изваяний. Но что это значит? Случайно ли разное число полос на подбородке или нет, пока неясно.

¹⁸ Архив ИА, Р-1, № 4242, с. 90—96.

¹⁹ Савенков И. Т. Рукописи. — Архив ММ, 1940 г., № 73.

²⁰ Там же, 1911 г., № 86.

²¹ Там же, 1910 г., № 73.

В целом смысл полос на лице раскрылся, как нам представляется, в результате раскопок окуневских могил. На нескольких черепаках сохранились следы охры (Черновая VIII, кург. 8, мог. 16, 19, 21; Лебяжье, кург. 3, мог. 1; Барсучиха IV, кург. 22, мог. 2). Это не раскрашенные черепа, а краска с лица погребенных, осевшая на костях при разложении лицевых тканей. Следы краски располагаются под глазами, носом и на подбородке, т. е. они соответствуют расположению полос на сложных ли-

ного обряда тремя белыми полосами раскрашивали лицо невесте [95, 137].

Таким образом, принцип раскраски лица у окуневцев находит параллели у разных народов в разных частях земного шара.

Мотивы для раскраски тела или только лица были разные. Например, некоторые индейские племена раскрашивали лица для украшения, а черной краской покрывали лицо, когда хоронили своего сородича [111, 82]. Население Западной Австра-

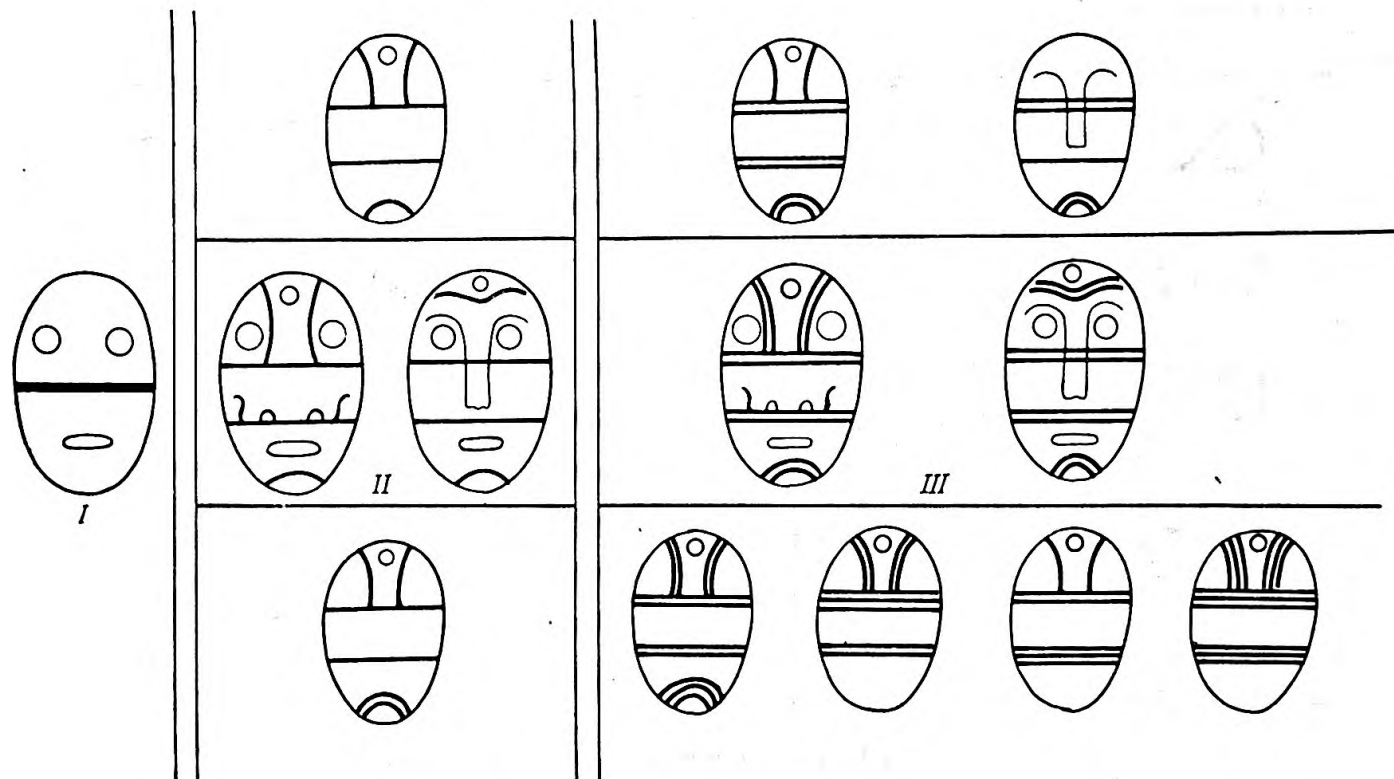

Рис. 5. Варианты раскраски лица.

чинах. Видимо, и на стелах поперечные полосы означают раскраску лица или маски.²² Об этом же свидетельствуют следы охры в желобках некоторых изваяний.

Обычай раскрашивать все тело или только лицо был широко распространен у первобытных народов. Варианты раскраски самые разные: точки, кружки, спирали, геометрические фигуры, кресты и т. д. Среди них часто встречаются полосы на лице, подобные изображенным на окуневских стелах. Белыми и черными полосами рисовали свое лицо женщины у минкопийцев на Андаманских островах [111, 82, 83]. Индейские атапаские племена раскрашивали лицо красной охрой и черным свинцом в виде трех горизонтальных полос на лбу, под носом и на уровне верхней губы, а также вертикальными полосами на подбородке [98, 189]. Жители о. Пасхи проводили красной и белой краской горизонтальные полосы на лбу, через нос, на подбородке и под носом [97, 661]. По наблюдению Н. Н. Миклухо-Маклая, жители о. Маклая во время свадеб-

ли при трауре обмазывало лицо черной краской, а затем накладывало белые пятна на лоб, щеки и виски [146, 202]. Аналогичное явление наблюдал Миклухо-Маклай на островах Адмиралтейства [95, 137]. Подобная раскраска имела цель замаскироваться, чтобы не быть узнанным душой покойника. По представлениям первобытных людей, окраска мешает умершему узнать своих соплеменников не только потому, что изменяет их внешность, но и потому, что закрывает татуировку, по которой душа умершего легко может определить члена своего племени [146, 202]. Упомянутые выше атапаские племена раскрашивали лица в торжественных случаях, индейцы юго-восточной области Северной Америки — во время военных походов, очевидно для устрашения. У кафров шаман-колдун рисовал черной краской крест на лбу воинов и полосы на щеках, так как кафры верили, что после этого они становятся невидимыми для своих врагов, а враги, наоборот, слепнут, и на них нападает страх [146, 96]. Многие племена раскрашивали лица при свадебных обрядах, а также при исполнении тотемных танцев, всей раскраской, татуировкой и прической стремясь оттенить свою принадлежность тотему. Чукчи и азиатские эскимосы во время праздника кита на-

²² И. Р. Аспелин в статье «Типы народов древней Центральной Азии» предполагал, что поперечные линии на лицах «статуй» означают татуировку (Journal de la Societe finnougrienne, 1890, t. VIII, p. 108—111).

носили на лицо особые знаки, изображающие китовые хвосты; возможно, это делалось для того, чтобы кит не «боялся» людей, принимая их за китов [36, 443]. Видимо, раскраска, как и татуировка, могла являться и отличительным признаком рода или возрастных групп.

Итак, мотивы раскраски лица бывали различны, но раскрашивались лица перподически. Поскольку следы краски сохранились на лицах умерших, можно предполагать, что окуневцы окрашивали лица

пый значок? Он всегда изображен в той же манере, что и глаза, т. е. кружками, лунками, кружками с лунками и двумя concentрическими кругами. Однако на стелах он бывает и идентичным двум другим, и отличным от них. В последних случаях он отличается либо величиной, либо формой, либо дополнительными деталями. Например, третий глаз имеет ту же форму, что два других, но он значительно меньшего размера; такой же, как и другие, но слит с треугольником, либо под ним имеется

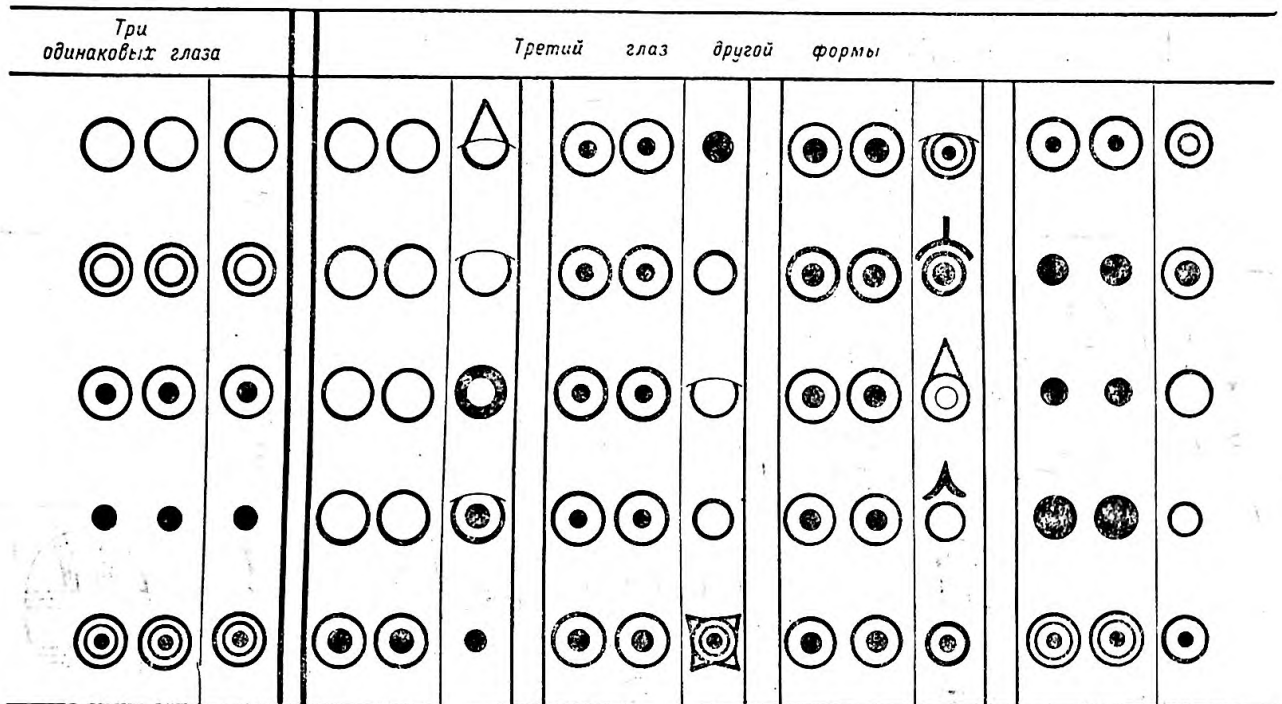

Рис. 6. Варианты изображения «третьего глаза».

своим сородичам при погребении, подобно тому как, по наблюдению Миклухо-Маклая, вымазывали красной краской покойников папуасы на островах Адмиралтейства [94, 503].

К сожалению, описывая обычай раскраски лица, этнографы не указывают, какой смысл вкладывался в ту или иную линию. Нет возможности установить это и для окуневских изображений. Следовательно, если в целом полосы, пересекающие лицо минусинских каменных изваяний, означают, видимо, раскраску лица, то разное количество полос при их строгом расположении на лице остается непонятным. Условно мы одну полосу на личине называем простой раскраской, несколько полос — сложной.

«Третий, или лобный, глаз» (рис. 6). Почти все лица на стелах со сложной лицевой раскраской имеют на лбу так называемый «третий глаз». И. Т. Савенков называл его символом полуденного солнца или небесным оком,²³ М. П. Грязнов — «третьим глазом» [21, 131], С. В. Киселев — фигурой, аналогичной глазам, или третьим кругом [46, 166, 167]. Встает вопрос: глаз ли это или лоб-

какой-нибудь значок; глаз не целый, а лишь половина; иной формы, чем два других, но одного с ними размера и т. д.

Исходя из того, что третий глаз довольно часто изображен отлочно от двух других, можно думать, что это не глаз в прямом смысле, а лобный значок, видимо, элемент раскраски лица. На последнюю мысль наводит следующее: на черепах из могильников Черновая VIII и Лебяжье, на которых зафиксированы полосы охры под глазами и носом, было также на лбу расплывшееся пятно охры. Кроме того, «третий глаз» всегда сочетается на стелах со сложной раскраской лица. Особенно ясно видно, что это не глаз, а лобный значок, у личин с рельефными носами, где он всегда значительно меньше двух других глаз.

Если наше предположение правильное, т. е. лобный значок является элементом раскраски лица, то личины, его имеющие, — не изображение каких-то фантастических трехглазых чудовищ, а людей, у которых лица раскрашены полосами и значками на лбу. Какой смысл мог вкладываться в этот значок?

В этнографии известны случаи, когда люди носили себе на лоб значок с определенными магическими целями. В частности, в нескольких районах Западной Африки человек, возвратившийся

²³ Савенков И. Т. Рукописи. — Архив ММ, 1910 г., № 73.

после долгого отсутствия, обязан был помыть себя особой жидкостью и получить на лоб от колдуна особый знак, чтобы обезвредить всякие чары, которые могли к нему пристать от чужеземных женщин и которые он через свою жену мог бы передать другим женщинам своего селения [145, 40]. В Пуне, между Бомбеем и Мадрасом, в святилище богини Парвати индусские женщины раскрашивали красной краской каменные символы плодородия и той же краской затем делали себе знак на лбу. Знак этот они возобновляли ежедневно после купания, так как верили, что данный обряд помогает вылечиться от бесплодия [111, 458]. Уже указывалось, что кафрам воинам колдун рисовал крест на лбу, чтобы сделать их невидимыми для врагов [146, 202]. Иногда знаки на лбу означали личного духа — покровителя. Женщины северных индейцев наносили на лицо знаки, имеющие отношения к культу личного духа — покровителя индейца. Чукчи и эскимосы татуировали на лице (обычно на лбу), на плече или на руке схематичную фигуру человека, которая означала личного «защитника», и ему подносили сало и табак. «Защитники» должны были оказывать помощь тем людям, которым принадлежали. Подобные фигурки накалывали и при болезнях [36, 444].

Эти примеры говорят, что знаки на лбу — явление, довольно распространенное, и смысл их самый различный. Но, видимо, на окуневских изваяниях знак на лбу имеет иное значение. Это не крест, не фигурка человека, хотя бы очень схематичная. Знак на лбу личин имеет форму глаза, хотя часто не соответствует изображению двух других глаз. Кроме того, иногда над двумя глазами и над лобным значком выбит одинаковый луч с развилкой у основания. Эти случаи также говорят, что все три изображения (глаза и значок) одного порядка. Видимо, данный элемент раскраски лица ассоциируется с дополнительным глазом, символом дополнительного зрения. Может быть, об этом свидетельствует лобный знак на «ширинской бабе» (табл. XLIX, 103), имеющий форму «солярного знака» и связывающийся, очевидно, с представлением о свете. Примеры подобного смысла значка также можно привести из этнографии. В частности, удэгейские шаманы имели головной убор с нашитыми изображениями «шаманских глаз», вырезанных из разноцветной материи или кожи. Эти глаза делались для того, чтобы шаман мог «видеть» вокруг себя то, что не видят простые люди [36, 359, рис. 209, 2].

С нашей точки зрения, можно думать, что третий глаз окуневских изваяний является лобным значком, относящимся к общей раскраске лица, но, видимо, в него вложен смысл дополнительной сверхъестественной зоркости.

Головной убор (рис. 7). Личины на стелах обрамлены по-разному. Это расходящиеся от головы лучеобразные линии, рога, звериные уши, три луча с развилкой у лба или у глаз, волнистая лента, очень сложные уборы, напоминающие «корону». Однако, как указывалось выше (см. с. 47), при всем многообразии обрамления головы можно подметить определенные закономерности. Если изображены лучеобразные полосы или «корона», то нет ничего более. В то же время три детали — рога, уши и какая-нибудь причудливая полоса или лента — встречаются вместе.

Что могут означать рога и звериные уши на голове личины? Они по многим причинам вряд ли передают голову животного, т. е. «служат целям преобразования в него» [1, 243]. Во-первых, этому противоречит помещающаяся между рогами вертикальная лента, или вертикальное украшение. Во-вторых, рога иногда похожи на бычьи, но чаще изображены очень нереально: либо слишком схематичны, либо тонкие и длинные, наподобие крысиных хвостов. В-третьих, рога и уши на голове расположены беспорядочно: иногда ухо помещено ниже рогов, иногда — выше. В-четвертых, есть случаи, когда на голове выбито по два уха или рога с каждой стороны (табл. XLII, 67, 69; XLIX, 102). Таким образом, рога и звериные уши личины, видимо, не являются собственно головным убором. Однако строгое сочетание их с вертикальным украшением, а также одинаковое расположение на голове — в центре, у середины лба, всегда вертикальное украшение, а у висков рога и уши — позволяют считать, что все детали составляют одно и то же — украшение головного убора.

В могильнике Черновая VIII (кург. 8, мог. 21) найден костяной ритон с орнаментом в нижней части (табл. XXIII, 2). Сохранилось рельефное изображение, состоящее из центральной сильно вытянутой треугольной фигуры, под которой вырезан кружок, а по бокам рога и уши. Напомним, что на стелах волнистая лента, как правило, начинается с треугольной развилки у лба личины. Вероятно, на ритоне изображены те же детали украшения головного убора личины, но более реалистично. В камне они переданы гораздо схематичнее, и, возможно, сам материал требовал их упрощения. Строго говоря, рога и звериные уши в составе украшения головного убора личины всегда нереальны, но среди них бывают более или менее схематичные, что вносит внешнее различие в головной убор в целом.

Взяв изображение на ритоне за основу, можно условно выделить два пути схематизации украшений головного убора.

Один из них заключается в том, что рога либо уши, а иногда и то и другое изображаются узкими изогнутыми линиями, а центральное вертикальное украшение, в основании которого в большинстве случаев лежит треугольник, — одним основанием (рис. 7, 1—6). В результате самым схематичным изображением украшения головного убора является треугольник с двумя рожками по бокам.

Второй путь заключается в том, что рога и уши геометризуются и превращаются в треугольники и ромбы, а центральным вертикальным украшением остается треугольник. На головах одних личин рога широкие у основания, сильно зауживающиеся сверху и заканчивающиеся длинными отростками (рис. 7, 7). У других рога короткие, изогнуты серпом — тот же вариант, но без длинных концов (рис. 7, 8). У третьих рога изображены ромбами (рис. 7, 12). Аналогично изображаются уши: овальные (рис. 7, 7), в виде треугольников (рис. 7, 8), ромбов (рис. 7, 10). Если и рога, и уши геометрической формы, обрамление головы личины напоминает «корону» (рис. 7, 12).

Таким образом, за «коронами» следует видеть те же составные детали украшения головного убора, но очень схематизированные. От упрощения или

усложнения этих деталей зависит упрощение или усложнение «короны» в целом.

Наиболее простой и распространенный вид «короны» состоит из рогов и треугольников с лучами, которыми обозначены уши (рис. 7, 13—17). Иногда не все элементы изображаются, а только три треугольника с лучами, в других случаях эти треугольники удваиваются либо превращаются в широкие лучи, сливающиеся с контуром головы. Наконец, крайняя степень схематизации — треугольники изо-

существующих вариантов и в то же время в ряде случаев орнаментальным мотивом.

Лучи или «волосы» (рис. 8). Прямые линии, расходящиеся от головы некоторых личиц вверх и в стороны (табл. XXXII, 3, 5, 7; XXXV, 32), называют в литературе чаще лучами [77, 273—276; 80, 3—4; 48, 53], реже волосами [21, 141]. Различное толкование подобных линий дает разное представление о всем образе в целом. В частности, А. Н. Липский одно из таких изваяний из улуса Онханова

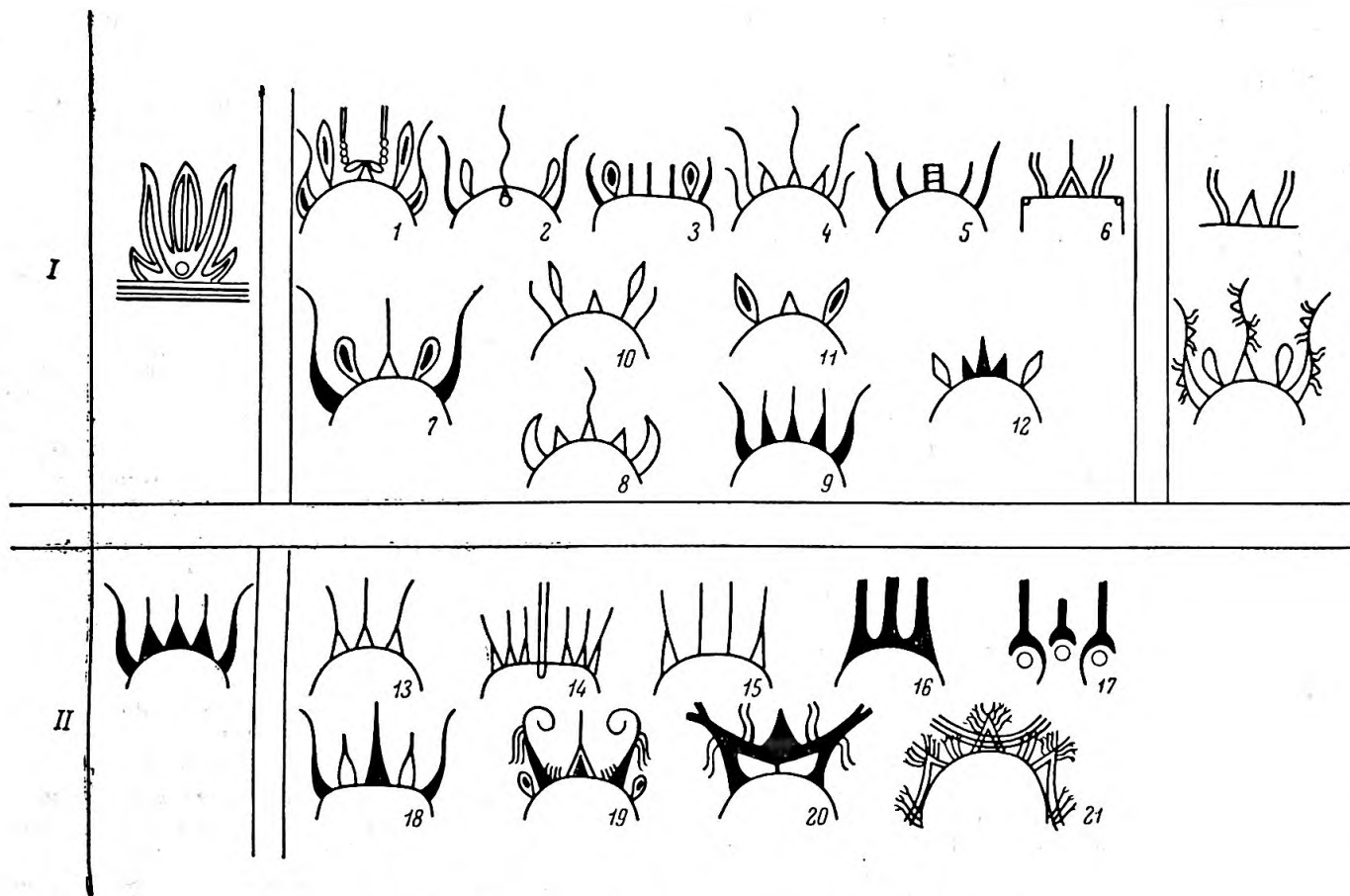

Рис. 7. Изменения и схематизация головного убора.

I — вертикальное украшение, рога и уши; II — «корона».

бражаются лучами с развилкой у основания. Последнее чаще встречается у личиц без контура лица.

Усложнение «короны» (рис. 7, 18—21) достигается дополнительными украшениями, например завитками на концах рогов и ушей (рис. 7, 19), либо сочетанием «короны» и стилизованного изображения убора в виде треугольника с рожками (рис. 7, 20). При этом иногда «корона» имеет очень сложные очертания, в которых треугольник с рожками сохраняется лишь как украшение (рис. 7, 21). В этом же значении он встречается на рогах, ушах и вертикальных лентах на наиболее полных головных уборах (табл. XXXV, 33; XXXVIII, 47; XLII, 67; XLIII, 75; XLIV, 77, 79; XLVI, 86; XLIX, 103; LI, 110, 111). Последнее обстоятельство позволяет считать, что схематизация украшений головного убора не отражает их эволюцию. Что же касается крайне схематичного выражения украшений, т. е. треугольника с рожками, оно является одним из сосу-

называет солнечным божеством именно потому, что считает эти личицы изображением солнечных лучей [78; 80, 3—4].

Всего известно 5 стел с подобными личинами.²⁴ Количество линий у них неодинаково — от 9 до 22. Личины относятся к простой группе, т. е. они двухглазые, с одной чертой, пересекающей лицо.²⁵ Изображены на широкой плоской грани камня (рис. 8, 6, 7).

Внешние лучи действительно могут ассоциироваться с солнечными: прямые, длинные, выбиты широкими желобками, между ними имеются просветы. Они очень напоминают «солнце», изображенное

²⁴ Помимо 4 стел, включенных в классификацию, имеется в виду плохо сохранившееся изображение на простом камне тагарского кургана у улуса Чаркова, на краю долины оз. Шира [80, рис. 4].

²⁵ Кроме них, известны две личины не с несколькими, а с двумя «лучами», но поскольку «лучи» могут означать рога, этих личиц мы здесь не разбираем.

в четверть диска среди пестроглифов горы Оглахты [80, рис. 1]. К сожалению, скала ниже изображения выветрена, и нет уверенности, что изображено именно солнце, а не аналогичная личина с лучами.

Тем не менее надо иметь в виду, что в виде радиально отходящих от головы линий нередко изображались и волосы. В частности, у сибирских народов на бубнах, колотушках и прочих предметах так изображались волосы на голове шаманов или их предков [36, 183, рис. 69]. Волосы изображены у

тикальные линии-лучи сочетаются с рогами, а человечки, изображенные на плитах этого могильника, имеют вокруг головы беспорядочные идущие вверх и в стороны черточки. Причем черточки у головы имеют даже человечки, одетые в высокие шапки.

Учитывая все это, а также стилистическое единство всех трех групп изваяний, мы склоняемся к тому, что и у нереалистических простых личин линиями, расходящимися вокруг головы, показаны не лучи, а распущенные волосы. В то же время можно

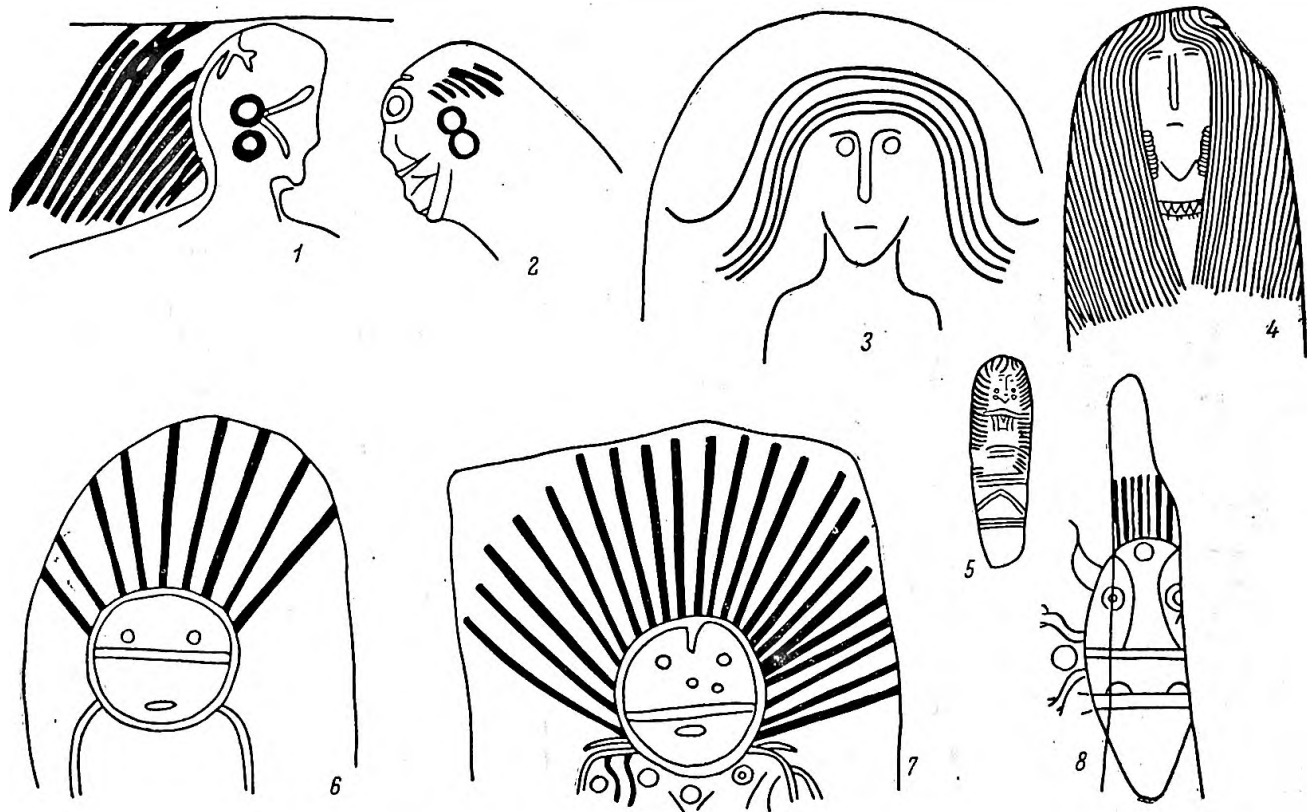

Рис. 8. Варианты изображения «волос».

единичных минусинских изваяний реалистической и нереалистической групп (табл. XXXIII, 16; XXXIV, 27; XLVIII, 96), причем они показаны такими же широкими, длинными, прямыми желобками с просветами, но идущими от головы вниз, а не вверх. Однако последнее в данном случае может объясняться формой камня и рельефностью изображения головы.

Волосы также изображены на миниатюрных каменных и костяных фигурках, но неодинаково. Только на одной (абаканской) они спускаются прямыми прядями по обе стороны пробора (рис. 8, 4), на других же показаны черточками, отходящими от головы вверх и в стороны (табл. XXIV, 13, 14, 16; рис. 8, 5).

На обломке одной из плит могильника Черно-вая VIII тонкими линиями вырезан рисунок женщины с раздвинутыми ногами. Женщина изображена головой в профиль, туловищем в фас. В ушах у нее крупные круглые серьги, на голове длинные волосы в виде прямых параллельных линий, аналогичных тем, которые мы видим у личин на стелах (рис. 8, 1). Кроме того, на стеле № 76 (табл. XLIII) и двух обломках плит из Тас-Хазаа (табл. LIII, 135) вер-

согласиться с А. А. Формозовым, который утверждает, что распущенные волосы иногда означают солнечные лучи, поскольку сравнение солнечных лучей с волосами отмечено в фольклоре [144, 210].²⁶ Разные варианты изображения волос могут объясняться индивидуальностью мастера, структурой камня, плоскостным или рельефным изображением.

Волнистая лента (рис. 9). Длинная волнистая лента, высеченная на стелах, непосредственно связана с головным убором личины. Она начинается у середины лба и продолжается до верха камня. Лента состоит из одной, двух и даже трех волнистых линий, которые в верху камня сливаются в од-

²⁶ А. А. Формозов в защиту солярного характера лучей вокруг личины приводит то обстоятельство, что подобные лучи всегда сочетаются с круглыми личинками, а на «аскызской каменной бабушке» (№ 32) выгравированы изображения змей, нередко служивших солнечным символом [144, 210]. Это не совсем точно. Лучи окружают как круглые (№ 7, 32), так и овальные личины (№ 3, 5). Змеевидные же линии характерны для большинства изваяний, прежде всего для нереалистических личин с рогами и тремя глазами, что может свидетельствовать о солярном культе, отраженном большинством изваяний, а не несколькими личинками с лучами-«волосами».

пу. У лба личины лента часто, как указывалось, имеет развилку, а на бугорках изгиба украшена треугольниками с «рожками» (рис. 9, 4, 5). Аналогичная волнистая лента на трех стелах выбита и на обратной грани камня, где она идет сверху вниз (табл. XLIV, 77; LI, III). На бьюрском баране подобная лента начинается от затылка барана. Следовательно, лента, выбитая на обратной грани камня, также непосредственно относится к головному убору,

Внутри полосы выбиты волнистая вертикальная лента либо дополнительная плоская и стилизованная личинка. Подобно волнистым лентам широкие полосы идут от середины лба личины, также окаймляются треугольниками и тянутся вверх по всей грани камня. Следовательно, и они служат украшением высоких шапок. Что касается личин, заключенных между полосами, то они, видимо, в этих случаях также являются украшением шапки. Это особенно

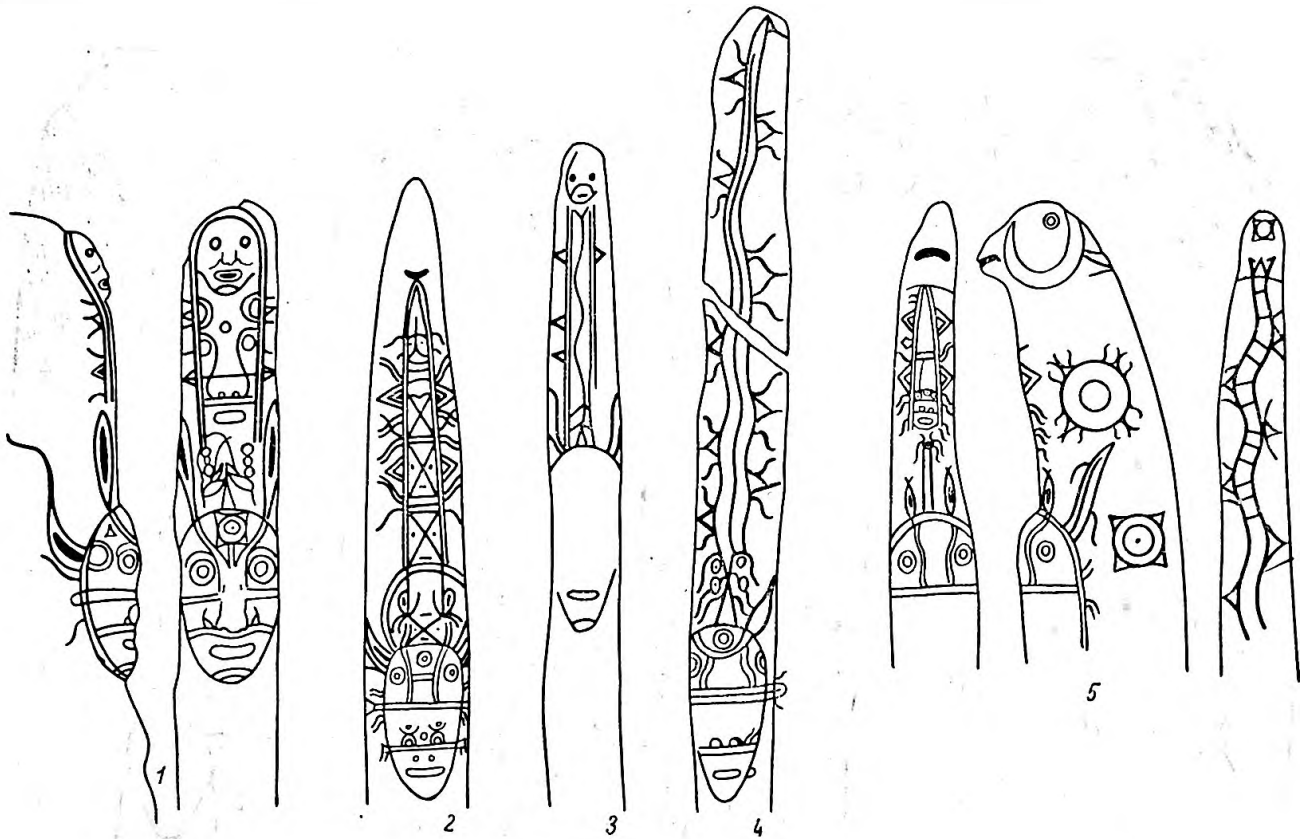

Рис. 9. Головные уборы.

как и лента, поднимающаяся вверх от лба личины (рис. 9, 5).

Лента всегда находится в середине головного убора, в то время как рога и уши расположены по-разному. Даже при самом схематичном выражении последних, при «коровах», вертикальное украшение изображается в виде треугольника — основания ленты. Видимо, вертикальное украшение, самым распространенным вариантом которого является волнистая лента, представляет собой основную деталь украшения головного убора. С другой стороны, длинная суживающаяся кверху лента свидетельствует о том, что и головной убор, украшением которого она служит, очевидно, очень высокий и также суживающийся кверху. Подобные высокие юнусообразные шапки есть на людях, изображенных на плитах Тас-Хазаа и писанице Хантемир II, а также на двух стелах (табл. XLV, 83; LIV, 139). Вероятно, волнистые ленты служили украшением аналогичных высоких шапок.

На стелах с несколькими личинами, образующими общий рисунок, основное, нижнее, изображение соединяется с верхним широкой полоской, окаймленной треугольниками с «рожками» (рис. 9, 1—3, 5).

хорошо видно на «девице-лодке» и стелах с Черного озера и котловины оз. Белё, где простые личины используются в мотивах орнамента вертикального украшения (рис. 9, 2; табл. LI, 110; LIV, 140).

Волнистые ленты на стелах С. В. Киселев называл змейчатыми, рассматривая изображенное целиком как морду дракона с рогами и хвостом [46, 168; 47, 277—278]. Видеть в антропоморфных личинах морду дракона теперь уже невозможно, что же касается семантики отдельных ливий, то С. В. Киселев, очевидно, был прав. Но даже если считать, что высокие шапки личин украшались изображениями змей, нет абсолютно никаких оснований выводить данные изображения из Китая, так как культовые представления, связанные со змеями, известны по материалам археологии и этнографии у многих народов мира на разных стадиях общественного развития. Напомним изображения змей на керамике и булавке в памятнике бронзового века Поволжья [142]. Еще более раннее изображение змеи из дерева встречено в Горбуновском торфянике, в слое, датирующемся началом II тыс. до н. э., т. е. тем же временем, что и окуневская культура [129, 33, рис. 8; 154, 54, рис. 1], и т. д.

Почитание змей встречалось на островах Тихого океана, в Азии, Африке, Америке [146, 150—153], а также у народов Сибири и Дальнего Востока. Пережитком последнего явились многочисленные изображения змей на шаманских костюмах. У приенисейских и забайкальских эвенков, у бурят к шаманским шапкам прикреплялись длинные ленты, означающие змей. Змеи изображались у негидальцев на шаманских бубнах, спине костюма, юбке и на рукавицах; у нанайцев — на лечебном головном уборе, нагруднике, бубне; у тувинцев змеи рельефно вырезались в нижней части рукоятки бубна. По мнению С. В. Иванова, изображение змеи на шаманских костюмах следует считать древнейшим [36, 161, рис. 56; 187, 189, 212, рис. 88, 90; 301—308, рис. 152—155, 166, 168; 319, 352, 387].

Пережиток древнего змеиного культа у хакасов сохранился в следующем предании, записанном в XIX в. Н. А. Костровым: «Какой-то молодой ариш увидел змею и разрубил пополам. Еще не убитая этим, змея уползла к царю змей и пожаловалась на арина. Разгневанный царь собрал всех подвластных ему малых змей и отправился мстить за нанесенную обиду. Змеи разорили улус и перебили всех жителей» [55, 229].

В связи с широко распространенным змеиным культом у первобытных народов кажется вероятным предположение, что волнистые ленты на мипусинских стелах означают змей. Наибольшее сходство со змеями имеют ленты на трех широких плитах с рек Аскиза, Малой Еси и Черновой (табл. XXXV, 32; XLVII, 91; LII, 120), где они выбиты по двум сторонам главного изображения. На плите с р. Аскиза «змеи» находятся как бы в руках «божества» с распущенными волосами; само антропоморфное изображение относится к простой группе. На плите с р. Малой Еси «змеи» сопровождают личину сложной группы, а на плите с р. Черновой — сидящего хищника. Одинаковое расположение этих змеевидных линий на плитах с разными изображениями заставляет думать, что в них вкладывался один и тот же смысл. Все они похожи на змей очертанием, а на плите с р. Аскиза три отростка на верхнем конце напоминают раскрытую змеиную пасть с длинным высунутым языком (табл. XXXV, 32). Однако аналогичные змеевидные ленты на данной плите имеют и на костюме «божества». Если предположить, что подобные ленты означают змей, то можно думать, что и на шапке, и на костюме, и как бы в руках «божества» тоже изображены змеи. Таким образом, можно говорить об устойчивом культе змеи у окуневцев.

Треугольник с рожками (рис. 7). Этот знак чаще всего связан с головным убором. Он высечен на выпуклых участках волнистой ленты либо окаймляет прямую полосу, соединяющую верхнюю и нижнюю личины стелы. Иногда он украшает рога или уши либо «корону», реже — морду хищника и «солярный знак» (табл. LI, 111). Смысл треугольника с рожками стал ясен при анализе различных вариантов схематизации украшений головного убора. Как уже указывалось, он, видимо, представляет собой крайне схематичное изображение рогов либо рогов и ушей и волнистой ленты. Наиболее ясно в этом значении он выступает на тазминской стеле (табл. XLVIII, 98). Во всех других случаях он является не основным, а дополнительным украшением

головного убора, чем и объясняется тот факт, что данный знак часто высечен не полностью, т. е. не с двумя рожками, а с одним с каждой стороны.

«Солярный знак» (рис. 10). Еще один знак, который часто встречается на стелах, в литературе принято называть «солярным», или «солнцем». Можно насчитать не менее 16 вариантов этого знака: два concentрических кружка, два кружка с точкой посередине, кружок с четырьмя треугольными лучами, два concentрических кружка с треугольными лучами, четырехугольник с треугольными лучами, аналогичный четырехугольник, но с кружком или вторым четырехугольником в середине и т. д. Таким образом, вариантов подобных знаков много, но большинство их можно разделить на два вида: это круг с четырьмя треугольными лучами или четырехугольник с кругом внутри.

Подобные значки встречаются на изваяниях всех трех групп. На большей части стел они высечены под личиной, в середине или внизу камня, реже изображены на боковой и тыльной гранях. Под личиной, на передней грани, как правило, высечен только один знак,²⁷ на боковых же и задних гранях их бывает разное количество — от 1 до 7.

Поскольку описанные знаки на стелах не связаны непосредственно с изображением личин, как например волнистые линии, следует прежде всего установить, действительно ли они синхронны окуневским личинам и не нанесены значительно позднее обитателями степей. Их синхронность с личинами устанавливается на тех плитах Черновой VIII, на которых они высечены под личинами. Один такой знак высечен, а нарисован охрой. Синхронность данных знаков с личинами можно установить, не прибегая к могильным находкам, а исходя из анализа других известных изваяний. Например, на верхбиджинской стеле с головой барана на лбу барана высечен точно такой же четырехлучевой знак, что на боковой грани стелы (табл. XLVIII, 95). Еще более интересны в этом отношении два изваяния с р. Еси. На одном из них четырехлучевой знак внутри круга сам имеет личину, на другом, помимо личины, есть рога и уши, т. е. украшения головного убора (табл. XXXIV, 25; XLVIII, 96). На бюрьском баране один из солярных знаков сливается с пастью окуневского хищника, а другой, кроме треугольных лучей, имеет рожки, образуя часто встречающийся мотив украшения — «треугольник с рожками», описанный выше (табл. LI, 111). Всего же убедительнее о синхронности личин с данными знаками свидетельствует ширинская стела, где подобный знак выбит на лбу личины в качестве третьего глаза (табл. XLIX, 103).

Таким образом, круги с четырьмя треугольными лучами или четырехугольники с кругом внутри, выбитые на стелах с личинами, без сомнения относятся к той же окуневской культуре.

Другой вопрос: можно ли все знаки на стеле считать высеченными одновременно? Обращает вни-

²⁷ Есть одно изваяние (№ 47), где под личиной высечены три знака подряд. Но из них два нижних знака — в виде кругов и без лучей — не характерны. Поэтому вполне возможно, что в данном случае изображены не «солярные» знаки, а какие-то бляхи на одежде. В то же время единичные круги без лучей имеются на стелах № 24, 69, 58. Причем на последней стеле круг высечен на боковой грани, а не под личиной и, следовательно, означать бляху на одежде не может.

манше, что часто знаки на одной и той же боковой или обратной грани отличаются друг от друга размерами и формой. На стеле с улуса Палганова 10 сохранившихся знаков образуют 6 вариантов. Причем знак под личиной, на передней грани, отличается от всех остальных. Знак под личиной на многих стелах отличается от тех, которые нанесены на боковых или обратных гранях. Следовательно, не исключено, что знаки на боковых и обратных гранях

ных местах изваяния — на животе или на лбу. Поэтому определение знаков уточнило бы и понимание самих изваяний. Но, к сожалению, окончательно определить семантику окуневских знаков пока невозможно. Много известно солярных знаков в этнографии, в частности на рисунках и выпивках у народов Сибири XIX и начала XX в. Объяснения этих знаков исходят от самих художников, но в том, что они изображают солнце, можно не сомневаться. Сре-

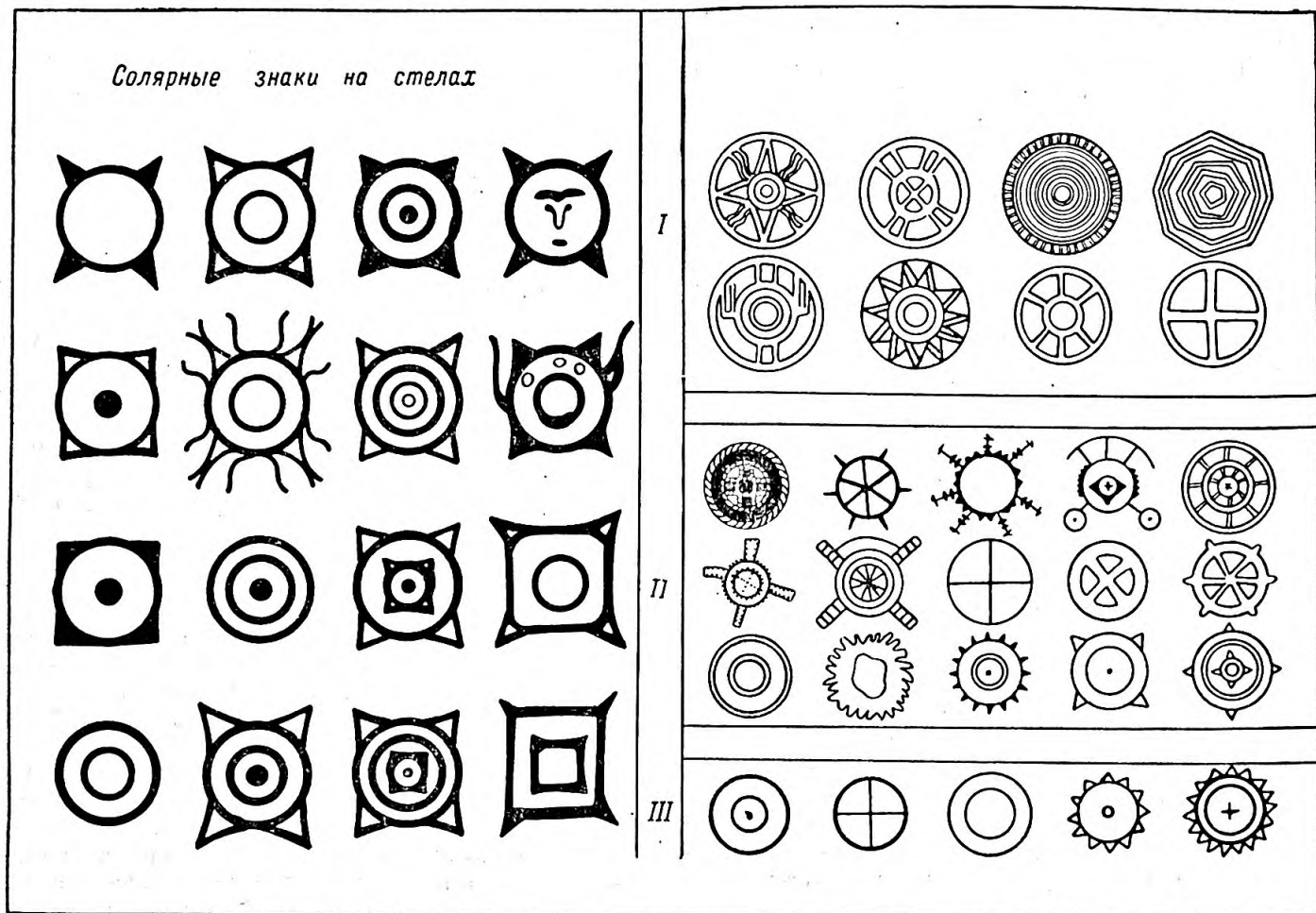

Рис. 10. Варианты изображения солярных знаков на стелах и их аналогии.

I — археологические; II — этнографические; III — ранних земледельцев.

высекались не одновременно. Возможно, они добавлялись постепенно, что было связано с какими-то обрядами. А вот знаки под личинами, видимо, высекались в момент сооружения изваяния, а не позже. За это говорит, во-первых, то, что эти знаки значительно преобладают над остальными, во-вторых, что они высечены, как правило, в одних и тех же местах — чаще всего на выпуклом животе или на месте живота; в-третьих, то обстоятельство, что, когда знаки высечены под подбородком, они почти сливаются с личиной.

Частая повторяемость на стелах одного и того же знака должна предполагать его определенное смысловое значение, соответствующее значению всего каменного изваяния в целом. Об этом можно говорить, поскольку, с одной стороны, данные знаки встречаются с атрибутами личин — с рогами и ушами, с другой стороны, они помещены в определен-

ди множества вариантов солярных знаков есть знаки, похожие на окуневские. Это круги с треугольными лучами — солярные знаки кетов и шорцев, а также четырехугольники с лучами — солярные знаки на хакасских бубнах [36, 86, 87, 604, 674]. Особенно это можно сказать об изображении солнца на берестяном туеске шорцев [36, 662, рис. 102] и в орнаменте у эскимосов [38, 230, рис. 153]. Солнце изображено здесь кругом с четырьмя треугольными лучами.

Исходя из формального сходства между этими солярными знаками и окуневскими (рис. 10), можно предположить, что знаки на стелах тоже солярные. Это предположение, казалось бы, не противоречит и археологическим данным. Из солярных знаков, наиболее близких хронологически окуневским, можно назвать солярные знаки на писаницах Онежского озера [123; 124, 121], солярные знаки

в Крыму на памятниках первой половины II тыс. до н. э. [151, 227—231], знаки на керамике из поселения Самусь IV [53, 293—294], на писаницах Урала. Следует упомянуть и нефритовые кольца, которые А. П. Окладников считает солярными изображениями в китайской и глазковской культурах [103], и т. д. Однако, хотя исследователи перечисленных памятников видят в кругах разной формы солярные знаки, это не доказано. Таким же образом остается все-таки недоказанным положение, что

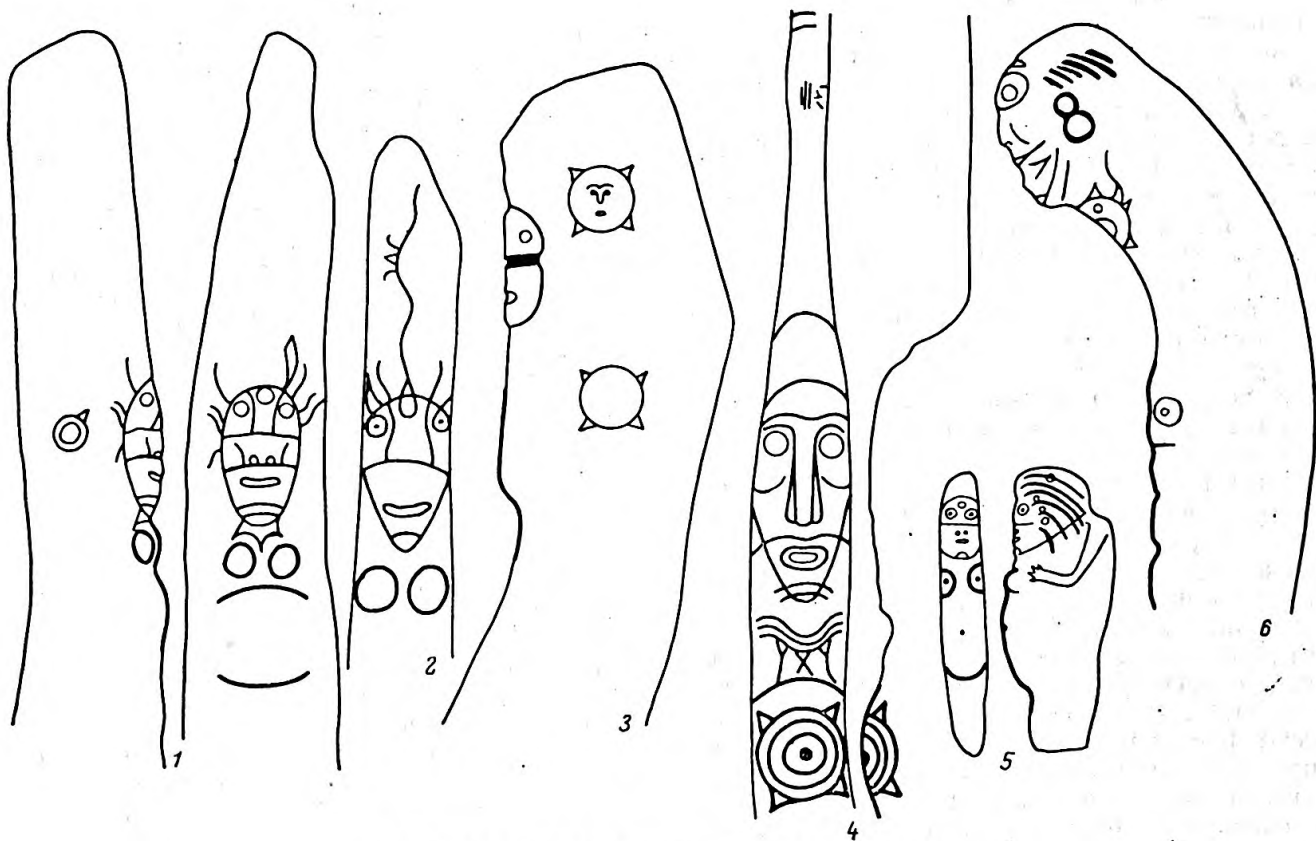

Рис. 11. Признаки женского пола на изваяниях.

окуневские знаки на стелах есть знаки солярные, а не какие-либо другие. Следовательно, солярность знаков на стелах твердо не установлена, тем не менее благодаря многочисленным аналогиям подобное предположение правомерно.

Пол изображенных на стелах (рис. 11). По вопросу, кто изображен на стелах — мужчина или женщина, существуют две точки зрения.

С. В. Киселев считал, что те изображения, которые имеют женские признаки, а именно грудь или половой орган, являются женскими. Таких памятников ему было известно лишь четыре. Все остальные антропоморфные изображения без признаков пола, которые, по его мнению, составляют подавляющее большинство, он относил к мужским [44, 282].

М. П. Грязнов во всех изображениях видит жепщия: и в тех, которые имеют половые признаки, и в тех, которые их не имеют [21, 131]. А. Н. Липский среди них видит как мужчин, так и жепщия [78, 80].

Основными признаками женского пола на изваяниях являются обозначенная выпуклостями грудь и выпуклый (беременный) живот (рис. 11, 1—5). Косвенными признаками женского пола мо-

гут служить длинные волосы и серьги в ушах. На это указывают уйбатская Кыс-таш (табл. XXXIV, 27; рис. 11, 5), у которой длинные волосы на голове сочетаются с выпуклым животом и грудями, и изваяние с. р. Еси, имеющее выпуклый живот, длинные волосы и серьги в ушах (табл. XLVIII, 96; рис. 11, 6).

Серьги в могильнике Черновая VIII встречены только у женских черепов, по два-три колечка с каждой стороны, как изображено на стелах, а также на

стеатитовых головках и костяных пластинках, подробно описанных выше.

Мужских признаков пола (усов, бороды) на стелах не видно. Салбыкский старик имеет под овалом лица не бороду, как принято считать в литературе, а овал, внутри которого есть детали несохранившейся личины (табл. XXXVI, 37).

Для анализа взяты 60 изваяний. Не учтены стелы, известные лишь по нечетким фотографиям, в силу чего нельзя разобрать, изображены ли на них грудь или живот. Не учтены и те камни, всю поверхность которых занимают одни детали лица, даже без его контура. Много стел не поддается определению по другим причинам: либо у них личина высечена почти у основания камня, врытого в землю до подбородка, либо, наоборот, они стояли вверх ногами и в тех местах, где обозначались грудь и живот, сильно выветрились.

Оказалось, что из 60 стел на 16 обозначены груди, на 10 — выпуклый живот и на 9 — то и другое вместе. Таким образом, по основным половым признакам 35 изваяний несомненно изображают жепщия. Помимо них, на 5 других стелах изображены на голове длинные волосы и еще на 5 —

серьп. Следовательно, по косвенным признакам пола еще 10 изваяний определяются как женские. Среди оставшихся изображений больше плоских, а поскольку груди и живот обозначаются рельефом, естественно, что на этих плоскостных рисунках их нет. В результате оказывается, что только около 10 изваяний, высеченных рельефом на узких гранях, не имеют признаков женского пола.

Следовательно, не единичные изображения имеют признаки женского пола, как предполагал С. В. Киселев, а наоборот, только единичные изображения этих признаков не имеют, в силу чего можно все изображения считать женскими. Тем более что изваяния без признаков пола ничем не отличаются от изваяний с отчетливыми признаками женского пола. Среди тех и других одинаково встречаются все три группы — нереалистическая, простая, сложная и реалистическая, одни и те же солярные знаки, головные уборы и т. д. К тому же, не имея женских признаков пола, указанные изваяния не имеют признаков и мужского пола. В связи с этим кажется совершенно справедливым замечание М. П. Грязнова, что если бы в практике древнего населения мипусинских степей существовал обычай изображать мужчин и женщин, то в этих изображениях можно было бы уловить хоть какие-то отличия, позволяющие разделить их на две группы. Ничего подобного в действительности нет. Отсюда следует заключить, что все изображения одного пола — либо мужские, либо женские [21, 131]. Но поскольку они все без усов и бороды, а 75% из тех, которые поддаются определению, как выяснилось, имеют признаки женского пола, их следует считать изображениями женщин.

Хищники. Среди персонажей изобразительного искусства окуневцев выделяется устойчивый образ хищного зверя. Все звери имеют открытую пасть, широкое в плечах и суженное к крупу туловище и длинные тонкие ноги с когтями. Одинаковые внешние признаки говорят о том, что перед нами изображения одного и того же зверя. Возникает вопрос, какой это зверь. И тут обращают на себя внимание две особенности данного образа. Первая особенность — собирательный характер образа, так как он сочетает в себе черты разных зверей. Легче всего это проследить на наиболее полных и крупных изображениях: на плите из могильника Черновая VIII (табл. LI, 117) и на писанице «сулекские девки» (табл. LIII, 127). У зверя из могильника Черновая VIII массивная морда с широкой короткой шеей похожа на медвежью. Но зверь не может быть медведем, так как у медведя туловище широкое и короткое, а у данного животного оно сильно сужается, живот его поджат, как у собаки и волка. Есть некоторое сходство с тигром в раскраске тела и длинном хвосте. В то же время торчащей гривой зверь напоминает гиену. Совершенно не вяжутся с тяжелым телом длинные тонкие ноги, заканчивающиеся когтистой лапой, птичьей или лапой хищника с выпущенными когтями. Если бы не тонкие «куриные» ноги со шпорами и когтями, можно было бы думать, что перед нами изображение какого-то реального зверя, но сильно искаженного. Однако последнее заставляет в нем видеть не реального зверя, а вымышленного, фантастического [13, 174—176]. Зверь с писаницы тоже сочетает в себе «медвежью» морду, волчье туловище и длинные когтистые лапы, что делает его также фантастичным.

Вторая особенность окуневского зверя в том, что он всегда изображен с раскрытой пастью и устрашающими клыками, как бы в разъяренном виде. Это подчеркнуто и вертикальными складками на хищной морде, изображенной впису пириинской стелы (табл. XLIX, 103). Подобные складки образуются на лбу собаки или волка в состоянии ярости.

Итак, образ зверя фантастичен, и, исходя из его всегда разъяренного вида, можно думать, что он также злой, хищный. Образ этот, судя по знаку пола, мужской (табл. LII, 117).

Наголовники или маски (рис. 12). Представляют себе головной убор личин полностью помогают антропоморфные изображения Тас-Хазаа. Человеческие фигурки прочерчены тонкими неглубокими штрихами. Далеко не все штрихи понятны, но около 15 фигурок можно различить. На одном обломке три фигурки и птица помещены рядом друг с другом и, возможно, образуют какую-то композицию (табл. XLVII, 90). Остальные фигурки размещены без видимого порядка: по-разному направлены, одна поверх другой, головами в разные стороны. Наиболее различимы человеческие фигурки можно разделить на три группы: в высоком головном уборе, с черточками-лучами вокруг головы и с птичьей головой (рис. 12, 4—9).

Все лица антропоморфных фигурок имеют два глаза, одну черту поперек лица и не имеют носа. Они соответствуют простой группе личин, высеченных на стелах. Длина шапки составляет половину, а то и более туловища. Две шапки украшены вертикальными линиями, от пиза третьей шапки идут вверх вертикальные линии с «лучами». Напомним, что длинный конусовидный убор — шапка изображен на двух стелах, а длинные вертикальные лепты, идущие от лба личины, также значительно превышают размеры самого лица и вполне могут соответствовать таким высоким сужающимся кверху шапкам, как у человечков Тас-Хазаа. Поэтому кажется возможным предполагать, что и в тех случаях, когда на стелах контуры шапки не высечены, но имеется длинная вертикальная лепта, подразумевался аналогичный длинный головной убор — шапка, украшенная снизу по бокам рогами и ушами, а вдоль — вертикальной лептой.

Туловище человечков Тас-Хазаа изображено по-разному: у одних — с руками и длинными тонкими ногами, без шеи, широкое в плечах и суженное к животу; у других оно дано схематично. По своим очертаниям туловище напоминает человека с вытянутыми и прижатыми к телу руками, как бы спеленованного. Три зооантропоморфных изображения — люди с птичьими головами — ничем, кроме головы, не отличаются от первых антропоморфных фигур. Те же туловище и поза: поднятые кверху руки, слегка согнутые в коленях ноги. А две антропоморфные фигурки, державшие в руках что-то вроде лука, в то же время имеют хвосты, а на ногах шпоры. Видимо, изображены охотники в маскировочных костюмах (№ 90 и 135). Очевидно, и в аналогично им изображенных людях с птичьими головками следует видеть не мифических полулюдей-полуптиц, а людей, но не в высоких шапках, а в масках или наголовниках в виде птицы. В связи с этим интересны находки птичьих черепов с клювами в нескольких окуневских могилах (Черновая VIII и Третий Лог). Они лежали у поясов погребенных и,

вероятно, были частью маски.²⁸ Причем в одной из могил Черновой VIII череп птицы найден вместе с предметами явно ритуального характера (кург. 8, мог. 21).

Таким образом, исходя из анализа атропоморфных и зооатропоморфных изображений Тас-Хазаа, а также находок черепов птиц в могилах, можно предполагать у окуневцев наличие наголовников в виде птичьей головы с длинным клювом.

Штриховые изображения людей известны и по материалам могильника Черновая VIII. На одном

спял, явно непропорциональная голова, вытянутые вперед руки и какие-то ремни, опоясывающие тело на груди наискось и трижды вокруг талии. Такими крестообразными ремнями к груди, по мнению С. В. Иванова, должны были привязываться лицевые маски (рис. 12, 1—3). Подобные ремни есть у человеческих фигурок Черновой VIII.

Итак, помимо птичьих масок или наголовников, у окуневцев, видимо, были маски в виде морды хищника с оскаленной пастью. Были, вероятно, и другие зооморфные маски, в частности маски баранов.

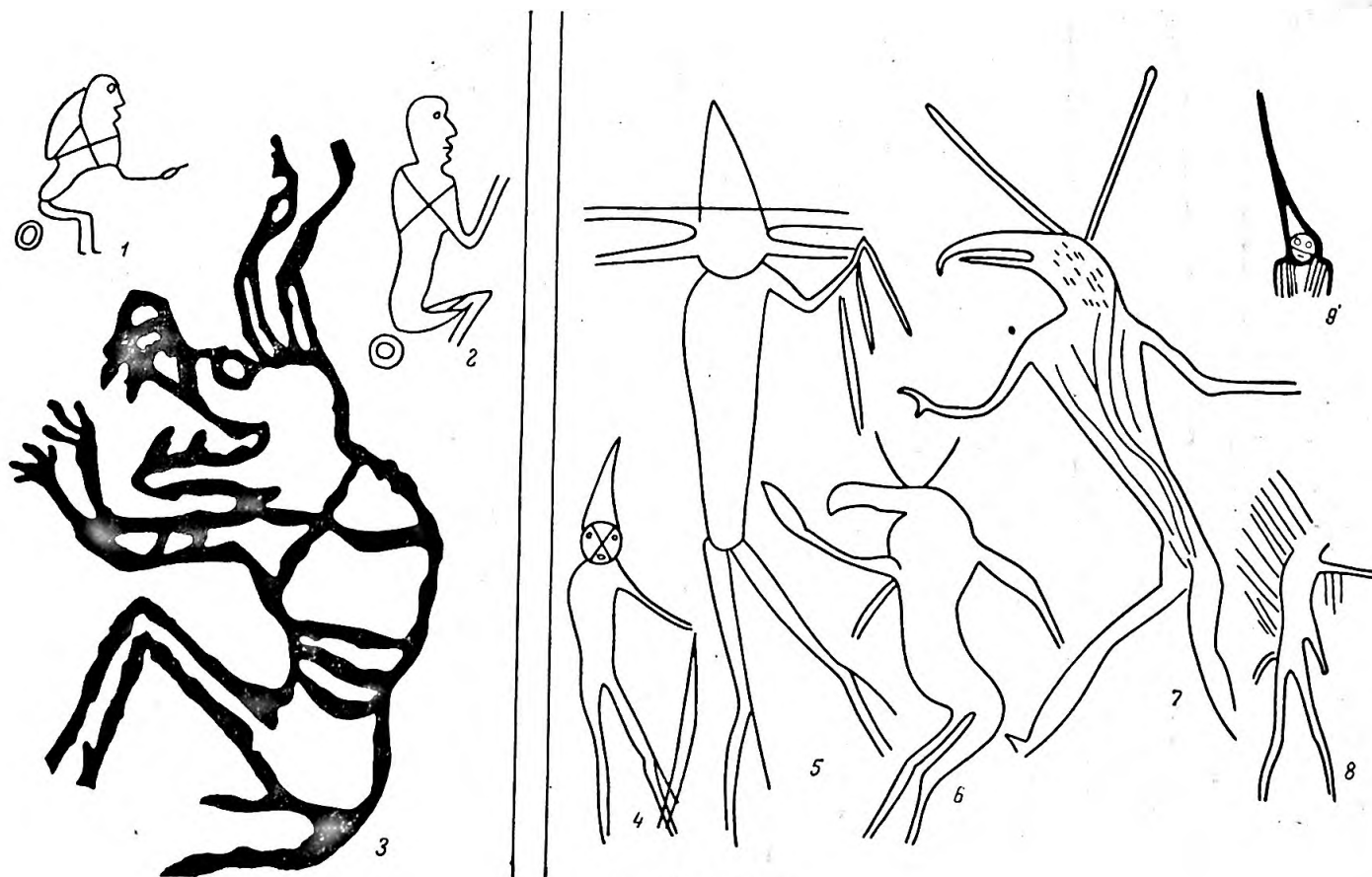

Рис. 12. Маски.

обломке плиты сохранились два человечка. Голова и ноги даны у них в профиль, туловище — в фас. У человечков такое же туловище, что и у людей, изображенных на плитах Тас-Хазаа: без шеи, широкое в плечах и сильно суживающееся к животу. У них тоже подняты вверх руки. Но человечки Черновой VIII изображены в сидячих позах, с поднятыми вверх коленями (рис. 12, 1, 2). В аналогичных позах, как бы поджав колени, сидят окуневские хищники на писаницах и на плите тагарского могильника Черновая IX. Таким образом, мы видим людей и зверей, сидящих в одинаковых человеческих позах. Сама поза хищников, полное соответствие ее с позой человечков Черновой VIII свидетельствуют, что перед нами не звери, а люди в звериных наголовниках. Наиболее наглядно в этом отношении изображение, снятое А. В. Адриановым с писаницы Третьего Лога (рис. 12, 3). Помимо характерной для человека, а не зверя сидячей позы, у хищника боль-

Чтобы подойти к ним, вернемся к головным уборам личин на стелах, какими они нам представляются на основании всего предыдущего изложения.

Наиболее распространенный вид головного убора — это ушастая и рогатая высокая шапка, украшенная от основания до верха волнистой лентой, обрамленной треугольниками с отростками по бокам (см. рис. 9).

Другой вид убора — такая же шапка, но украшенная широкой полосой, обрамленной теми же треугольниками. Внутри полосы помещены либо волнистая лента, либо антропоморфные личины. Последние являются дополнительным орнаментальным мотивом или увенчивают головной убор (рис. 9, 3). Но есть стелы, увенчанные головой не человека, а барана, в частности бюрская стела (рис. 9, 5). На обратной грани стелы, от затылка барана, как от головного убора, идет вниз волнистая лента, окаймленная треугольниками. Следовательно, вырисовывается еще один, третий вид головного убора — высокая рогатая и ушастая шапка, украшенная полосой и увенчанная головой или маской барана.

²⁸ По определению Н. М. Ермоловой, череп птицы из Третьего Лога принадлежит журавлю.

Итак, по памятникам изобразительного искусства у окуневцев устанавливаются три вида наголовников (птичий, хищника, барапа) и один головной убор в виде высокой рогатой и ушастой шапки, по-разному спереди украшенной. Что же касается различных форм «короны», то она, как было сказано выше, представляет те же детали украшения шапки (рогов, ушей и вертикальной ленты), но в различной степени их схематизации.

На ширинской стеле под лицом выбита головка хищника в развернутом виде, ниже него — солнце. Хищник слит с основным изображением стелы и, видимо, также является частью одежды. Так как голова хищника покрывает грудь изваяния спереди и с боков, и здесь этой частью одежды, вероятно, является нагрудник (рис. 13, 1). Нагрудником в этом случае мог служить мех с головы зверя, разрезанный спизу и развернутый, как это показано на изоб-

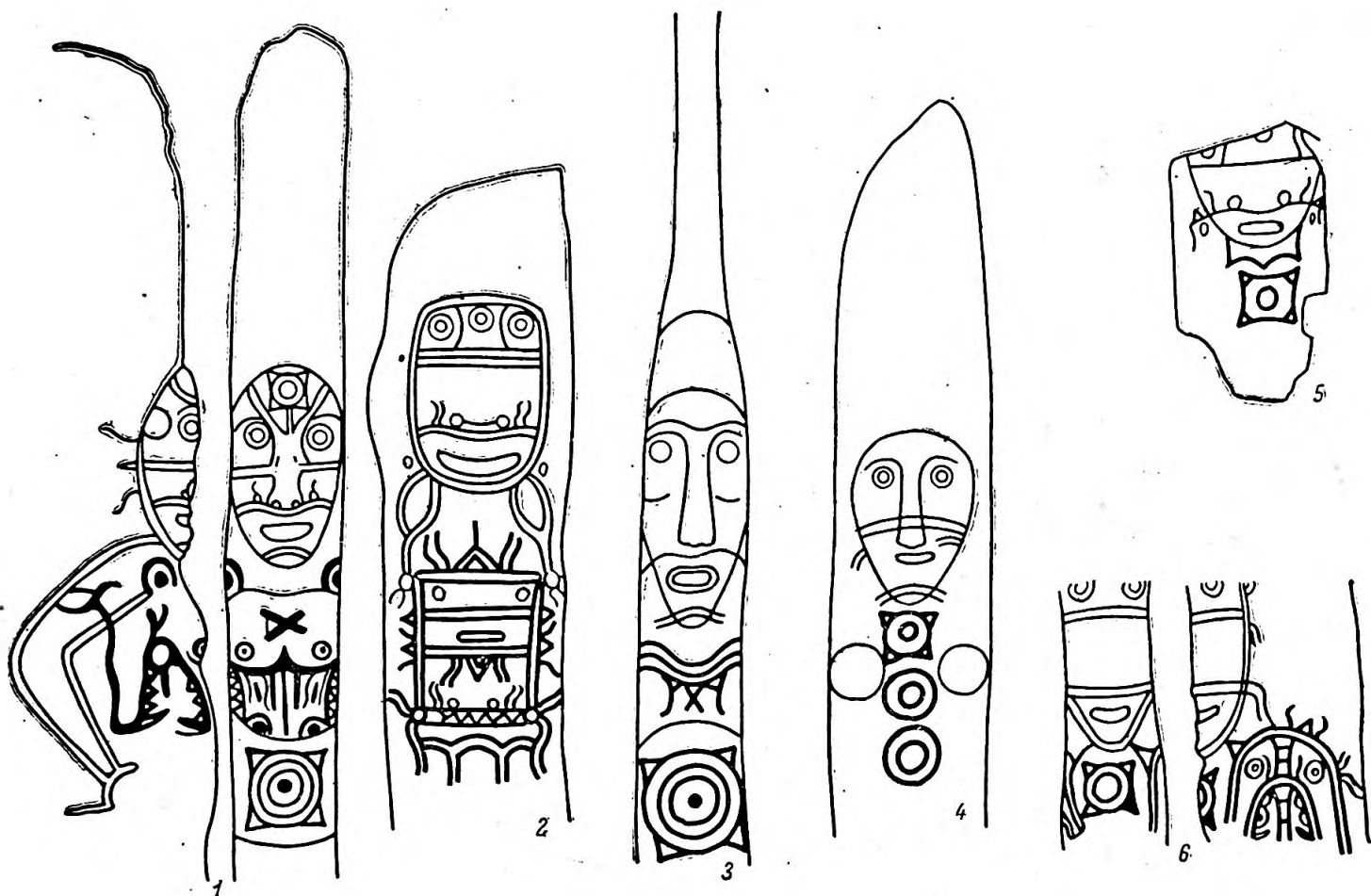

Рис. 13. Нагрудники.

Нагрудники (рис. 13). Кроме головных уборов, на нескольких наиболее полных окуневских изваяниях можно видеть еще одну деталь — часть одежды, в частности, это особенно заметно на ширинской, тазминской, уйбатской, ербинской и бюрской стелах (рис. 13, 1—4, 6).

На тазминской стеле, помимо лица, выбиты шея, плечи, руки, а ниже, на уровне груди и живота, — прямоугольник, обрамленный треугольниками с рожками (рис. 13, 2). Внутри прямоугольника имеются детали другой личины — глаза, рот и нос, расположенные не в обычном порядке, — например, рот находится выше носа. Такое условное обозначение деталей лица в прямоугольнике и расположение последнего на уровне груди основного изображения позволяют предполагать не самостоятельный, а орнаментальный характер второй личины, являющейся, видимо, частью основного изображения. Поскольку прямоугольник украшен со всех сторон и выбит на уровне груди и ниже, он мог быть украшением одежды спереди — нагрудником.

ражениях в Пазырыке и в Нонн-Уле [23, табл. 24—25; 165, табл. 12].

Голова хищника на бюрском барапе и стеле с оз. Беле также покрывает грудь изваяния спереди и с боков. По аналогии с ширинской стелой можно полагать, что и здесь хищник составляет украшение нагрудника (рис. 13, 6).

Обращает внимание тот факт, что на стелах голова хищника сопровождается солярным знаком. Поскольку знаки выбиты на груди или на животе изваяния, по-видимому, и они являются украшением нагрудников. Но тогда кажется логичным думать, что и в тех случаях, когда выбито только «солнце» на груди или животе изваяний, оно является деталью того же нагрудника (рис. 13, 5). Если наше предположение верно, то на значительном количестве изваяний окажутся изображены те или другие детали нагрудника: солярные знаки, полосы, линии.

Куколки-божки (табл. XXIV). Миниатюрные фигурки описывались при датировке изваяний, когда устанавливалось их стилистическое единство

с реалистическими лицами, выбитыми на стелах. Но эти миниатюрные изображения, как стеатитовые, так и костяные, интересны также своим назначением и тем, что по ним можно представить себе внешний облик окуневских женщин.

Все скульптурные и графические фигурки вверху залощены, нижняя же часть не имеет затертости. Исключение составляет лишь одна пластинка с гравировкой по всей плоскости. К тому же большинство фигурок имеют бесформенные очертания: залужены книзу, скопены либо расширены. По-видимому, фигурки скрывались под своеобразными одеждами и только головка торчала наружу. Некоторые из фигурок внизу имеют сквозные дырочки, с помощью которых их пришивали к одежде.

Таким образом, на основании анализа этих изображений можно сделать первый вывод — они являются частями каких-то мягких, меховых, кожаных или тряпичных куколок. Судя по тому что в кург. 9, мог. 7 Черновой VIII под двумя такими куколками оказалось скопление бисера, платьица этих куколок, очевидно, украшались бисером. Куколок-божков с различным конкретным значением было очень много у сибирских народов в недалеком прошлом, и на большую часть из них надевали одежду, а также украшали их бусами и бисером [39, 41, 126 и др.].

Помимо окуневских куколок, по археологическим раскопкам в Сибири известны антропоморфные фигурки или их заменители. Костяные фигурки найдены в могилах Прибайкалья [103, рис. 139—144, 148] и на Афонтовой горе близ Красноярска [100, 10, рис. 3]. По времени они близки окуневским. Большинство фигурок имеет вид стерженька, один конец которого оформлен в виде человеческой головы. Может быть, и они были скрыты под какими-то одеждами.

При раскопках зольника на поселении карасукской культуры Ирмень I, на Оби, М. П. Грязнов нашел лошадиную бабку, на голове которой просверлены два отверстия. В них были вставлены белокаменные аргиллитовые цилиндрические бусы-глазки [25, 26—27]. Аналогичная находка сделана С. С. Черниковым в Восточном Казахстане [150, 38, табл. XXVII, 5]. Эти лошадиные бабки, по мнению М. П. Грязнова, были завернуты, подобно эменгедерам Алтая, в кусок материи и подпоясаны посередине тряпичной или веревочной. Такие куклы также известны в сибирской этнографии. Оленьи бабки, обернутые куском тряпки или бумаги, изображавшими одежду, служили куклами у долган [39, 254]. По записям В. Л. Приклонского после смерти ребенка якуты вырезали куклу из нижней части лошадиной или коровьей бабки,²⁹ окутывали ее возможно лучшей шкурой дорогого зверя и украшали серебряными бляхами. В куклу эту вселялся, по их мнению, дух умершего. Чтобы обезопасить себя от гнева таких духов, куклу заделывали в дупло дерева и уже потом приносили ей жертвы [118, 132; 119, 64—65].

Многочисленные куколочки, твердые и мягкие, сибирских народов имели различное значение: игрушки, домашние божки, изображения женских предков и умерших. Иногда у одной и той же куколочки было несколько значений. В частности, у шорцев, телеутов и кумандинцев Алтая были куколочки, спитые

из кусков материи, набитые паклей, с бисеринками вместо глаз. Иногда они были деревянными, обвитыми тряпичкой. Их «платье» внизу для большего сходства с женщинами не спито. Эти куколочки были и игрушками, так как матери давали их играть детям, и одновременно в них вкладывался религиозный смысл. Они считались вместилищами духов. Эти «бабушки» и «прабабушки» алтайцев были якобы реально жившими прежде предками по женской линии. Они мыслились в то же время как хранительницы очага, всякого благополучия и вообще как женские покровительницы, которые приносила жена в род мужа. По мнению Н. И. Дыренковой, их истоки восходят к материнскому роду. Хранились эменгедеры всегда группами [29].

Объемные женские изображения в виде кукол, спитых из кожи, войлока, материи, меха или вырезанных из кости, дерева, камня, у эскимосов, алеутов, чукчей, коряков, узбеков, таджиков и некоторых племен индейцев Северной Америки также были не только игрушками. Многие из этих народов верили, что кукла служила временным местопребыванием (вместилищем) души умершего родственника, затем она переселялась в новорожденного ребенка. Поэтому в таких куклах видели носителей и покровителей женского плодородия, и они переходили от матери к дочери [34; 35; 37, 235—238].

Переносить безоговорочно смысл эменгедеров на окуневские фигурки и пластинки, конечно, нельзя. Но все-таки можно предполагать, что в данном случае мы имеем нечто подобное, так как близость окуневских изображений и эменгедеров не ограничивается только их внешним сходством. Прежде всего и окуневские фигурки, и пластинки, очевидно, являлись куколками-игрушками, поскольку они найдены в четырех детских могилах и в двух могилах, в которых захоронены взрослые с детьми. Но вряд ли они были просто игрушками, так как встречаются не во всех детских могилах и преимущественно группами: в двух могилах — по 2 каменные фигурки, в одной — 2 костяные пластинки, в одной — одновременно 6 пластинок и 3 каменные фигурки. В двух из шести случаев найдено по одной фигурке, но в заполнении оgrabленной могилы. Группами хранились не только эменгедеры. По данным В. Н. Чернецова, обские угры хоронили куколочки-изображения умерших вместе с последней владелицей, если в семье не оказывалось наследниц [39, 37]. Это обстоятельство, а именно захоронение куколок в детских могилах и группами, позволяет думать, что окуневские куколочки-божки могли быть аналогичными вместилищами душ умерших, ожидавших своего возрождения в новорожденном. Отсюда еще одно возможное их значение как амулетов плодородия.

По куколкам-божкам можно представить себе внешний облик окуневских женщин. Прически у фигурок разнообразные. На одной из абаканских пластинок изображены распущенные волосы, спадающие ниже плеч по обе стороны прямого пробора. На трех пластинках волосы также спадают ниже плеч, но в верхней части головы они показаны прямыми линиями, расходящимися в стороны от лба и висков. Вероятно, в данном случае изображена прическа, при которой волосы поднимались вверх, завязывались, а концы их спадали на плечи (табл. XXIV, 13, 14). На одной из пластинок Черно-

²⁹ По-видимому, их делали не из бабки, а из метаподии.

вой VIII волосы обозначены вертикальными черточками, расходящимися от лба и висков, — видимо, так показаны распушенные, расчесанные без пробора волосы (табл. XXIV, 16). Иная прическа у каменных головок: волосы прямые, более короткие, доходящие до шеи, спереди подстрижены челкой (табл. XXIV, 1—11). На некоторых изображениях посередине головы прочерчен круг (или два концентрических круга), от которого в разные стороны идут короткие прямые штрихи — волосы. Вероятнее всего, круг изображает макушку. Однако не исключено и другое объяснение — часть волос замоталась узлом на голове, а остальные спускались ниже затылка.

Украшения в виде круглых серег разной величины, от одной до семи, изображены на всех фигурках.

Одежда — более редкая деталь. На абакапской пластинке в верхней части груди выгравирована орнаментальная полоса, вероятно шитое украшение ворота одежды [21, 132]. На одной из пластинок Черновой VIII изображены поперечные полосы. Очевидно, это украшения, идущие по платью, или что-то вроде нагрудника (табл. XXIV, 14).³⁰

Итак, подведем итоги вышесказанного.

Древние изваяния Енисея — памятники не надмогильные, а культовые.

На стелах изображены женщины, часто с выпуклым или отвислым животом — беременные или старухи. Женщины изображены в головных уборах и нагрудниках. На лицах у них маска или раскраска: дугообразные линии на лбу, поперечные полосы под глазами, носом, на подбородке. Элементом раскраски также является значок на лбу у большинства личин, хотя его смысл, очевидно, связан с дополнительным третьим глазом как символом сверхъестественной зоркости.

Изображения преимущественно не полные, показаны части вместо целого — лицо, детали головного убора (вертикальная лента, рога, звериные уши) и нагрудника (хищники, солярные знаки). Наиболее оригинальные уборы заканчиваются сверху маской человека или архара. Часть женщин изображена без головного убора, с длинными распущенными волосами.

Помимо женщин, изображены хищники, а также люди с мужскими признаками в наголовниках в виде хищников и птиц.

Кроме антропоморфных и зооморфных изображений, на стелах высечены четырехугольники с кругом внутри или круги с четырьмя треугольными лучами. Это, очевидно, солярные знаки, синхронные личинам.

В окуневских могилах найдены остатки куколок, являющихся, видимо, одновременно и игрушками, и домашними божками, покровителями, носителями плодородия.

По вопросу общей семантики каменных изваяний Енисея в литературе имеются противоречивые мнения.

³⁰ Поперечные полосы изображены еще на двух женских туловищах. Подобными полосами расчерчено тело женщины с распущенными волосами на одном из обломков плиты Черновой VIII [17, рис. 1]. Такие же полосы имела усть-есинская «хыс-гас» по зарисовке Д. Г. Мессершмидта. Однако вряд ли здесь изображены украшения платья. Женщина Черновой VIII голая, поперечные полосы могли обозначать либо ребра, либо раскраску тела.

С. В. Киселев связывал их с культом предков и видел в них в основном изображения мужчин-предков, старейшин³¹ [44, 282; 46, 170]. Этой точке зрения противоречит взгляд М. П. Грязнова, который считает изваяния родовыми божествами в образе мифической женщины-прародительницы, полузверя и получеловека [21, 153—154]. А. Н. Липский разделяет их на «солнечные божества» — божества общего плодородия природы, мифические предки-тотемы, изваяния первобытной праматери-хранительницы человеческих душ и изваяния мужчин «без сторонних примесей» [78; 80; 81].

Помимо этих наиболее известных предположений, в литературе имеется мнение Д. К. Зеленина, который считает, что «каменные бабы» Минусинской котловины являются вместилищами (лекарнами) душ реальных женщин, умерших от болезней [31, 263], и противоположное мнение М. Д. Хлобыстиной, которая видит в них отражения различных космогонических и тотемических мифов [147, 165—179].

Перечисленные интерпретации изваяний не только противоречивы, но иногда и несоместимы. Несоместимы, в частности, культ предков мужчин и культ тотемических предков, поскольку эти культы отражают религии разных исторических периодов. В связи с отсутствием единства мнений и неразработанностью вопроса следует еще раз к нему вернуться, исходя из всего того нового, что стало известно об изваяниях.

Решить окончательно и бесспорно вопрос общей семантики изваяний невозможно, так как даже при сходных формах религии разные общества могут иметь очень много индивидуальных особенностей в деталях своих культов и обрядов. Следовательно, нужно иметь в виду, что любая интерпретация семантики изваяний предположительна. Пытаться раскрыть семантику сибирских изваяний можно двумя путями: первый — найти близкие им аналогии, второй — установить наиболее вероятную форму религиозных представлений, характерную для окуневцев, и, уже исходя из нее и самих изображений, объяснить, какой смысл вкладывали в них создатели. Для выяснения семантики изваяний с помощью первого пути существуют три источника.

Первый источник — данные археологии. Здесь следует рассмотреть известные антропоморфные изображения в культурах, близких хронологически и территориально окуневской, и их семантику, если она установлена, и привлечь их для выяснения семантики окуневских стел.

Второй источник — данные общей этнографии. Здесь требуется найти сходные изображения в обществах, стоящих на близкой к окуневцам стадии развития, и, зная содержание похожих изображений, привлечь их для расшифровки окуневских.

Третий источник — сибирская этнография. Этот источник представляется наиболее важным по трем причинам: во-первых, у народов Сибири и Дальнего Востока до недавнего времени сохранялись архаические формы общественной жизни и религии; во-вторых, именно в этих народах можно видеть очень отдаленных потомков окуневцев; в-третьих, так как в религии народов Сибири отмечено много пережит-

³¹ В своей последней работе С. В. Киселев допускает различное смысловое значение разных групп памятников [48, 58].

ков с очень давних веков, можно предполагать, что среди этих пережитков есть те, которые могли бы быть характерны для окуневцев.

Данные археологии. Памятников, близких окуневским и по монументальности, и по характеру изображения, нет. Но в близких территориально и хронологически культурах есть антропоморфные изображения, теми или другими чертами напоминающие окуневские.

Антропоморфные личины на керамике поселения Самусь IV напоминают некоторые из окуневских личин своими черточками, отходящими от лица вверх и стороны [92, 289], а также приемами стилизации. Однако они значительно отличаются от последних не только материалом и размерами. Смысл самусьских изображений неясен, но в отличие от окуневских они, вероятно, носили декоративный характер [16, 270—274]. Более монументальные изображения района Томска пока слишком малочисленны, чтобы их сопоставлять с окуневскими. Однако в дальнейшем именно это сопоставление представляется наиболее перспективным.

Миниатюрные идолички из погребений Прибайкалья уже сопоставлялись с окуневскими фигурками. Смысл их также неясен. Только о двух фигурках глазковского погребения с Усть-Уды высказано мнение, что они являются изображениями духов-помощников шаманки, с которой положены в могилу [103, 348].

На гранитных глыбах у поселка Сакачи-Аляпа, на р. Амуре, на Шереметьевских скалах р. Усури, а также на II Каменном острове на р. Апгаре выбиты фагастические личины. Некоторые из них напоминают окуневские расходящимися от лица во все стороны волосами-лучами или полосами на лбу, скулах и подбородке [104, 43, рис. 4; 105, рис. 191—211]. Среди этих изображений есть личины двухглазые, с одной пересекающей лицо полосой, с тремя поперечными чертами и даже трехглазая личина, т. е. внешне они еще более близки к окуневским. Сакачи-аляпские личины имеют больше сходства с окуневскими, чем личина на блюде из Бальпо, опубликованная С. В. Киселевым [48, 57, рис. 2]. К сожалению, не только семантика, но и твердая датировка сакачи-аляпских личин не установлены, поэтому они не могут прояснить смысла окуневских изображений [144, 117].

В настоящее время, помимо писаницы «сулекские девки», открытой А. В. Адриановым, известна серия писаниц окуневского типа по берегам Енисея, в Саянах, Туве (по рекам Джое, Амыле, Тубе, у пос. Арбаты, в урочище Мугур-сарых-холь, выше устья р. Хемчика). Они расширяют представление об окуневском искусстве в целом, а также границу расселения племен данной культуры. Но изображения на писаницах более схематичны, чем на стелах, их расшифровка возможна лишь с помощью последних, а не наоборот.

Если привлечь для сравнения с окуневскими изображениями памятники, территориально более отдаленные, например деревянные идолы Шигирского и Горбуновского торфяников, либо «каменные бабы» ямной культуры, то картина будет аналогичной. Семантика ни тех, ни других не раскрыта. Сходство между ними отдаленное. Однако исследователи ямных стел считают, что все они в отличие от окуневских первоначально были надмогильными, так что

это совершенно разные категории памятников [144, 178, 204]. Что касается горбуновских идолов, то в них предполагают изображения мужчин, а не женщин, и, следовательно, они отражают иную, чем окуневские, форму религиозных представлений [153, 140; 31, 265].

Таким образом, археологический материал других территорий пока не проясняет семантику изваяний Енисея.

Данные общей этнографии. Близких аналогий окуневским изваяниям нет, но формально, по изображению человеческого лица на столбе, их можно сопоставить с деревянными памятниками многих народов, находящихся на разных стадиях общественного развития.

Среди различных деревянных скульптур предков в Меланезии есть столбы с вырезанным сверху человеческим лицом (о-в Новые Гебриды). Это не портреты, а «символические изображения в древнем традиционном стиле». Столбы с лицами сооружают во время специальных поминальных праздников рядом с домиками, где хранятся черепа, и считают их вместе с лицами духа конкретного умершего [27, 280].

Похожие деревянные столбы с вырезанным сверху рельефным человеческим лицом известны у индейцев Северной Америки по гравюрам XVI в. Они связаны с земледельческими обрядами и олицетворяют собой покровительницу земледельца.

Если для формальных аналогий взять окуневские стелы с несколькими личинами, человеческими и животными, то их отдаленно напоминают как тотемические столбы индейцев северо-западного побережья Северной Америки, так и деревянные колопсы с изображениями людей, рыб и птиц у меланезийцев. Однако тотемические столбы олицетворяют мифических родовых предков, а меланезийские столбы — предков в настоящем смысле этого слова. Но между мифическими предками и предками в настоящем смысле слова, т. е. умершими сородичами, большая разница, ибо они отражают разные формы религии соответственно разным стадиям родового строя [140, 262—263].

Итак, привлечение памятников из общей этнографии, формально сходных с окуневскими памятниками, семантики сибирских изваяний не раскрывает, поскольку похожие изображения могут иметь разный смысл и отражать разные формы религиозных представлений.

Данные сибирской этнографии. У сибирских народов была широко распространена деревянная скульптура религиозного назначения, как миниатюрная, так и монументальная. Среди скульптур есть изображения предков, шаманов, хозяев, покровителей промыслов, духов, душ умерших людей, «живой души человека», семейных и родовых божков и т. д. К сожалению, близких аналогий окуневским изваяниям опять-таки нет, а формальных аналогий — и там и здесь изображено только лицо человека — много. Окуневские реалистические изваяния, в частности, похожи на родовые божки ненцев, хантов и кетов, стоявших на мольбищах. Эти божки или духи представляли собой жердь высотой от 1 до 5 м, заканчивающуюся сверху грубо высеченной головой человека, иногда в высоком головном уборе. На мольбищах стояли десятки и сотни таких фигурок. Они олицетворяли собой могучих духов, которых считали живыми существами, хозяевами природы. Их ста-

вилл в ожидании промысла. Ненцы, кеты и эвенки вырезали на стволах деревьев антропоморфные личины. Их смысл различен. Ненцы обращались к ним с просьбой об исцелении от болезней, кеты считали их охранителями мольбища, северозабайкальские эвенки видели в них изображения умерших шаманов [39, 73—75, 88, 132, 172].

Таким образом, и у сибирских народов часто внешне похожие изображения имеют разное значение и мы не вправе их смысл переносить на окуневские изваяния.

Поскольку аналогичные памятники других территорий смысла окуневских стел не раскрывают, надо пытаться объяснить последние, исходя из конкретных деталей самого изображения. При этом большая часть изображений сочетает следующие признаки: женский пол, зооморфные элементы в виде рогов, звериных голов и ушей, атрибуты какого-то обрядового костюма в виде высокой шапки, нагрудника, лица, раскрашенного или одетого в маску. Сюда можно добавить змеевидные ленты, украшающие шапку, солярные знаки, посох или жезл в руках «божества».

Признаки женского пола помогают установить форму культа. На основании огромного этнографического материала С. А. Токарев показал, что родовая организация имела две выработанные из нее формы культа: культ семейно-родовых святынь и покровителей и культ семейно-родовых предков. Культ предков соответствует патриархальному роду и исторически известен лишь как почитание умерших мужчин-сородичей» [140, 252]. Следовательно, этот культ может быть отражен только мужскими изображениями. Окуневские же изображения женские. Отсюда можно сделать вывод, что окуневские изваяния связаны с данным культом предков. Настоящий культ предков у народов Сибири так и не сложился, несмотря на то что почти у всех них прежний материнский род сменился патриархальным [140, 255]. Значит, изображения относятся к форме культа, более поздней, чем тотемизм и тотемистические предки, соответствующие раннеродовому обществу, и более ранней, чем культ предков, соответствующий поздне родовому патриархальному обществу. По-видимому, они отражают вторую форму родового культа — культ семейно-родовых святынь и покровителей, характерный для материнского рода. Этот культ сохранился у сибирских народов и при патриархально-родовых отношениях, и хотя он эволюционировал со сменой материнского рода отцовским, однако сохранил свои типичные черты [140, 255].

Однако объекты культа родовых покровителей разнообразны: родовый огонь, родовые промысловые уголья — горы, духи — покровители, фетиши — «охранители» [140, 262]. Часто семейным или родовым покровителем выступает «хозяйка огня» или «мать — огонь» (айны, вивхи, панайцы, кеты, алтайцы, хакасы, энцы, эвенки и др.). Реже покровителем выступают божки, олицетворяющие конкретных бабушек, прабабушек (алтайцы, ненцы), а также изображения предков шаманов (эвенки) [140, 258]. Родовыми покровителями могли являться покровители скота (якуты), промыслов и многие другие более конкретные покровители, так как культ семейных и родовых покровителей сочетался с шаманизмом и промысловым культом и мог частично перемещаться с ними. Поэтому, даже определив общее

значение окуневских изваяний как изображений родовых покровителей, мы еще не раскрываем их конкретного содержания.

Предполагать, что перед нами покровительница родового огня или очага, пока вряд ли возможно, так как перед изваяниями или под ними не обнаружены остатки каких-либо очагов, хотя надо иметь в виду, что окуневских жилищ еще никто не раскапывал.

Могли ли это быть изображения каких-то реальных женских предков — бабушек, прабабушек — иногда в обрядовой одежде? Среди этнографов существуют противоречивые мнения о самой возможности культа женщины-матери. С точки зрения одних, культ женщины-матери — наиболее древний и повсеместный культ [146, 288; 90, 209]. По мнению других, в частности С. А. Токарева, данная форма культа никак не может считаться типичной [140, 270]. Однако окуневские скульптурки в могилах, по-видимому, имеют смысл алтайских эменгедеров. На плитах из могильников Сыда, Черновая VIII и Лебязь выгравированы фигуры рожавших женщин [17, 262, рис. 1]. Эти изображения могут быть связаны с культами плодородия. Поэтому интерпретация окуневских изваяний как изображений прама тери имеет право на существование.

Рога, звериные уши, маска архара, увенчивающая шапку, морда хищного зверя на нагруднике могут отражать обряды, связанные с культами, — тотемистическим, промысловым, с шаманизмом, культом тайных союзов и др. О некоторых чертах тотемистических воззрений у окуневцев свидетельствуют ритуальные погребения в могилах костей несъедобных животных — волка, выдры, медведя. Характерен и состав этих костей: черепа, пяточные кости, os penis. Изображение медведя известно в разных вариантах: миниатюрные амулеты, монументальная скульптура, он же — основной компонент в образе хищного зверя на стелах и писаницах. За возможность тотемических культов у окуневцев говорит и то обстоятельство, что тотемистические представления сохранялись очень долго у сибирских народов. В частности, еще относительно недавно у селькупов на р. Тыме, на столбах у селений стояли черепа медведей, охраняющие жилища от злых духов. Все это свидетельствует в пользу интерпретации изваяний как родоначальницы — девы-зверя, предложенной М. П. Грязновым. «Каменные бабы» с головой архара наверху он рассматривает как наиболее полное отражение обряда родового божества предка-покровителя, единого в двух лицах, состоящего из двух начал — мужского (зверя, наверху) и женского (девы, внизу). По мнению исследователя, в отдельных случаях в разное время тот же самый культовый образ родового предка могли изображать то в виде женщины (девы), то зверя, то женщины, наделяемой признаком зверя, то, наконец, обоих вместе [21, 155].

Представление о предке как о мифической женщине, получеловеке-полузвере или с атрибутами зверя характерно для многих народов. Например, у индейцев северо-западного побережья Северной Америки прародительницей фратрии Ворона считалась мифическая женщина — Пена, с пятью грудями, а прародительница фратрии Орла — Джюлагонз, она же хозяйка моря, — ассоциировалась с китом [2, 24].

Исходя из изложенного, интерпретация М. П. Грязнова кажется справедливой, но требует некоторого уточнения. Окуневские изваяния не зооантропоморфные, а антропоморфные. Звериные элементы существуют, но из-за стилизации часто не поддаются определению. Иногда они фантастичны, но всегда расположены в определенных местах изображения. Звериные элементы выполняют роль украшения костюма и шапки, а не частей тела предка — полузверя-получеловека, тем более что маска архара на головном уборе в других случаях заменяется человеческой, а хищная пасть на переднике — другими украшениями. Кроме того, на стелах не два, а три образа, два мужских (архар и хищник) и один женский (дева-мать), встречаются одновременно (табл. LI, III). Видимо, надо осторожнее эти зооморфные черты окуневских прародительниц связывать с более древними, доокуневскими традициями и видеть в них уже пережитки тотемистических представлений.

Костюм окуневских изваяний своими атрибутами, а именно головным убором, нагрудником с солярными знаками и изображением хищника, посохом или жезлом, внешне сходен с костюмом шаманов, который известен по рисункам и описаниям, имеющимся в этнографии.

В частности, многие исследователи отмечают сложные головные уборы у шаманов, причем, подобно окуневским, часто с рогами. У эвенков, например, папанские шапки различались по рангам шаманов, но высшие по рангу шаманы имели металлические шапки-короны с рогами оленя [7, 170]. У гольдов шапка — хоз, которую надевал шаман при камлании, делалась из звериных шкур и украшалась рогами и бубенчиками [146, 417]; на шапку орочьской шамалки нашивались изображения змей и рога, похожие на оленьи [31, 394]. Известны шаманские головные уборы, увенчанные подлинными рогами изюбра и косули [39, 206].

Нагрудники являлись атрибутами большинства шаманских костюмов.

Нашитые или выпитые солярные знаки, а также подвески в виде простого или лучистого диска, полудиска или квадрата часто встречались на шаманских бубнах, плащах, юбках, нагрудниках и передниках [36, 319, рис. 170]. Эти предметы изображали солнце, луну, небосвод, землю [39, 227].

На костюмах шаманов фигурируют отдельные части тела животных и ленты, спитые из ровдухи или ткани, имитирующие змей, драконов. Змеи и хищники есть в изображениях на шаманских костюмах удэгейцев, нанайцев, гольдов, эвенков и других народов [36, 56, 88, 90; 39, 229, 248].

Головные уборы, украшенные одной или несколькими человеческими личинами, подобно окуневским, также известны в этнографии у шаманов. У тофаларов на лобных повязках шаманов выпивались личины. Головные уборы шаманов тувинцев имели вид повязки, вдоль верхнего края которой были вколоты птичьих перья, а на лобной части выпито изображение человеческого лица [36, рис. 123, 133]. Похожий головной убор, но с двумя личинами-масками хранится в Музее этнографии народов СССР. Личины на головном уборе считались основными покровителями шамана.

Даже дополнительный глаз окуневских личин находит объяснение в костюме шамана. Уже упоми-

палось, что на лобной повязке удэгейского шамана выпивались дополнительные глаза, чтобы он мог видеть то, что не видят простые люди.

Не противоречат обрядовому костюму шамана «копье» в руках одного окуневского изображения, а также маски на лицах. Среди предметов шамана пахотим не только бубен и колотушку, но и палицу, нож (эвенки), кривые мечи и копья (удэгейцы). В Музее этнографии народов СССР хранится шаманский посох в виде змеи, заканчивающийся на одном конце копьем, а на другом — пастью хищника. В прошлом некоторые шаманы, в частности у эвенков, носили антропоморфную маску [39, 244, рис. 220, 221].

Длинная лента, идущая от головы бирьского шамана (№ 111), напоминает длинную настенную ленту — «косу», пришитую сзади к головному убору селькупского шамана [39, 121].

Конечно, одно внешнее формальное сходство атрибутов шаманских костюмов и костюмов окуневских изображений не говорит о едином содержании. Однако изображения шаманов нередко выступали покровителями ряда промыслов, а также предками.

Известно, что души умерших шаманов у ряда сибирских народов становились объектом родового культа. Култ умерших родовых шаманов был, например, у юкагиров, эвенков, ненцев. У юкагиров часть останков шамана хранилась как священная реликвия членами рода и служила защитными амулетами. После смерти шамана юкагиры делали из дерева человеческую фигуру и приставляли к ней череп шамана. Фигуру одевали в богатые одежды. Это изображение шамана сажали в переднем углу жилища, почитали его как бога и приносили ему жертвы [140, 270; 41]. У эвенков изображения шаманов-предков делались из металла и дерева, хранились шаманами среди прочих святынь рода и почитались как защитники и покровители сородичей [7, 130]. Согласно Кастрену, у ненцев идолы — «итармы» считались духами умерших шаманов [43, 169]. Они же, по данным В. Иславина, делались в память прадедушки и прабабушки и были божками, присутствующими при рождении младенцев [42, 116]. Изображения умерших шаманов известны у хантов [39, 40], бурят [140, 212], алтайцев, они рассматривались как родовые божки [36, 140; 31, рис. 84].

Г. В. Ксенофонтов приводит много примеров обожествления шаманов у бурят и якутов. Они поклонялись духам древних шаманов на месте их погребения. Этим духам приносили жертвы, совершали им божественное моление, испрашивали покровительство. Духи мертвого шамана считались покровителями потомков. Они и были самыми настоящими божествами, более реальными и понятными, чем «какие-то далские тангрии» [58, 2—17]. Недалом про древнего шамана Куньясс, по записям Г. В. Ксенофонтова, буряты говорили: «ставший божеством, духом-покровителем», что служило заменой его имени. Вера во вторичное рождение умерших шаманов исследователями не отмечалась. Но очень распространено поверие, что в шамана вселяется дух его предка, тоже шамана (якуты, буряты, алтайцы, тувинцы и т. д.) [60, 14, 79]. Изображения шаманов-предков часто встречаются на самих шаманских костюмах. Шаманы соединяли в своем лице разные функции: они — посредники между людьми и ду-

хами; они — колдуны, могущие повелевать духами и управлять погодой; они — врачеватели, поскольку могут изгнать вселившегося в большого духа; они же — гадалки, так как узнают будущее. «Весь мир чудес, непонятных обыкновению человеку, оказывается открытым шаману-колдуну» [146, 397, 418]. Отсюда вытекает значение шаманов-колдунов в первобытном обществе, и этим, видимо, объясняется их культ. Известны случаи, когда шаманы становились легендарными героями-родоначальниками. Согласно бурятским легендам, в древности шаманы руководили даже политической жизнью племен, они же играли роль культурных героев, и им приписывалось многое, чему они якобы научили людей [99, 220]. «Колдуны-шаманы могут делать все чудеса, доступные воображению первобытного человека. Не более могут совершать и божества на высшей ступени развития» [146, 170]. Поэтому шаманов считали равными божествам. Пережитки подобного отношения сохранились, например, у бурят и эвенков. В пантеоне богов у якутов есть боги, бывшие ранее шаманами [118, 132; 119, 64—65]. Согласно эвенкийским мифам, существуют верхние и нижние миры. На одном ярусе вместе с божествами находятся души умерших шаманов, имевшие вид полуполулюдей-полуживотных [7, 79].

Таким образом, этнография свидетельствует о культе умерших шаманов и о наличии шаманских изображений у сибирских народов. Более древние изображения шаманов в Сибири известны в археологии. Например, «ангаро-ленские дисковидные фигуры бронзового века изображают головы шаманов и являются „шаманскими изображениями“ в буквальном смысле этого слова». Шаманы же в рогах головных уборах выбиты на многих наскальных поверхностях в таежных районах к востоку от Енисея [102, 111, рис. 55, 56].

В археологии и этнографии зафиксированы изображения шаманов, как женщин, так и мужчин. Все окуневские личины, как уже говорилось, женские. Нет ли в этом противоречия этнографическим фактам и мог ли у окуневцев вообще быть шаманизм? Поскольку шаманизм — явление повсеместное, существовавшее у народов всего мира и в зачаточной форме известное даже у наиболее отсталых народов — австралийцев, андаманцев, кубу, огнеземельцев, оно тем более могло быть и у окуневцев. А изображения людей в масках и с поднятыми вверх руками (Тас-Хазаа, «Большое Кольцо», Черновая VIII), находка в могиле с явно ритуальным инвентарем черепа птицы, костяного «жезла» с мордой хищника, как на передниках идолов, — все это еще более подтверждает возможность наличия шаманизма у окуневцев. Напомним, что, согласно А. П. Окладникову, в глазковской культуре есть погребения шаманов [103, 344—352].

Что же касается изображения женщин, а не мужчин, то, по мнению многих этнографов (Зеленин, Харусимов, Харузин, Токарев и др.), женское шаманство играло преобладающую роль на ранней стадии шаманизма, в период господства материнского рода, и первыми шаманами были женщины.

Таким образом, наряду с предположением, что окуневские родовые покровители, божества, олицетворяли собою женских предков — родоначальниц, иногда еще с зооморфными чертами, можно выдвинуть другое: родовыми покровителями были умер-

шие шаманки, осторожнее говоря, какие-то старухи-колдуньи в ритуальной одежде. Оба предположения друг другу не противоречат и, возможно, одинаково справедливы, поскольку культы женского предка и умершей колдуньи могли сливаться. В этом отношении интересно вспомнить, что ранняя форма шаманизма наблюдалась у ительменов Камчатки, у которых не было профессиональных шаманов, а шаманили обычно женщины и особенно пожилые [56, 412]. В. Г. Богораз назвал эту раннюю стадию шаманизма «поголовным» шаманством. Черты его имелись и у чукчей. У последних женщины считались более искусными в заклинании, чем мужчины. Именно от них зависела удача промысла, так как, сидя дома и произнося заговоры у очага, они якобы приманивали зверей к берегу [11, 146].

Итак, решить бесспорно и полностью общую семантику каменных изваяний пока затруднительно. Исходя из самих деталей изображения, можно сделать лишь наиболее вероятные предположения. И все же как ключ к дальнейшему и более полному раскрытию семантики изваяний кажется важным вывод о том, что окуневскому обществу соответствовала форма религии материнского рода, культ родовых и семейных покровителей. Наиболее значительные родовые покровители воплощались в камне. Исходя из подчеркнутых признаков женского пола, они могли олицетворять умерших женских предков, а исходя из атрибутов обрядового костюма, — древних шаманок.

Остается остановиться на интерпретации некоторых личин с распущенными волосами. На основании линий, радиально расходящихся от головы, они названы А. Н. Липским солнечными божествами или божествами общего плодородия природы. О том, что могли изображаться не лучи, а волосы, уже говорилось, но это не мешает данной интерпретации, поскольку распущенные волосы могли ассоциироваться с солнечными лучами. Чисто внешне эти круглые личины с расходящимися веером волосами безусловно напоминают изображение солнечного лучистого диска. Но только четыре стелы имеют подобные личины, на других же личины того же типа изображены без лучей, хотя и без головных уборов. На солярный характер образа указывают не только лучи, но и солярные знаки, третий глаз в виде аналогичного знака на ширинской стеле, а также змеевидные личины в руках «божеств» и на головных уборах. Поэтому можно предполагать, что все изваяния в равной степени имели солярный характер, а не только те, которые изображены с распущенными волосами. Божествами общего плодородия природы с равным основанием можно называть все изваяния с выпуклыми животами, на которых к тому же часто выбиты солярные знаки, а не только упомянутые четыре, кстати сказать плоские, на которых живот не обозначен. Вот почему кажется вероятным, что содержание разных групп изваяний было единым: мать-родоначальница, исполнительница обрядов и хранительница культов, она же — божество плодородия.

Конечно, требуется объяснить причину наличия трех разных групп изваяний, хронологически и этнически единых. Различия изваяний могут быть вызваны их принадлежностью к разным родам и фратриям. Размещение изваяний всех групп на карте свидетельствует, что на р. Уйбате и юге Ха-

каспи зафиксированы изваяния как простой, так и сложной групп. В то же время в окрестностях Соленоозерной, на реках Белом Июсе и Черновой, т. е. на северо-западе и севере, встречены только сложные личины. По правому берегу Енисея нам также пока известна только сложная группа. Конечно, виной может быть неравномерная изученность районов, но аналогичную картину дают и материалы могильников. Памятники Черновой VIII и «Большого Кольца» представлены сложными нереалистическими изваяниями. О выбитых личинах Тас-Хазаа из-за их фрагментарности судить трудно, но штриховые рисунки человечков на тех же плитах сделаны в той же манере, как простые личины: с двумя глазами, одной чертой поперек лица, иногда с лучами вокруг головы. Разными родовыми изображениями могли быть сложные нереалистические личины, объ-

единенные нами в единую группу общими признаками — наличием третьего глаза, нескольких лицевых полос и звериноподобного убора, но различающиеся небольшими деталями — количеством полос под носом, на подбородке, «уголками» у рта, т. е. деталями раскраски лица своего рода или фратрии. Что же касается двуликих и триликих изваяний, среди них, вероятно, могли быть изображения как целого рода, так и всего племени. Обращает внимание то обстоятельство, что этих изваяний очень мало и они выделяются тщательностью и большей сложностью изготовления. Малочисленность их объяснить случайностью нельзя, ибо их монументальность, большая скульптурность — залог лучшей возможности сохранения по сравнению с другими изображениями, выгравированными более небрежно и на более хрупких плитах.

S

90	1	0	1	0	1	21	1	3	3	2	3	112	2	2	1	2	3
1	1	0	1	1	0	19	2	0	1	1	0	30	2	2	1	2	2
2	1	0	1	1	0		2	0	1	2	0	105	2	2	1	2	?
17	1	0	1	1	0	100	2	1	1	0	0	109	2	?	?	2	?
18	1	0	1	1	0	12	2	1	?	1	0	116	2	2	2	2	0
25	1	0	1	1	0	27	2	1	1	2	1	106	2	2	2	2	0
99	1	0	1	1	0	44	2	1	1	2	2	71	2	2	2	2	0
1276	1	0	1	1	0	127	2	1	1	2	2	1036	2	2	2	2	0
3	1	0	1	1	1	63	2	1	1	2	2	61	2	2	?	2	0
7	1	0	1	1	1	75	2	1	1	2	2	50	2	2	2	2	2
133	?	0	1	1	?	84	2	1	1	2	2	58	2	2	2	2	2
8	1	0	1	2	0	86	2	1	1	2	2	64	2	2	2	2	2
14	1	0	1	2	0	54	2	?	?	2	2	76	2	2	2	2	2
134	1	0	1	2	1	55	2	?	?	2	2	77	2	2	2	2	2
97	1	0	2	1	1	60	2	?	?	2	?	92	2	2	2	2	2
129	1	0	2	2	0	66	2	?	?	2	?	93	2	2	2	2	2
20	1	1	1	0	0	78	2	?	?	2	2	111	2	2	2	2	2
4	1	1	1	1	0	67	2	?	?	2	2	46	2	?	2	2	2
9	1	1	1	1	0	72	2	?	?	2	2	57	2	?	2	2	3
10	1	1	1	1	0	68	2	?	?	2	2	59	2	2	2	2	3
5	1	1	1	1	1	28	2	1	1	2	2	80	2	2	2	2	3
32	1	1	1	1	1	29	2	1	1	2	2	85	2	2	2	2	3
107	1	1	1	2	0	31	2	1	1	2	2	98	2	2	2	2	3
6	1	1	1	2	1	41	2	1	1	2	2	114	2	2	2	2	3
121	1	2	1	0	0	48	2	1	1	2	2	116	2	2	2	2	3
15	1	2	?	?	?	91	2	1	1	2	2	123	2	2	2	2	3
70	1	2	2	0	0	95	2	1	1	2	2	137	2	2	2	2	3
98	1	2	2	3	3	45	2	?	1	2	2	124	2	2	2	2	?
23	1	3	1	0	0	113	2	1	2	1	3	115	2	2	2	2	?
106	1	3	1	0	0	38	2	1	3	2	2	122	2	2	2	2	2
141	1	3	1	0	0	56	2	1	3	2	3	102	2	2	2	2	2
16	1	3	1	0	1	51	2	2	1	2	2	62	2	2	2	2	2
108	1	3	1	2	2	53	2	2	1	2	2	94	2	3	1	1	2
96	1	3	1	2	?	65	2	2	1	2	2	103	2	3	?	2	2
47	1	3	1	2	2	69	2	2	1	2	2	111	2	?	1	2	2
136	1	3	2	2	0	73	2	2	1	2	2	22	2	3	3	0	2
37	1	3	2	?	0	74	2	2	1	2	2	96	2	3	3	2	1
42	1	3	2	2	2	79	2	2	1	2	2	24	2	3	3	2	2
34	1	3	3	0	0	81	2	2	1	2	2	26	2	3	3	2	2
107	1	3	3	0	0	87	2	2	1	2	2	33	2	3	3	2	2
97	1	3	3	0	0	110	2	2	1	2	2	36	2	3	3	2	2
103	1	3	3	?	0	40	2	?	1	2	2	39	?	?	3	2	2
13	1	3	3	0	3	49	2	?	1	2	2	138	?	3	3	2	?
35	1	3	3	2	2	88	2	2	1	2	0	82	2	?	3	2	3
43	1	3	3	2	2	52	2	?	1	2	2	89	2	2	3	2	3
140	1	3	3	2	2												

90	1	0	0	1	8	1	0	2	0	15	1	2	?	?
1	1	0	1	0	14	1	0	2	0	34	1	2	0	0
2	1	0	1	0	134	1	0	2	1	23	1	2	0	0
17	1	0	1	0	20	1	1	0	0	97	1	2	0	0
18	1	0	1	0	4	1	1	1	0	106	1	2	0	0
25	1	0	1	0	9	1	1	1	0	121	1	2	0	0
99	1	0	1	0	10	1	1	1	0	141	1	2	0	0
1276	1	0	1	0	5	1	1	1	1	107	1	2	0	0
97	1	0	1	1	32	1	1	1	1	16	1	2	0	1
3	1	0	1	1	70	1	1	2	0	13	1	2	0	2
7	1	0	1	1	107	1	1	2	0	96	1	2	2	?
133	?	0	1	?	6	1	1	2	1	136	1	2	2	0
129	1	0	2	0	48	1	1	2	2	37	1	2	?	0

103	1	2	?	0	6S	2	1	2	2	77	2	1	2	2
47	1	2	2	2	2S	2	1	2	2	92	2	1	2	2
35	1	2	2	2	29	2	1	2	2	93	2	1	2	2
43	1	2	2	2	31	2	1	2	2	98	2	1	2	2
140	1	2	2	2	41	2	1	2	2	I11a	2	1	2	2
21	1	2	2	2	4S	2	1	2	2	89	2	1	2	2
42	1	2	2	2	91	2	1	2	2	57	2	1	2	2
19	2	0	1	0	95	2	1	2	2	59	2	1	2	2
11	2	0	2	0	38	2	1	2	2	60	2	1	2	2
100	2	1	0	0	51	2	1	2	2	80	2	1	2	2
12	2	1	1	0	53	2	1	2	2	82	2	1	2	2
	2	1	1	2	65	2	1	2	2	85	2	1	2	2
116	2	1	2	0	69	2	1	2	2	98	2	1	2	2
106	2	1	2	0	73	2	1	2	2	114	2	1	2	2
71	2	1	2	0	74	2	1	2	2	116	2	1	2	2
1036	2	1	2	0	79	2	1	2	2	123	2	1	2	2
61	2	1	2	0	S1	2	1	2	2	137	2	1	2	2
88	2	1	2	0	110	2	1	2	2	111	2	1	2	2
27	2	1	2	1	40	2	1	2	2	122	2	1	2	2
56	2	1	2	2	45	2	1	2	2	102	2	1	2	2
44	2	1	2	2	46	2	1	2	2	62	2	1	2	2
127	2	1	2	2	49	2	1	2	2	124	2	1	2	?
63	2	1	2	2	52	2	1	2	2	115	2	1	2	?
75	2	1	2	2	112	2	1	2	2	22	2	2	0	2
84	2	1	2	2	30	2	1	2	?	94	2	2	1	2
86	2	1	2	2	105	2	1	2	?	96	2	2	2	1
54	2	1	2	2	109	2	1	2	?	108	2	2	2	2
55	2		2	2	87	2	1	2	2	103	2	2	2	2
61	2	1	2	2	50	2	1	2	2	24	2	2	2	2
66	2	1	2	?	58	2	1	2	2	26	2	2	2	2
78	2	1	2	2	64	2	1	2	2	33	2	2	2	2
67	2	1	2	2	76	2	1	2	2	36	2	2	2	2
72	2	1	2	2	39	2	1	2	2	138	?	2	2	?

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПО ИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЮ

Р. Черновая, левый берег Енисея

- А. № 59 (табл. XL). Личина на широкой грани, изображение плоское. Красный песчаник, 180×140×15 см. Верх плиты и края обломаны. Угловой камень тагарского кургана. Могильник Левый берег Черновой I. Стоял вниз головой. ГИМ (рис. Максименкова).
- Б. № 68 (табл. XLII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское, нос стерт. Желтый песчаник, 160×26 см. В 6 км ниже дер. Сарагаша, у бывшей дер. Новой Черной, среди камней чаатаса. АМ (рис. Максименкова).
- В. Обломки плит с изображениями личин, зверей, животных, людей, птиц. Окуневский могильник Черновая VIII. Общее количество — 50, среди них с антропоморфными изображениями (личин) — 15. ГЭ (рис. Максименкова). Наиболее сохранившиеся плиты с личинами:
- № 113 (табл. LII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Сохранились «корона», глаза, полоса под глазами, часть носа и рта. Обломок песчаника, 135×55×3 см. Кург. 12, мог. 2.
- № 114 (табл. LII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Красный песчаник, 130×85 см. Кург. 4, мог. 8, стенка ящика [14, 213, рис. 1; 15, 25, рис. 17 и табл. 17].
- № 116 (табл. LII). Личина на широкой грани. Изображение плоское. Красный песчаник, 124×62×8 см, верх обломан. Кург. 5, мог. 2, стенка ящика [14, 214, рис. 3; 15, 24, рис. 16].
- № 115 (табл. LII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Красный песчаник, 145×85×8 см. Кург. 3, мог. 7. Покрытие ящика [14, 214, рис. 2; 15, 23, рис. 15].
- № 119 (табл. LII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Красный песчаник, 150×73×8 см. Личина сильно выветрена, под изображением рта — фигуры быков. Кург. 5, мог. 2, стенка ящика [14, 215, рис. 5].
- № 123 (табл. LIII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Серый песчаник, 45×33×7 см. Кург. 3, мог. 12, в покрытии ящика [14, 214, рис. 4; 15, 22, рис. 14].
- № 124 (табл. LIII). Личина на широкой грани, верх обломан. Два обломка серого песчаника, 70×23×4 см. Кург. 1, мог. 4.
- № 130 (табл. LIII). Личина на широкой грани. Два обломка красного песчаника с изображением глаза, части рта, полосы под глазом, 50×35—15 см. Кург. 4, мог. 7.
- № 131 (табл. LIII). Личина на широкой грани, верх обломан. Три обломка красного песчаника, 34×30, 70×45 и 23×20 см. Точное местонахождение неизвестно.
- № 132 (табл. LIII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Сохранились один глаз, контур носа, полоса под носом. Красный песчаник, 60×70×4 см. Местонахождение неизвестно.
- № 126 (табл. LIII). Антропоморфное изображение на плите. Песчаник, 60×35 см. Местонахождение неизвестно.
- № 117 (табл. LII). Часть личины и изображение фантастического зверя. Два обломка красного песчаника, 110×90×8 см. Кург. 4, мог. 7 и 8, стенки ящиков [15, табл. 18; 13, 174, рис. 1; 144, 109, рис. 38, 1].
- № 118 (табл. LII). Обломок плиты с личиной на широкой грани. Личину перекрывают изображения животных. Красный песчаник, 85×65 см. Кург. 5, мог. 7, стенка ящика.
- Силует женщины и контуры быка. Обломок плиты красного песчаника, 30×25×4 см, между кург. 11 и 12 (рис. Максименкова) [17, 261—262, рис. 1, а].
- Силуэты двух человек. Обломок плиты песчаника, на площади раскопа кург. 12 (рис. Максименкова).
- Г. № 120 (табл. LII). Изображение сидящего хищника. Красный песчаник, 180×90 см. Тагарский могильник на р. Черновой. Кург. 14, мог. 2, покрытие ящика. ГЭ (рис. Максименкова).
- Д. № 152 (табл. LVI). Личина на широкой грани, изображение плоское. Сохранились два глаза, три полосы под ними, рот. Красный песчаник, 250×95 см. Андроновский

могильник близ Сухого озера, в 11 км от левого берега Енисея, в сторону р. Черновой. Кург. 430, мог. 7, покрытие ящика (рис. Максименкова).

Е. Изображение хищника на плите песчаника под горой Барсухой, у пос. Разлив, в ограде тесипского кургана. ММ [121].

Р. Белый Июс

- А. № 21 (табл. XXXIV). Личина на остром ребре камня, изображение слаборельефное. Красный песчаник, 140×45×40 см. В 0,5 км к З от улуса Патанкова (Батанкова), в 4 км от моста через р. Белый Июс. На плоском кургане (рис. Лейкум) [26, табл. III, рис. 22; 15, табл. 20; Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- Б. № 110 (табл. LI). Несколько личин на стеле «кеме-тас» («лодка-камень»), в 600 км к СЗ от горы Хызыл-хас, недалеко от Черного озера (левый берег р. Белого Июса). Изображения плоские. Гранит, 468×70 см. АМ (рис. Лейкум) [26, табл. V, 38; 69, 158; 15, 23, рис. 19; Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 25].
- В. № 36 (табл. XXXVI). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Красный песчаник, 270×80 см. Стела «хыс-тас», на левом берегу р. Белого Июса, в 300 м к СВ от горы Хызыл-хас, у дороги. АМ (по фот. Л. Р. Кызласова) [19; рис. 190; 132, табл. XIV, 6; 54, 76; 157, 22, рис. 105; 26, табл. II, 11; 69, 158; 80, рис. 9].
- Г. № 84 (табл. XLV). Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Материал неизвестен, 173×71×38 см. Между сопкой близ Черного озера и отрогами горы Хызыл-хас с юго-западной стороны (фот. Кызласова) [69, 158].
- Д. Стела на невысоком перевале, в 15—20 км по дороге от Малого Сютика на ст. Ширу, не доезжая участка Саратов, 287×80×40 см. Имеет надпись, сделанную черной краской. Сведения о личине нет [69, 158].
- Е. Стела между деревьями Сютиком и Солепоозерной, на правом берегу р. Белого Июса, на северном склоне Еловой горы, на кургане. Серовато-красный песчаник, высотой до 3 м. Изображение плохой сохранности [Кузнецов-Красноярский, 1914 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 315, рис. 8].
- Ж. Гранитная сигарообразная глыба, по величине подобная стеле «камень-лодка». В 0,5 км от улуса Патанкова, по дороге на Черное озеро. Личина стерлась [26, табл. V, прим. VIII].
- З. № 107 (табл. L). Две личины на узкой грани, изображение рельефное и плоское. Лежали рисунком вниз на территории андроновского кладбища, между мог. 31—33 и 21. Гранит, приблизительные размеры 220×45—25 см. КМ (по фот. Н. Пашкина).
- И. № 137 (табл. LIV). Личина на широкой грани. Изображение плоское. Обломок песчаника, 140×120 см. Помимо личины, есть изображение быка. Андроновский могильник Солепоозерная I, мог. 29, покрытие ящика. КМ.
- К. Личина на узкой грани, изображение рельефное. Красный песчаник, 160×80×30 см. Сильно выветрен. В 3 км от подножия Лысой горы, у дороги (по сведениям Г. А. Максименкова, 1963 г.).
- Л. № 22 (табл. XXXIV). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Материал и размеры неизвестны, верх обломан. На правом берегу р. Белого Июса, в 6 км от Солепоозерной (Фарпус). ММ (по Аспелингу) [157, 22, рис. 108; Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- М. № 24 (табл. XXXIV). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Серый песчаник, 135×80×15 см, верх обломан. В 1 км от совхоза Буденовского (Солепоозерная—Фарпус), справа от дороги в Ширу (рис. Лейкум) [157, 22, рис. 109].
- Н. № 31 (табл. XXXV). Личина на широкой грани, изображение плоское. Коричневый песчаник, 135×60 см. У совхоза Буденовского (Фарпус), по дороге в Ширу, на та-

¹ Имеет изображения больших быков типа туров с длинными рогами, выбиты сплошным силуэтом.

гарском кургане (рпс. Лейкум) [157, 22, рис. 110; 15, 16, рис. 9].

- О. Личина на узкой грани, изображение стершеся. Материал неизвестен, 110×60×30 см. Сохранились овал лица, глаза, груди, живот. Фарфус.
- П. № 92 (табл. XLVII). Личина на узкой грани, изображение плоское. Левая сторона лица в часть головного убора стерлась. Красный песчаник, 280×80×40 см. На кургане, в 31 км от дер. Копьевой, в 100 м слева от дороги на Шпру (рпс. Лейкум).
- Р. № 140 (табл. LIV). Личина на узкой грани, изображение рельефное, внизу личины видна раскрытая пасть хищника. Песчаник, размеры неизвестны, котловина оз. Беле. АМ (по фот. Грязнова и Липского) [80, рис. 14—15].
- С. Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Материал и размеры неизвестны, личина трехглазая. В окрестности оз. Беле, на тагарском кургане [Рыгдылон, 1947 г. — Архив ИА, Р-1, № 112, с. 17].

Район оз. Ши́ра

- А. № 9 (табл. XXXII). Личина на узкой грани, изображение плоское. Песчаник, 140×70×20 см, верх обломан. На оз. Ши́ра, на правом берегу р. Топма, среди ряда вертикальных камней [Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 25; 26, табл. 1, 6].
- Б. № 138 (табл. LIV). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Песчаник, 110×45—35×25 см. Верх обломан. Находилась там же, где и личина № 9, но на кургане. ГМЭ [Кузнецов-Красноярский, 1914 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 315; 139, 94; 26, табл. IV, 37].
- В. Стела с личиной, валялась на земле рядом с личинами № 9 и 138, частично она вросла в землю. Материал и размеры неизвестны [Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 25].
- Г. № 72 (табл. XLIII). Личина на широкой грани. Изображение плоское, нижняя часть личины выветрена, обломок плиты высотой 140 см. Юго-восточный берег оз. Ши́ра [Кузнецов-Красноярский, 1914 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 315; 26, табл. VI, 53; 21, 135, рис. 2, 7].
- Д. № 103 (табл. XLIX). Три личины на узкой грани, две рельефные, одна плоская. Коричневый песчаник, 230×70×30 см. Ст. Ши́ра, угловой камень тагарского кургана. АМ (рпс. Претро) [15, табл. 21; 144, 194, рис. 66, 1; 79, 45; 80, 15, рис. 13].
- Е. № 153 (табл. LVI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское, сильно стершеся. Серый гранит, 340×55×35 см. К востоку от оз. Иткуль. КМ.
- Ж. № 78 (табл. XLIV). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское, сильно выветренное. Серый песчаник, 240×80×25 см. В 3 км к С от дер. Калмачат, стоит в ряду камней (рпс. Сунчугашева).
- З. Три изваяния на большом кургане, в 2 км от ст. Шпры, на противоположной стороне дороги от станции к курорту. Размеры и материалы неизвестны. Два изваяния лежат на боку, личины сильно выветрены, третье свежено в школу (изображение на узкой грани, плоское) [Рыгдылон, 1947 г. — Архив ИА, Р-1, № 112, с. 30—32]. Вероятно, о нем сообщает С. А. Теплоухов [26, табл. VI, прим. IX].
- И. Личина на камне. Материал и размеры неизвестны. Стоит в ряду из 30 камней, к З от большого кургана, в окрестности оз. Ши́ра, у улуса Коковского, на повороте из улуса на саеро [Клеменц, 1888 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 23].
- К. Два камня с личиной у большого кургана, в 8—10 км от оз. Ши́ра. Сохранность плохая. Размеры и материал неизвестны [Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- Л. Личина на камне. Материал и размеры неизвестны. С западной стороны оз. Камышового [Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- М. Личина на камне. Материал и размеры неизвестны. Около оз. Березового [Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- Н. Личина на камне, материал и размеры неизвестны. На левом берегу среднего течения речки Карыша [Кузнецов-Красноярский, 1912 г. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- О. Личина на ребре камня, изображение рельефное. В 12 км от ст. Сон, по направлению к оз. Ши́ра. Угловой камень тагарского кургана [26, табл. V, прим. VIII].

П. № 143 (табл. LV). Личина на небольшом камне. Гранит, 66×20×12 см. В районе дер. Шпры. Случайная находка. Музей ПИФФ (рпс. Барацова) [106, 27].

Р. Личина с расходящимися от лица лучами. Гранит, размеры неизвестны. Угловой камень тагарского кургана. Осмотрена С. А. Теплоуховым в 1925 г. [139, 94].

Р. Бирь, окрестности ст. Ербинской (улус Тазмин)

- А. № 47 (табл. XXXVIII). Личина на узкой грани, изображение рельефное, в желобах следы охры. Гранит, 256×75—55×40—30 см. В 250 м от последних домов ст. Ербинской (левый берег реки), в сторону улуса Кутень-Булку, стоит одиноко в степи (рпс. Претро). Раскопана Э. Б. Вадецкой в 1967 г. и Л. Р. Кызласовым в 1971 г. ММ [26, табл. IV, 35; 21, 133, рис. 1; Савенков, 1911 г. — Архив ММ, оп. 2, № 75].
- Б. № 28 (табл. XXXV). Личина на широкой грани, изображение плоское. Серый гранит, 120×35×35 см. На тагарском кургане. ММ (рпс. Претро) [26, табл. VI, 52; 21, 135, рис. 2, 5; 46, 169, табл. XV, 6; 15, табл. 9; Савенков, 1910 г. — Архив ММ, оп. 2, № 73].
- В. № 35 (табл. XXXVI). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Красный песчаник, 360×70×15 см. На левом берегу р. Бирь, в улусе Тазмине. ГМЭ [26, табл. IV, 32; 126, 172; 139, 93; Сибирь, 1925, № 4 (рпс. на обложке); 46, табл. XV, 1; 15, табл. 6; 21, рис. 1, 5; Савенков, 1911 г. — Архив ММ, оп. 2, № 75].
- Г. № 46 (табл. XXXVIII). Личина на узкой грани, изображение на рельефном выступе, плоское. Гранит, 150×70×35 см. Лицо наполовину в земле. В 1—1.5 км от ст. Ербинской, в ограде тагарского кургана (на левом берегу реки) (рпс. Претро) [26, табл. III, 25; 71, 1].
- Д. № 65 (табл. XLI). Личина на остром ребре камня. Изображение плоское. Песчаник, 190×53×40 см. В 2 км к С от ст. Ербинской (рпс. Претро). Раскопан Кызласовым в 1971 г. ММ [15, 27, рис. 10].
- Е. № 87 (табл. XLVI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Серый гранит, 330×65×37—25 см. В 1 км к ЮВ от ст. Ербинской, стоит одиноко в степи, рядом разбитая стела без изображения (рпс. Претро). Раскопана Кызласовым в 1971 г. ММ [26, рис. 1; Савенков, 1911 г. — Архив ММ, оп. 2, № 75].
- Ж. № 49 (табл. XXXVIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское, нижняя часть выветрена, стоит вниз головой. Гранит, 267×50×30 см. В 800 м к СВ от ст. Ербинской (рпс. Претро). Раскопана Р. Л. Кызласовым в 1971 г. Рядом (в 15 м к С) стоял менгир, 1.77×0.66×0.3 см [26, рис. 2].
- З. № 66 (табл. XLII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское, выветрившееся. Серый гранит, 140×40 см. В 1.5 км к С от ст. Ербинской, по правую сторону от железной дороги, в ограде тагарского кургана (рпс. Претро).
- И. № 67 (табл. XLII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское, нос не сохранился. Гранит, 250×52×30 см. В 0.8 км к ВВС от ст. Ербинской (рпс. Претро). Раскопана Р. Л. Кызласовым в 1971 г. (здесь же выкопано новое изваяние, 129×30×15 см, с несохранившейся личиной). Новосибирск, академгородок [26, рис. 24; 15, 15, рис. 7].
- К. № 82 (табл. XLV). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Красный песчаник, верх обломан, 165×60×20 см. На левом берегу реки, против улуса Тазмина, в 2 км от улуса Аёшина, в 80 м от стелы № 28. Стояла одиноко в степи (рпс. Претро) [26, рис. 3; 15, табл. 13; Савенков, 1911 г. — Архив ММ, оп. 2, № 75; фотоархив ММ, № 255, 264].
- Л. Стела длиной 2.4 м. Серый гранит со стершейся личиной, улавливаются лишь отдельные личинки. На ст. Ербинской, улусе Боградской, № 23, у дома Резаевых.
- М. № 98 (табл. XLVIII). Две личины на широкой грани камня, изображение плоское. Гранит, 180×55×35 см. На левом берегу Бирь, против улуса Тазмина, на ровном месте в степи. ММ (рпс. Претро) [26, рис. 54; 21, 135, рис. 2, 4; 158, рис. 8; 46, 169, табл. XV, 4; 157, 31, рис. 144; 132, табл. VIII—XIV, рис. 11; 15, табл. 10; 80, рис. 2; 144, 195, рис. 67, 2; 79, 43].
- Н. № 12 (табл. XXXIII). Личина на широкой грани, изображение плоское, под лицом — груди и живот, на боковых гранях — руки. Серый гранит тумбообразной

формы, высотой 100 см, верх отбит. В 1 км выше улуса Тазына, на правой стороне речки Бири, в 1,5 км ниже речки Карасука, в загороде, недалеко от дороги [Савенков, 1911 г. — Архив-ММ, оп. 2, № 74; 21, 144, рис. 13].

Р. Бирь, окрестности ст. Усть-Бюрь

- А. № 44 (табл. XXXVIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Гранит, $180 \times 55 \times 20$ см. На левом берегу реки, в 0,5 км к В от улуса Усть-Бюрь (по рис. Грязнова) [26, табл. III, 29].
- Б. № 93 (табл. XLVII). Личина на узкой грани, на небольшом выступе, изображение плоское. Гранит, приблизительно размеры $200 \times 70 \times 20$ см. На правом берегу реки, выше улуса Джамакова (Чамака), на углу кургана (по Аспелину) [157, 33, рис. 153—154; Савенков, 1911 г. — Архив ММ, оп. 2, № 75].
- В. № 111 (табл. LI). Личина барана и две личины человека на узкой грани, изображение барана рельефное, антропоморфные личины плоские. Серый гранит, $250 \times 70 \times 40$ —25 см. Рядом со стелой № 93, но на другом кургане. ММ (рис. Претро) [26, табл. V, 42; 157, 33, рис. 151—152; 44, 285, рис. 3; 46, 167, табл. XIV, 4; 162, рис. 2; 163, 178, рис. 6; 89, 75—76; Савенков, 1911 г. — Архив ММ, оп. 2, № 75; 15, рис. 20; 79, 44].
- Г. № 40 (табл. XXXVII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Серый гранит, 155×28 см, выветрен. На поверхности видна только «змейка» от головного убора. На северо-восточной окраине ст. Усть-Бюрь, в конце улицы Гагарина, чаатас (рис. Претро).
- Д. Личина на узкой грани, выше линии рта отбита. Серый гранит, размеры неизвестны. В 15 шагах от стелы № 46.
- Е. № 70 (табл. XLII). Личина на острой грани камня, вилзу камня, плоская, выше личины изображение оленя. Розовый гранит, $190 \times 40 \times 30$ см. На правом берегу, в 0,5 км к В от речки Сарыгой, угловой камень тагарского кургана (по фот. Адрианова и рис. Леонтьева, 1969 г.) [26, табл. VI, 50].
- Ж. Три плиты с изображением на узкой грани. На левом берегу реки, в 0,5 км к В от улуса Усть-Бюрь [26, табл. V, прим. IV—VI].
- З. Личина на ребре камня. Размеры и материал неизвестны. По дороге на улуса Усть-Бюрь на улус Колоду [26, табл. V, прим. I].
- И. Личина на широкой грани, плоская. Песчаник, 120×85 см. Из могилы окуневской культуры в районе ст. Усть-Бюрь [72, 223].

Р. Уйбат, окрестности совхоза Степного (улус Чарков)

- А. № 38 (табл. XXXVII). Личина на небольшом рельефном выступе, изображение плоское. Песчаник, 150×45 — 20×25 см. На Уйбатском чаатасе, в 3 км к Ю от улуса Чаркова (по Аспелину) [157, 40, рис. 173].
- № 94 (табл. XLVII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение рельефное. Гранит, $200 \times 50 \times 30$ см. На Уйбатском чаатасе, у тагарского кургана. ГЭ (рис. Претро) [157, 40, рис. 178; 26, рис. 9].
- № 18 (табл. XXXIII). Личина на узкой грани, изображение плоское. Песчаник, $225 \times 65 \times 10$ см, верх обломан. На Уйбатском чаатасе, у тагарского кургана (по фот. Клеменца) [Клеменц, 1888—1909 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 23; 157, рис. 172].
- № 4 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Гранит, $75 \times 50 \times 45$ см, верх обломан. На Уйбатском чаатасе, угловой камень тагарского кургана (рис. Претро) [157, рис. 176; 26, рис. 16; Клеменц, 1888—1909 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 23; Адрианов, 1897 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 43].
- № 33 (табл. XXXV). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Гранит, $240 \times 30 \times 30$ см. На Уйбатском чаатасе в ряде камней. ГЭ (рис. Претро) [26, табл. I; 157, 39, рис. 164, 158, рис. 7; 62, рис. 3; 132, табл. VIII, рис. XIV, 2; Адрианов, 1897 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 43].
- № 64 (табл. XLI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Левая часть лица выветрена. Серый гранит, $260 \times 70 \times 25$ см. На Уйбатском чаатасе. АМ (рис. Претро).
- Личина на узкой грани, изображение рельефное, выветрено, 263×30 см. На Уйбатском чаатасе, на кургане [157, рис. 170].
- Б. № 10 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Материал неизвестен, 140×50 см. Сильно выветрен. На краю надпойменной террасы, в 5 км к Ю от улуса Чаркова (рис. Претро).
- В. № 5 (табл. XXXII). Личина на узкой грани, изображение плоское. Материал неизвестен, $100 \times 60 \times 30$ см. В 3 км к Ю от улуса Чаркова, в ограде тагарского кургана, на середине восточной стороны, в 10 шагах от стелы № 30 (рис. Претро).
- № 51 (табл. XXXIX). Личина на узкой грани, изображение плоское. Красный песчаник, 140×46 см. Сильно выветрена. В 3 км к Ю от улуса Чаркова, в западной части тагарского могильника, в середине северной стенки кургана. На поверхности видны лишь глаза и полоса под ними (рис. Претро).
- № 30 (табл. XXXV). Личина на узкой грани, на небольшом выступе, изображение плоское, стершееся. Серый песчаник, 115×20 см. Верх обломан. В ограде тагарского кургана, в 3 км к Ю от Чаркова, в 10 шагах от стелы № 5 (рис. Претро) [26, рис. 8].
- № 150 (табл. LVI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Изображение плоское, черты лица стерлись. Гранит, $160 \times 70 \times 40$ см, в ограде тагарского кургана (рис. Претро) [26, табл. 1, 10, 157, рис. 177].
- Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Изображение выветрилось. Сохранились овал лица, полоса, рот. Серый гранит, 250×25 см, ширина неизвестна, повалена рядом со стелой № 5.
- № 109 (табл. L). Две личины на узкой грани, на рельефном выступе. Изображение плоское. Верх обломан, выветрен. Песчаник, $150 \times 64 \times 20$ см (рис. Претро) [26, табл. V, рис. 42; 157, рис. 174, 175; Клеменц, 1888 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 23; 46, табл. XIV, 3].
- Г. № 55 (табл. XXXIX). Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Изображение плоское, выветрено. Нижняя часть лица не сохранилась. Серый гранит, $225 \times 85 \times 25$ см. У слияния рек Уйбата и Тибика, на тагарском кургане (рис. Лейкум).
- Д. № 60 (табл. XLI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Изображение плоское. Красный песчаник, $110 \times 29 \times 16$ см. В 3 км к Ю от Чаркова, на тагарском кургане (по рис. Грязнова) [26, табл. II, 19; 76, рис. 6; 157, рис. 173].
- Е. № 29 (табл. XXXV). Личина на широкой грани, изображение плоское. Серый гранит, $90 \times 60 \times 70$ см. Верх обломан. В 3 км к З от ст. Уйбат, на правом берегу реки. В стене, вниз головой (рис. Лейкум).
- Ж. № 56 (табл. XL). Личина на широкой грани, изображение плоское. Серый гранит, $200 \times 70 \times 60$ см. В междуречье рек Нени и Уйбата, в 6—6,5 км от ст. Уйбат, в ограде тагарского кургана, стоит вниз головой (рис. Лейкум).
- № 43 (табл. XXXVII). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Серый гранит. Угловой камень тагарского кургана. В междуречье рек Нени и Уйбата, в 6—6,5 км от ст. Уйбат (рис. Лейкум).
- № 76 (табл. XLIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское, левая сторона лица выветрена. Серый гранит, $115 \times 70 \times 15$ см. В междуречье рек Нени и Уйбата, в 6—6,5 км от ст. Уйбат, в ограде тагарского кургана, стоит вниз головой (рис. Лейкум).
- З. № 63 (табл. XLI). Личина на узкой грани, изображение на рельефном выступе, плоское. Серый песчаник, 250×53 — 36×20 см. Верхняя часть покрыта тюркскими надписями. В улусе Чаркове, на левом берегу. ММ (рис. Претро) [158; 62, табл. XV, 11; 126, 338; 125, 93; 132, табл. XIV, 8; 26, 91, 92, табл. III, 28; 157, 35, рис. 156].
- И. № 42 (табл. XXXVII). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Головной убор стерт. Серый песчаник, $220 \times 50 \times 30$ см. В 3 км выше улуса Чаркова, на правом берегу. ММ (рис. Претро) [26, табл. IV, 36; 21, 135, рис. 2, 3; 19, рис. 3; 158, рис. 3; 62, табл. XIV, 1, 2; 125; 132, табл. VIII, рис. XIV, 1; 155, 462; 157, 36, рис. 157; 15, рис. 4].
- К. № 7 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, изображение плоское, левая сторона осмыслась. Серый гранит, $140 \times 110 \times 30$ см. В улусе Чаркове, угловой камень тагарского кургана. ММ (рис. Претро) [26, табл. VI, 48].

Л. № 27 (табл. XXXIV). Личина на узкой грани, изображение плоское. Изображены голова, плечи, руки, груди, живот. Гранит, 200×65×35 см. К ЮЗ от совхоза Степного (улуз Чарков), на углу тагарского кургана. ГЭ (рис. Претро) [26, табл. II, 17; 21, 142—143, рис. 11—12; 46, 75, табл. VIII, 5; 30, 205; Адрнапов, 1897 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 43].

Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Изображение плоское, стертое. В 0.5 км к ЮЗ от улуса Чаркова, в ограде тагарского кургана. На этом же кургане стояла стела № 27 [26, табл. II, 20].

М. № 62 (табл. XLI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе. Изображение плоское. Гранит, 290×85×40 см. В 10.5 км от р. Уйбата, угловой камень тагарского кургана Чалхыс-оба. АМ (рис. Претро) [26, табл. 1, 7; 164, рис. 7; 157, рис. 294; 15, табл. 19; 79, 45; 144, 198, рис. 69, 1].

№ 34 (табл. XXXV). Личина на широкой грани. Изображение рельефное. Гранит, 220×70×55 см. АМ (рис. Претро) [157, рис. 295].

Н. Личина на остром ребре камня. выветрена, 160×70 см. В 9.5 км от улуса Чаркова [157, рис. 141, а, б].

О. № 101 (табл. XLIX). Каменная скульптура барана. Песчанник, 100×90×35 см. На правом берегу, между улусами Кобылкиным и Чарковым. ММ (рис. Претро) [157, рис. 286; 46, 191, табл. XIX; 67, 92, рис. 33, 12].

П. № 53 (табл. XXXIX). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, плоская. Красный песчанник, 190×45×25 см. Точное местонахождение неизвестно. ГЭ (рис. Претро).

Р. № 20 (табл. XXXIII). Личина на плоской грани, внизу столбобразной стелы. Изображение плоское. Ноздри и глаза соединены полосками охры. Размеры приблизительные, 195×35 см, выветрена. На углу раскопанного позднетагарского кургана, стоит вниз головой, в 6 км от ст. Усть-Бюрь и в 10 км от ст. Уйбат, на правом берегу реки, недалеко от железной дороги [157, рис. 186]. Рядом камень с изображением животного и сосуда (по рисунку Леонтьева, 1967 г.).

С. Камень с личиной, в 3 км влево от дороги, около улуса Троякова, у р. Уйбата. Материал и размеры неизвестны [Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29].

Камень с личиной, между улусами Кобылкиным и Тутачкиным [Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29].

У. Несколько стел с личинами, на чаатасе в котловине оз. Кызыль-куль [4, 58].

№ 122 (табл. LIII). Личина на овальном камне, изображении плоское. Гранит, 30×20 см. В долине р. Уйбата. АМ (рис. Максименкова) [80, 13, рис. 11; 14, рис. 12].

Р. Немир

А. № 146 (табл. LV). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Обломок. Красный песчанник, 140×85×13 см. На кургане, на левой стороне реки, против улуса Апышева, камень свезен в Томский университет. Не сохранился (по фот. Кузнецова-Красноярского) [Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29; 50, 33; 136, рис. 14; 26, табл. IV, 34; 21, 135, рис. 2, 1].

В. Два камня с изображениями человеческого лица, закрытого руками. Наибольшая высота 3.5 м [Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, № 35, п. 201 (письмо И. Кузнецова к Н. М. Мартынову)].

Р. Бея

А. № 121 (табл. LIII). Каменная антропоморфная скульптура, лицо рельефное. Серый гранит, 30×10×8 см. Точное место находки неизвестно. ММ [163, 131—135, рис. 25; 21, 137, рис. 5; 65, рис. 11, 1].

Б. Личина на широкой грани, на рельефном выступе, изображение неясное. На правом берегу реки [62, табл. XV, 2].

Р. Ниня

А. № 23 (табл. XXXIV). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Серый песчанник, 150×50×25 см. У истоков р. Камышты, на чаатасе. АМ (рис. Претро) [80, рис. 8].

Б. № 26 (табл. XXXIV). Личина на узкой грани, изображение рельефное. Серый гранит, 170×60×30 см. На правом берегу, выше истоков р. Камышты. АМ (рис. Претро). [75, 158, рис. 3].

В. № 73 (табл. XLIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Серый гранит, 180×30 см, сильно выветрена. На левом берегу, выше истоков р. Камышты, на чаатасе. АМ (рис. Претро).

Г. Личина на широкой грани, плоская. Гранит, 90×60×50 см. В 0.5 км от с. Сивяино, по правой стороне дороги на улус Кызынаев, на середине южной стенки ограды тагарского кургана [26, табл. VI, 47].

Д. Личина с двумя глазами и ртом, ниже выщуклый живот. Серый гранит, 280×70—80×60 см, выветрена. В 4 км ниже с. Сивяино, у старого брода через р. Нишу, лежит у берега. Называется «чалгыс-оба» — «одинокая плита» (обследована автором в 1967 г. и Кызласовым в 1968 г.) [Архив ИА, Р-1, № 4265, с. 2—3].

Е. Личина выветрена. Сохранился рот, живот. Серый гранит, 345×50×13 см. В 7 км от предыдущей личины, в пойме речки, близ моста, по которому проходит дорога в пос. Камышту [Архив ИА, Р-1, № 4265, с. 2—3].

Р. Большой Сыр

А. № 2 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Гранит, 70×45×30 см. На правом берегу, в 0.5 км от улуса Сафьянова, в ограде тагарского кургана (по рис. Грязнова) [26, табл. VI, 46].

Р. Камышта

А. № 1 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Розовый гранит, 82×48×40 см. На левом берегу, в 6 км от улуса Балганова, в центре тагарского кургана (рис. Лейкум) [Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29].

Б. № 105 (табл. I). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Красный песчанник, 100×55×30 см. На левом берегу, между улусами Тотачкиным и Катаевым, в ограде тагарского кургана (рис. Лейкум) [26, табл. II, 18].

В. Личина на узкой грани, изображение стертось. Сохранился овал лица, рот, полоса под носом. Гранит, 65×40×27 см. На левом берегу, на тагарском кургане.

Г. Личина стертась. Розовый гранит, размеры неизвестны. На тагарском кургане (по фот. Максименкова, 1963 г.).

Д. № 79 (табл. XLIV). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Красный песчанник, 330×90×25 см. На левом берегу, в улусе Терентий, на холме. АМ (рис. Претро) [26, табл. III, 27; 157, рис. 284; 132, табл. VIII, рис. XIV, 8].

Е. № 61 (табл. XLI). Личина на широкой грани, изображение плоское. Песчанник, 120×80×20 см. Выветрена. На центральной ферме Аскизского совхоза. АМ (рис. Претро).

Ж. № 6 (табл. XXXII). Антропоморфное изображение на широкой грани песчанника, 75×62×32 см. В 250 м к СВ от пос. Аскизского племсовхоза, в ограде тагарского кургана. Осмотрено автором в 1969 г., Кызласовым — в 1970 г.

З. № 71 (табл. XLIII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Песчанник, 130×55×45 см, выветрена. На ст. Камыште, в тагарском кургане. АМ (рис. Претро).

И. № 136 (табл. LIII). Личина на широкой грани, изображение рельефное. Гранит, верх обломан, из впускной окупельской могилы (3) афанаевского кургана «Большое кольцо», у пос. Камышты. АМ (рис. Баранова) [77, 277, рис. 3].

К. № 134 (табл. LIII). Антропоморфное изображение на широкой грани, плоское. Обломок песчанника, 40×60×10 см. Там же, где и личина № 136, но в мог. 2. АМ (рис. Максименкова) [77, 277].

Л. Гранитный камень на правом берегу р. Камышты, в 12 км ниже ст. Камышты, на углу тагарского кургана. Личина стертась, сохранился лишь овал лица (обследована автором в 1967 г.).

М. № 19 (табл. XXXIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, плоская. Серый песчанник, 200×85×30 см. Боковые грани выветрены. В долине р. Абакана, около устья р. Камышты. АМ (рис. Претро) [80, рис. 5].

Верхнебиджинская степь

- А. № 37 (табл. XXXVI). Личина на узкой грани, изображение плоское. Серый гранит, 340×60×35 см. Стела «камень-старик». К В от большого кургана, близ улуса Салбыка. АМ (рис. Претро) [26, табл. VIII, 70]. Раскопки Кызласова в 1971 г.
- Б. № 45 (табл. XXXVIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Гранит, 165×45×30 см. В урочище Ахмарче, близ улуса Верхнебиджинского, на угловом камне тагарского кургана, стоит вниз головой (по рис. Грязнова) [26, табл. III, 30; 21, 133, рис. 1, 3; 46, 165, табл. XV, 5; Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29; 79, 45].
- В. № 52 (табл. XXXIX). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Красный песчаник, сломан пополам, 175×50×12 см. В 3 км к СЗ от с. Верхней Биджи, на угловом камне тагарского кургана (по рис. Грязнова) [26, табл. II, 15].
- Г. № 81 (табл. XLV). Личина на более узкой грани, плоская. Песчаник, 195×30 см. В Верхнебиджинской степи (по фот. Адрианова) [26, табл. III, 23; 46, табл. XV, 3].
- Д. № 95 (табл. XLVIII). Личина человека и барана на узкой грани, изображение барана рельефное, человека — плоское. Красный песчаник, 152×55×32 см. В 3 км к СЗ от с. Верхней Биджи, на угловом камне чаатаса. АМ (рис. Претро) [26, табл. V, 45; 46, табл. XIV, 6; Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29, с. 14; Савенков, 1911 г. — Архив ММ, оп. 2, № 75; 163, 118, рис. 7; 15, табл. 22; 144, 194, рис. 66, 2; 79, 44].
- Е. № 149 (табл. LVI). Личина на узкой грани, изображение плоское, сильно выветрена. Гранит, 170×35—20 см. На территории совхоза «Московского», на том же чаатасе, что и личина № 95. АМ.

Р. Есь

- А. № 25 (табл. XXXIV). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Красный песчаник, 180×78×30 см. На чаатасе (точное местонахождение неизвестно). АМ (рис. Претро) [81, 168].
- Б. № 57 (табл. XI). Личина на широкой грани, изображение плоское. Обломок красного песчаника, 150×75×12 см. На центральной ферме Еспинского совхоза, в стене ограды тагарского кургана. АМ (рис. Претро).
- В. № 108 (табл. I). Две личины на противоположных узких гранях, изображения рельефные. Коричневый песчаник, 250×65—20 см. В 7 км к СЗ от с. Усть-Есь, на тагарском кургане. АМ (рис. Претро) [26, 91—92, табл. II, 13; 157, рис. 235; 54, 81; 109, 72; 108, 503; 114, 60; 125, 171; 132, табл. VIII, рис. XIV, 7; 135, 125; 141, 503; 15, табл. 7; 79, 45].
- Г. № 16 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, изображение слаборельефное. Серый песчаник, 67×70×12 см. На обратной стороне штриховой рисунок. На том же кургане, что личина № 108, недалеко от горы Сары. ММ (рис. Претро) [26, 91, 92, табл. VI, 49; 157, рис. 234; 21, 138—139, рис. 6, 7; 54, 74—75; 115, 57; 15, табл. 2; 144, 199, рис. 70, 1].
- Д. № 96 (табл. XLVIII). Две личины на узкой грани, рельефные. Красный песчаник, 165×50×25 см. В 2—3 км от устья р. Еси, вверх по дороге в с. Таштып. АМ (рис. Претро) [26, табл. V, 40; 157, рис. 237; 15, рис. 18; 79, 43].
- Е. № 133 (табл. LIII). Личина на широкой грани, плоская. Коричневый песчаник, 62×47 см. В Еспинской МТС, в покрытии карасукского ящика. АМ (по рис. Липского).
- Ж. № 15 (табл. XXXIII). Личина на узкой грани, рельефная. Серый песчаник, 90×90×20 см. На левой стороне долины р. Абакана, в 16 км от с. Аскыза, в устье лога, между селами Аскызом и Усть-Есь (улус Асочаков). АМ (рис. Претро) [26, табл. VIII, 71; 157, рис. 221; 21, 141, рис. 9; Кузнецов-Красноярский, 1911 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 24].
- З. Камень по дороге от дер. Еси к улусу Кудейкову, при р. Тее. Изображение сгладилось [54, 72—76; 115].

Р. Малая Есь, приток р. Еси

- А. № 91 (табл. XLVII). Личина на широкой грани, плоская. Обломок красного песчаника, 140×60 см. На левом берегу выше улуса Кызласова, у кургана. Свезена

в ТГУ, не сохранилась (по рис. Грязнова) [26, табл. VI, 55; 21, 133, рис. 1, 2; 136, рис. 17; Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29].

- Б. № 54 (табл. XXXIX). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Красный песчаник, 225×60×25 см. В улусе Кызласове, на угловом камне тагарского кургана. АМ (рис. Претро) [75, 157, рис. 1].

Р. Аскыз

- А. № 39 (табл. XXXVII). Личина на узкой грани, плоская. Серый песчаник, 140×80×15 см, выветрена. В 1—1.5 км от с. Аскыза, со стороны г. Абакана, на угловом камне тагарского кургана (рис. Лейкум).
- Б. № 77 (табл. XLIV). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, плоская. На обратной грани есть змеевидная лепта с украшениями. Коричневый песчаник, 236×70×45 см. В 1.5 км ниже с. Аскыза, у железнодорожной линии, на чаатасе. АМ (рис. Претро) [Кузнецов-Красноярский, 1913 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 24, 1907].
- В. Антропоморфный рисунок на плите высотой 2 м, на пей же изображения трех рогатых зверей. В 3 км к В от с. Аскыза, на камне (по фот. Кузнецова-Красноярского) [Кузнецов-Красноярский, 1911 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 24, 1907, л. 33].
- Г. № 13, 14 (табл. XXXIII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Серый песчаник, 180×25×15 см. На обратной стороне еще несколько плохо сохранившихся личин. В 12 км от с. Аскыза, около улуса Ефимова и устья р. Базы, в земле на глубине 0.75 м. Найдена при полевых работах в 1911 г. Вновь вкопана Кузнецовым-Красноярским. АМ (рис. Претро) [Кузнецов-Красноярский, 1911 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 24, 1907, л. 31—32].
- Д. № 112 (табл. LI). Личина на широкой грани, плоская. Красный песчаник, 360×90 см. На левом берегу р. Аскыза, в чаатасе, у г. Чты-хыс, вкопана на вершине тагарского кургана. АМ (рис. Претро) [66, 165].
- Е. № 106 (табл. L). Две личины на широкой грани, верхняя рельефная, нижняя плоская. Красный песчаник, 220×50×60 см, стела «улук-Хуртуях-тас» («большая старуха-камень»). В нескольких км от с. Аскыза, в улусе Онхакове, в долине р. Абакана, возле тагарского кургана. АМ (рис. Претро) [26, 91, 92, табл. V, 43; 157, рис. 219; 50, 34; 55, 230; 108, 501, 502; 109, 69; 114, 59; 126, 169; 130, 563; 135; 134, 22, табл. 7, 1—2; 136, рис. 16; 141, табл. II, 22, а, 22; Кузнецов-Красноярский, 1911 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 24, 1907; 15, табл. 8; 80, рис. 6].
- Ж. Небольшой камень с личиной. На левом берегу р. Аскыза, в 1.5 км выше ул. Андырова (Сандырова) на горе Ара-таг [54, 72—76; 115; Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- З. № 139 (табл. LIV). Личина на широкой грани стелы. На левом берегу р. Аскыза, под горой Чты-хыс, в 150 м к ВCB от чаатаса, на вершине тагарского кургана. АМ (рис. Претро) [66, 165].
- И. Полустертая рельефная личина на узкой грани стелы. На левом берегу р. Аскыза, против улуса Верхнего Аскыза, в ряду камней таштыкского помывальника [66, 165].
- К. № 99 (табл. XLVIII). Личина с головным убором на узкой грани, лицо не сохранилось, нижняя часть второго лица — на широкой грани внизу, на задней узкой стороне ряд соляных знаков. На левом берегу р. Аскыза, около улуса Палганова. АМ (рис. Претро) [81, 168, рис. 4, г].

Реки Тей и Таштып

- А. № 17 (табл. XXXII). Личина на узкой грани, изображение плоское. Красный песчаник, 230×75×45 см. В предустье р. Теи. АМ (рис. Претро) [81, 167, рис. 4, в; Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- Б. № 41 (табл. XXXVII). Личина на широкой грани, плоская. Коричневый песчаник, 90×60×35 см. На тагарском кургане (рис. Претро).
- В. № 151 (табл. LVI). Личина на широкой грани, плоская. Красный песчаник, 195×105×30 см. Сильно выветрена. В предустье р. Тей (рис. Претро) [81, 166, рис. 3, б].
- Г. № 48 (табл. XXXVIII). Личина на широкой грани, плоская. Коричневый песчаник, 195×70×35 см. Выветрена.

В междуречье рек Теп и Таштына, на тагарском кургане. АМ (рис. Претро) [79, 42].

- Д. № 129 (табл. LIII). Личина на широкой грани, плоская. Песчаник, 63×42 см. На р. Таштыпе, в улусе Вутрахты (точнее местоположение неизвестно). Помимо личины, изображены «утки». АМ (рис. Претро).
- Е. Камень с личиной. Материал и размеры неизвестны. На левой стороне р. Теп, в 5,5 км выше устья [Кузнецов-Красноярский. — Архив ММ, оп. 16, № 29].
- Ж. Пестобразный камень с изображением головы быка. Случайная находка. Хранился в школе пос. Усть-Чуль (по сведениям Сунчугашева).

Р. Ерба

- А. № 3 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, изображение плоское. Песчаник, 110×85 см. В улусе Долгом Маяке, на углевом камне тагарского кургана (по Аспелину) [157, рис. 115; 21, 144, рис. 14, 1; 81, 164, рис. 1, а].
- Б. № 74 (табл. XLIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Красный песчаник, 165×95 см, сломан пополам. В с. Знаменке, в покрытии карасукского ящика. КМ (по рис. Грязнова) [26, табл. III, 21; 24, рис. 20; Адрянов, 1903 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 33, 1903, л. 18; 5, 7].
- В. № 104 (табл. L). Изваяние медведя. Красный песчаник, 85×64×13 см. В 12 км к СЗ от с. Знаменки, на Зырянском хребте. КМ (рис. Баранова) [26, табл. VII, 58; 13, 176, рис. 3; Адрянов. — Архив ЛОИА, ф. 1, № 33, 1903, л. 19; 144, рис. 68; 139].

Р. Кокса

- А. № 97 (табл. XLVIII). Личина на узкой грани, изображение рельефное. На боковой грани плоская личина. Песчаник, 205×65—20 см. В 7 км от дер. Бородино, в предгорьях Красного камня, на кургане (по Аспелину) [157, рис. 130; 144, 199, рис. 70, 2].
- № 80 (табл. XLIV). Личина на широкой грани, плоская. Над лицом изображены два быка и дышло плуга. Песчаник, 250×83×16 см. На том же кургане, что и предыдущая личина (по Аспелину) [157, рис. 131; 144, 199, рис. 70, 3].
- В. № 148 (табл. LV). Личина на узкой грани, плоская. Песчаник, размеры неизвестны. На пашне совхоза «Советская Хакасия» (по фот. Грязнова).

Р. Ташеба

- А. № 86 (табл. XLVI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Песчаник, 270×75×25 см. На левом берегу, на чаатасе. ММ (рис. Претро) [4, 54; 157, 60, рис. 314; 26, рис. 33; 21, 133, рис. 4].
- Б. № 69 (табл. XLII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Серый песчаник, 220×65×70 см. На чаатасе. ММ (рис. Претро) [4, 54; 26, табл. III, 26; 15, рис. 5].
- В. № 75 (табл. XLIII). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Песчаник, 220×50×25 см. На чаатасе. ГЭ (рис. Претро) [15, рис. 3].
- Г. Личина на узкой грани, изображение плоское. Материал и размеры неизвестны. На левом берегу, в 10 км к З от р. Абакана [26, табл. IV, 31].
- Д. Личина на узкой грани, выветрена. Сохранились глаза и часть рта. Серый песчаник, 130×75×25 см. На чаатасе. ММ [4].
- Е. Личина на остром ребре камня, рельефная. Красный песчаник, 80×30—27×15 см. На чаатасе. ММ [26, табл. IV, 72].
- Ж. Три плиты с личинами на узких и широкой гранях. На Ташебинском чаатасе (по сведениям Грязнова и Шнейдера) [26, табл. V, прим. II—III; табл. VI, прим. X].

Р. Абакан

- А. № 58 (табл. XL). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, плоская. Песчаник, 280×80×40 см. Стела «курган Тигей». На горе Изыхе, на тагарском кургане (по рис. Кыласова).

- Б. № 11 (табл. XXXIII). Личина на широкой грани, плоская. Серый песчаник, 145×50×20 см. Верхний слой осыпался. В улусе Чааптыкове, на чаатасе. АМ (рис. Претро).
- В. № 90 (табл. XLVII); № 135 (табл. LIII). Около 10 обломков плит со штриховыми рисунками, крашеными и высочайшими личинами. В улусе Чааптыкове, в окупевском кургане Тас-Хазаа, мог. 5, 6. АМ (рис. Максимова) [77, 273, рис. 2; 79, 141; 81, 164, рис. 1, а—е; 165, рис. 2, 166, рис. 3].
- Г. Камень с личиной. Личина стерлась, сохранились один глаз и частично полоса под глазом и носом. В 3 км от улуса Сартыкова, по дороге в с. Бейское, на правом берегу Абакана (обследована автором в 1969 г.).
- Д. Камень со стершейся личиной. Лежит ближе предыдущего на 200 м к улусу Сартыкову, слева от дороги, ведущей на тракт в с. Бейское (обследована автором в 1969 г.).
- Е. Личина на узкой грани, стерлась. Красный песчаник, 190×90×15 см. В 0,5 км от 4-й фермы совхоза Капчалы (левый берег), на допочке холмов, параллельных шоссе и железной дороге, рядом с сарагашиным могильником (обследована автором в 1969 г.).
- Ж. № 32 (табл. XXXV). Изображение почти в полный рост на широкой стороне плиты из красного песчаника. Служила камнем в стене ограды тагарского кургана, около улуса Оухакова, на р. Абакане (рис. Претро) [80, 3, рис. 3; 81, 163, рис. 1, а].

Р. Туба (правый приток Енисея)

- А. № 102 (табл. XLIX). Две личины на узкой грани, плоские. Красный песчаник, 220×75—50×17 см. Верх обломан. На правом берегу, в 4 км от с. Кавказского. ММ (рис. Претро) [26, табл. V, 44; 46, 167, табл. XIV, 7].
- Б. № 147 (табл. LV). Личина на широкой грани, плоская. Песчаник, 140×50 см. У с. Маяки, на тагарском кургане (рис. Леонтьева) [Рыгдылон. Отчет по Тубинской экспедиции 1948 г. — Архив ММ].
- В. Две рельефные личины на узкой грани. Красный песчаник, высота 130 см. В дер. Ново-Покровке, в ограде тагарского кургана (обследована Леонтьевым в 1971 г.).

Г. Минусинск

- А. № 100 (табл. XLIX). Изваяние барана. На правой широкой грани выбита личина, плоская, у основания плиты есть три глаза от второй личины. Песчаник, 120×77×20 см. В замке Майдоляка, в 10 км ниже Миусинска, на правом берегу Енисея, в 100 м от скалы. ММ (рис. Претро) [26, 84; 10, 20—21].

Р. Телек (правый берег Енисея, приток р. Сыды)

- А. № 88 (табл. XLVI). Личина на широкой грани, плоская. Размеры и материал камня неизвестны. У с. Большого Телека, на тагарском кургане (по рис. Гринь) [Письмо А. Д. Гринь от 3 декабря 1957 г. — Архив ИА, «Находка камешного изваяния в Миусинской котловине»].

Р. Сыда

- А. Антропоморфное изображение на обломке плиты. Красный песчаник, 65×25×12 см. В окупевском могильнике Сыда V, в ограде кургана [17, рис. 1, Б].
- Б. Каменная баба у горы Бычихи. Указаний дополнительных нет [Археологическая карта 1909 г. — Архив ММ, № 300]. (Кроме того, у с. Лебяжьего в окупевском могильнике Н. В. Леонтьевым найдено несколько изваяний).

Стелы из Минусинской котловины без указаний местоположения

- А. № 8 (табл. XXXII). Личина на широкой грани, плоская. Материал и размеры камня неизвестны (по рис. Грязнова) [фот. Кузнецова-Красноярского из архива музея ТГУ (кол. 87, № 73); 26, табл. II, 12].

- Б. № 50 (табл. XXXIX). Личина на широкой грани, изображение плоское. Материал и размеры неизвестны (по рис. Грязнова) [фот. Адрянова из архива музея ТГУ; 26, табл. VI, 51].
- В. № 89 (табл. XLVI). Личина на узкой грани, на рельефном выступе, изображение плоское. Песчаник, размеры неизвестны (по фот. Савенкова) [26, табл. 4, 5].
- Г. № 83 (табл. XLV). Личина на широкой грани, плоская. Песчаник, 135×65 см, сильно выветрена. АМ (рис. Претро).
- Д. № 85 (табл. XLV). Личина на широкой грани, плоская. Песчаник, 225×130 см. В ограде тагарского кургана. АМ (рис. Претро).
- Е. № 144 (табл. LV). Личина на узкой грани, плоская. Песчаник, 85×20 см. АМ.
- Ж. № 141 (табл. LIV). Личина на широкой грани, рельефная, очень крупная. Гранит, размеры неизвестны. АМ.
- З. Камень яйцевидной формы. Серый гранит, 35×25 см. Личина покрывает всю поверхность. Приобретена Сунчугашевым в с. Аскызе в 1972 г. [138, 240].
- И. № 145 (табл. LV). Личина на узкой грани, плоская. Песчаник, 93×27 см. АМ (рис. Баранова).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев А. Д. Маска. (Опыт типологической классификации по этнографическим материалам). — Сб. МАЭ, 1957, т. XVII.
2. Аверкпева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. — Тр. ИЭ, 1961, т. 70.
3. Агаптов И. Н. и Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства. — Изв. ВСОРГО, 1883, т. XIV, вып. 2.
4. Андрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924.
5. Андрианов А. В. Предварительные сведения о собраниях писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. — Изв. Русского комитета для изучения Средней, Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1904, вып. 4.
6. Анисимов А. Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства. — Сб. МАЭ, 1951, т. XIII.
7. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.—Л., 1958.
8. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.
9. Батаров П. П. Бурятские поверья об бохолдах и анахах. — Зап. ВСОРГО, Иркутск, 1890, т. II, вып. 2.
10. Боголюбский И. С. Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губернии в 1881 г. — ИВСОРГО, Иркутск, 1882, т. XIII, № 3.
11. Богораз-Тан В. Г. Чукчи, II. Религия. Л., 1939.
12. Вадецкая Э. Б. Древние каменные изваяния эпохи бронзы на Енисее. Автореф. канд. дис. Л., 1965.
13. Вадецкая Э. Б. Изображение зверя-божества из Хакасии. — МИА, 1965, № 130.
14. Вадецкая Э. Б. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине. — СА, 1965, № 4.
15. Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967.
16. Вадецкая Э. Б. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений. — СА, 1969, № 1.
17. Вадецкая Э. Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников. — В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 3. Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
18. Вяткина К. В. Наскальные изображения Минусинской котловины. — Сб. МАЭ, 1961, т. 20.
19. Гейкель Г. К. Из финляндской археологической литературы. — ИАК, 1911, вып. 38.
20. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. — Тр. ИЭ, нов. сер., 1955, т. 28.
21. Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. — СА, 1950, 12.
22. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. — МИА, 1956, № 48.
23. Грязнов М. П. Древнее искусство Алтая. Л., 1958.
24. Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из дер. Знаменки в Хакасии. — КСИИМК, 1960, вып. 80.
25. Грязнов М. П. Антропоморфная фигурка бронзового века с р. Оби. — Сб. ГЭ, 1962, вып. 22.
26. Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. Древние изваяния минусинских степей. — МЭ, 1929, т. IV, вып. 2.
27. Дамм Г. Капака — люди южных морей. М., 1964.
28. Дюппи А. Люди, идолы и боги. М., 1966.
29. Дыренкова И. П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. — В кн.: Сб. памяти Богораза. М., 1936.
30. Давлет М. А. Каменные фигурки андроновского времени. — СА, 1962, № 2.
31. Зеленин Д. К. Культ огоней в Сибири. М.—Л., 1936.
32. Зимина В. М. Афанасьевское погребение из Тубы (Минусинская котловина). — В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
33. Иванов С. В. Искусство в родовом обществе. — В кн.: Первобытное общество. М., 1932.
34. Иванов С. В. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов. — Сб. МАЭ, 1949, т. XI.
35. Иванов С. В. Судящие человеческие фигурки в скульптуре алеутов. — Сб. МАЭ, 1949, т. XII.
36. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. — Тр. ИЭ, нов. сер., 1954, т. 22.
37. Иванов С. В. О значении изображений на старинных предметах культа. — Сб. МАЭ, 1955, т. XVI.
38. Иванов С. В. Орнаменты народов Сибири как исторический источник. — Тр. ИЭ, нов. сер., 1965, т. 81.
39. Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970.
40. Иванова Л. А. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры. — СЭ, 1966, № 3.
41. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. Ч. 1. СПб., 1900.
42. Иславиц В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1877.
43. Кастрен М. А. Путешествия. — Магазин земледелия и путешествий. СПб., 1860, т. 6, ч. 2.
44. Киселев С. В. Семантика орнамента карасукских стел. — ИГАИМК, 1933, вып. 100.
45. Киселев С. В. Раскопки в городе Абакане. — Советская Хакасия, 1945, 10 августа, № 169 (4059).
46. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
47. Киселев С. В. [Рецензия]. М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — СА, 1958, № 1.
48. Киселев С. В. К изучению минусинских каменных изваяний. — В кн.: Историко-археологический сборник МГУ. М., 1962.
49. Клеменц Д. А. Минусинская Швейцария и боги пустыни. — Восточное обозрение, 1884, № 5, 7, 9, 12.
50. Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлургических эпох. Томск, 1886.

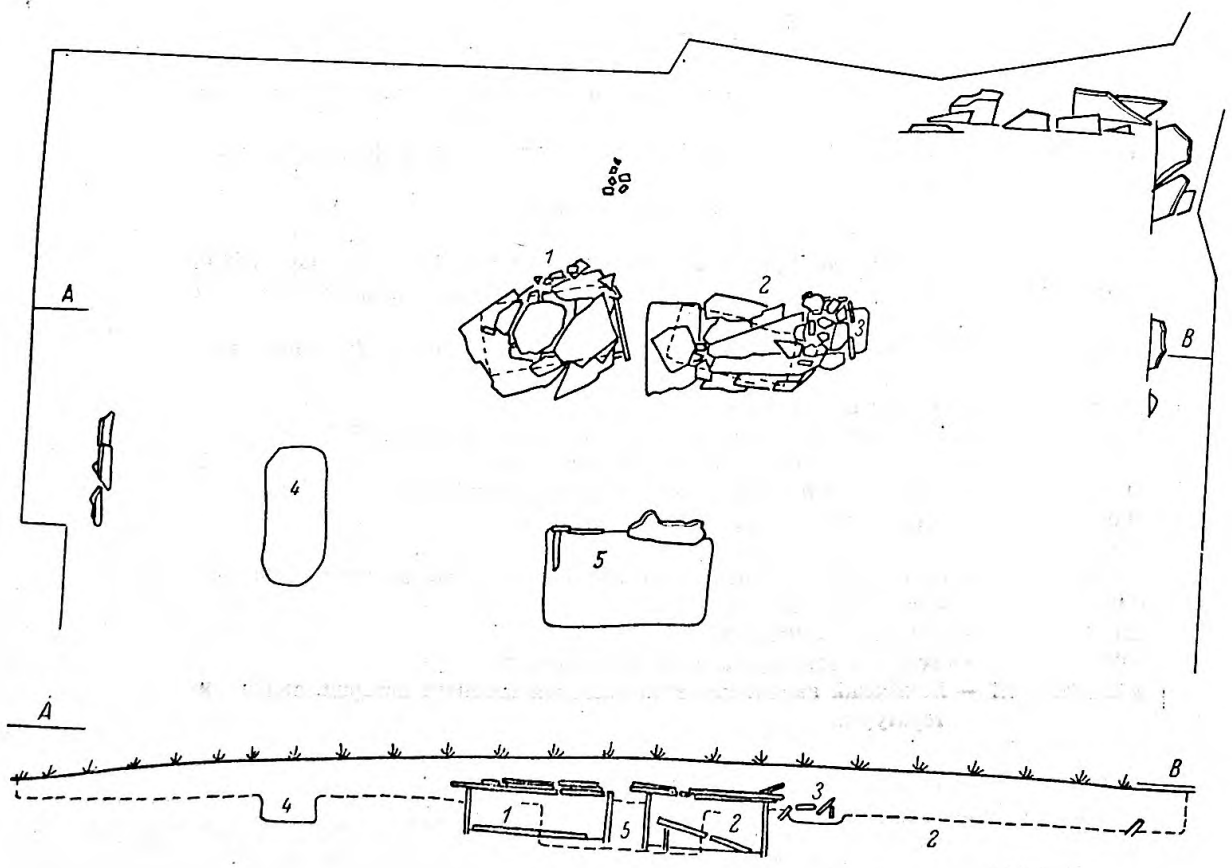
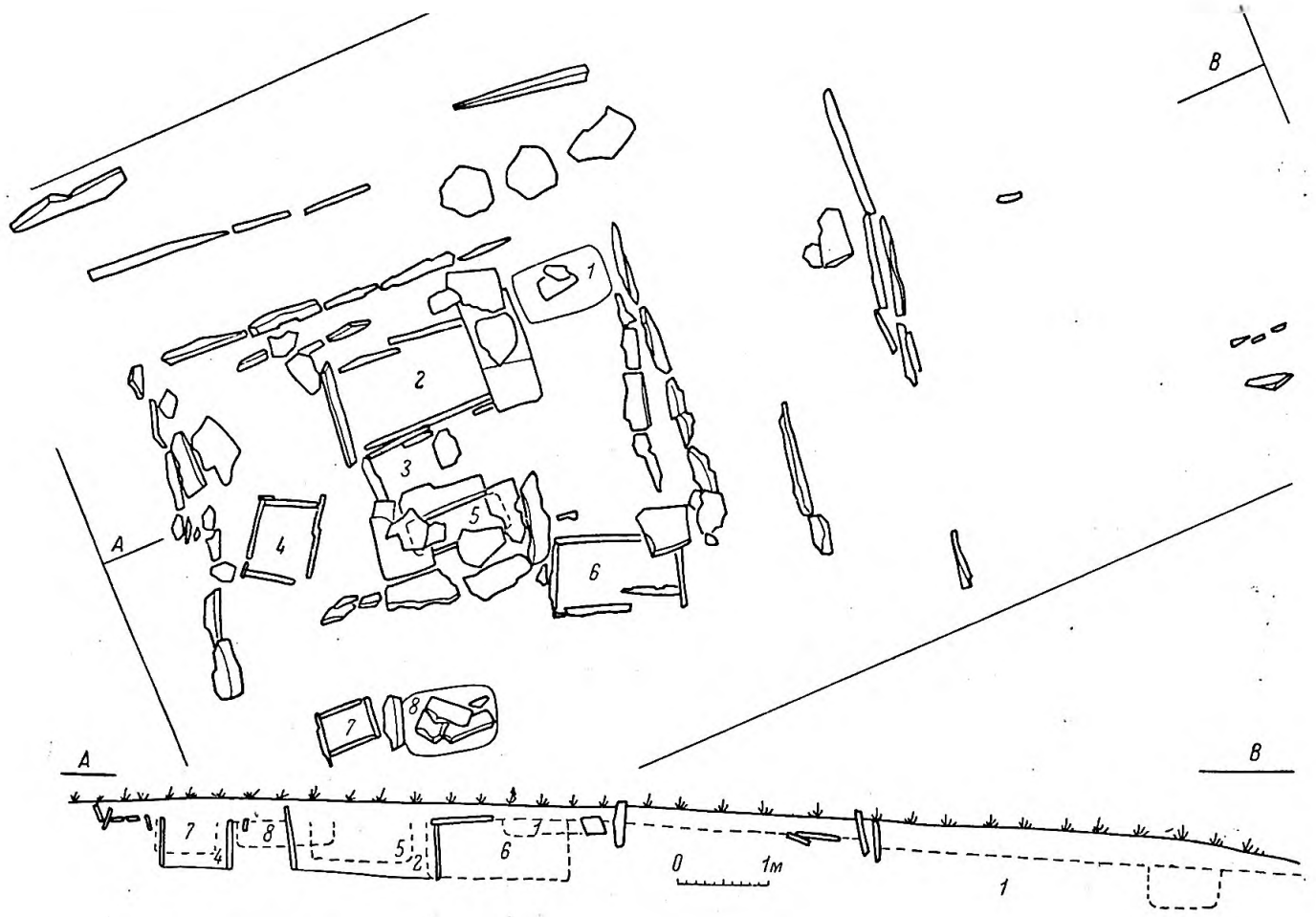
51. Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье. — КСИА, 1973, вып. 134.
52. Комарова М. Н. Погребения Окунева улуса. — СА, 1947, IX.
53. Косарев М. Ф. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике. — СА, 1964, № 1.
54. Костров Н. А. 1) Список каменных изваяний, находящихся в Минусинском округе Енисейской губернии. — ВГО, 1854, ч. X; 2) То же. — Изв. СОРГО, 1872, т. 11.
55. Костров Н. А. Очерки быта мпунсинских татар. — Тр. IV АС в Казани в 1877 г., 1884, т. 1.
56. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1949.
57. Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
58. Ксенофонов Г. В. Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока. Иркутск, 1929.
59. Ксенофонов Г. В. Хрестес, шаманизм и христианство. Иркутск, 1929.
60. Ксенофонов Г. В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурятов и тунгусов. М., 1930.
61. Кузнецов-Красноярский И. П. Страленберг в Сибири. — Сибирский вестник, 1888, № 18, 21, 24.
62. Кузнецов-Красноярский И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889.
63. Кузьмина Е. Е. Капухта — могильник андроновской знати. — КСИА, 1963, вып. 93.
64. Кулешев П. Н. Крупный рогатый скот. М., 1926.
65. Кызласов Л. Р. Андроновские фигурки из Средней Азии. — КСИИМК, 1956, № 63.
66. Кызласов Л. Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. — Учен. зап. ХАКНИИЯЛИ, 1960, вып. XIII.
67. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960.
68. Кызласов Л. Р. Афанасьевские курганы на речках Уйбат и Бюрь. — СА, 1962, № 2.
69. Кызласов Л. Р. Хакасская археологическая экспедиция (предварительные сообщения). — Учен. зап. ХАКНИИЯЛИ, 1963, вып. IX.
70. Кызласов Л. Р. Хакасская археологическая экспедиция. — Учен. зап. ХАКНИИЯЛИ, 1968, т. XV.
71. Кызласов Л. Р. Каменные старушки Хакасии. — АО, 1971 г. М., 1972.
72. Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования на территории Хакасии. — АО 1972 г. М., 1973.
73. Леонтьев Н. В. Изображение животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII. — В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 3. Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
74. Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения охотничьей культуры. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978.
75. Липский А. Н. Новый вид каменных изваяний из Южной Сибири. — КСИИМК, 1955, № 59.
76. Липский А. Н. Раскопки 1955 г. в Хакасии. — КСИИМК, 1957, 70.
77. Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
78. Липский А. Н. О чем рассказывают памятники старинны. — Советская Хакасия, 1962, № 132.
79. Липский А. Н. Енисейские изваяния. — Декоративное искусство СССР, 1969, № 144.
80. Липский А. Н. Енисейские изваяния. Абакан, 1970.
81. Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея. — В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 3. Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
82. Максименков Г. А. Окуневская культура. — В кн.: Древняя Сибирь (макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964.
83. Максименков Г. А. Впускные могилы охотничьей эпохи в афанасьевских курганах. — СА, 1965, № 4.
84. Максименков Г. А. Окуневская культура в Южной Сибири. — МИА, 1965, № 130.
85. Максименков Г. А. Окуневская культура и ее соседи на Оби. — В кн.: История Сибири. Т. I. Л., 1968.
86. Максименков Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — источник изучения семейных и общественных отношений. — В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
87. Максименков Г. А. Окуневская культура. Автореф. док. дис. Новосибирск, 1975.
88. Максименков Г. А., Исаева М. В. О работах второго отряда Красноярской экспедиции. — АО 1972 г. М., 1973.
89. Мартыянов Н. М. Изваяния и изображения животных в Минусинском крае. — ИВСОРГО, 1886, X, № 4—5.
90. Маторин П. М. Религия и родовое общество. — В кн.: Первобытное общество. М., 1932.
91. Матющенко В. И. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. — СА, 1959, № 4.
92. Матющенко В. И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселений Самусь IV. — СА, 1961, № 4.
93. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2. Самусьская культура. — В кн.: Из истории Сибири. Т. 10. Томск, 1973.
94. Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2. М.—Л., 1950.
95. Миклухо-Маклай Н. Н. На берегу Маклая. М., 1951.
96. Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
97. Народы Австралии и Океании. М., 1956.
98. Народы Америки. М., 1959, т. 1.
99. Окладников А. П. Древние шаманские изображения. — СА, 1948, X.
100. Окладников А. П. Неолитическое погребение на Афонтовой горе. — КСИИМК, 1949, № 25.
101. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, 1950, № 18.
102. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1. М.—Л., 1955.
103. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (глазовское время). — МИА, 1955, № 43.
104. Окладников А. П. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья. — СЭ, 1959, № 2.
105. Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968.
106. Окладников А. П. Рыба-солнце. — Знамя — сила, 1971, № 4.
107. Окладников А. П. Миниатюрные изваяния Минусинской степи. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
108. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1788, ч. III, кн. 1.
109. Пестов Н. Записки об Енисейской губернии. М., 1833.
110. Пиотровский Б. Б. Первобытное искусство. — В кн.: Первобытное искусство. М., 1932.
111. Плосс Г. Желчица в естествознании и народоведении. СПб., 1898, т. 1.
112. Подольский Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений. — СА, 1973, № 3.
113. Попов А. А. Оленеводство у долган. — СЭ, 1935, вып. 4—5.
114. Попов Н. И. О каменных бабах в Минусинском крае. — ИВСОРГО, 1871, № 2, 4.
115. Попов Н. И. О писаницах Минусинского края. — ИВСОРГО, 1872, вып. 3.
116. Попов Н. И. Общий взгляд на писаницы Минусинского края. — ИВСОРГО, 1876, т. VII.
117. Преловский П. Нижнеудинские карагасы. — Зап. и тр. Иркутского статистического комитета. Иркутск, 1869, вып. IV.
118. Приклонский В. Л. Шаманство у якутов. — ИВСОРГО, 1886, т. XVII, вып. 1—2.
119. Приклонский В. Л. Якутские народные поверья и сказки. Приложение к этнографическим очеркам «Три года в Якутской области», 1891, № 3—4.
120. Прокофьева Е. Д. Представление селькупских шаманов о мире. — Сб. МАЭ, 1961, т. XX.
121. Пшеницына М. Н. Работы позднеатагарского отряда. — АО 1971 г. М., 1972.
122. Пшеницына М. Н., Завьялов В. А., Пяткин В. Н. Раскопки на территории Красноярского водохранилища. — АО 1974 г. М., 1975.
123. Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. — СА, 1937, IV.
124. Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л., 1947, ч. 2.
125. Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1—2. — МАР. СПб., 1888—1902, № 3, 5, 15, 27.
126. Радлов В. В. Сибирские древности. (Из путевых заметок). — ЗРАО, 1895, т. VII.

127. Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. — Тр. Орхонской экспедиции. СПб., 1892—1899, вып. 1—4.
128. Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1. СПб., 1903.
129. Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. — Тр. ГИМ, 1956, вып. 29.
130. Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1879.
131. Руденко С. И. [Рецензия]. Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. — СА, 1969, № 2.
132. Савенков И. Т. О древнейших памятниках изобразительного искусства на Енисее. — Тр. XIV АС в Чернигове в 1908 г. М., 1910.
133. Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль. — МИА, 1952, № 24.
134. Спасский Г. И. О сибирских древних курганах. — Сибирский вестник, 1818, ч. II.
135. Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими. — Зап. РГО, 1857, XII.
136. Спицын А. А. Археологический альбом. — ЗОРСА, 1915, т. XI.
137. Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1. СПб., 1835.
138. Сунчугашев Я. И. Археологические работы в Хакасии. — АО 1972 г. М., 1973.
139. Теплоухов С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. Этнографические экспедиции 1924—1925 гг. Л., 1926.
140. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.
141. Уваров А. С. Сведения о каменных бабах. — Тр. I АС в Москве в 1868 г. М., 1871.
142. Формозов А. А. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР. — СА, 1958, № 2.
143. Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее. — СЭ, 1967, № 3.
144. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. — МИА, 1969, № 165.
145. Фрезер Д. Золотая ветвь. Вып. 2. Табу-запреты. Л., 1928.
146. Харузин Н. Этнография. IV. Верования. СПб., 1905.
147. Хлобыстина М. Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.
148. Хлобыстина М. Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы. — В кн.: У истоков творчества. Новосибирск, 1978.
149. Чернецов В. И. Древняя история Южного Приобья. — МИА, 1954, № 35.
150. Черныков С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 88.
151. Щепинский А. А. Солярные изображения эпохи бронзы в Крыму. — СА, 1958, № 2.
152. Щепинский А. А. Культуры неолита и бронзы в Крыму. — СА, 1966, № 2.
153. Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника. — СА, 1937, IV.
154. Эдинг Д. Н. Новые находки на Горбуновском торфянике. — МИА, 1940, № 1.
155. Ядринцев Н. М. Древние памятники и письма в Сибири. — В кн.: Литературный сборник. Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885.
156. Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь для обозрения местных музеев и археологических работ. СПб., 1887.
157. Appelgren-Kivalo H. Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei (1887—1889). Helsingfors, 1931.
158. Aspelin I. R. Inscriptions de l'Eénissei. Recueillies et publiées par la Societe finlandaise d'archeologie. Helsingfors, 1889.
159. Aspelin I. R. M. A. Castrens Aufzeichnungen über die Altertümer im Kreise Minusinsk. — SMYA, 1901, 21, с. 1—54.
160. Castren M. A. Nordische Reisen und Forschungen. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St.-Petersburg, 1856.
161. Merker M. Die Masai. Berlin, 1904.
162. Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conservees chez le Pr. K. Hedman a Vasa. Chapitre d'archeologie Sibirienne. Helsingfors, 1917.
163. Tallgren A. M. Some North-Eurasian Sculptures. — ESA. Helsinki, 1938, XII.
164. Tallgren A. M. Minusinkin arohaudat. — Suomen museo, Helsinki, 1915, XXII.
165. Trever C. Excavations in Northern Mongolia (1924—1925). Leningrad, 1932.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМ	— Абаканский музей.
АО	— Археологические открытия.
АС	— Археологический съезд.
ВГО	— Вестник Географического общества.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗРГО	— Записки Русского географического общества.
ЗСОРГО	— Западно-Сибирское отделение Русского географического общества.
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИФФ	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР.
ИСОРГО	— Известия Сибирского отделения Русского географического общества.
ИЭ	— Институт этнографии Академии наук СССР.
КМ	— Красноярский музей.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МАР	— Материалы по археологии России.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ММ	— Минусинский музей.
МЭ	— Материалы по этнографии.
ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
СА	— Советская археология.
СЭ	— Советская этнография.
ТГУ	— Томский государственный университет.
ХАКНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
SMYA	— Suomen Muinaiskistoyhdistyksen Aikakayuskirja.

ТАБЛИЦЫ

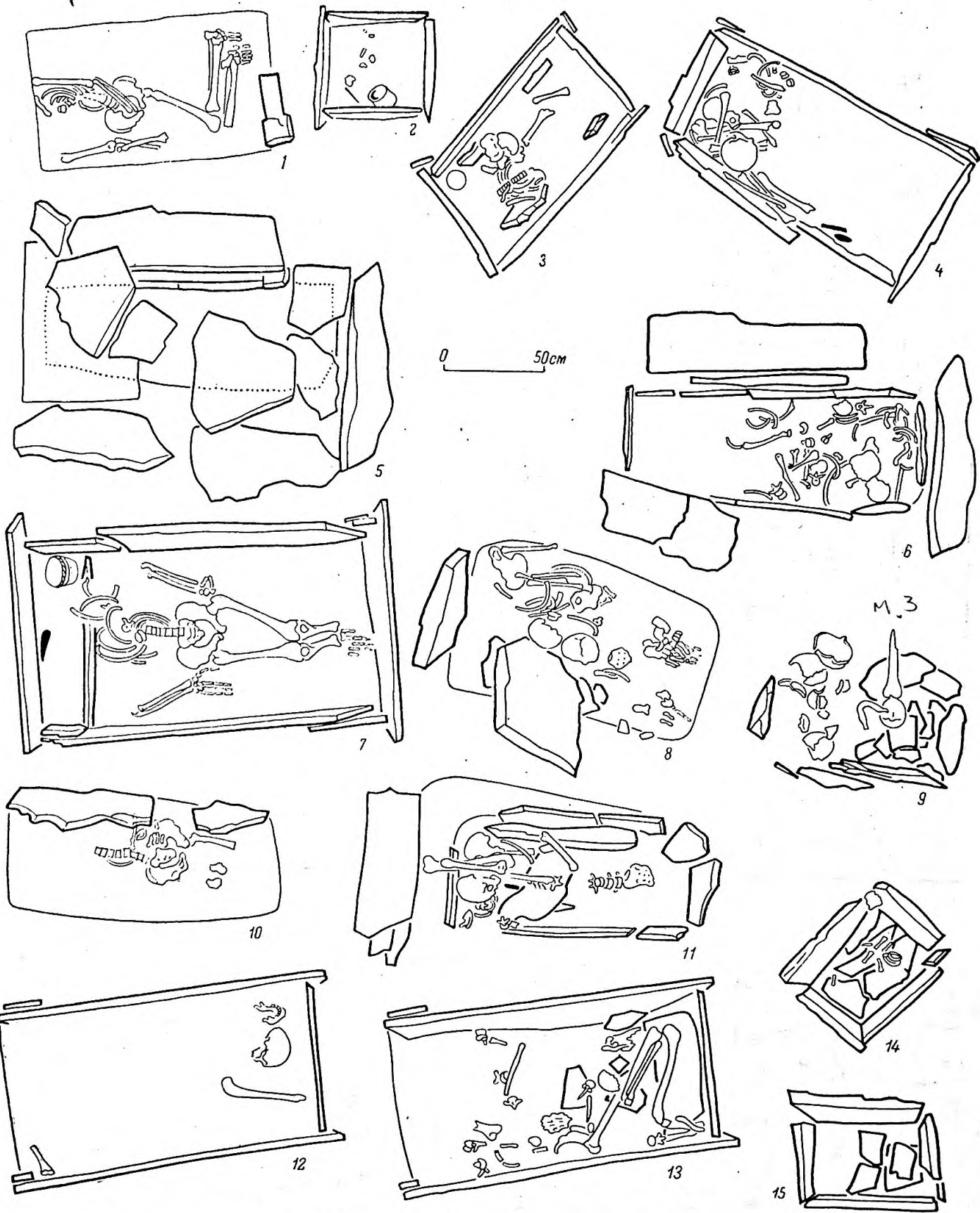

Табл. II. Черновая VIII, планы могил из кург. 1—3.

1 — кург. 1, мог. 1; 2 — кург. 1, мог. 7; 3 — кург. 1, мог. 4; 4 — кург. 1, мог. 6; 5, 6 — кург. 1, мог. 5; 7 — кург. 1, мог. 2; 8 — кург. 1, мог. 8; 9 — кург. 2, мог. 3; 10 — кург. 2, мог. 2; 11 — кург. 2, мог. 1; 12, 13 — кург. 3, мог. 1; 14 — кург. 3, мог. 2; 15 — кург. 3, мог. 5.

Табл. I. Черновая VIII, планы кург. 1 и 12.

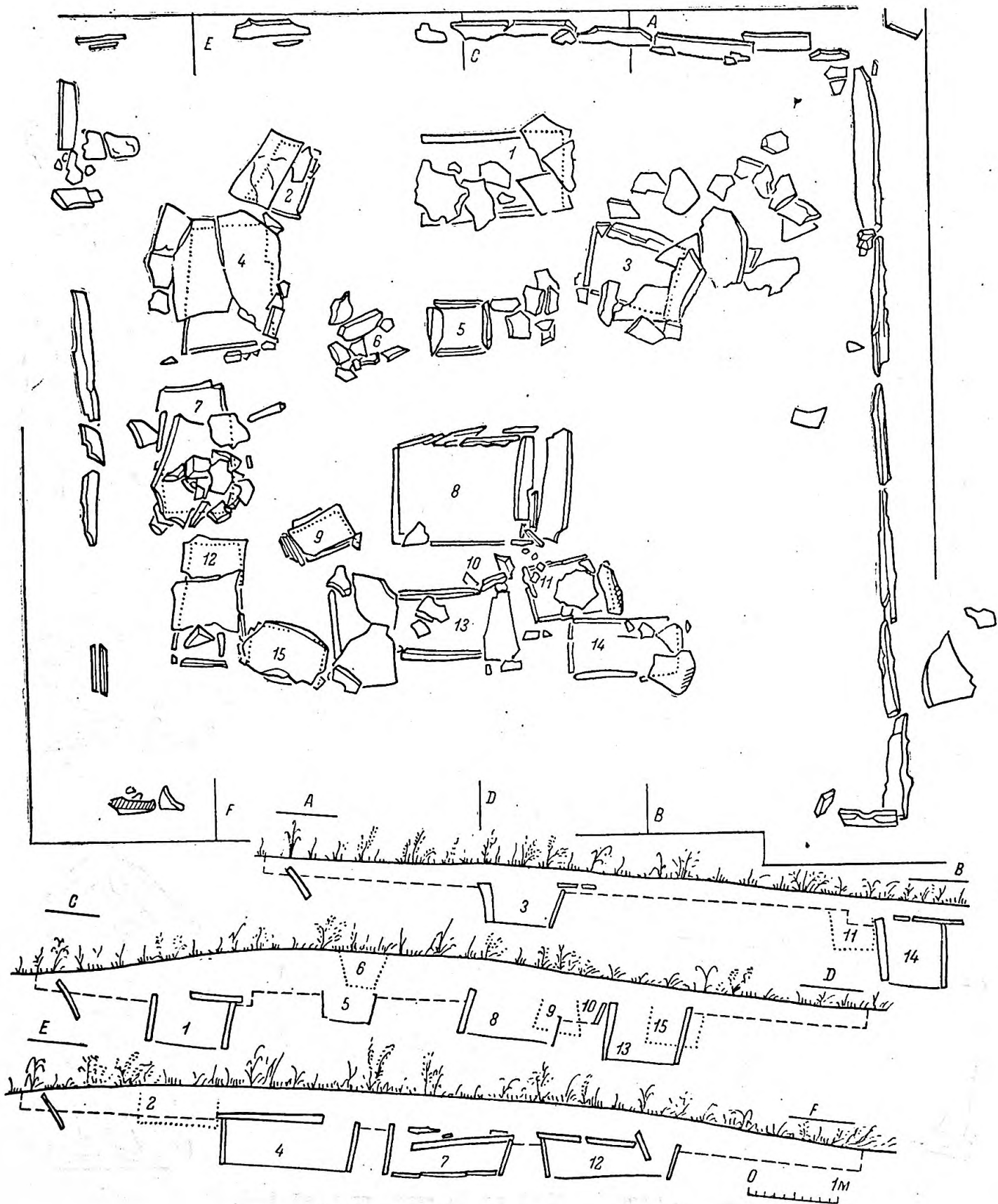

Табл. III. Черновая VIII, план кург. 3.

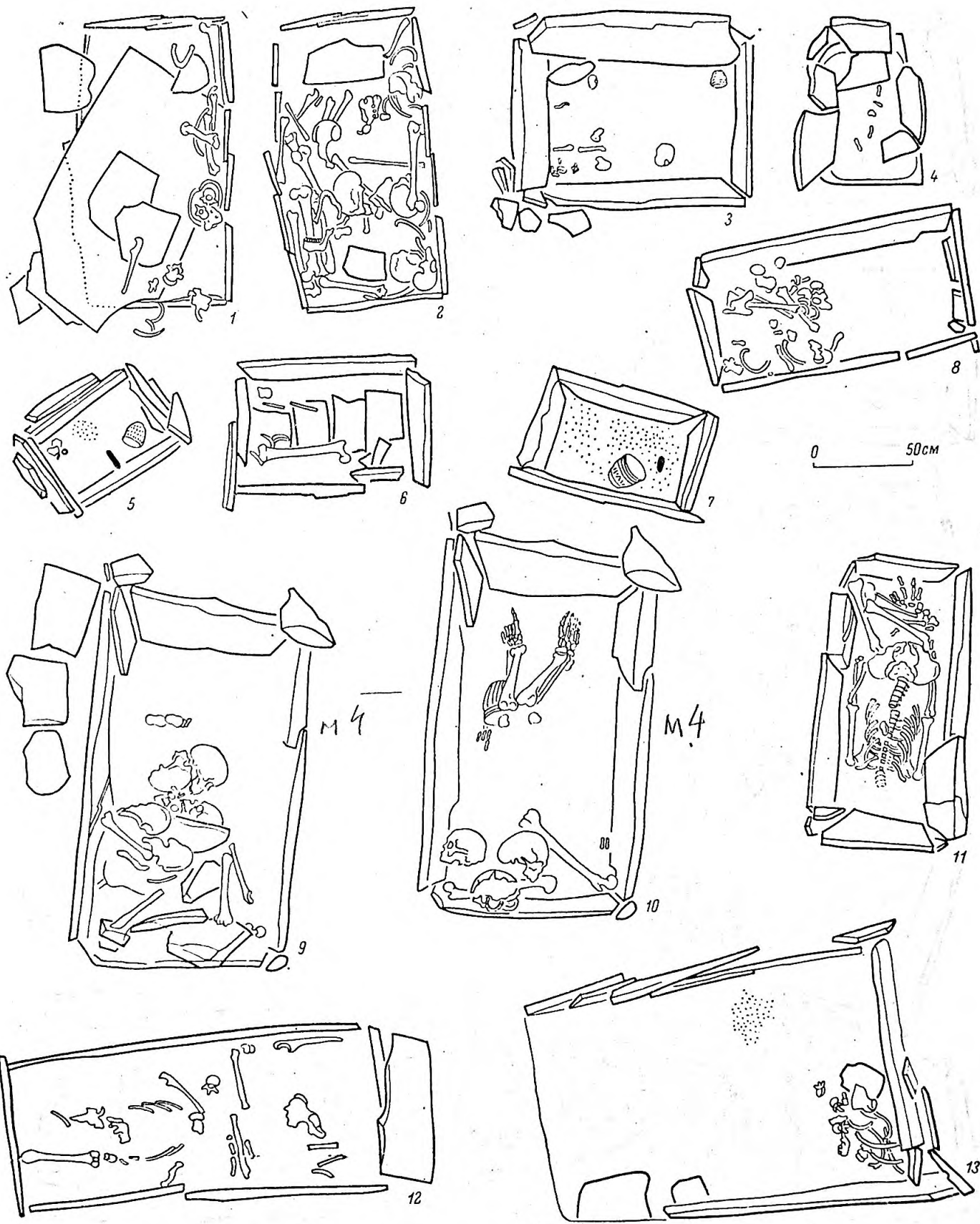

Табл. IV. Черновая VIII, планы могил из кург. 3.

1, 2 — мог. 7; 3 — мог. 3; 4 — мог. 6; 5 — мог. 9; 6 — мог. 11; 7 — мог. 15; 8 — мог. 14; 9, 10 — мог. 4; 11 — мог. 12; 12 — мог. 13; 13 — мог. 8.

Табл. V. Черновая VIII, планы могил из кург. 4 и 5.

1 — кург. 4, мог. 1; 2 — кург. 4, мог. 2; 3 — кург. 4, мог. 11; 4 — кург. 4, мог. 3; 5 — кург. 4, мог. 4; 6 — кург. 4, мог. 5;
 7 — кург. 4, мог. 7; 8 — кург. 4, мог. 8; 9 — кург. 4, мог. 10; 10 — кург. 4, мог. 6; 11 — кург. 4, мог. 9; 12 — кург. 5,
 мог. 5; 13 — кург. 5, мог. 10; 14 — кург. 5, мог. 7.

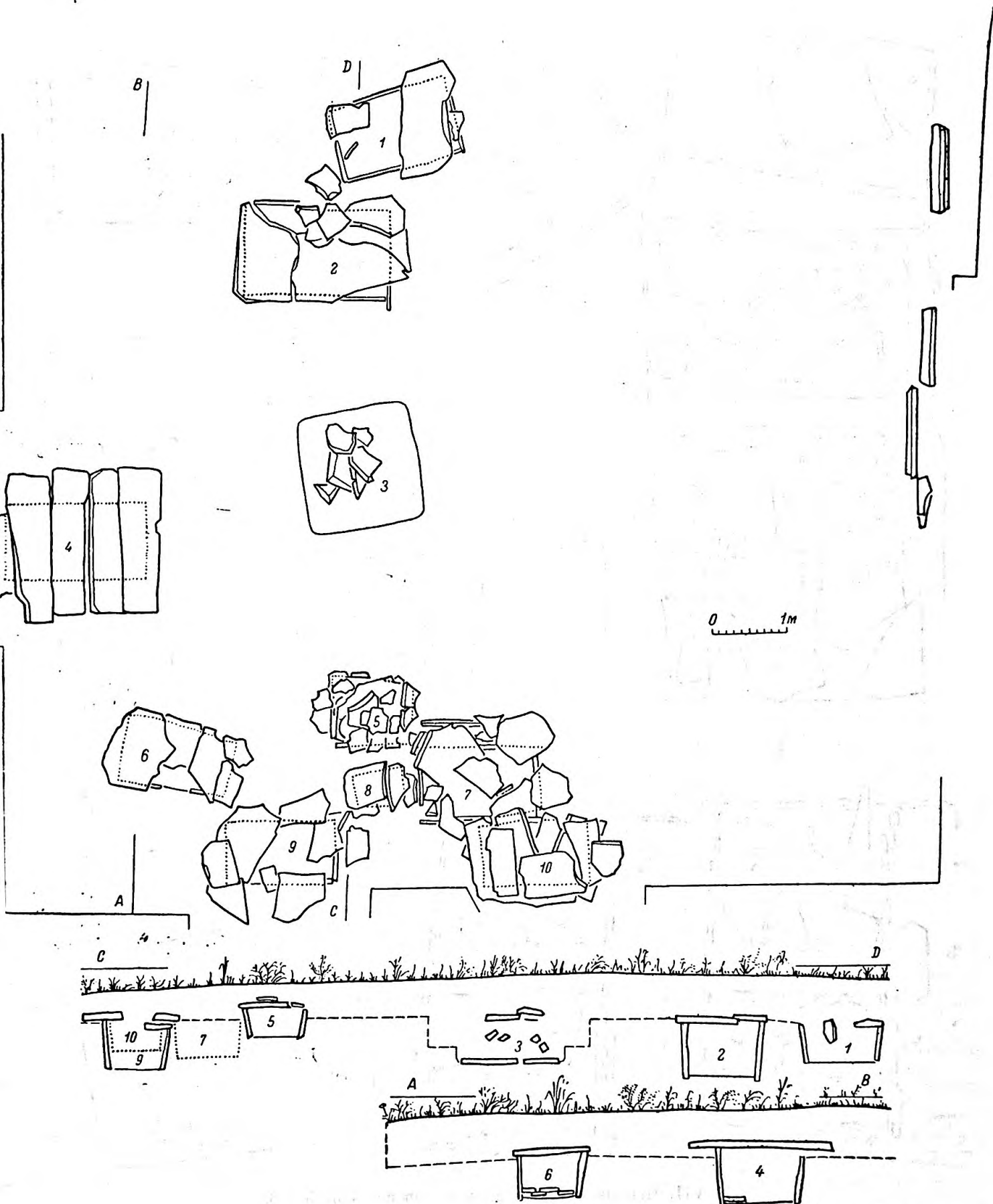

Табл. VI. Черновая VIII, план кург. 5.

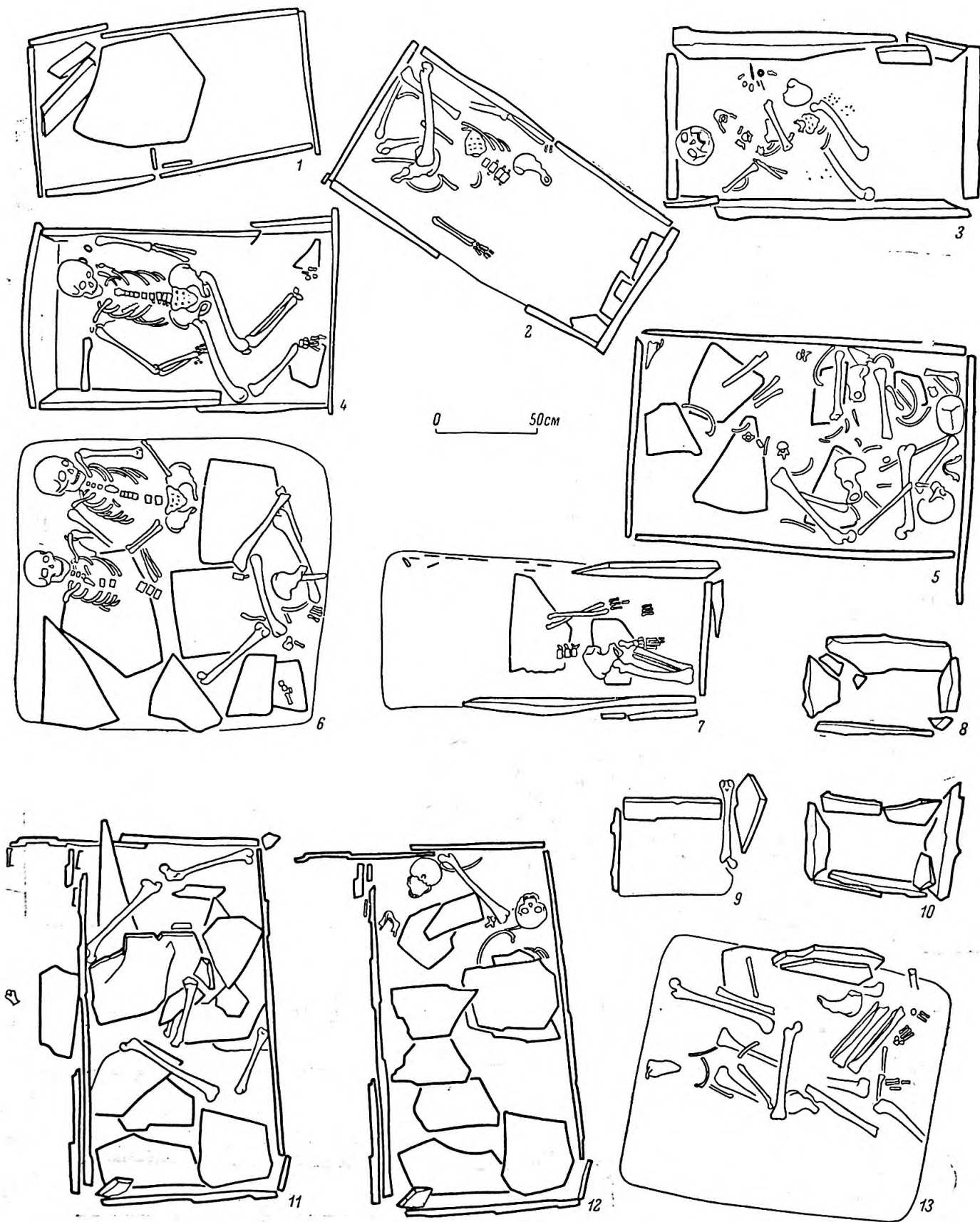

Табл. VII. Черновая VIII, планы могил из кург. 5 и 8.

1 — кург. 5, мог. 1; 2 — кург. 5, мог. 6; 3 — кург. 5, мог. 9; 4 — кург. 5, мог. 4; 5 — кург. 5, мог. 2; 6 — кург. 5, мог. 3;
7 — кург. 6; 8 — кург. 8, мог. 1; 9 — кург. 8, мог. 3; 10 — кург. 8, мог. 4; 11, 12 — кург. 8, мог. 7; 13 — кург. 7.

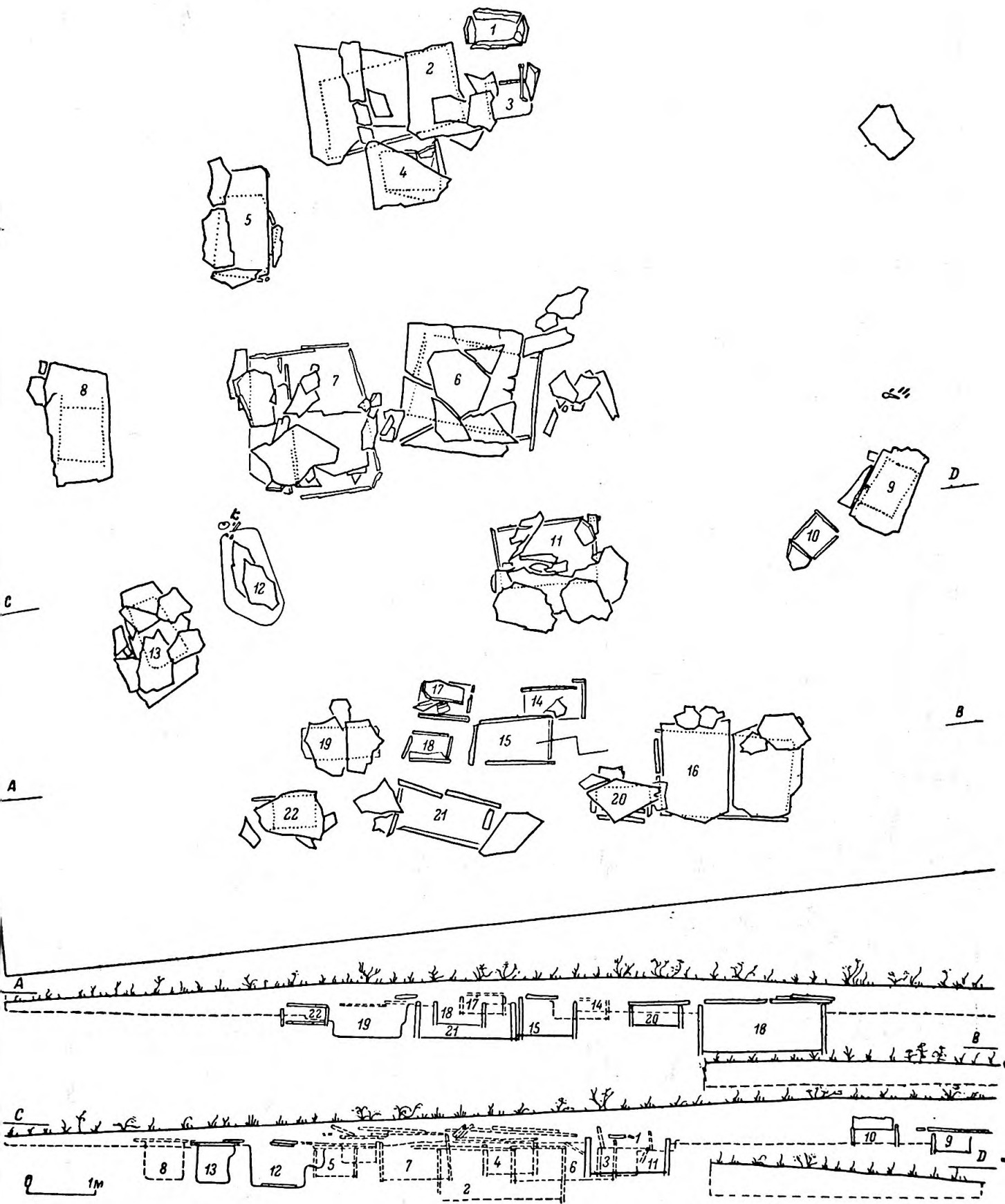

Табл. VIII. Черновая VIII, план кург. 8.

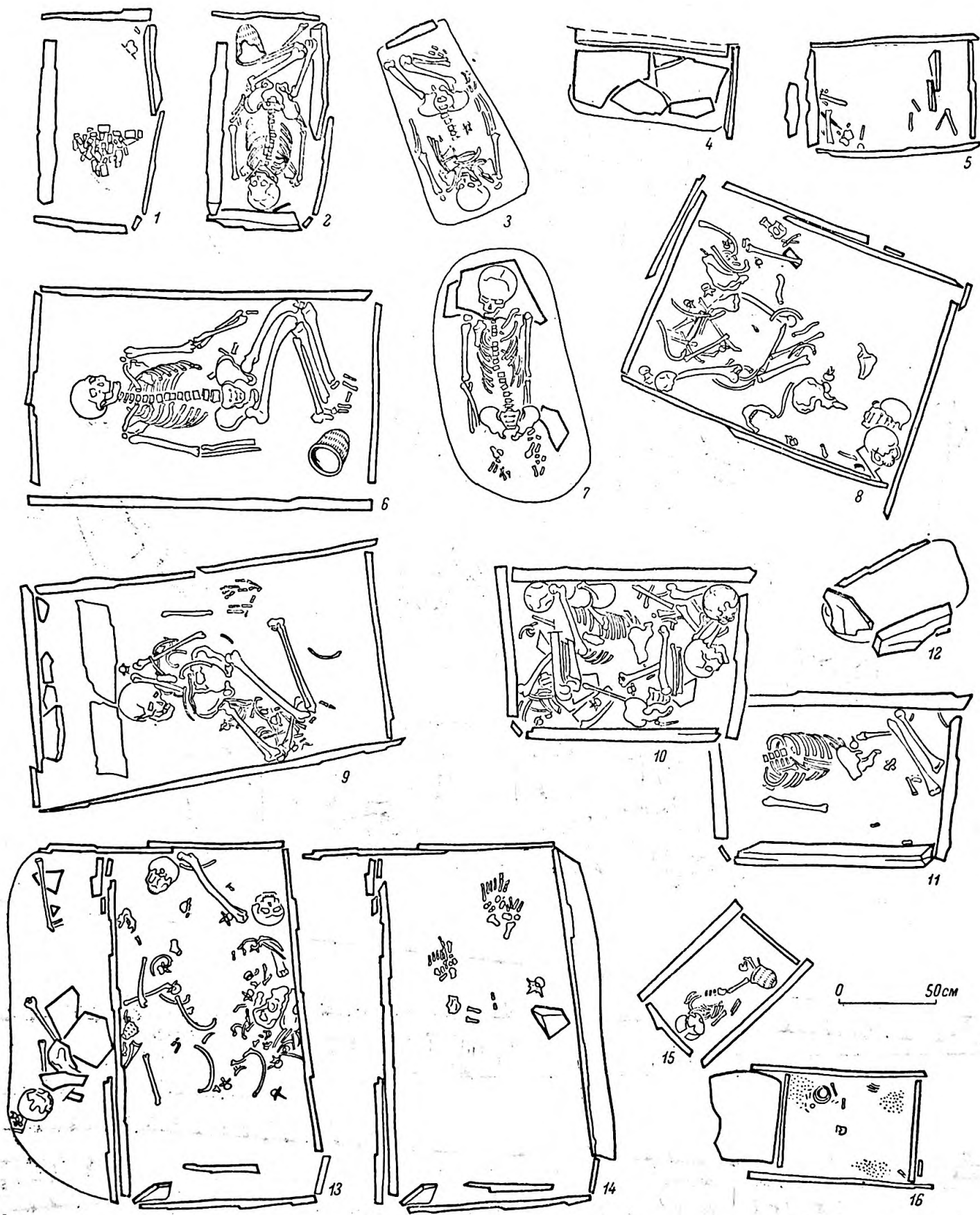

Табл. IX. Черновая VIII, планы могил из кург. 8.

1, 2 — мог. 5; 3 — мог. 13; 4 — мог. 14; 5 — мог. 15; 6 — мог. 16; 7 — мог. 12; 8 — мог. 6; 9 — мог. 2; 10, 11 — мог. 11;
12 — мог. 10; 13, 14 — мог. 7; 15 — мог. 9; 16 — мог. 8.

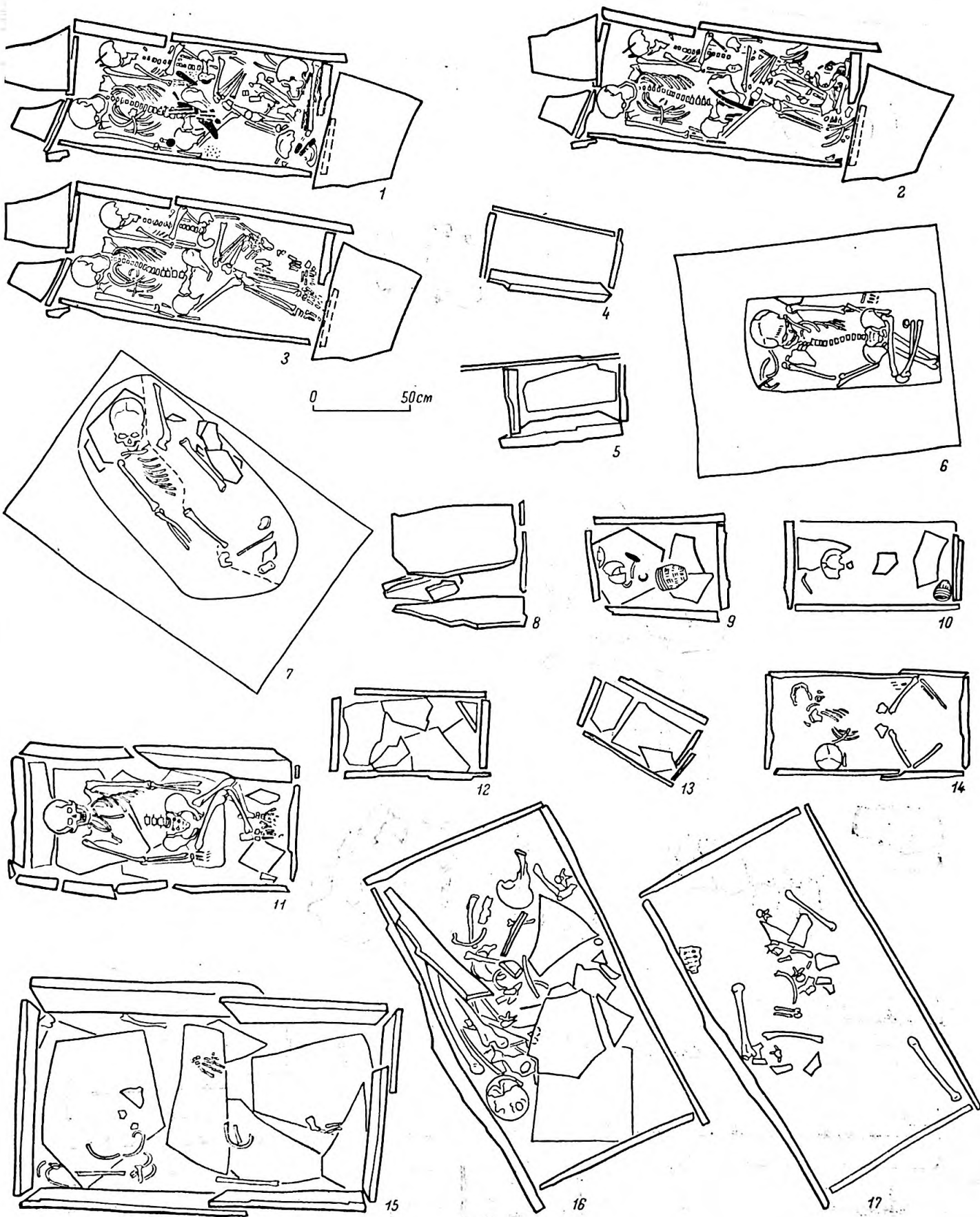

Табл. X. Черновая VIII, планы могил из кург. 8 и 9.

3 — кург. 8, мог. 21; 4 — кург. 8, мог. 18; 5 — кург. 8, мог. 22; 6 — кург. 8, мог. 19; 7 — кург. 8, мог. 12; 8 — кург. 8, мог. 17;
 9 — кург. 8, мог. 20; 10 — кург. 9, мог. 4; 11 — кург. 9, мог. 1; 12 — кург. 9, мог. 3; 13 — кург. 9, мог. 8; 14 — кург. 9, мог. 9;
 15 — кург. 9, мог. 2; 16, 17 — кург. 9, мог. 5.

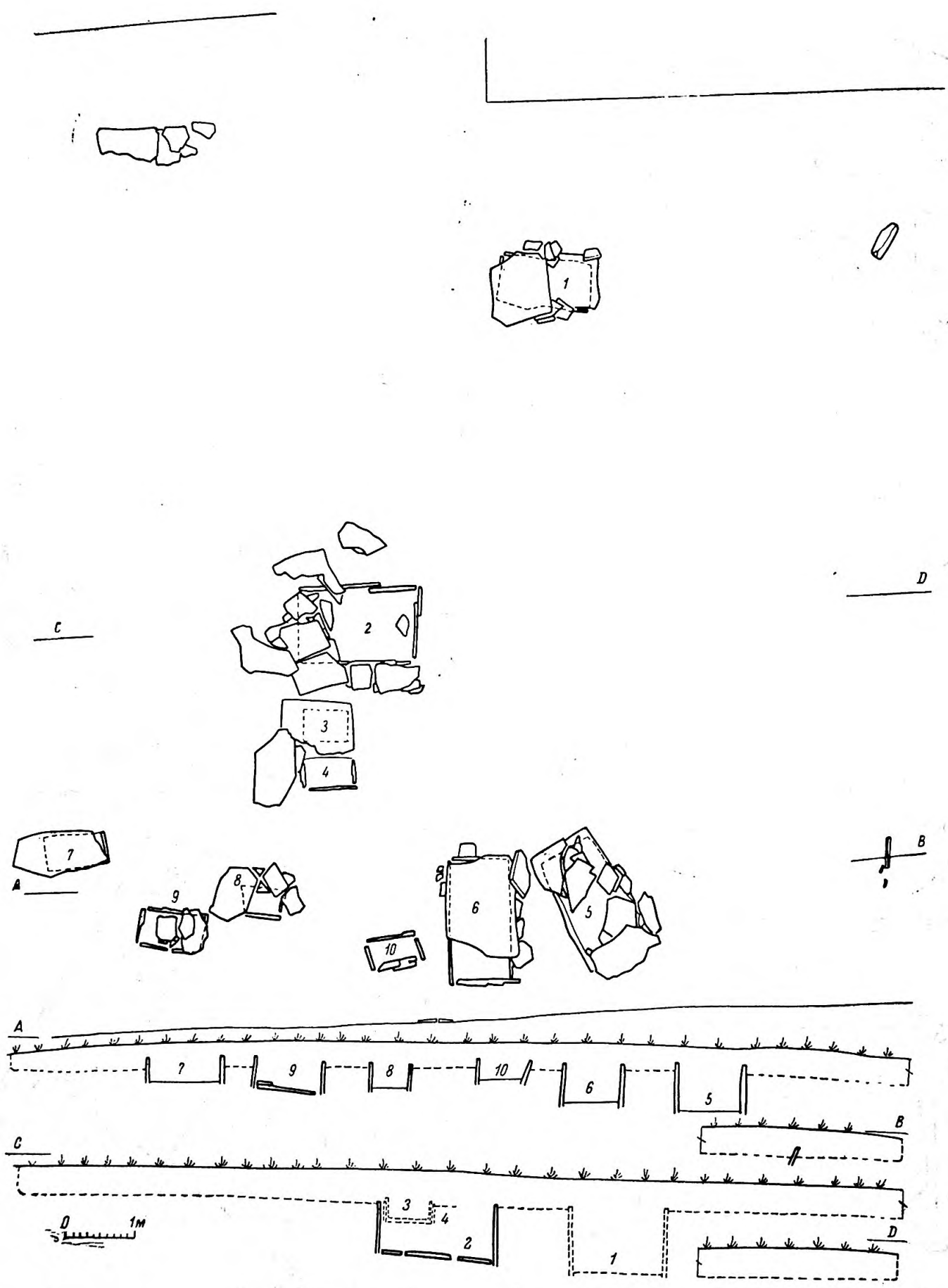

Табл. XI. Черновая VIII, план кург. 9.

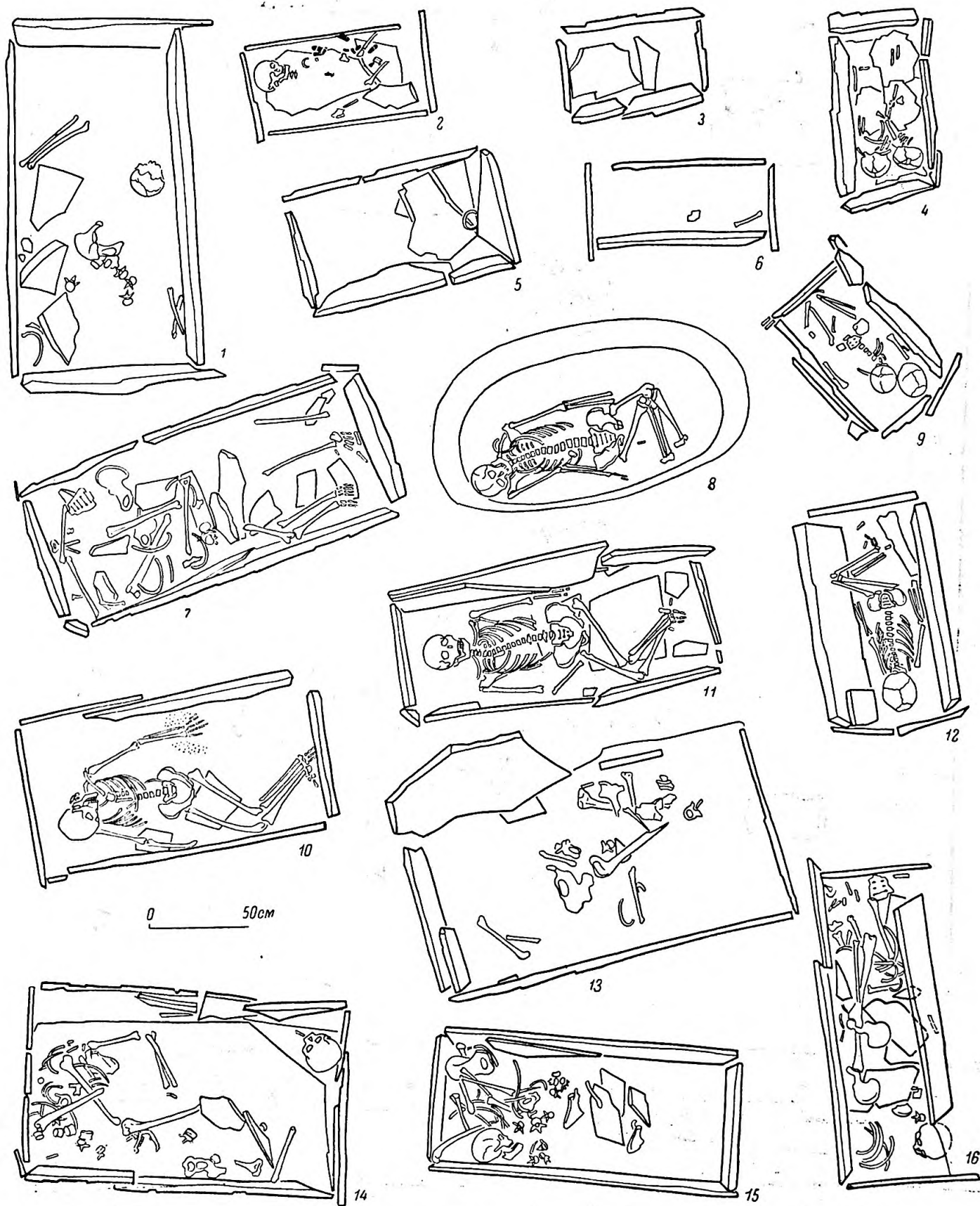

Табл. XII. Черновая VIII, планы могил из кург. 9—11.

1 — кург. 9, мог. 6; 2 — кург. 9, мог. 7; 3 — кург. 9, мог. 10; 4 — кург. 10, мог. 8; 5 — кург. 10, мог. 10; 6 — кург. 10, мог. 12;
 7 — кург. 10, мог. 7; 8 — кург. 10, мог. 3; 9 — кург. 10, мог. 5; 10 — кург. 10, мог. 2; 11 — кург. 10, мог. 1; 12 — кург. 10,
 мог. 9; 13 — кург. 10, мог. 4; 14 — кург. 10, мог. 6; 15 — кург. 11, мог. 4; 16 — кург. 11, мог. 2.

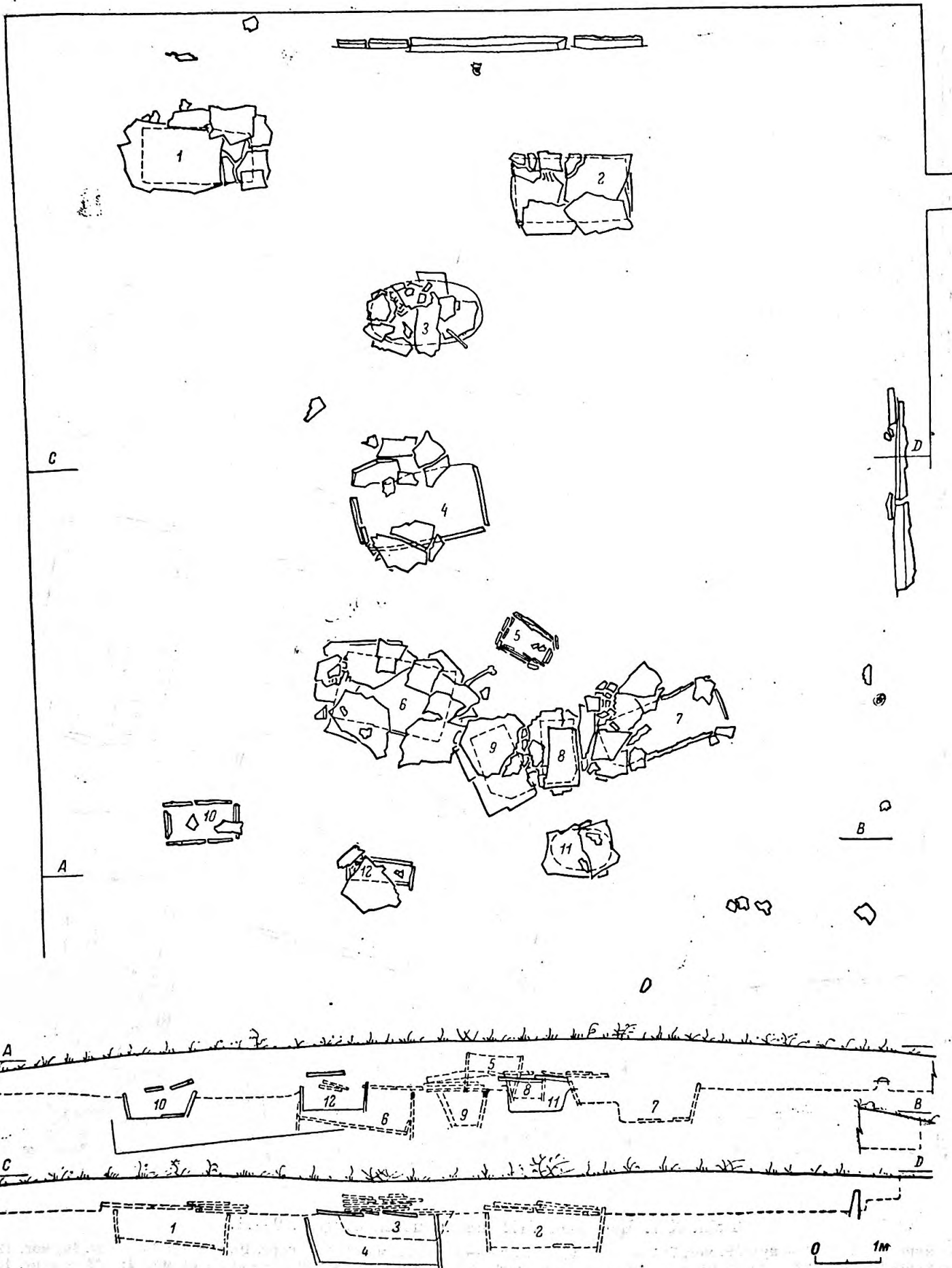

Табл. XIII. Черновая VIII, план кург. 10.

Табл. XIV. Черновая VIII, планы могил из кург. 11—14.

1 — кург. 11, мог. 1; 2 — кург. 11, мог. 7; 3 — кург. 11, мог. 6; 4 — кург. 11, мог. 3; 5 — кург. 11, мог. 5; 6 — кург. 12, мог. 5; 7 — кург. 12, мог. 2; 8 — кург. 12, мог. 4; 9 — кург. 12, мог. 1; 10 — кург. 12, мог. 3; 11 — кург. 13; 12 — кург. 14, мог. 3; 13 — кург. 14, мог. 1; 14 — кург. 14, мог. 2.

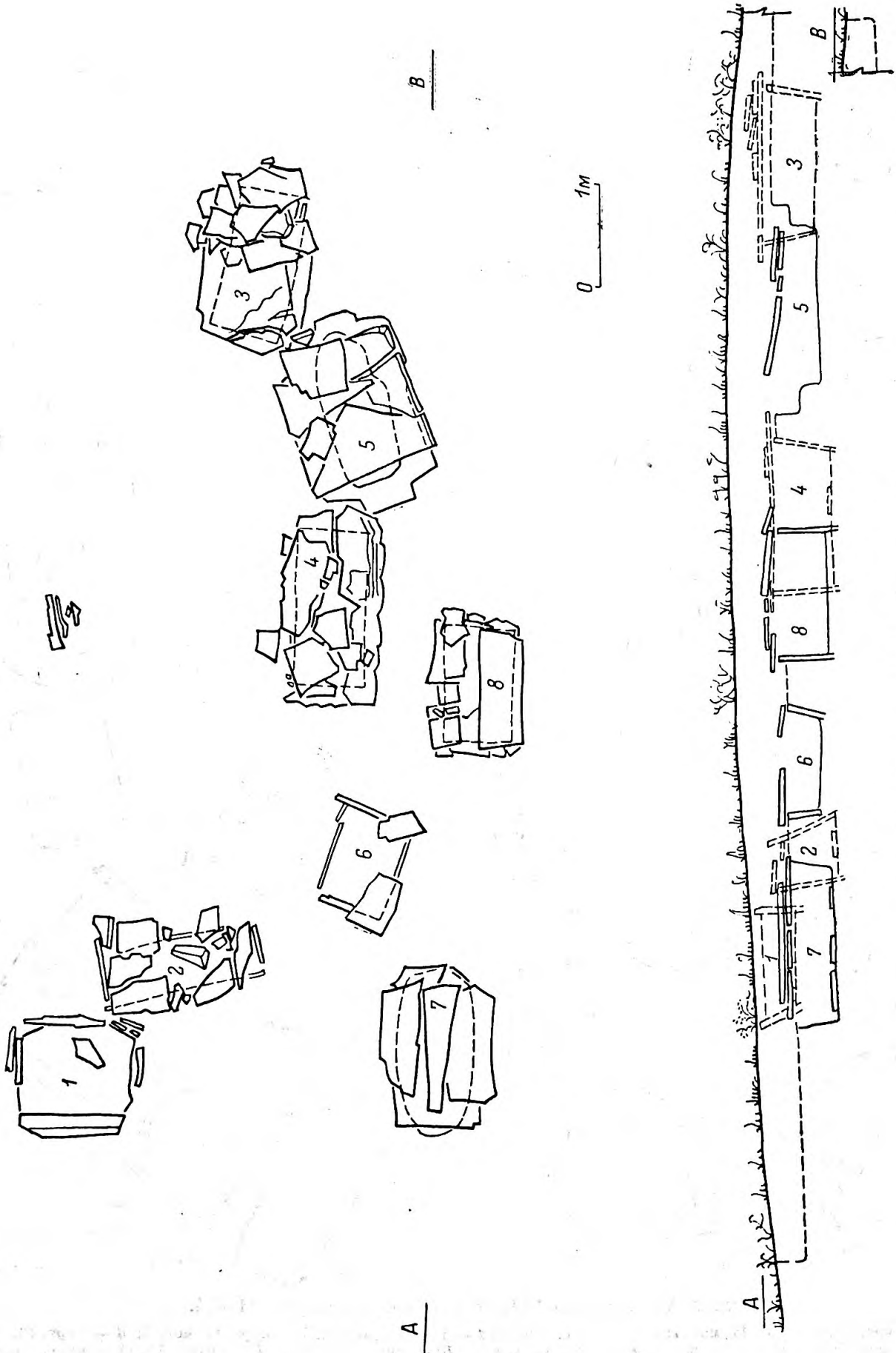

Табл. XV. Черновая VIII, план кург. 11.

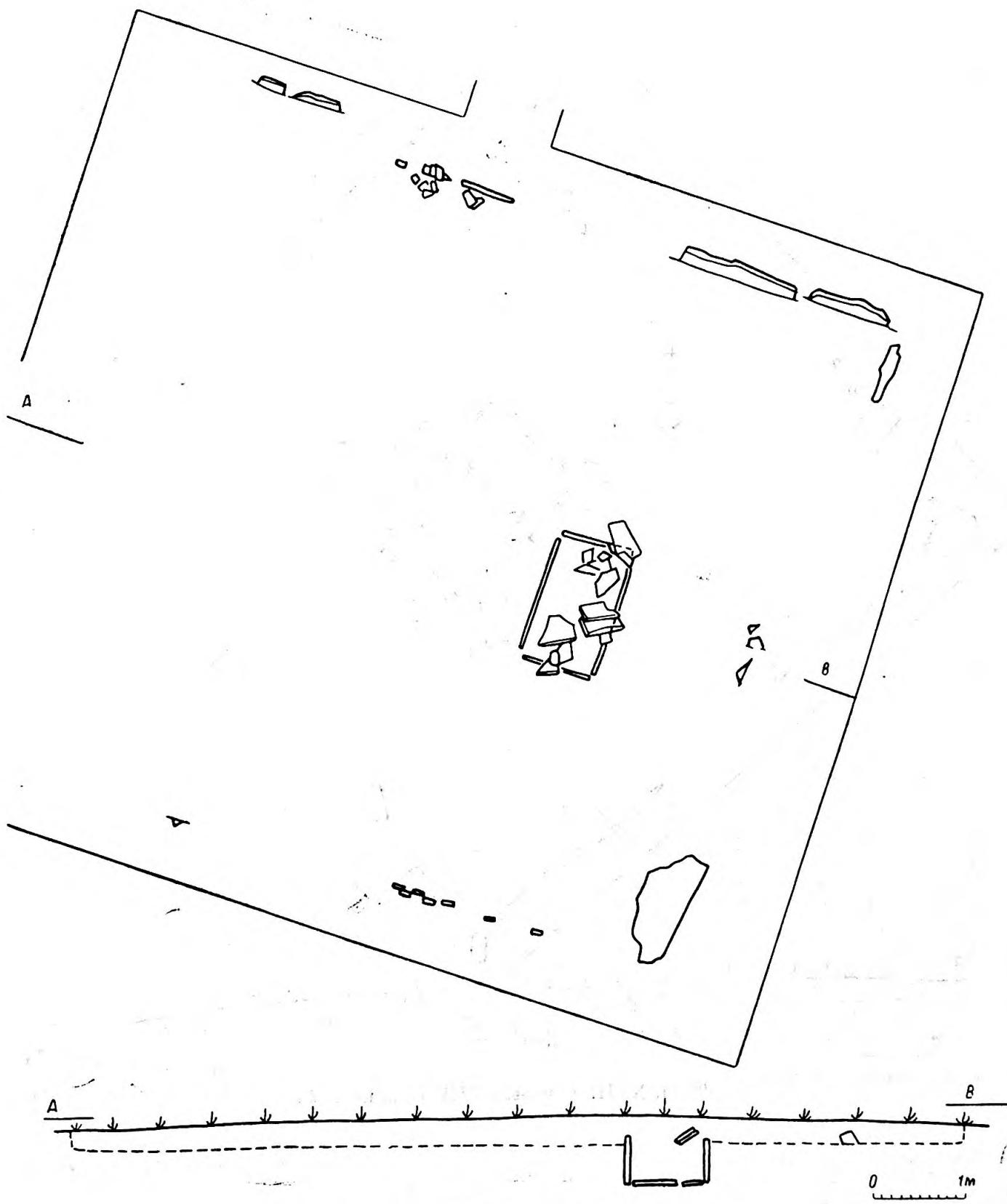

Табл. XVI. Черновая VIII, план кург. 13.

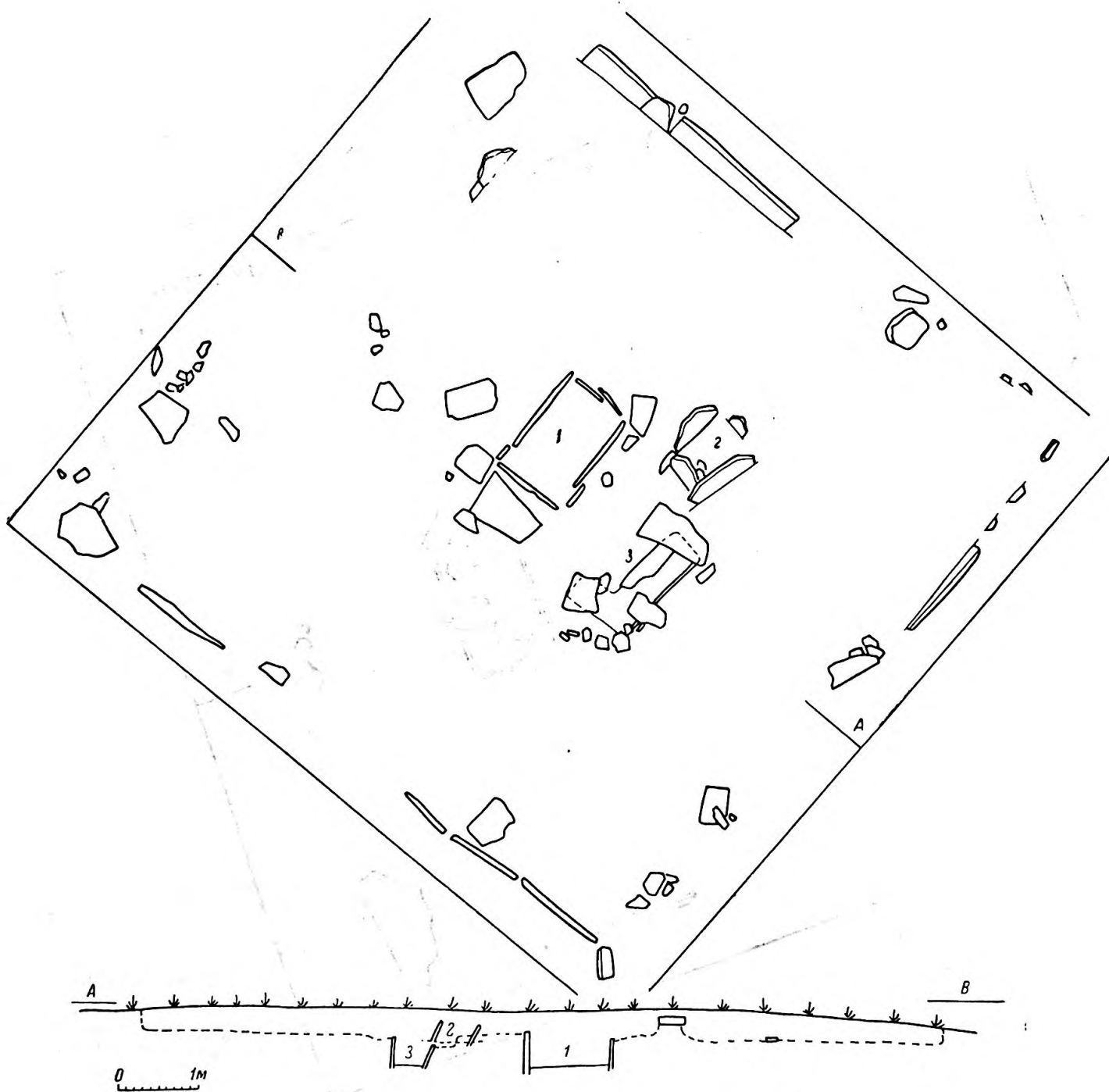

Табл. XVII. Черновая VIII, план курга №14.

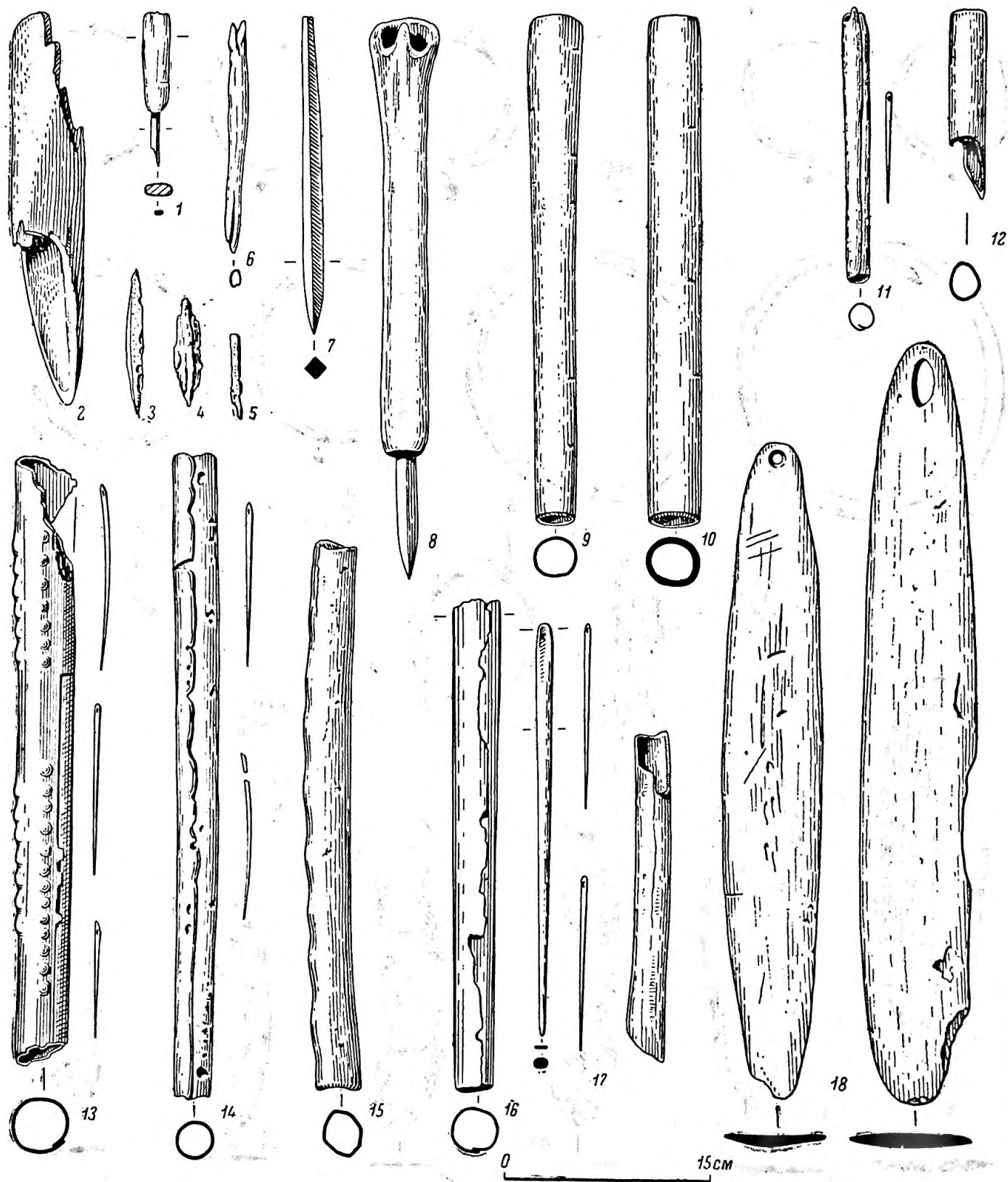

Табл. XVIII. Черновая VIII, вещи из погребений: пилы (1—8), игольники и иглы (9—17), иглы для вязания сетей (18).

1, 9 — кург. 8, мог. 5; 2, 12 — кург. 1, мог. 2; 3, 15 — кург. 2, мог. 1; 4 — кург. 3, мог. 4; 5 — кург. 3, мог. 7; 6 — кург. 5, мог. 9; 7, 8 — кург. 8, мог. 15; 10 — кург. 9, мог. 1; 11 — кург. 3, мог. 9; 13 — кург. 1, мог. 6; 14 — кург. 1, мог. 7; 16 — кург. 8, мог. 21; 17 — кург. 5, мог. 3; 18 — кург. 4, мог. 1.

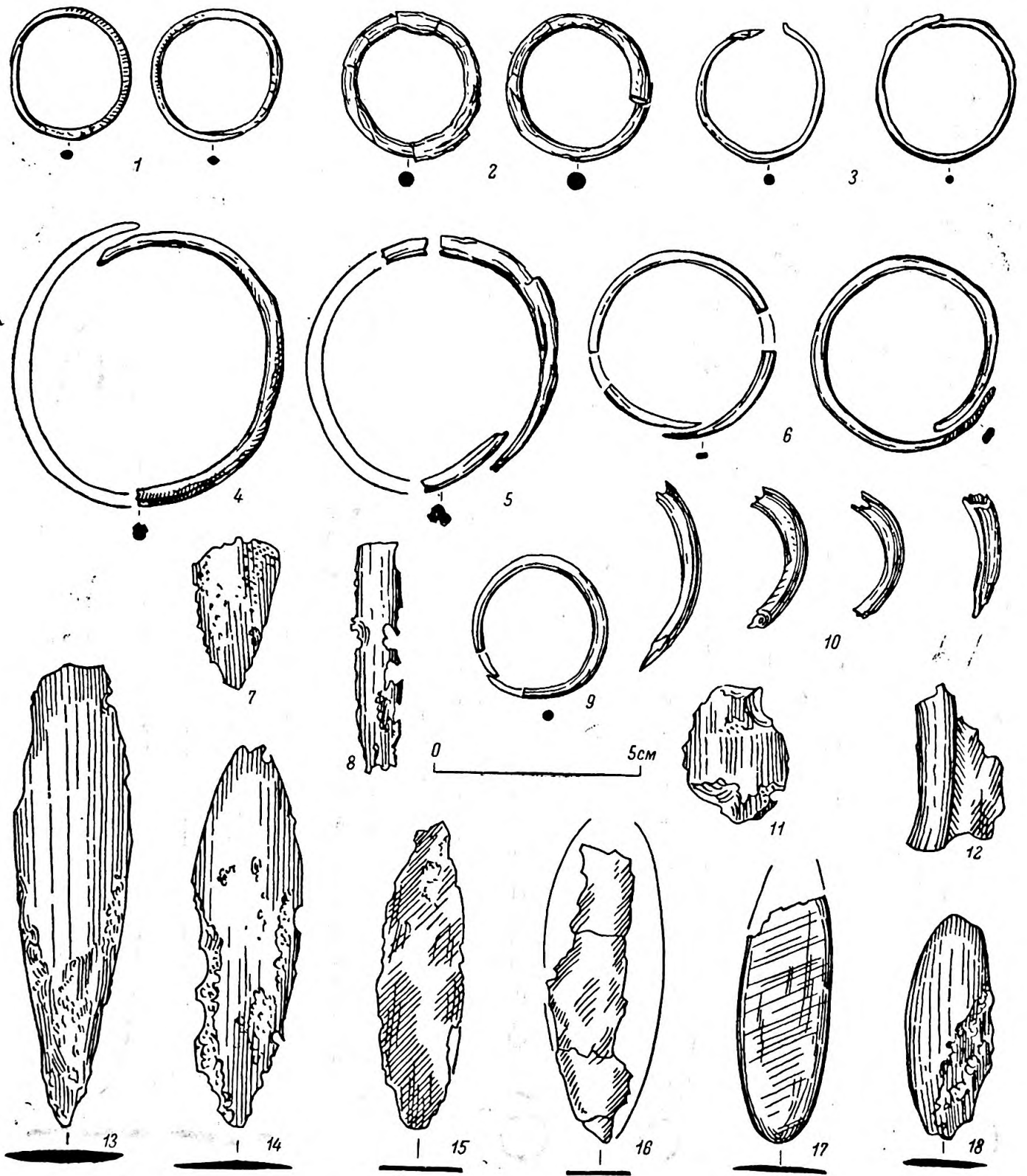

Табл. XIX. Черновая VIII, вещи из погребений: височные кольца (1-6, 9), ножи (7, 8, 11-18), украшения из зубов животных (10).

1, 7 — кург. 3, мог. 9; 2 — кург. 5, мог. 4; 3 — кург. 8, мог. 8; 4 — кург. 12, мог. 1; 5 — кург. 10, мог. 2; 6, 17 — кург. 8, мог. 20; 8 — кург. 1, мог. 5; 9 — кург. 8, мог. 15; 10 — кург. 5, мог. 1; 11 — кург. 4, мог. 5; 12 — кург. 8, мог. 5; 13 — кург. 11, мог. 6; 14 — кург. 1, мог. 6; 15 — кург. 2, мог. 1; 16 — кург. 5, мог. 9; 18 — кург. 3, мог. 15.

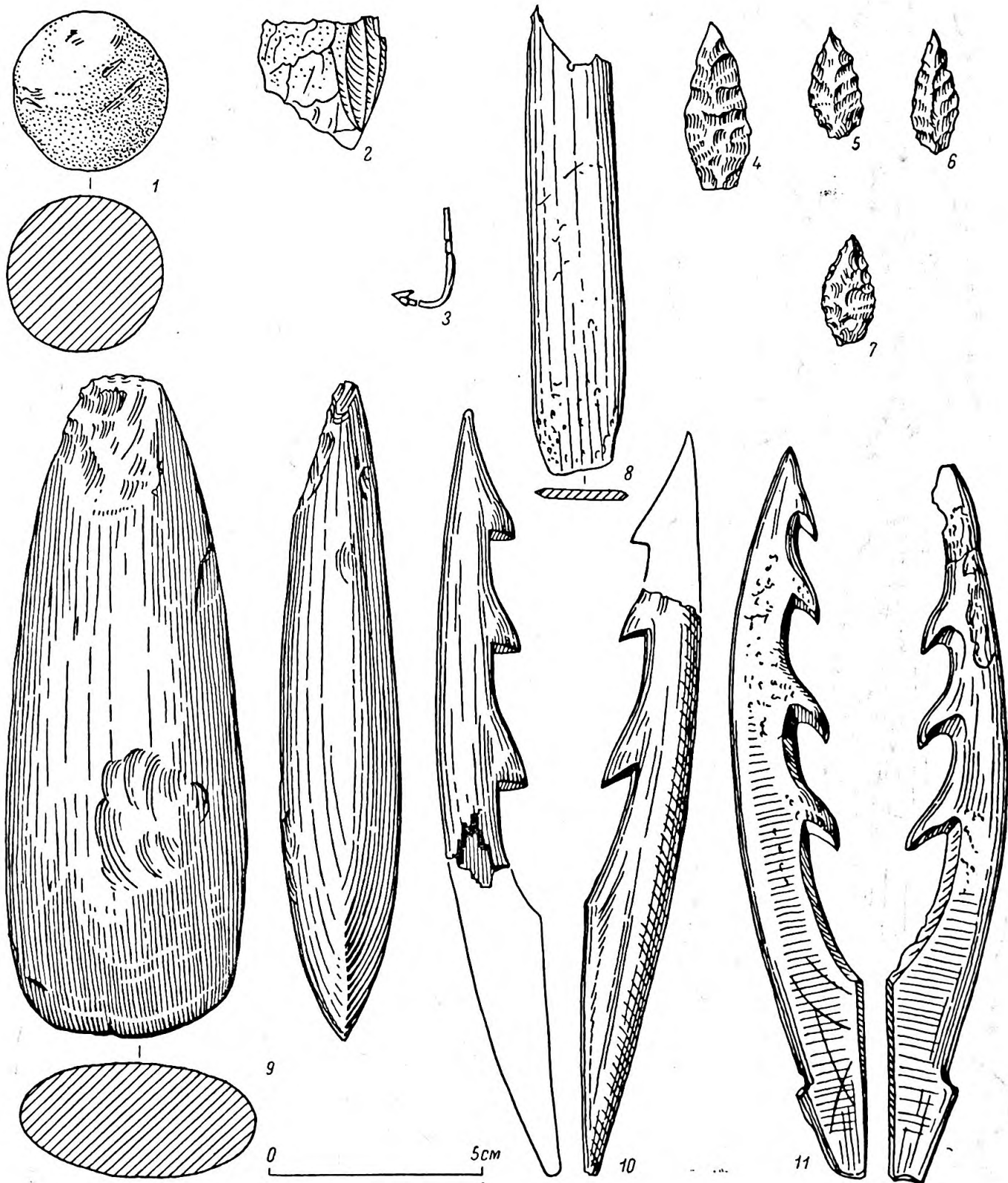

Табл. XX. Черновая VIII, вещи из погребений: шар (1), нуклеус (2), рыболовный крючок (3), наконечники стрел (4—7), костяная пластинка (8), топор (9), остроги (10, 11).

1 — кург. 11, мог. 6; 2 — кург. 1, мог. 2; 3 — кург. 3, мог. 4; 4 — кург. 1, мог. 4; 5, 6 — кург., 4, мог. 7; 7 — кург. 8, мог. 7; 8 — кург. 5, мог. 6; 9 — кург. 11, мог. 8; 10 — кург. 9, мог. 9; 11 — кург. 4, мог. 5.

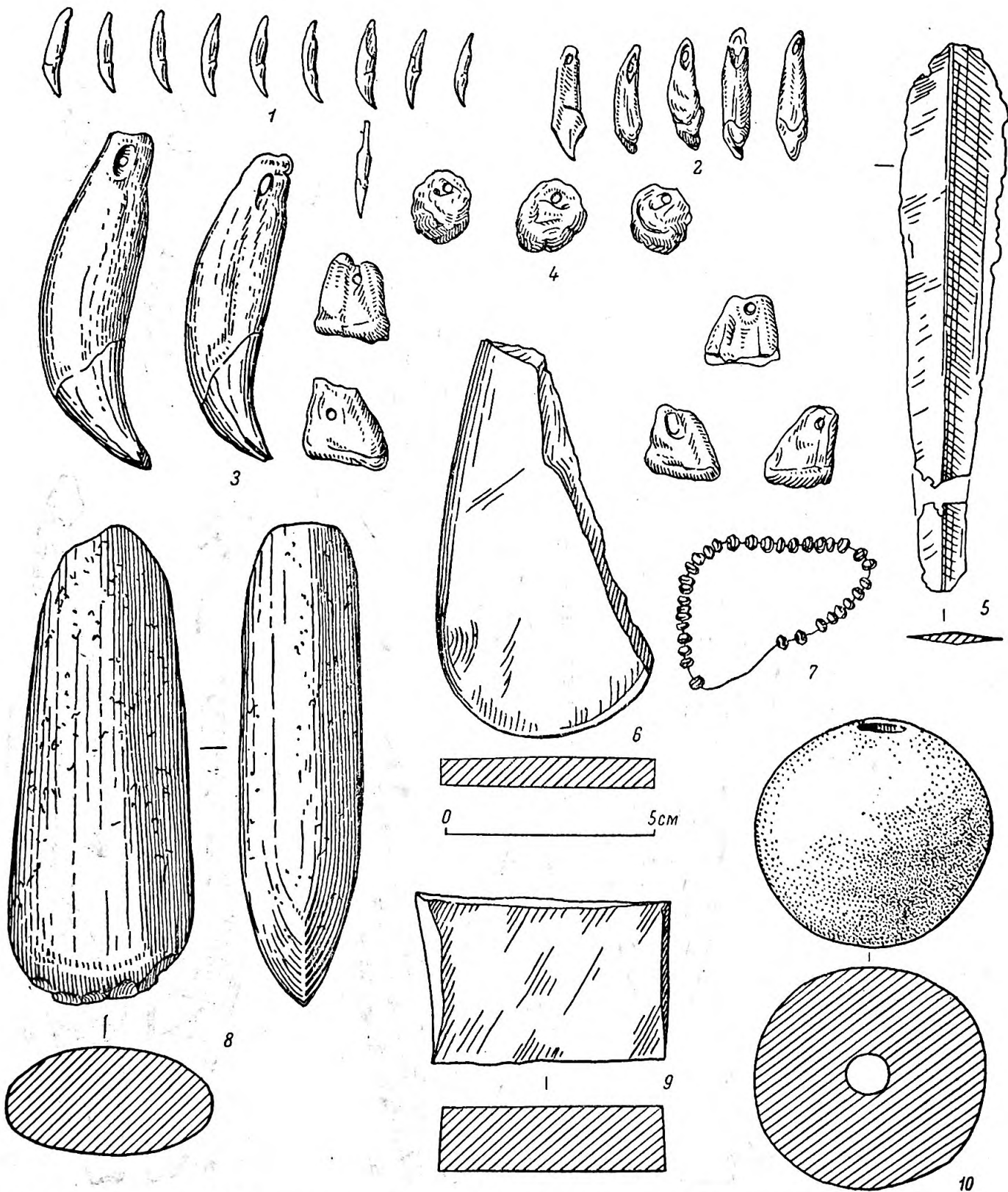

Табл. XXI. Черновая VIII, вещи из кург. 8, мог. 21: украшения из зубов животных (1—4), кинжал (5), каменные пластинки (6, 9), бусы (7), топор (8), шар (10).

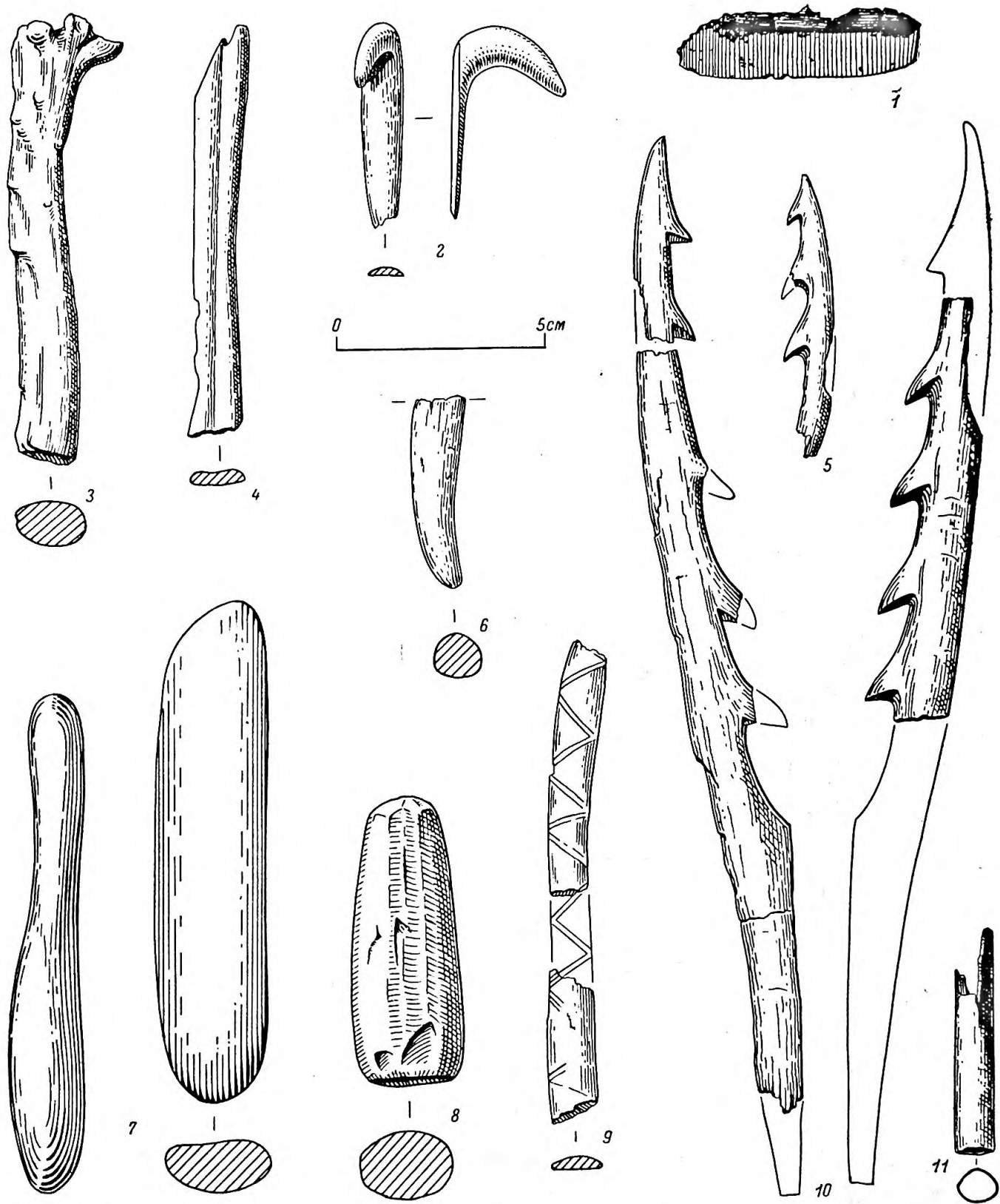

Табл. XXII. Черновая VIII, вещи из кург. 8, мог. 21: нож (1), костяные предметы (2—4, 6, 9), остроги (5, 10), галка (7), пестик (8), игольник (11).

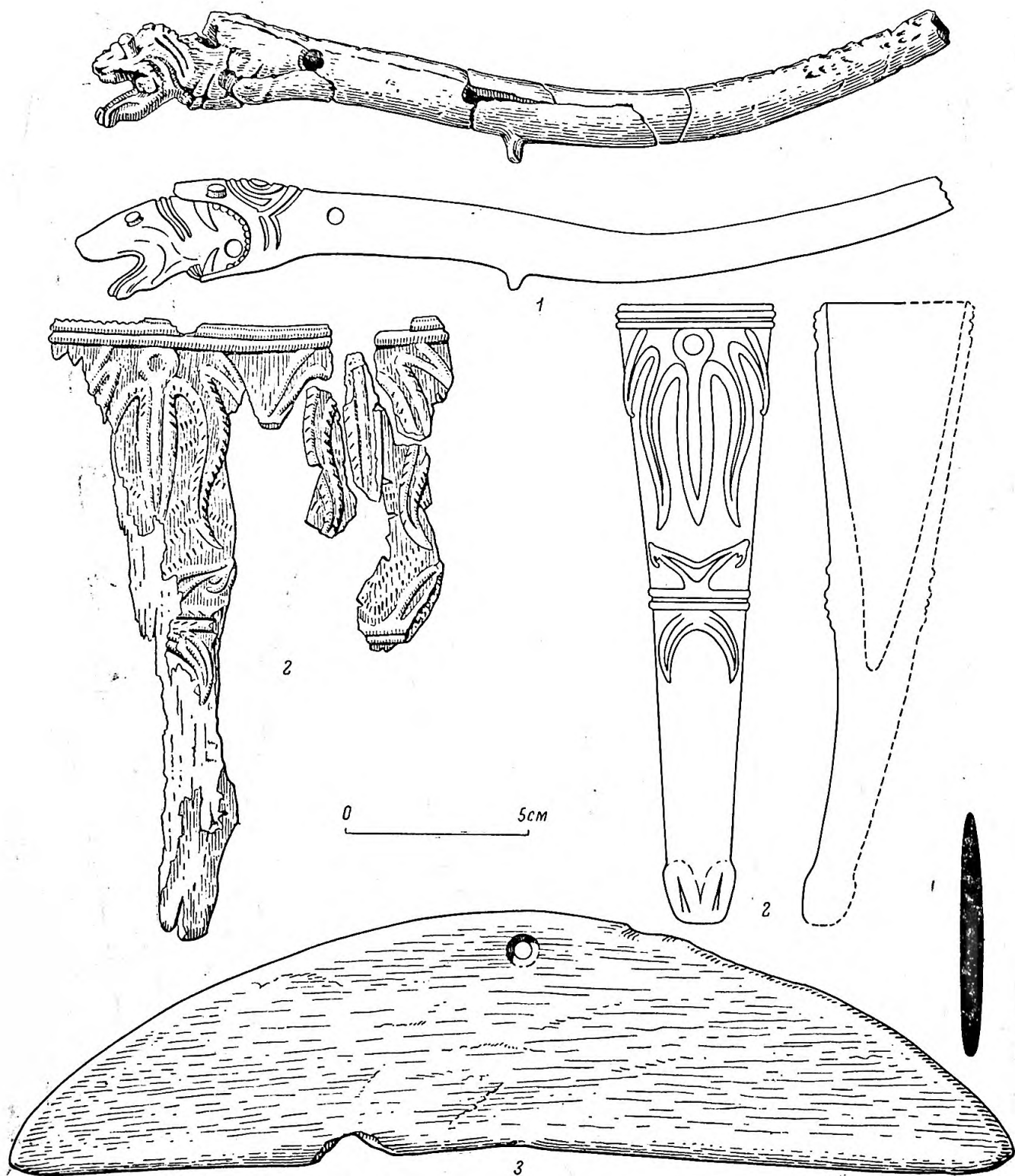

Табл. XXIII. Черновая VIII, вещи из кург. 8, мог. 21: жезл (1), «ритон» (2), лунница (3).

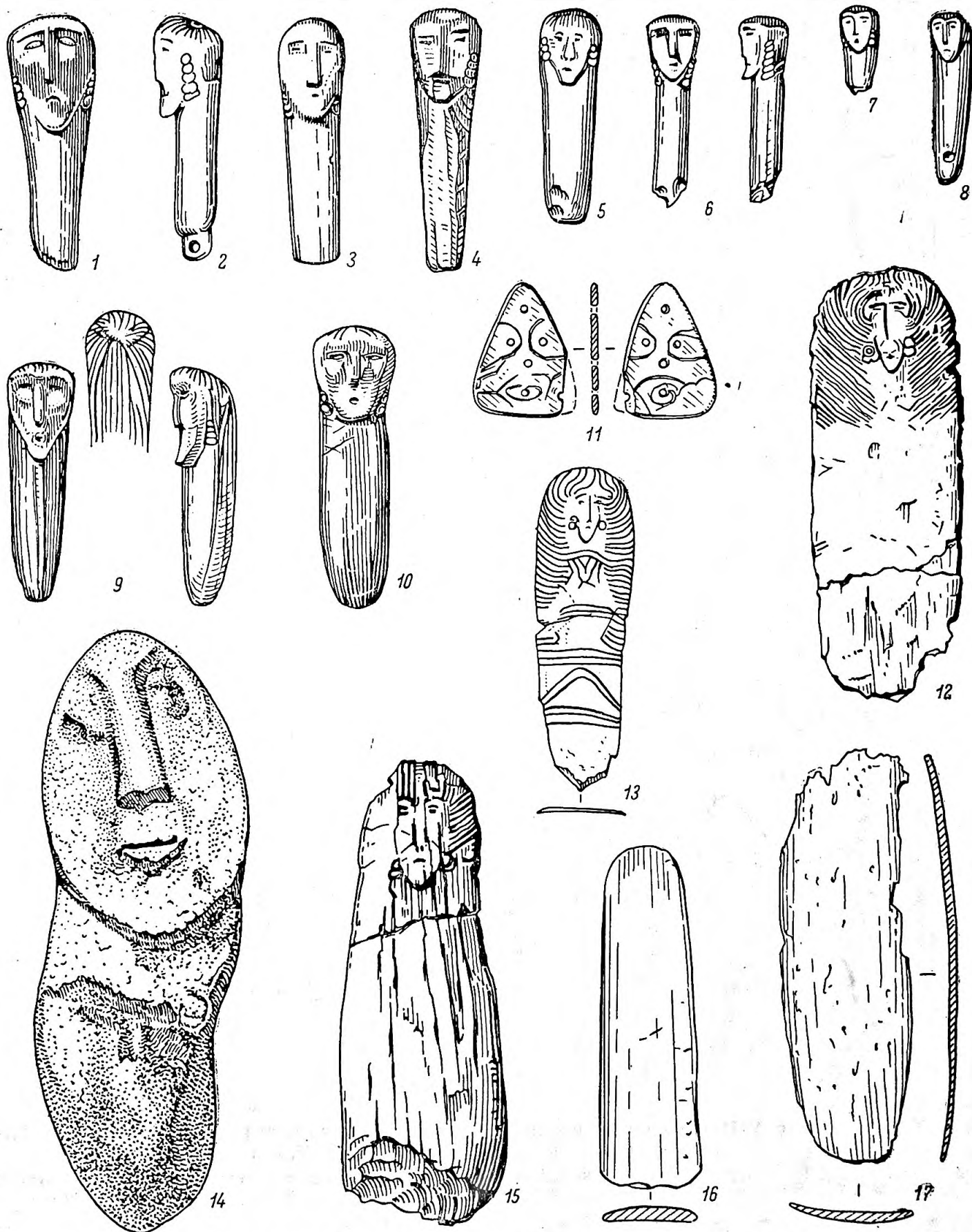

Табл. XXIV. Черновая VIII, миниатюрные антропоморфные изображения.

1 — кург. 10, мог. 5; 2, 4, 6, 11—13, 15 — кург. 9, мог. 7; 3, 5, 16 — кург. 5, мог. 9; 7, 8 — кург. 8, мог. 13; 9 — р. Таштыц; 10 — гора Сторожевая; 14 — р. Бей; 17 — кург. 3, мог. 9.

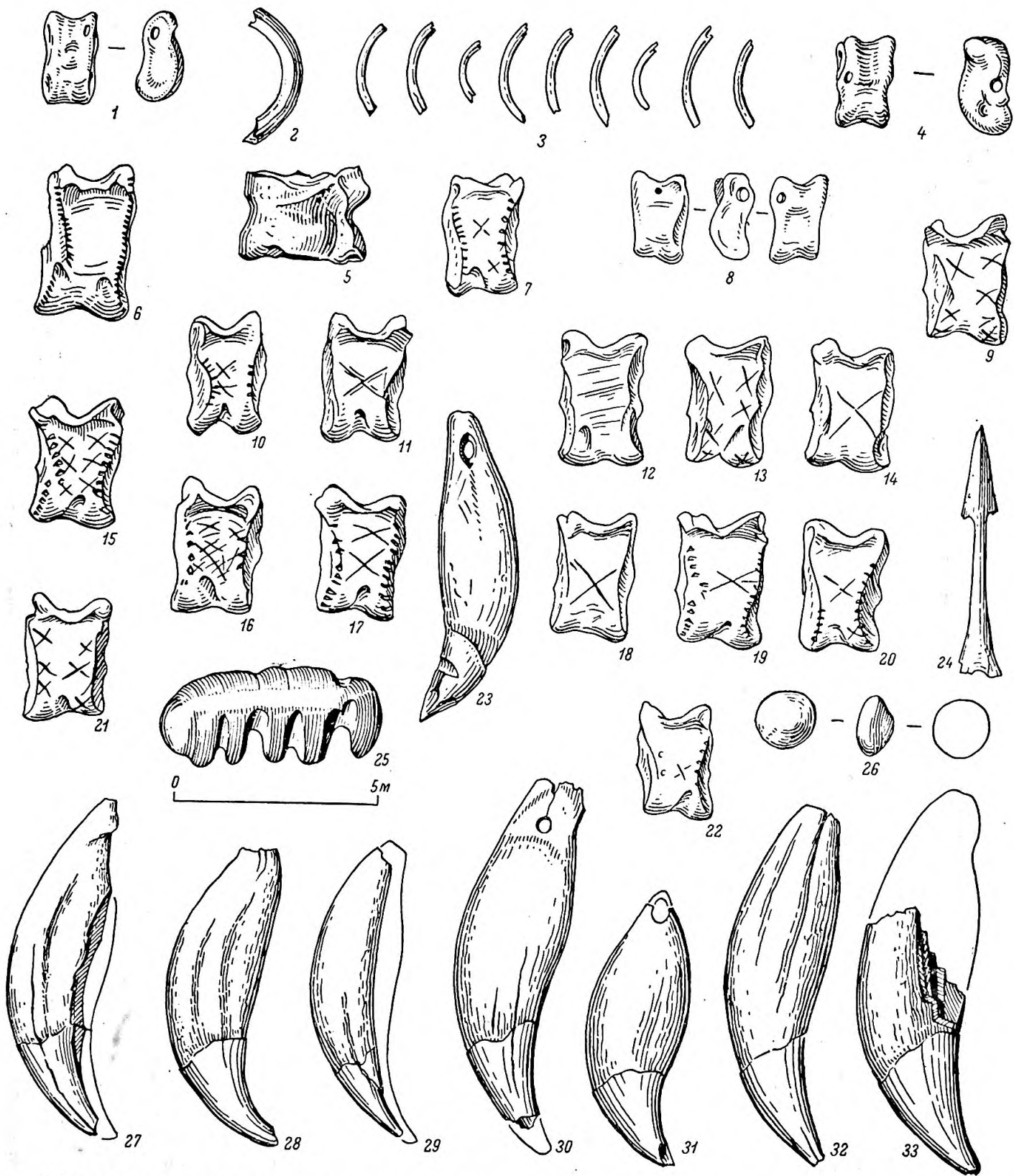

Табл. XXV. Чернобая VIII, вещи из погребений: альчики (1, 4—22), украшения из зубов животных (2, 3, 23, 27—33), часть клюва журавля (24), гальки (25, 26).

1, 4 — кург. 12, мог. 2; 2 — кург. 5, мог. 1; 3 — кург. 8, мог. 13; 5 — кург. 1, мог. 4; 6 — кург. 4, мог. 7; 7—22 — кург. 11, мог. 8; 23—26 — кург. 4, мог. 1; 27, 28 — кург. 4, мог. 8; 29, 33 — кург. 9; 30, 31 — кург. 8, мог. 6; 32 — кург. 9, мог. 6.

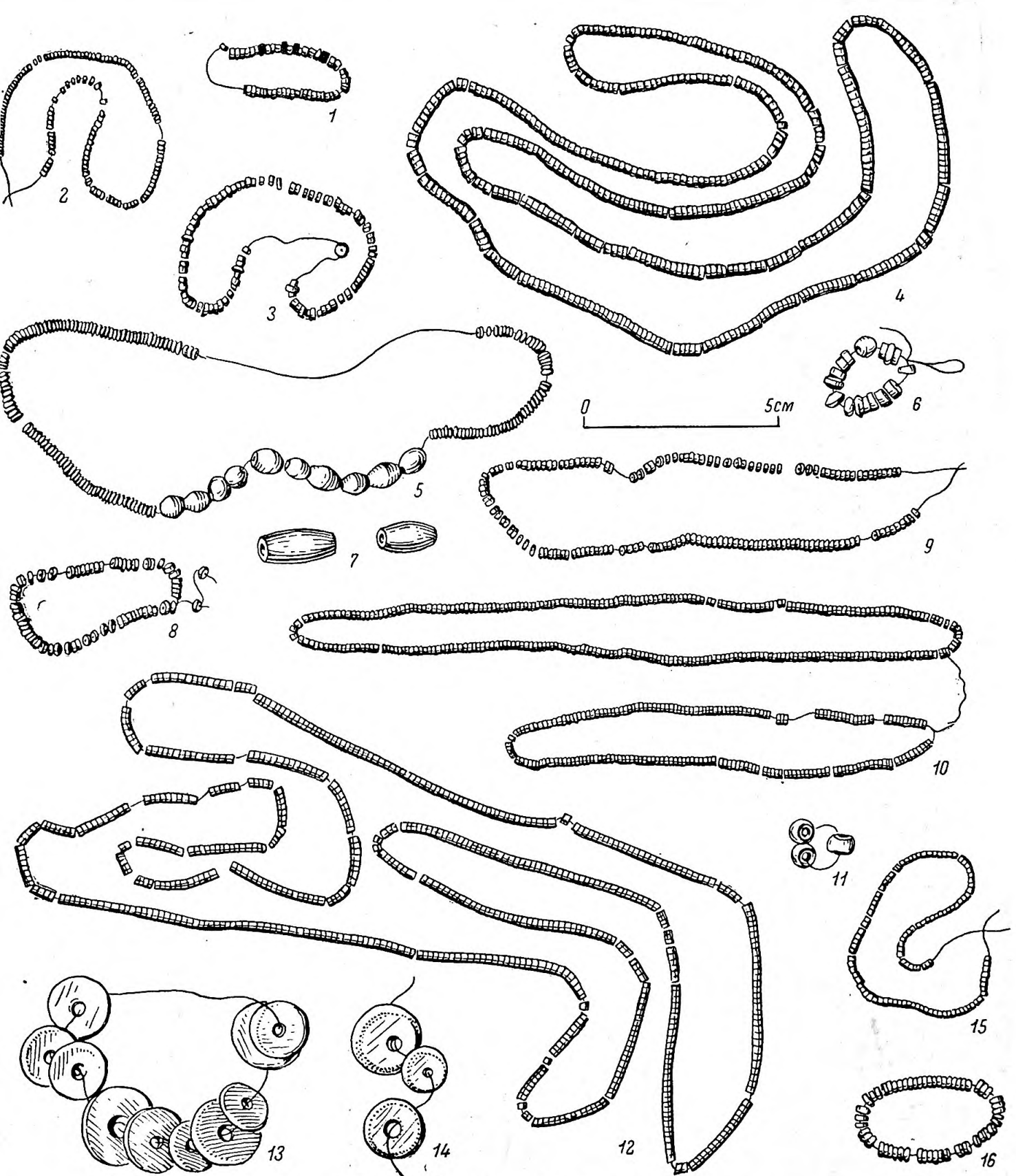

Табл. XXVI. Черновая VIII, бусы и бисер.

1 — кург. 11, мог. 3; 2 — кург. 8, мог. 8; 3 — кург. 10, мог. 10; 4 — кург. 3, мог. 8; 5 — кург. 3, мог. 9; 6 — кург. 4, мог. 2;
 7 — кург. 10, мог. 6; 8 — кург. 8, мог. 11; 9 — кург. 13; 10 — кург. 8, мог. 9; 11, 13 — кург. 5, мог. 9; 12 — кург. 8, мог. 20;
 14 — кург. 8, мог. 13; 15 — кург. 9, мог. 7; 16 — кург. 4, мог. 2.

Табл. XXVII. Черновая VIII, керамика.

1 — кург. 1, мог. 8; 2 — кург. 13, мог. 11; 3, 4 — кург. 3, мог. 5; 5, 13 — кург. 2, мог. 1; 6, 11, 12 — кург. 3, мог. 13.
 7 — кург. 3, мог. 9; 8 — кург. 3, мог. 3; 9 — кург. 1, мог. 4; 10 — кург. 1, мог. 5; 14 — кург. 1, мог. 2; 15 — кург. 3, мог. 4;
 (см. стр. 118).

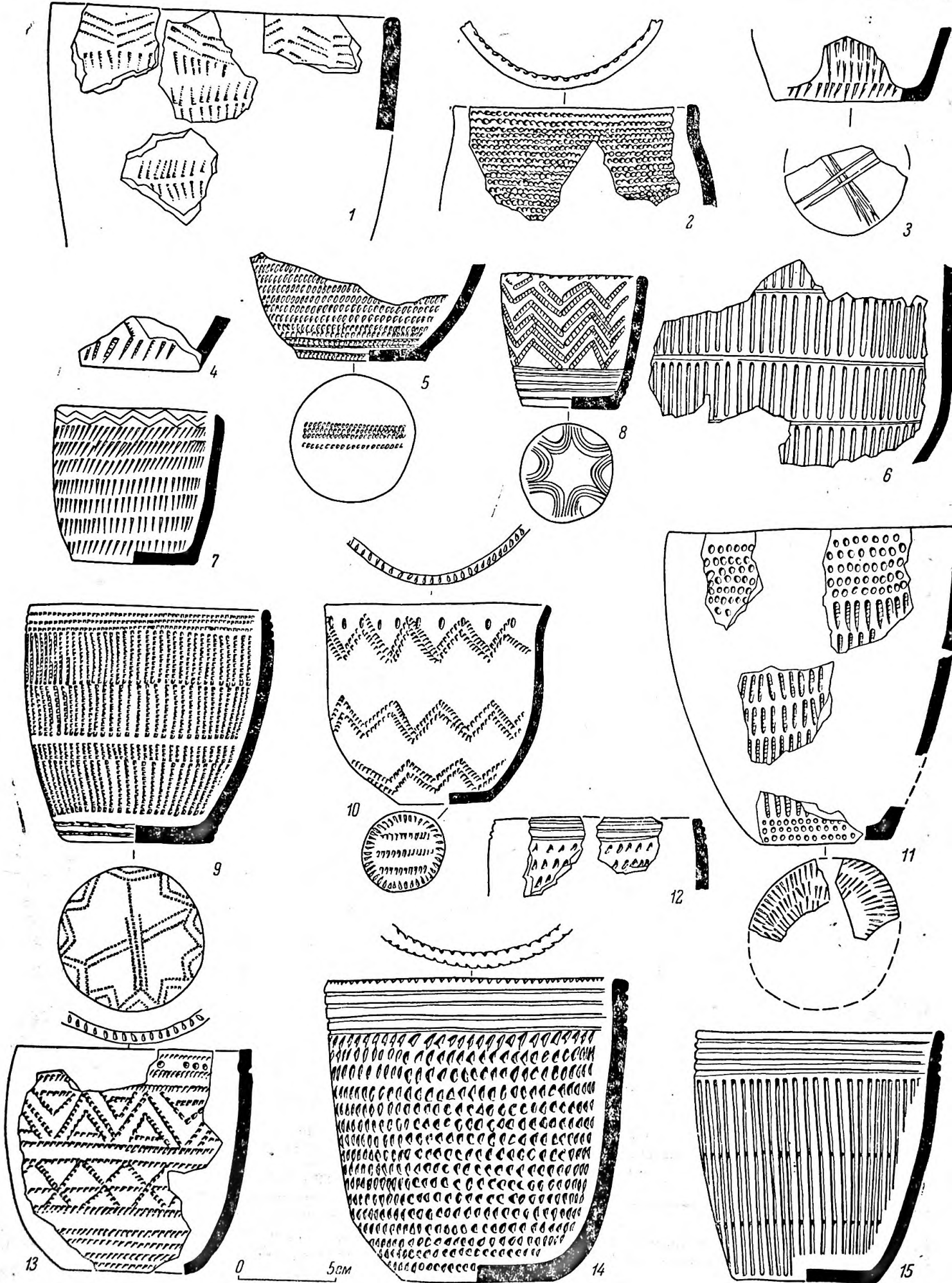

Табл. XXVII. Черновая VIII, керамика.

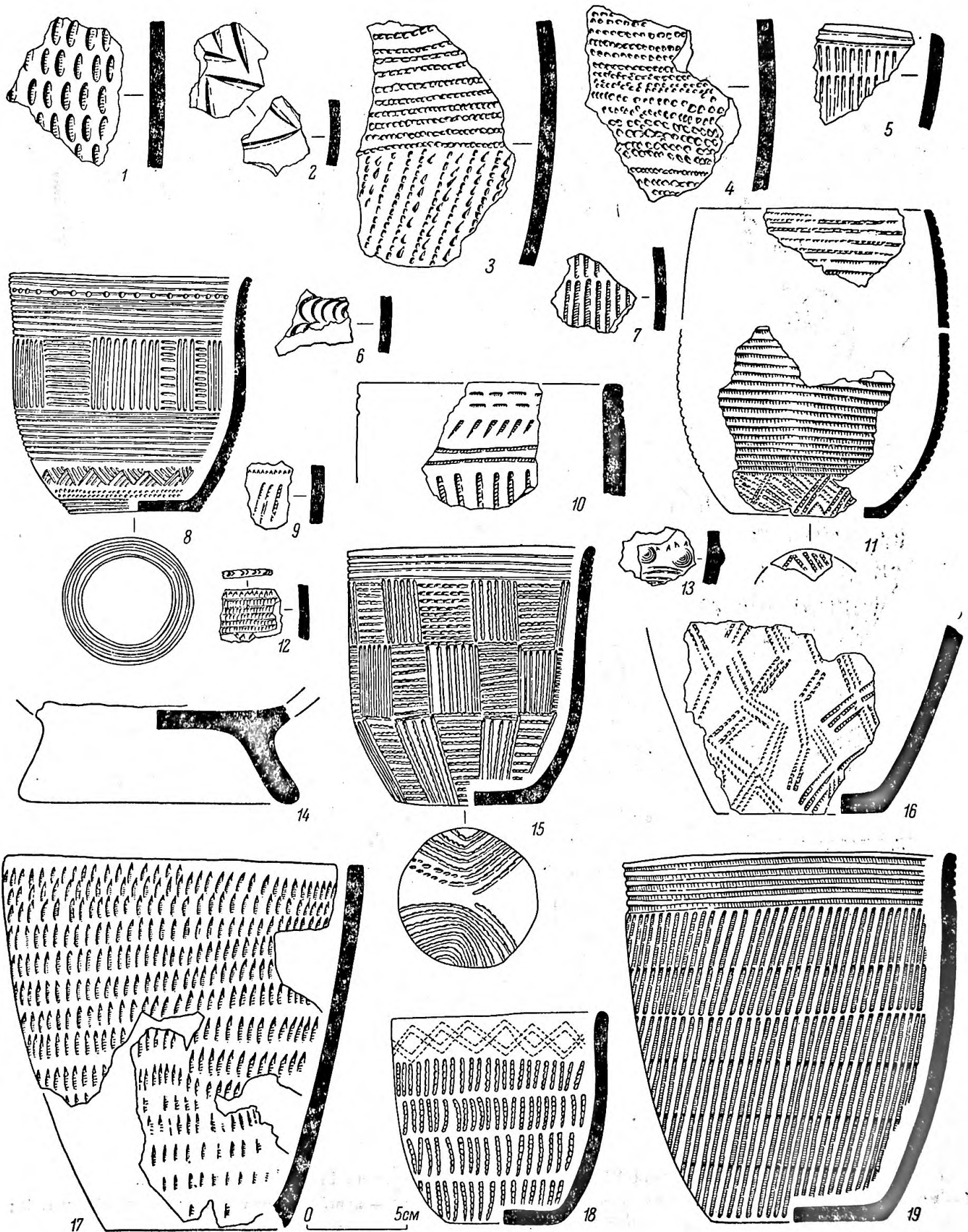

Табл. XXVIII. Черновая VIII, керамика.

1 — кург. 2, мог. 3; 2, 10 — кург. 8, мог. 6; 3, 9, 13 — кург. 2, мог. 2; 4 — кург. 4; 5 — кург. 1, мог. 7; 6, 7 — кург. 8, мог. 11; 8 — кург. 3, мог. 15; 11 — кург. 5, мог. 1; 12 — кург. 13; 14 — кург. 14, мог. 3; 15 — кург. 8, мог. 20; 16 — кург. 3, мог. 8; 17 — кург. 4, мог. 8; 18 — кург. 8, мог. 9; 19 — кург. 8, мог. 5.

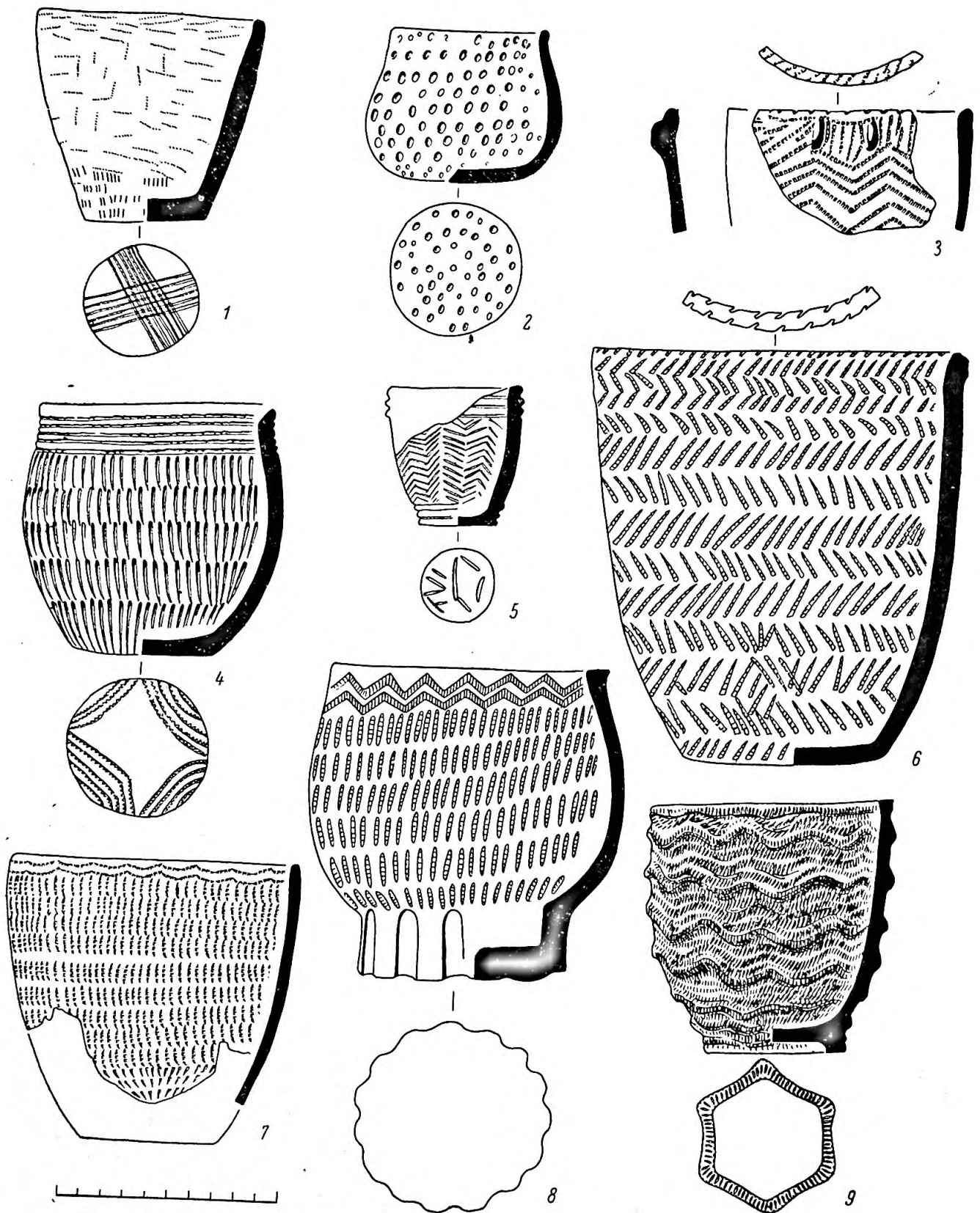

Табл. XXIX. Черновая VIII (1, 2, 4-6, 8) и Черновая IV (3, 7, 9), керамика.

1 — кург. 9, мог. 4; 2 — кург. 8, мог. 8; 3 — кург. 6; 4 — кург. 8, мог. 21; 5 — кург. 8, рядом с мог. 16; 6 — кург. 8, мог. 16; 7 — кург. 6; 8 — кург. 11, мог. 8; 9 — кург. 6.

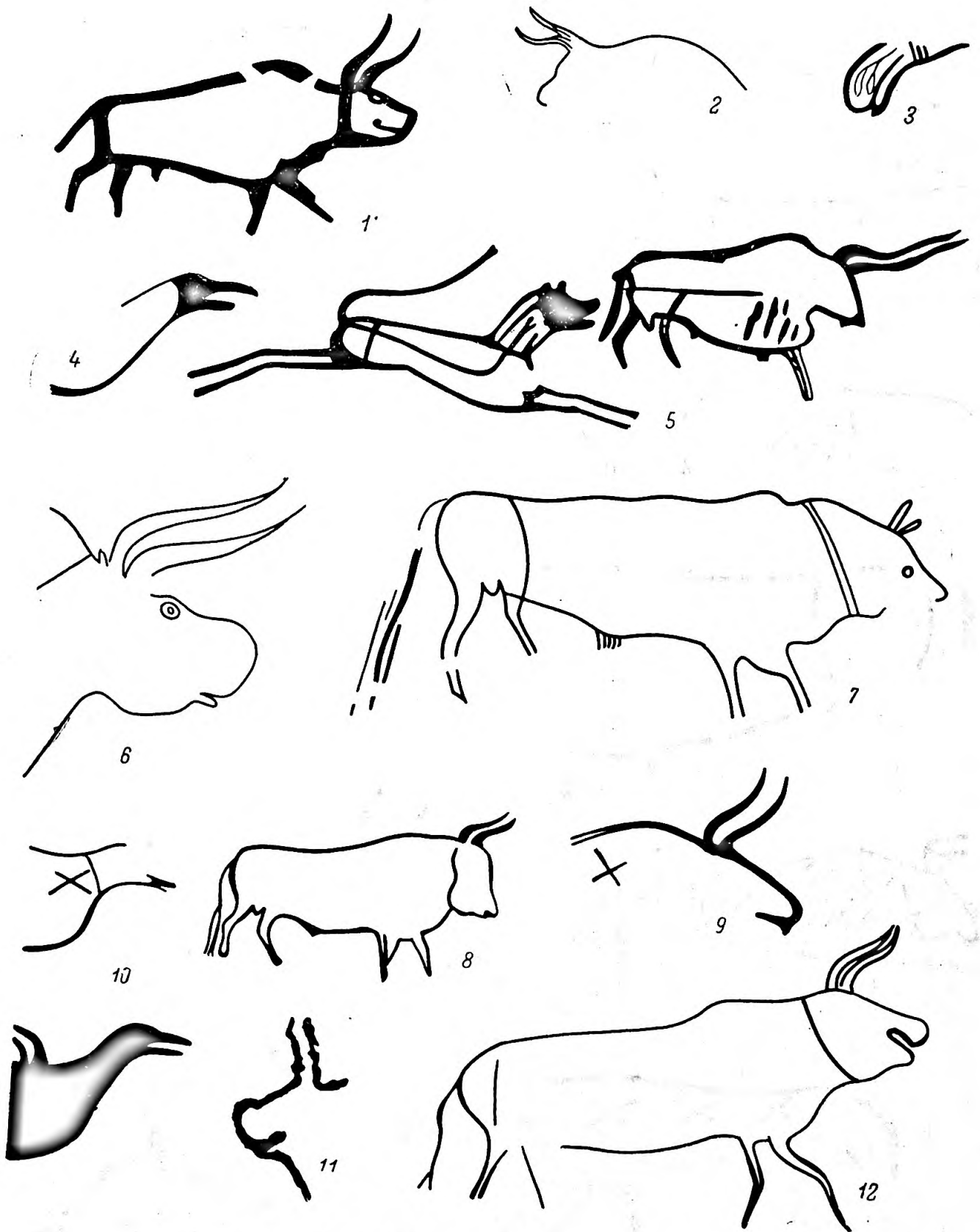

Табл. XXX. Черновая VIII, рисунки животных.

1 — кург. 1; 2 — кург. 3, мог. 3; 3 — кург. 3, мог. 5; 4 — кург. 4, мог. 9; 5, 6 — кург. 3, мог. 7; 7 — кург. 3, мог. 8; 9—11 — кург. 5, мог. 3; 8, 12 — кург. 3.

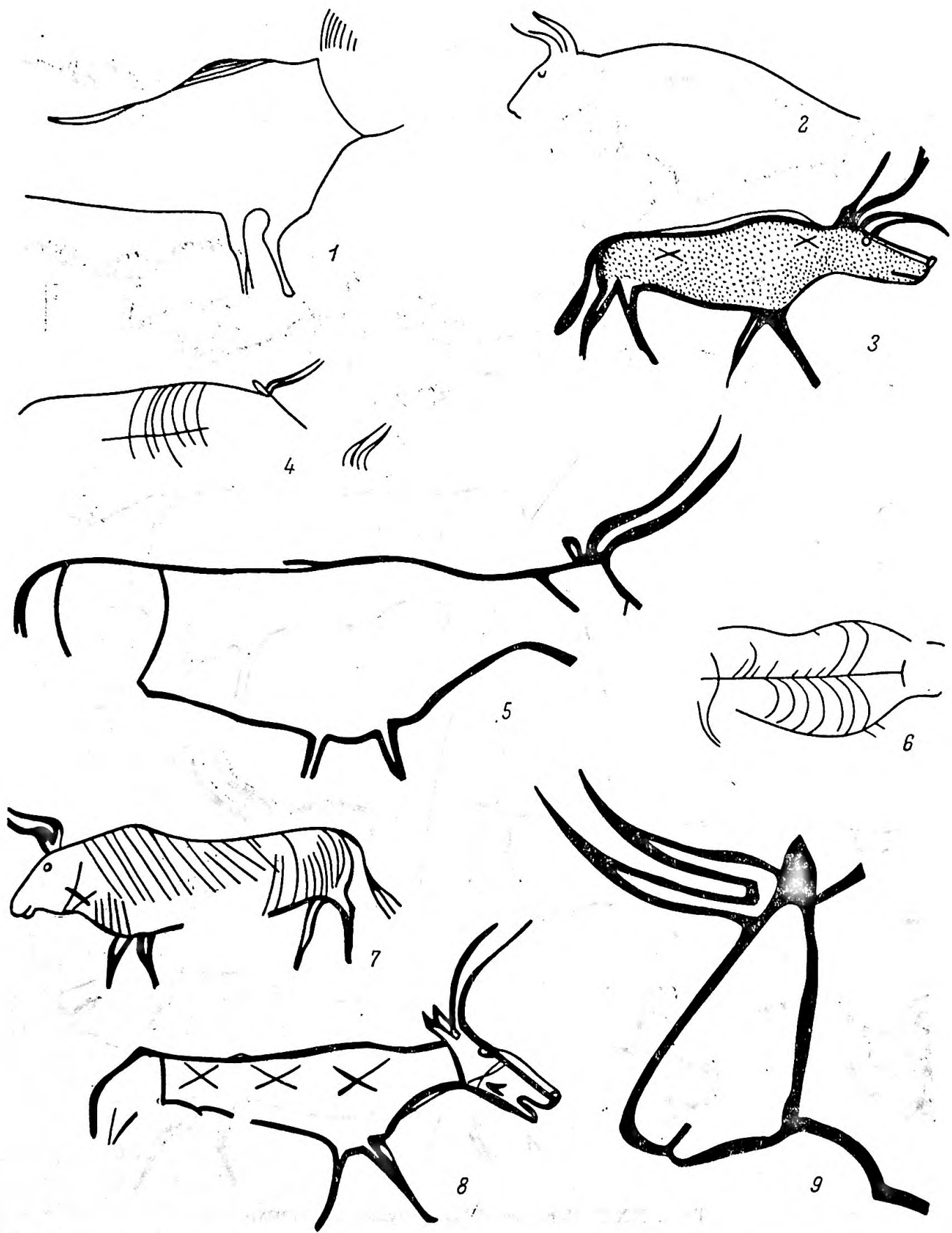

Табл. XXXI. Черновая VIII, рисунки животных.

1 — кург. 8, мог. 9; 2, 6 — кург. 8, мог. 8; 3, 5, 8 — кург. 5, мог. 7; 4 — на пашне между курганами; 7 — кург. 8, мог. 11; 9 — кург. 14, мог. 1.

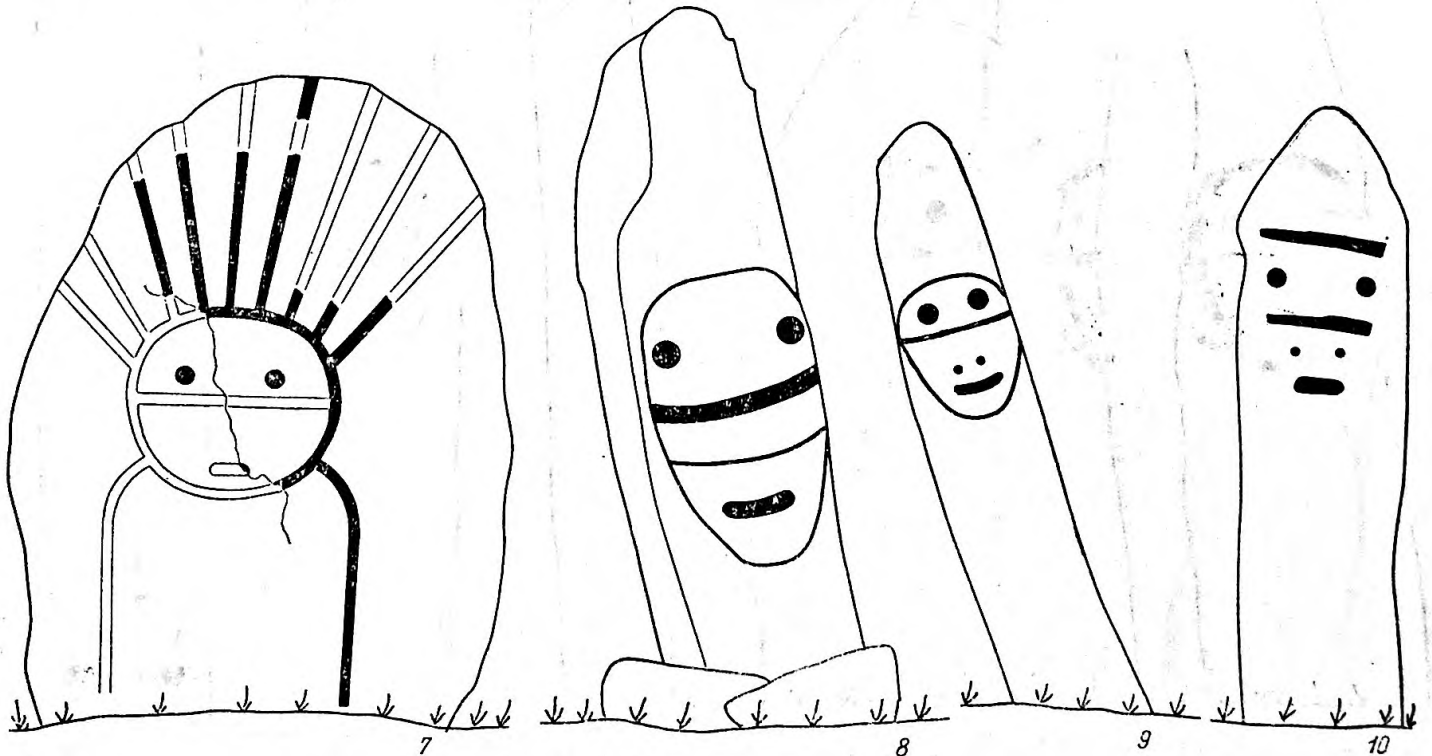
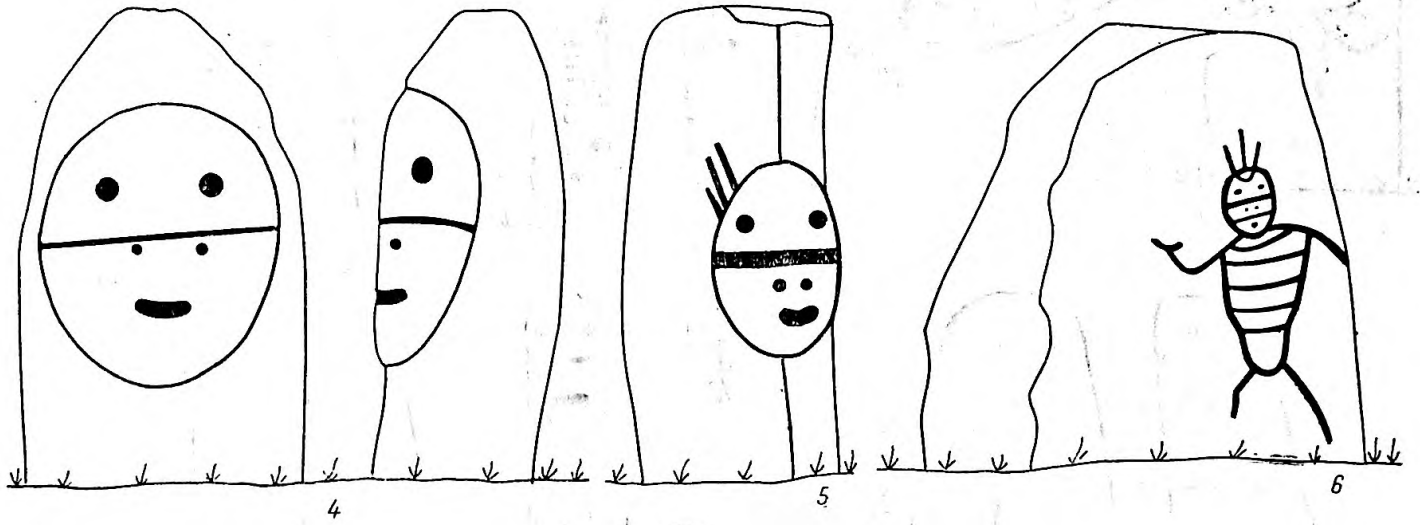
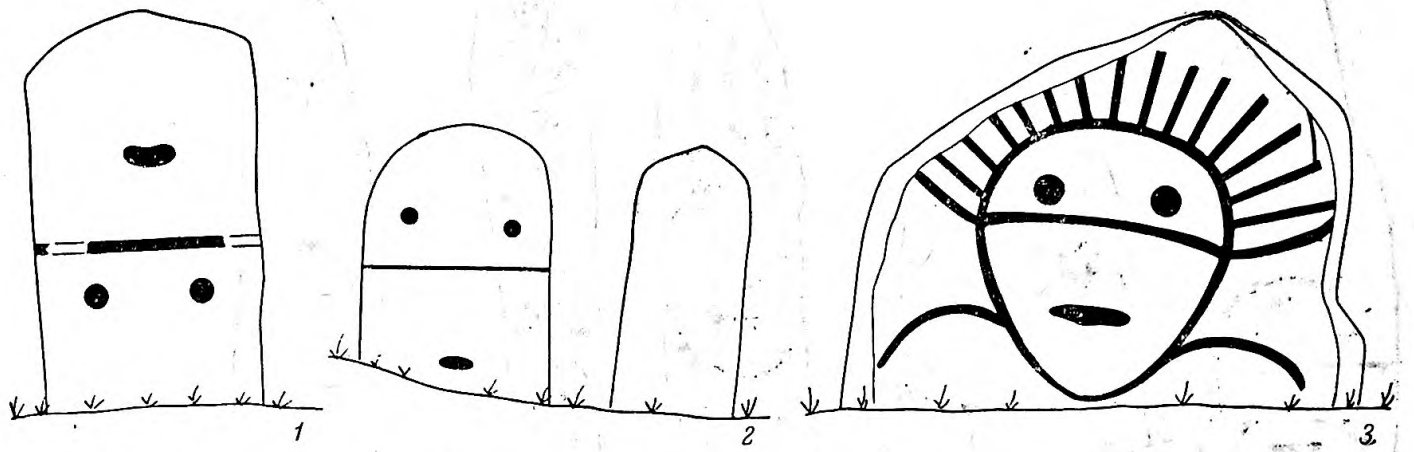

Табл. XXXII. Изваяния 1—10.

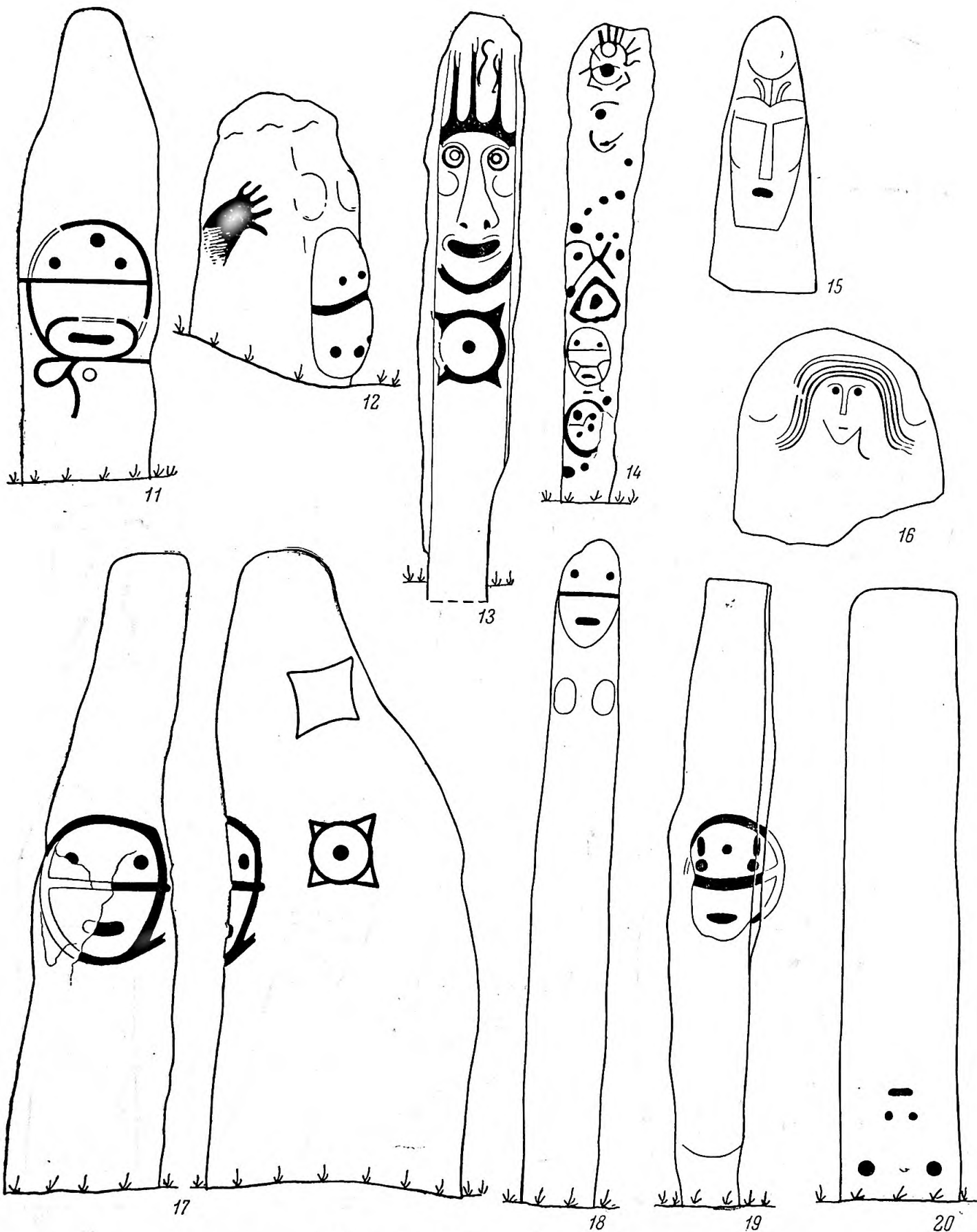
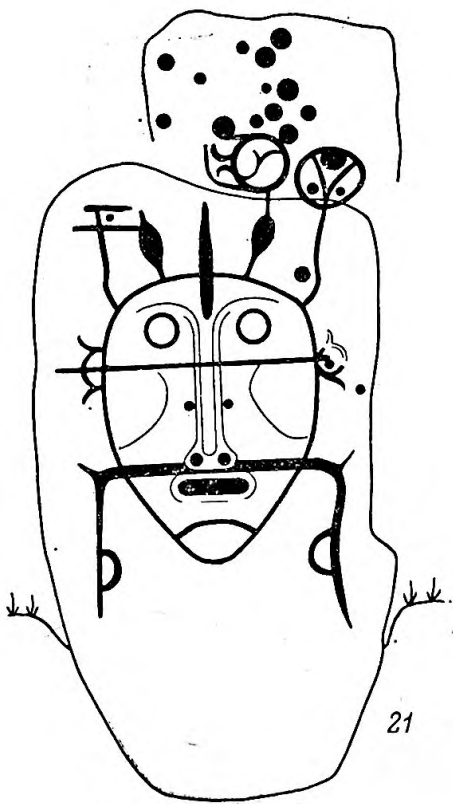
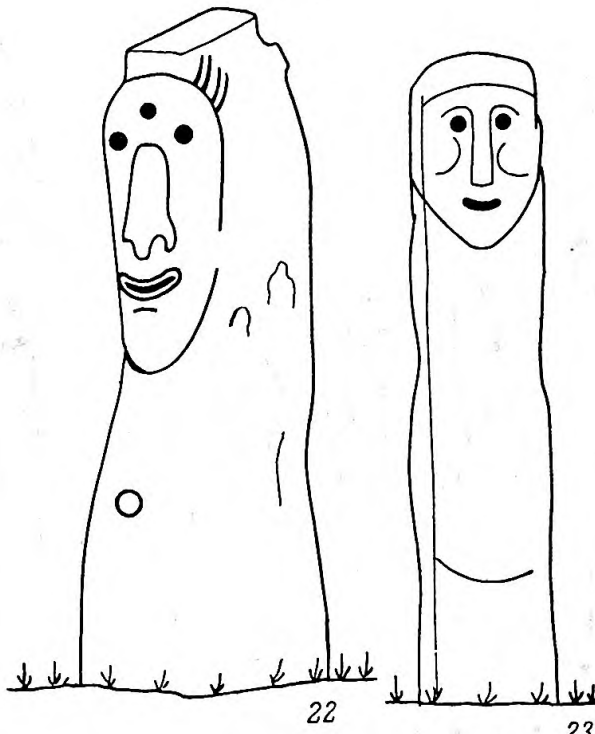

Табл. XXXIII, Изваяния 11—20.

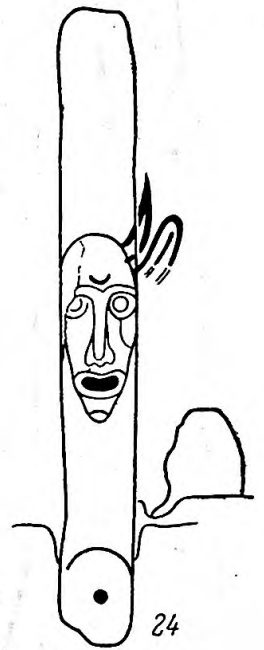

21

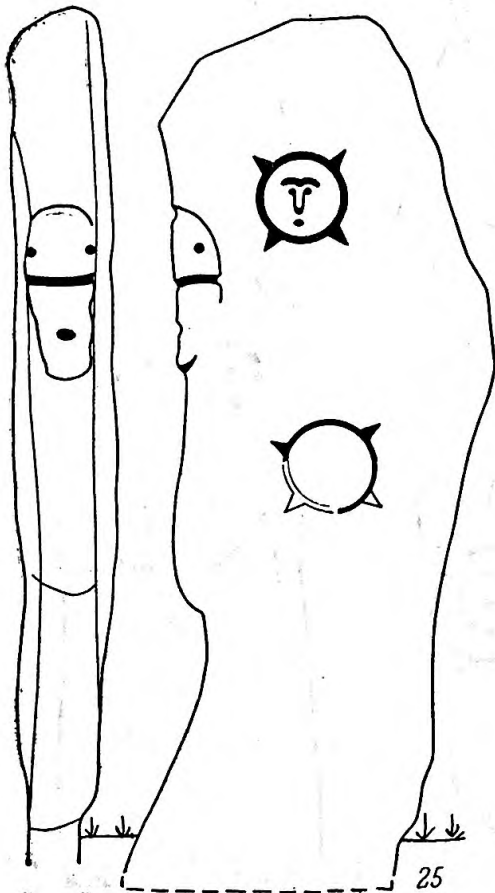

22

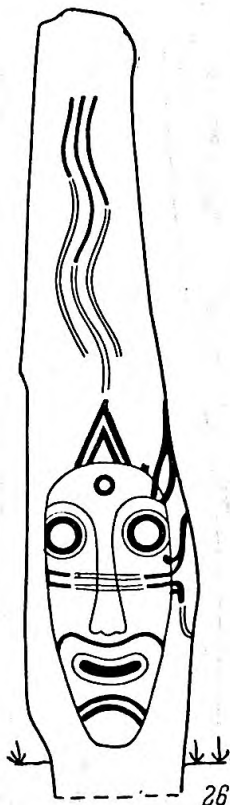
23

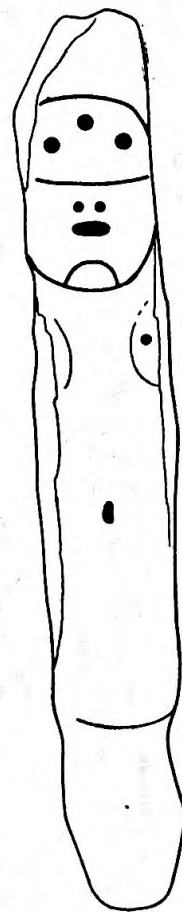
24

25

26

27

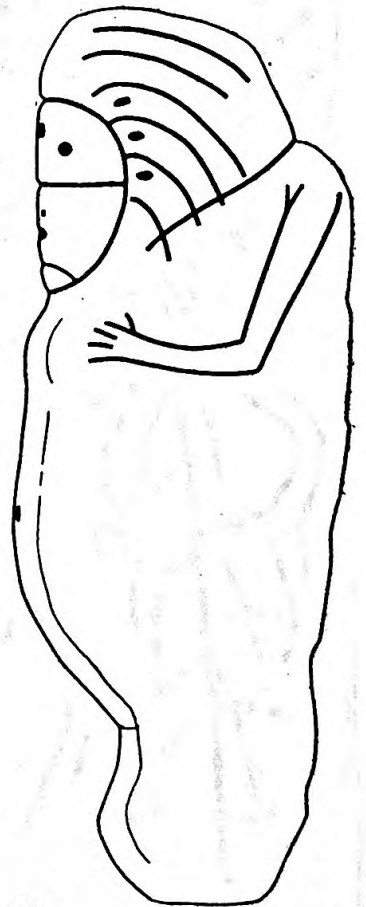

Табл. XXXIV. Изваяния 21—27.

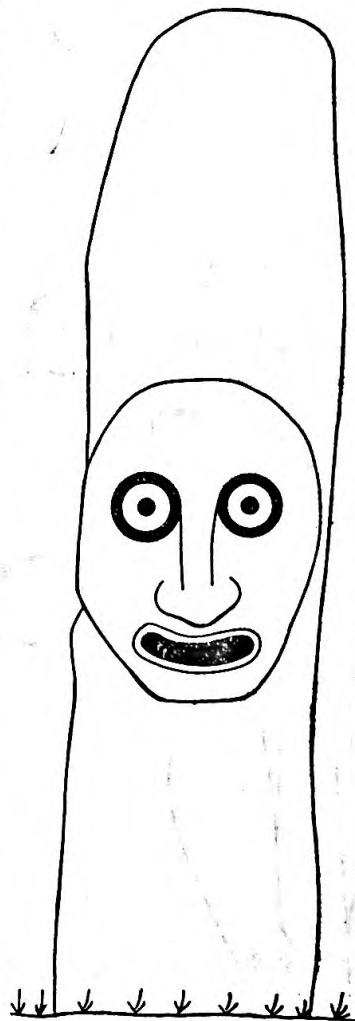
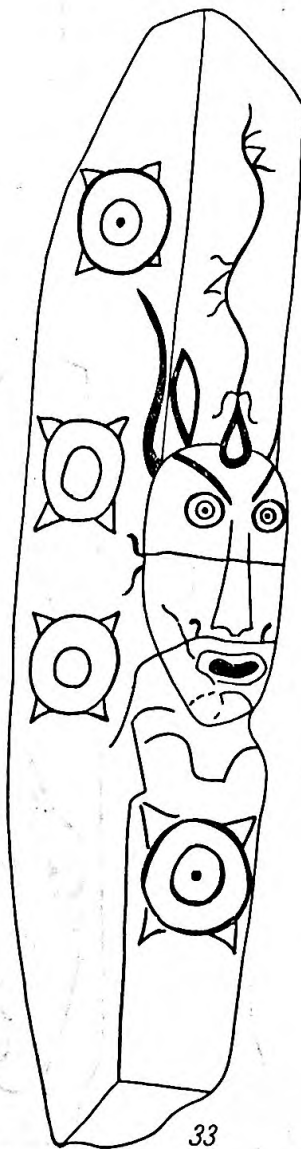
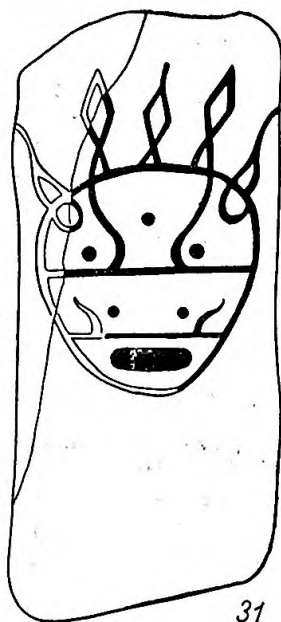
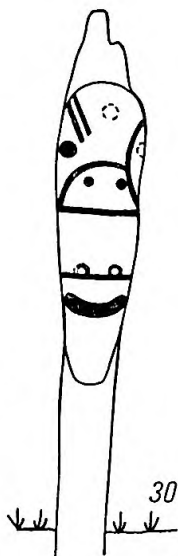
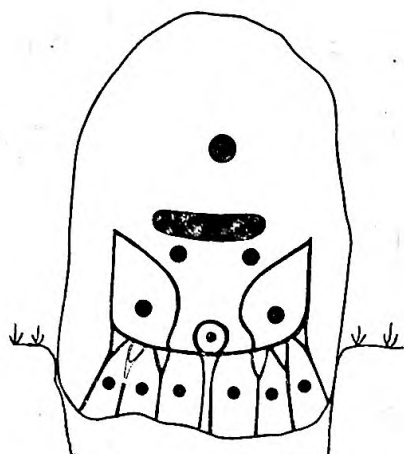
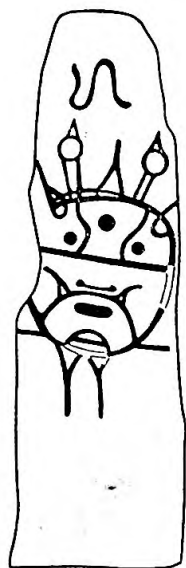
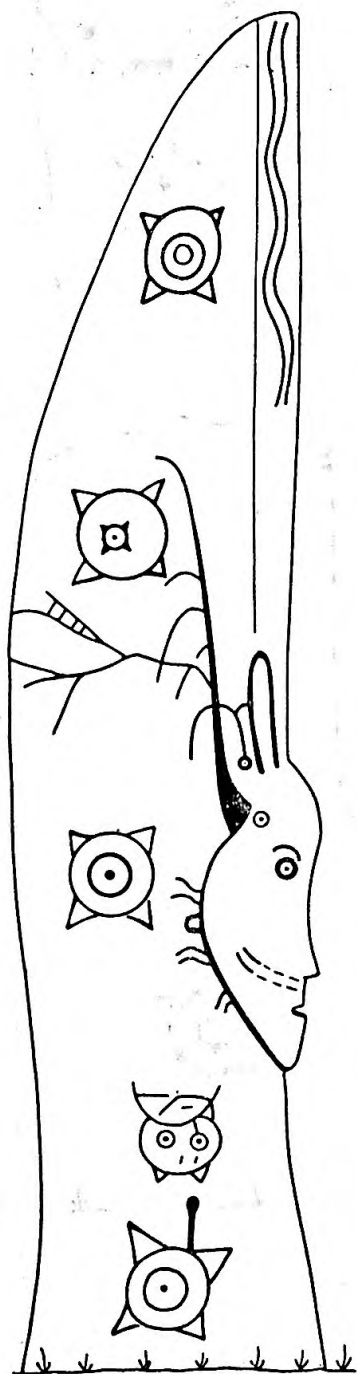
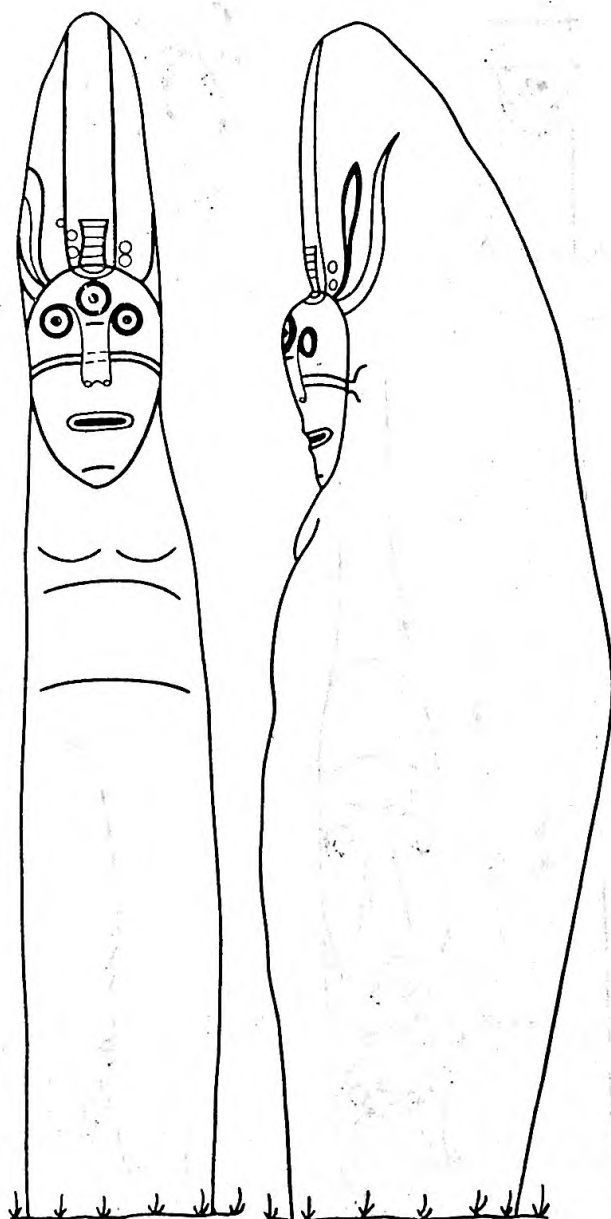

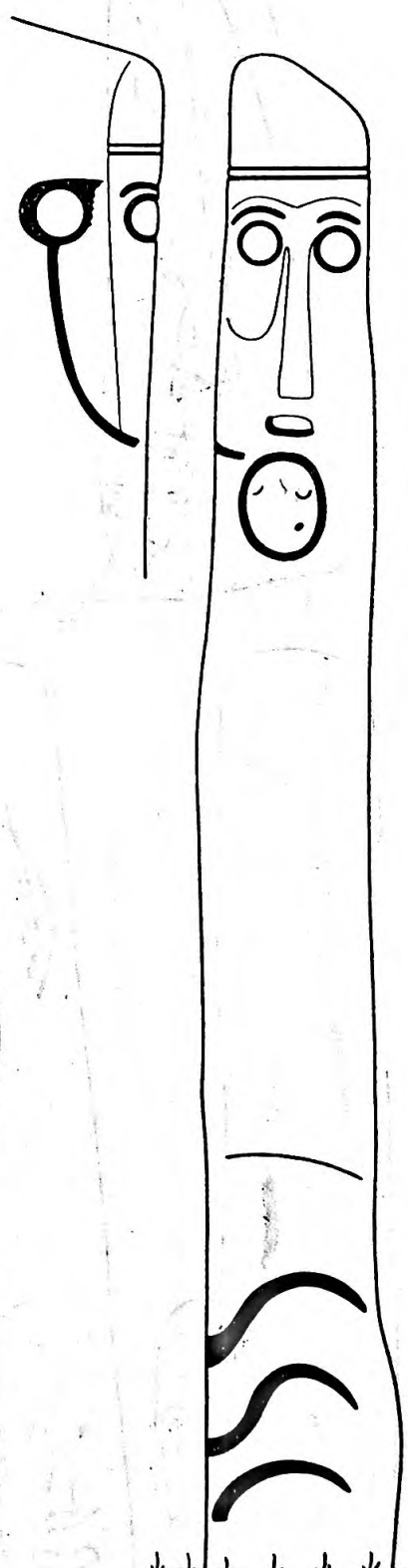
Табл. XXXV. Изваяния 28—34.

35

36

37

Табл. XXXVI. Изваяния 35—37.

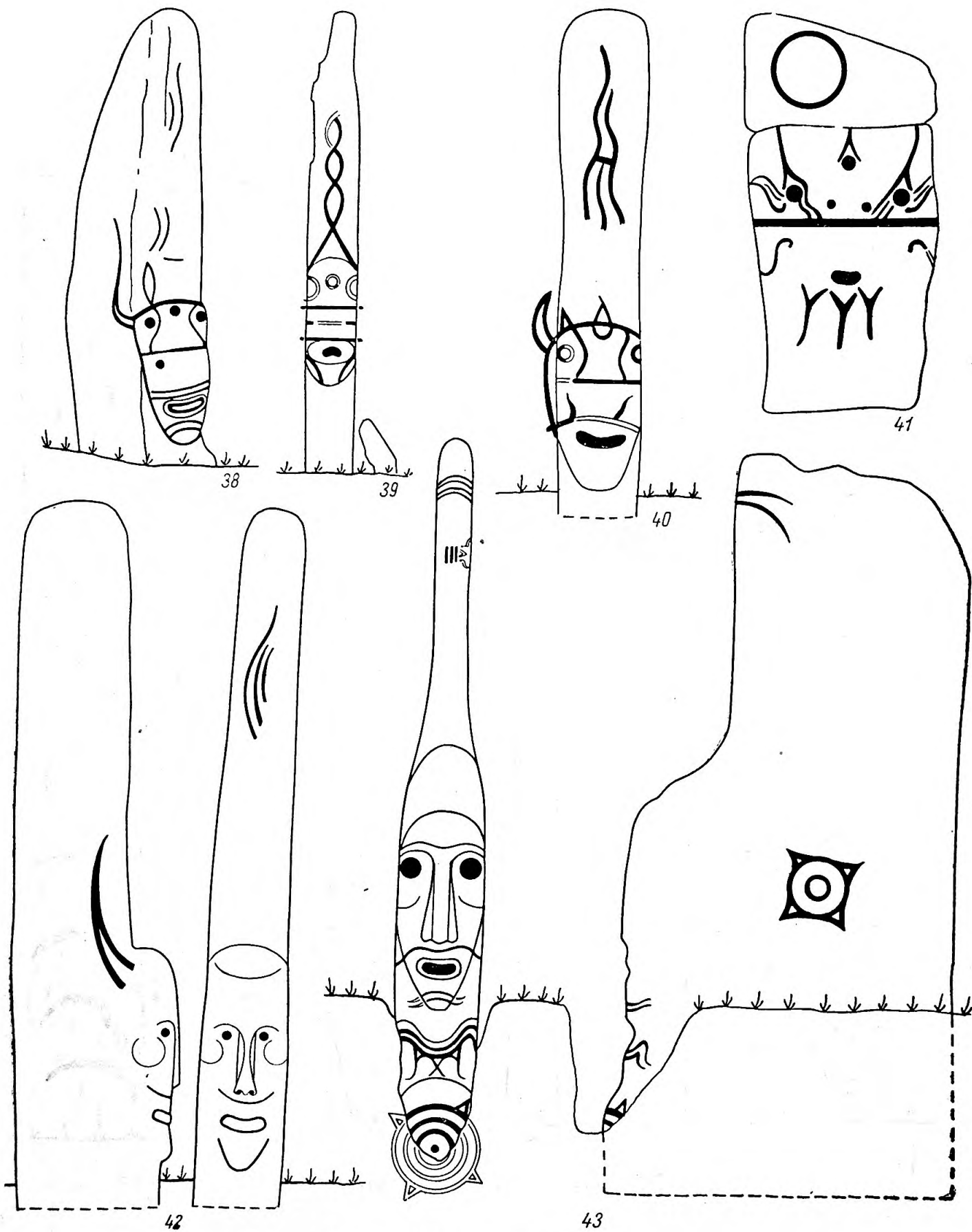

Табл. XXXVII. Изваяния 38—43.

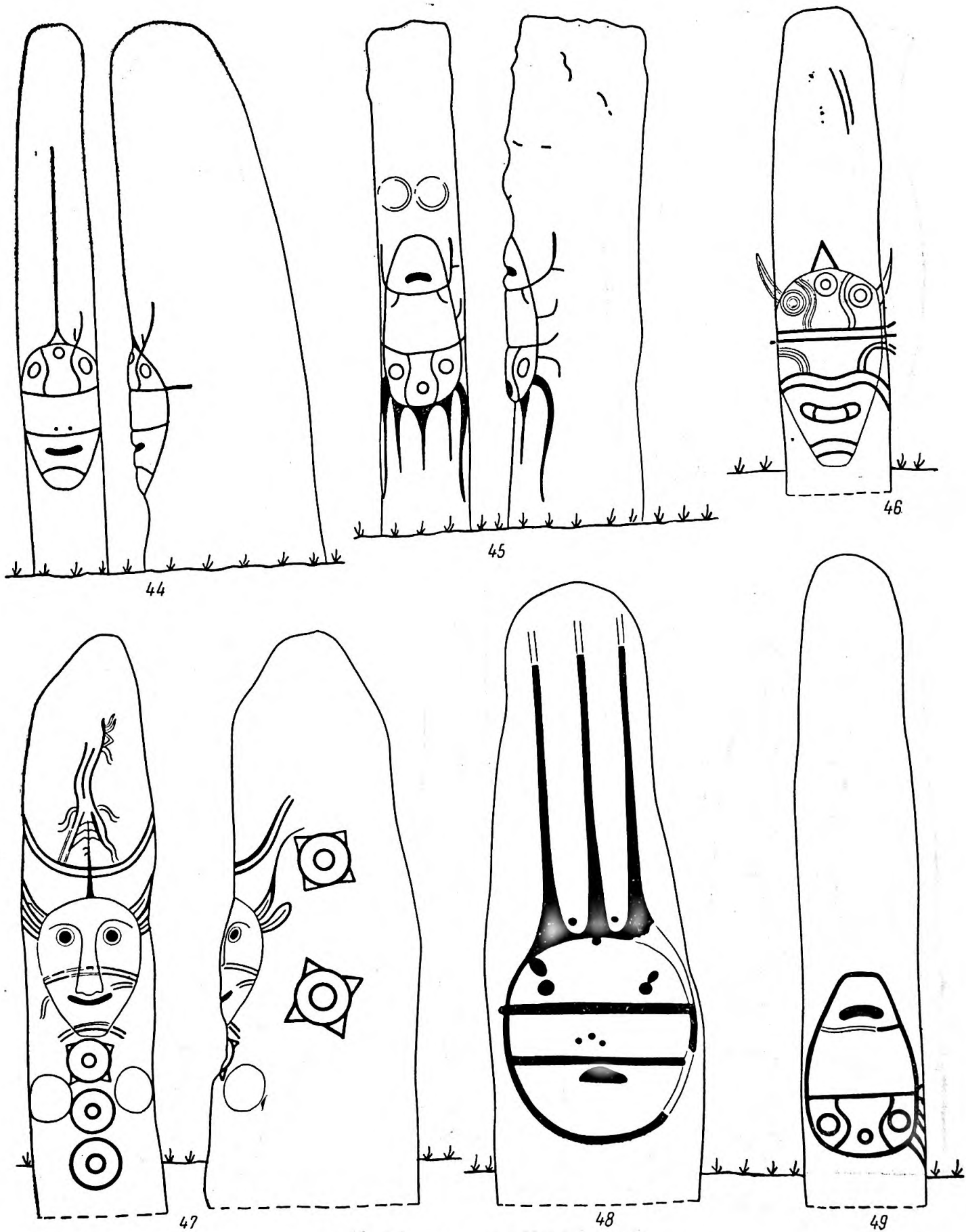
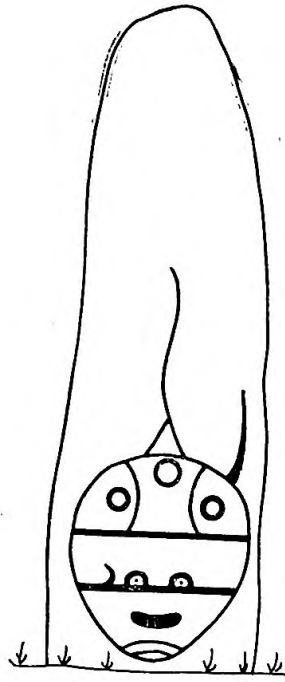

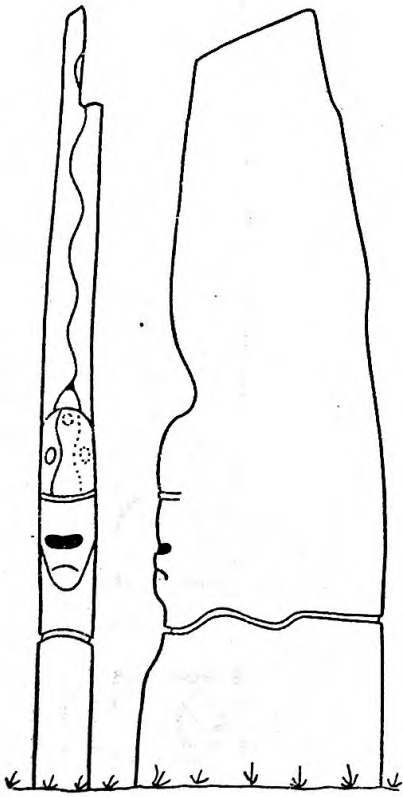
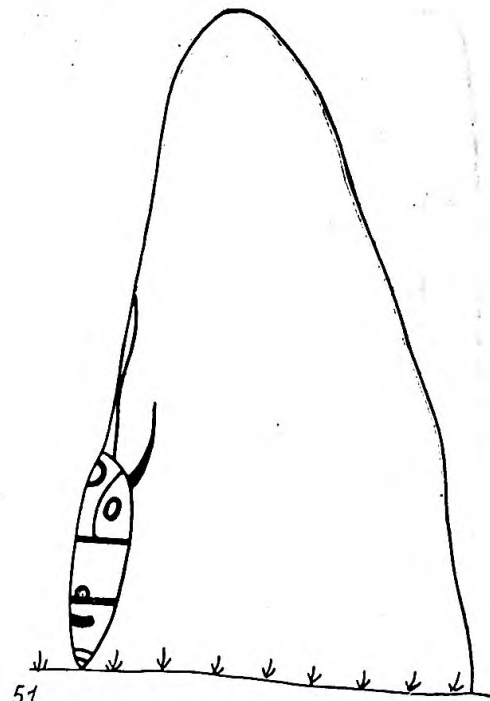
Табл. XXXVIII. Изваяния 44—49.

50

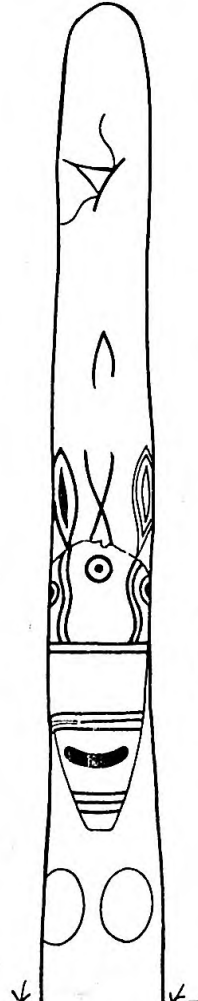
51

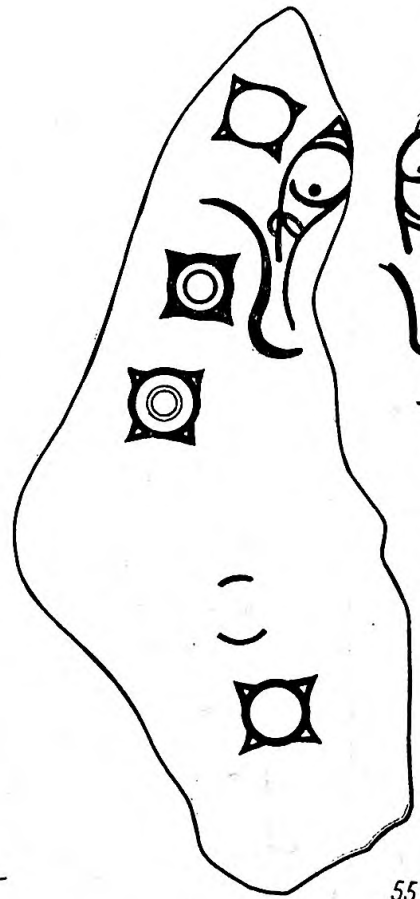
52

53

54

55

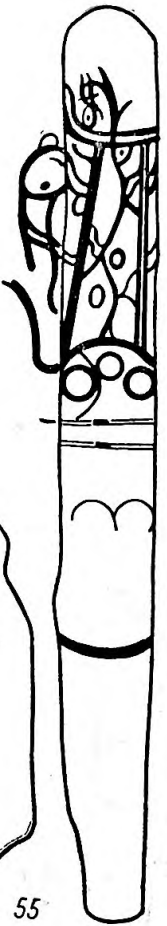
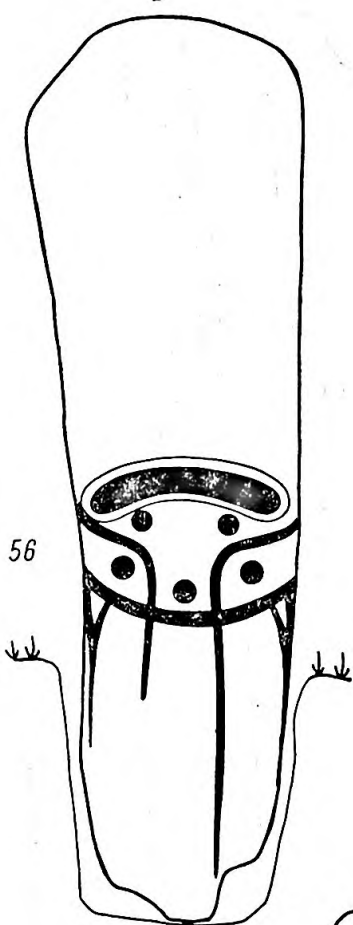
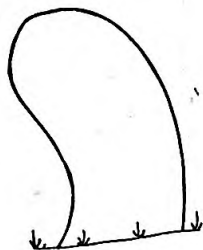
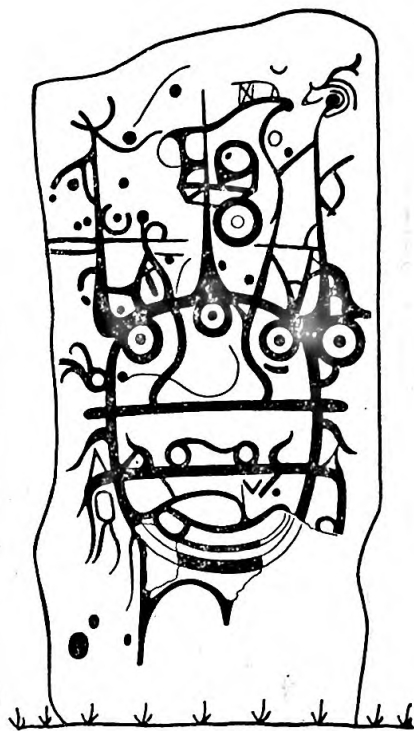

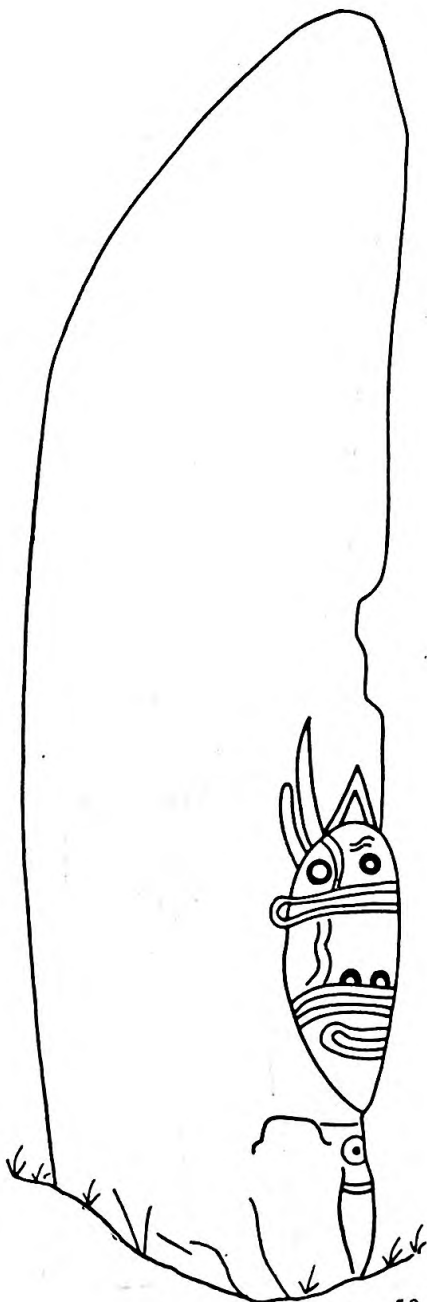
Табл. XXXIX. Изваяния 50—55.

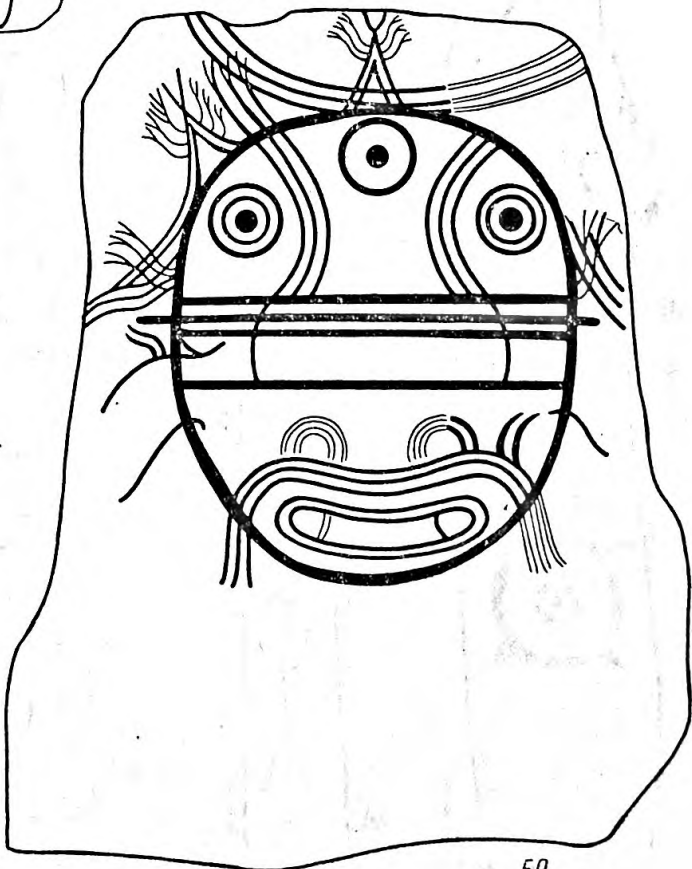
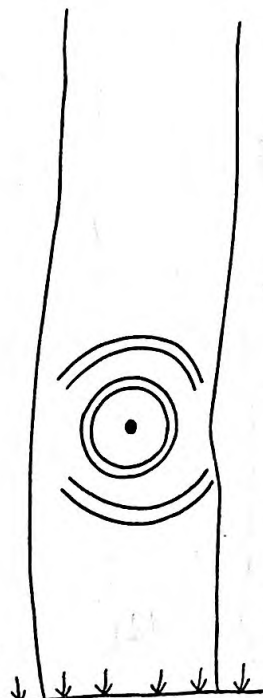
56

57

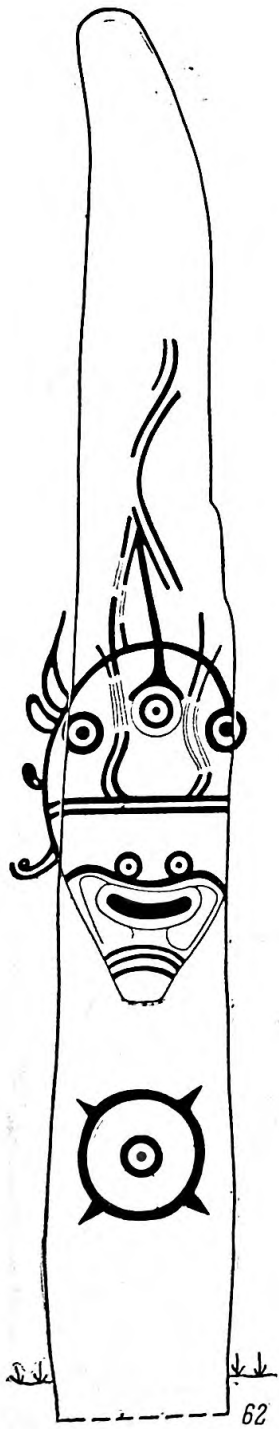

58

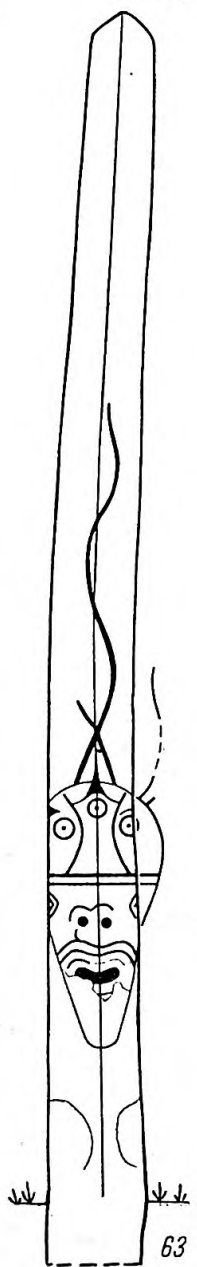

59

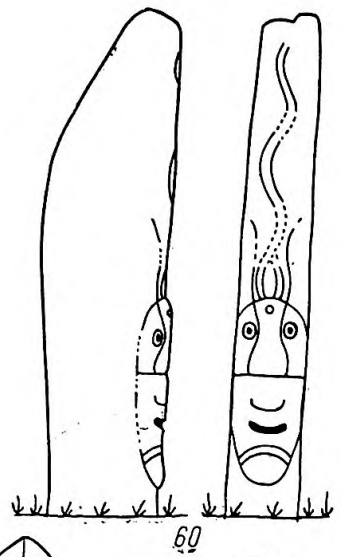
Табл. XI. Изваяния 56—59.

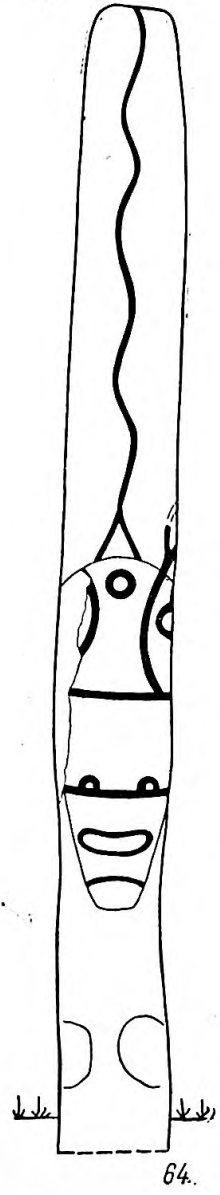
62

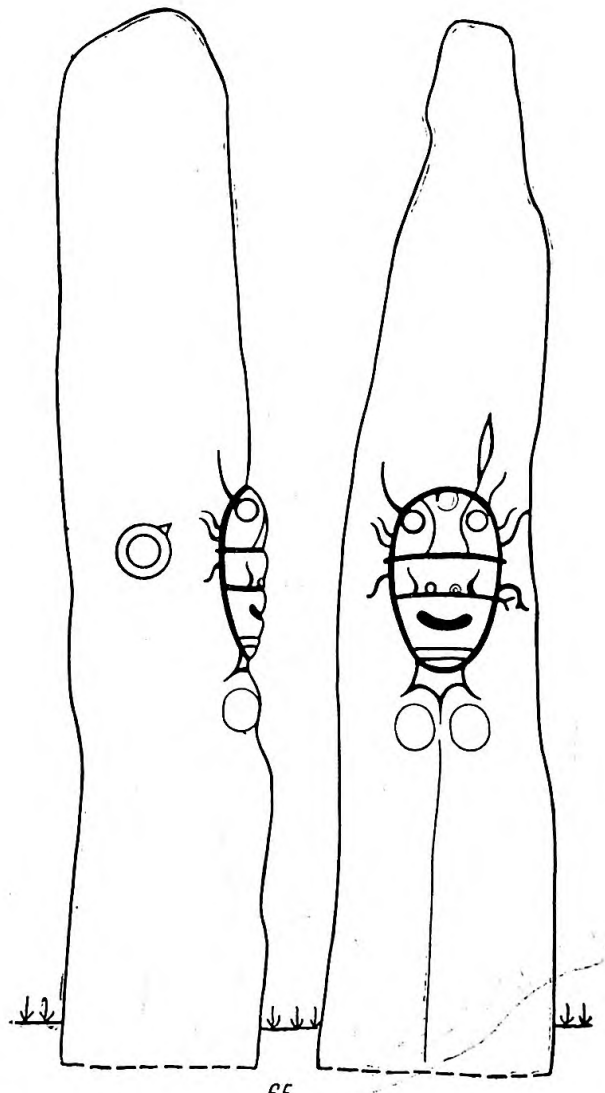
63

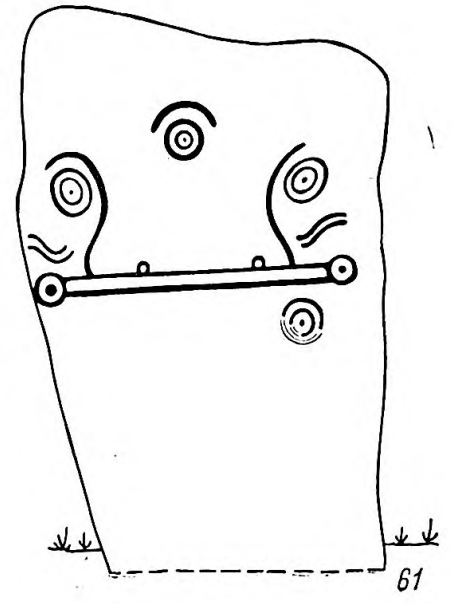
60

64

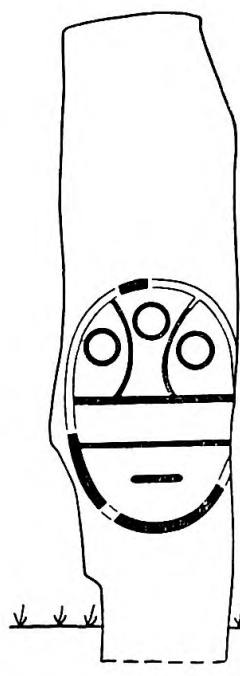

65

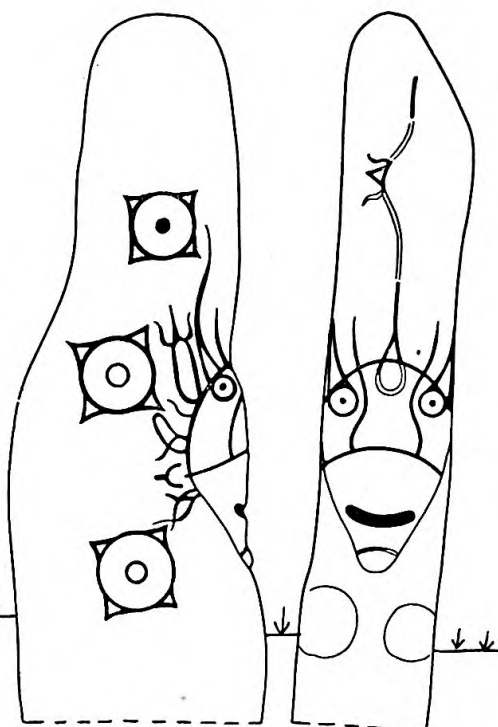

61

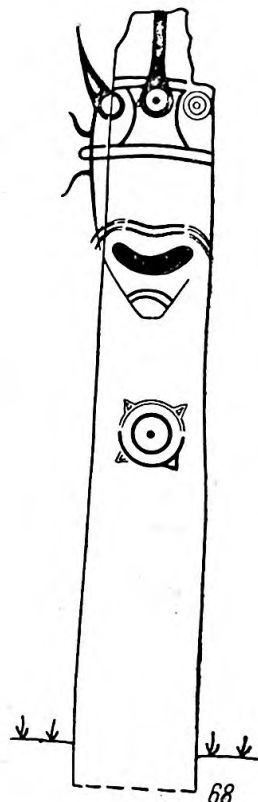
Табл. XLI. Изваяния 60—65.

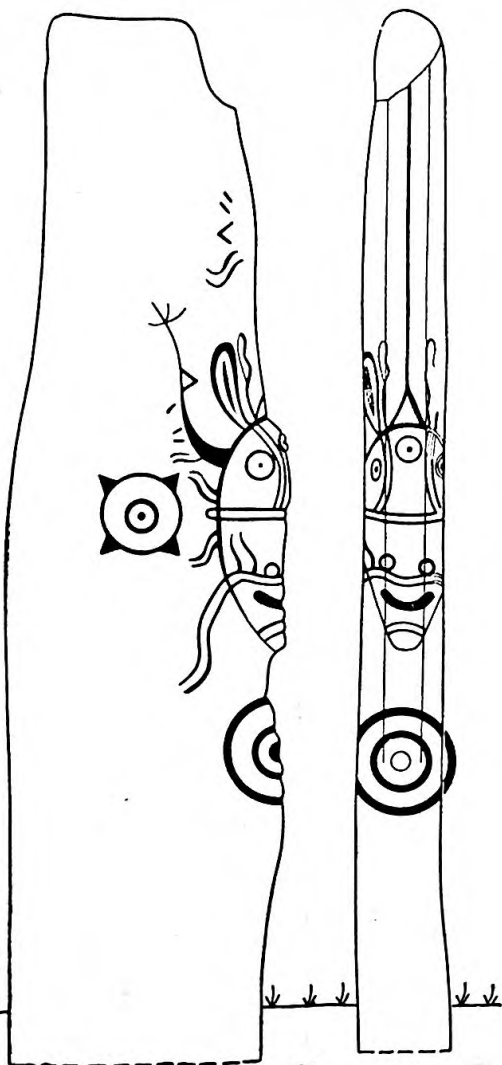
66

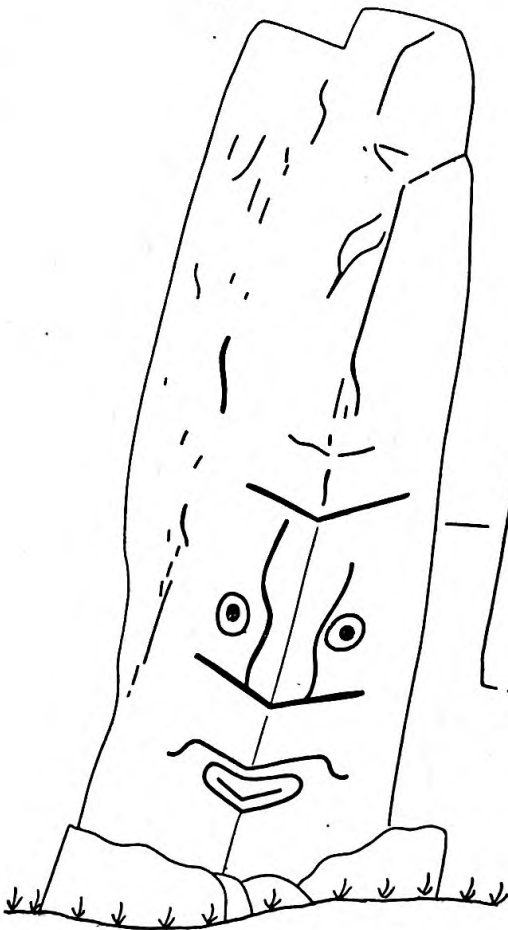
67

68

69

70

Табл. XLII. Изваяния 66—70.

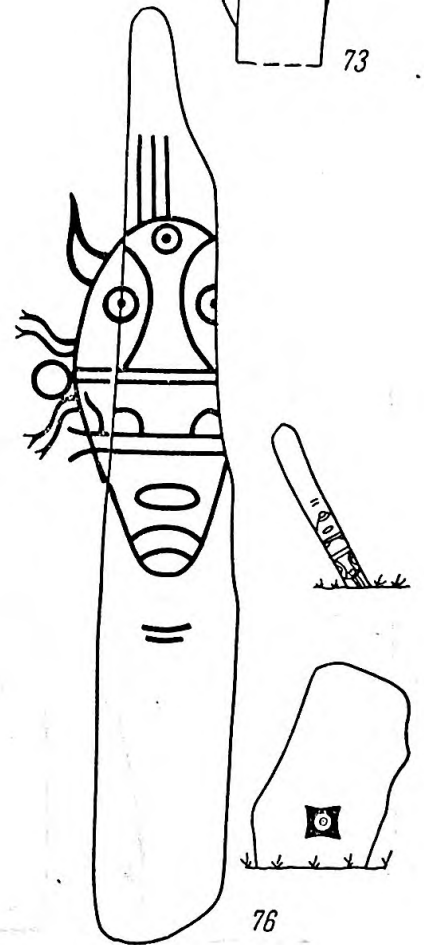
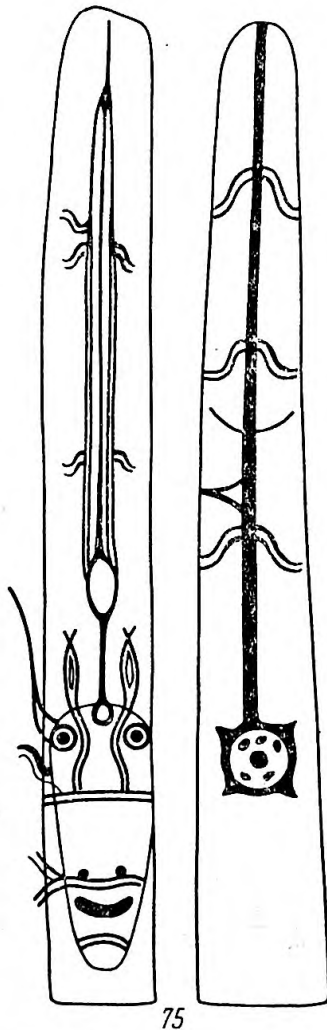
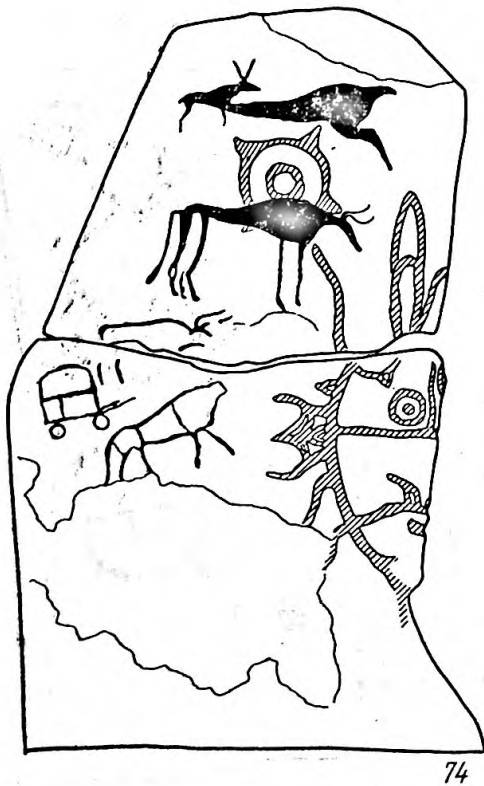
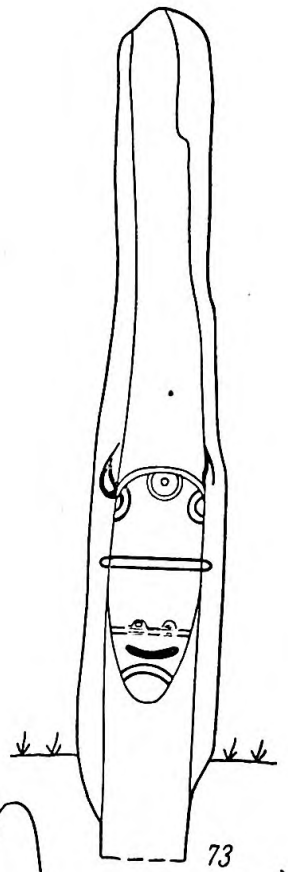
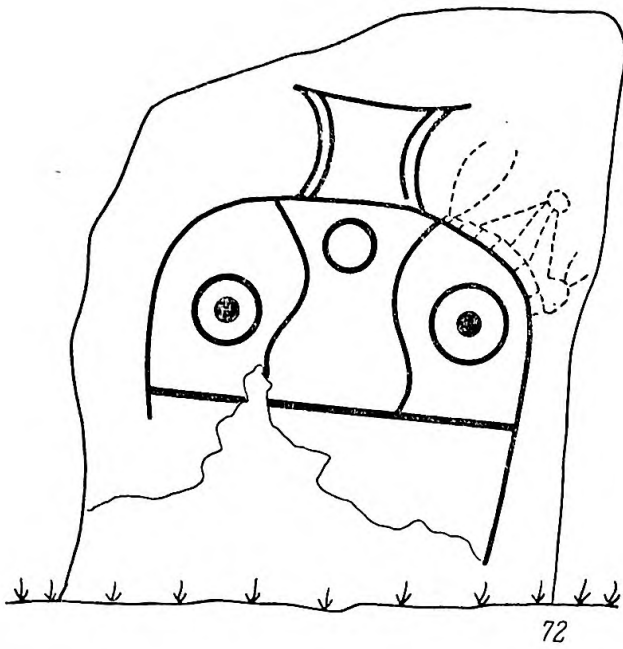
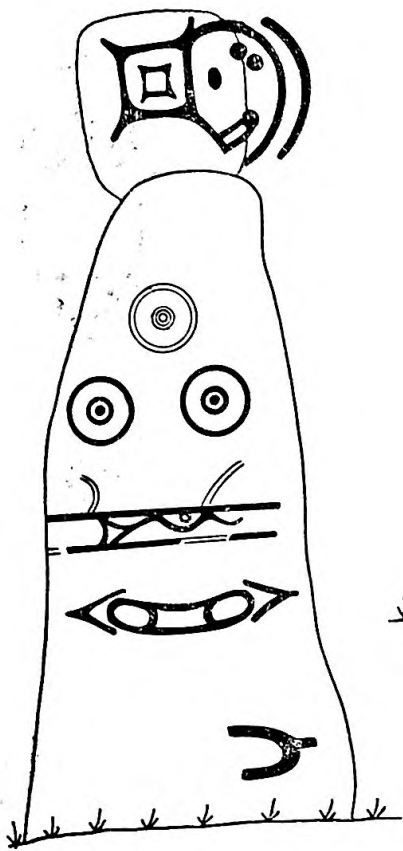

Табл. XLIII. Изваяния 71—76.

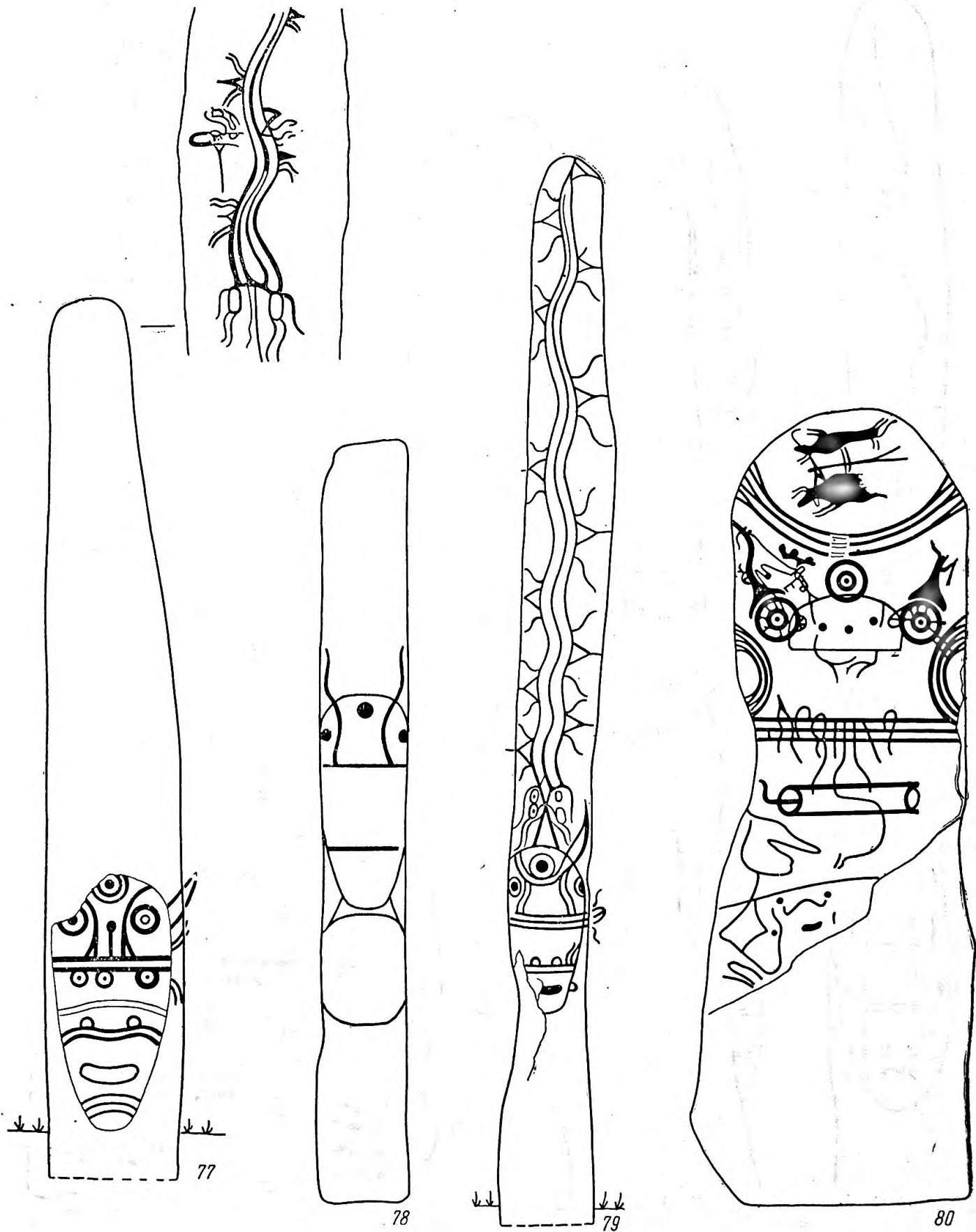

Табл. XLIV. Изваяния 77—80.

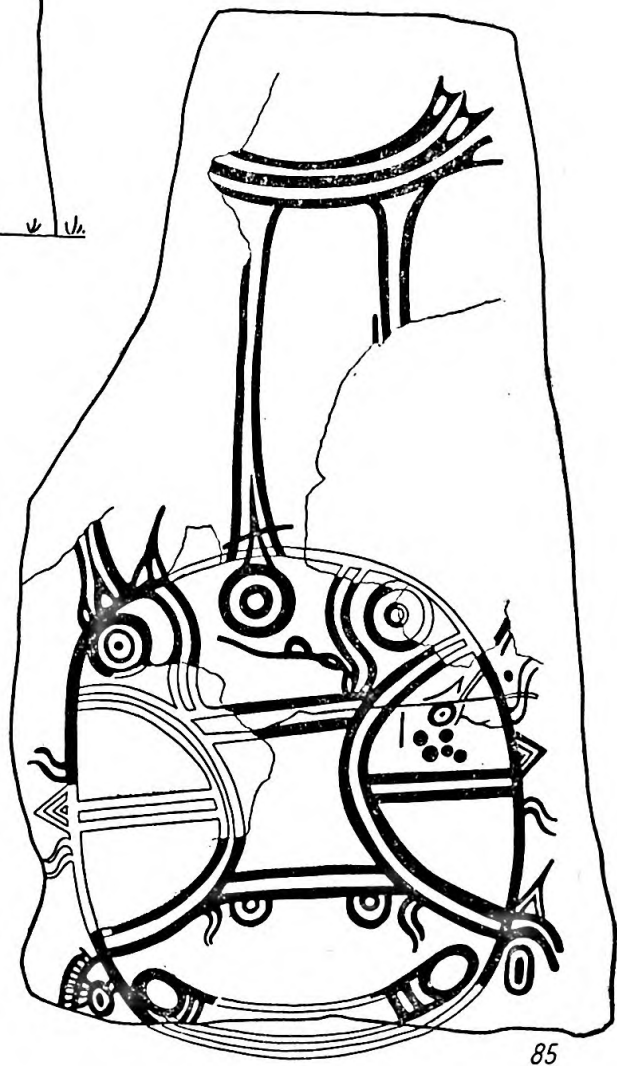
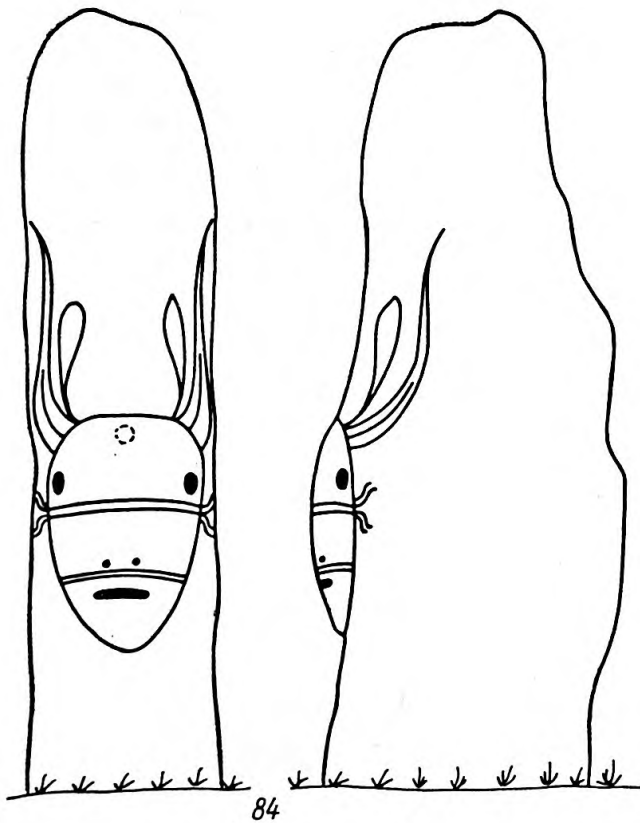
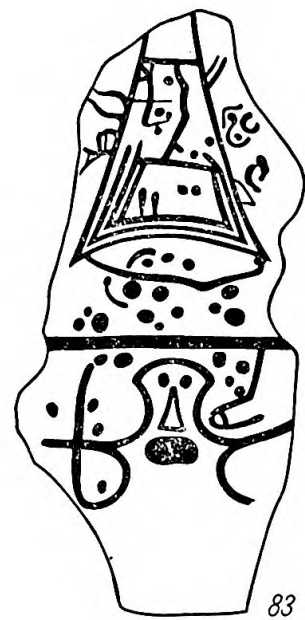
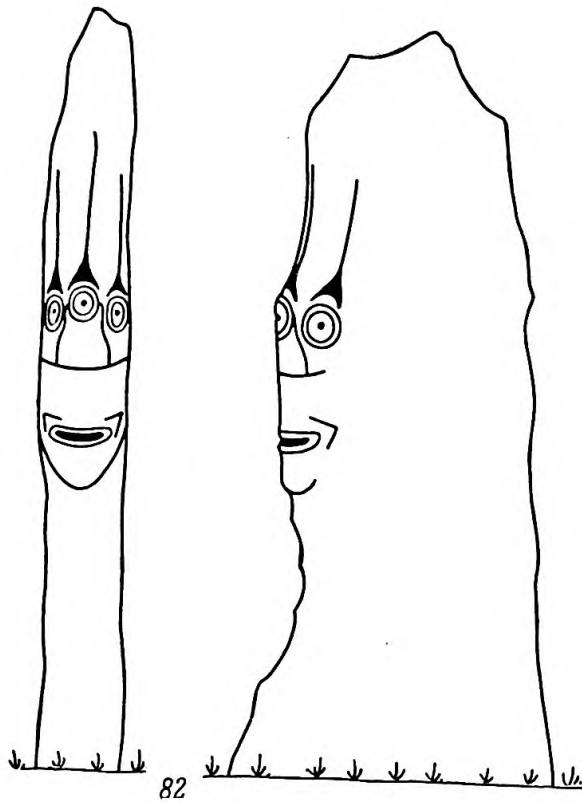
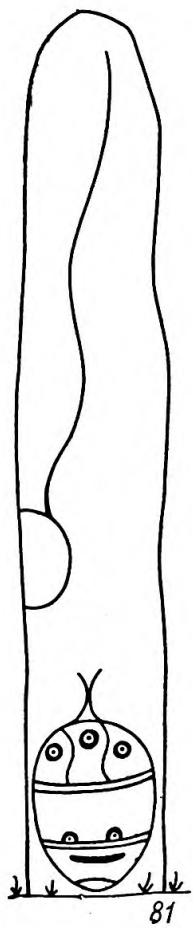

Табл. XLV. Изваяния 81—85.

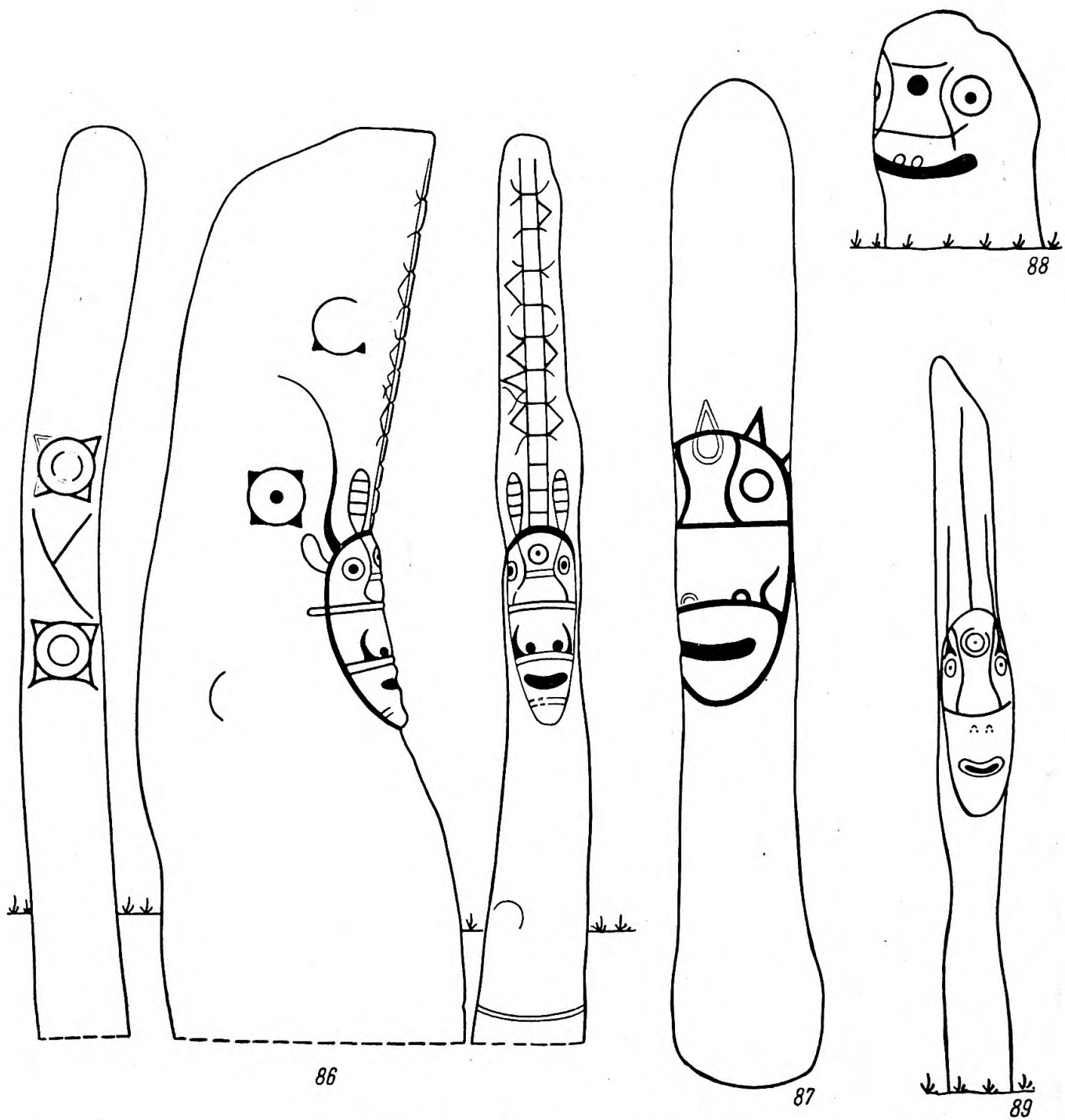
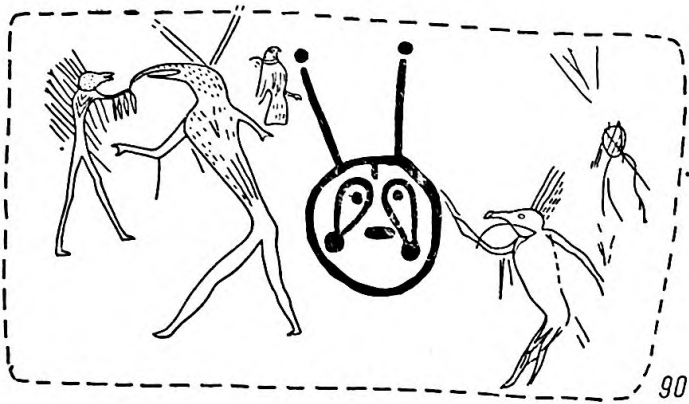
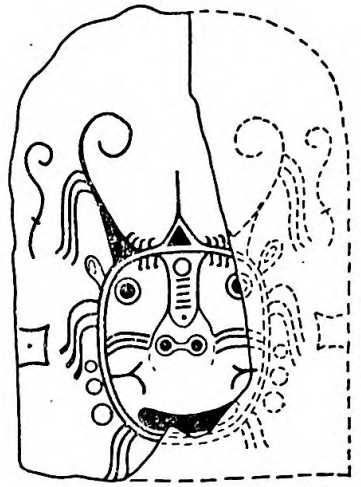

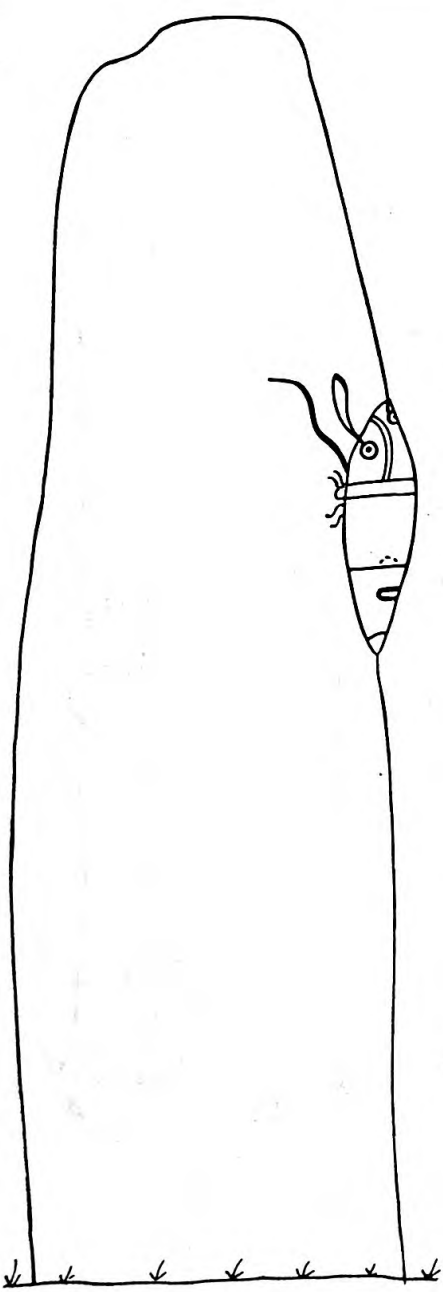
Табл. XLVI. Изваяния 86—89.

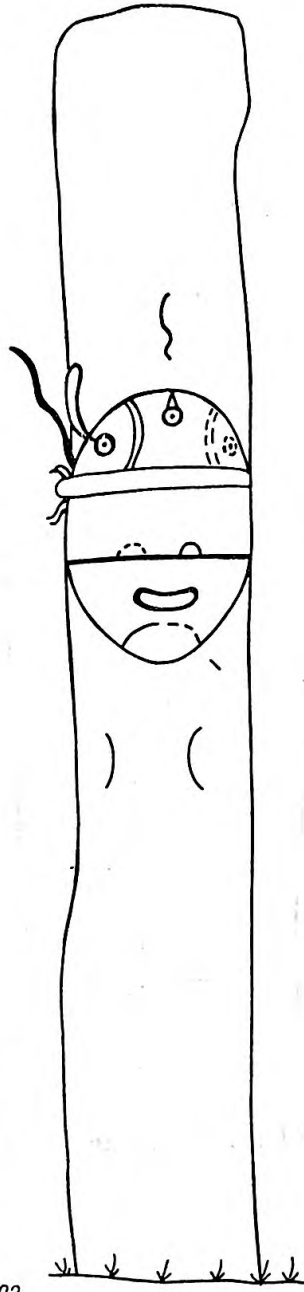
90

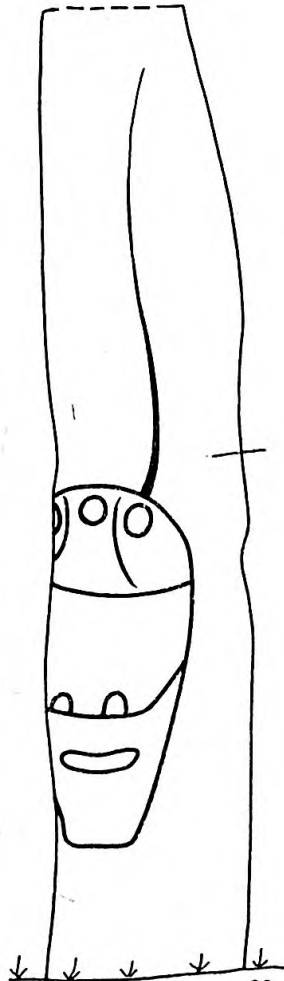
91

92

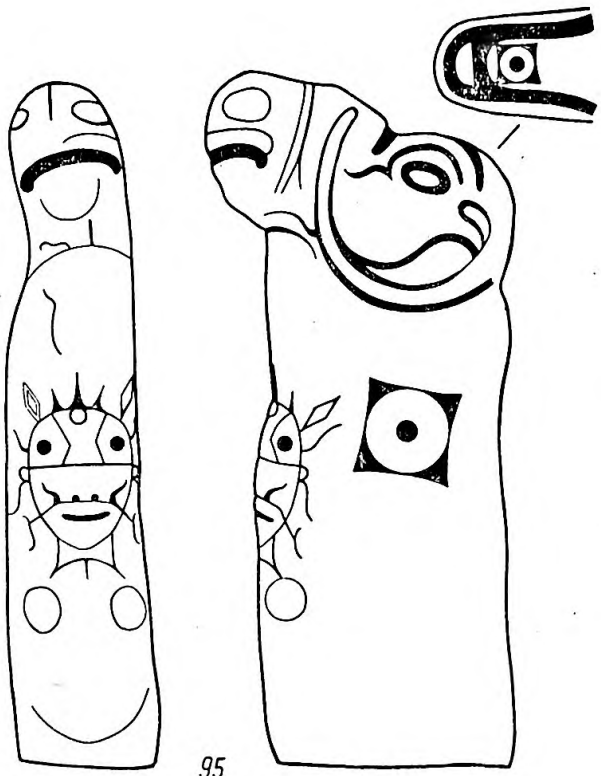

93

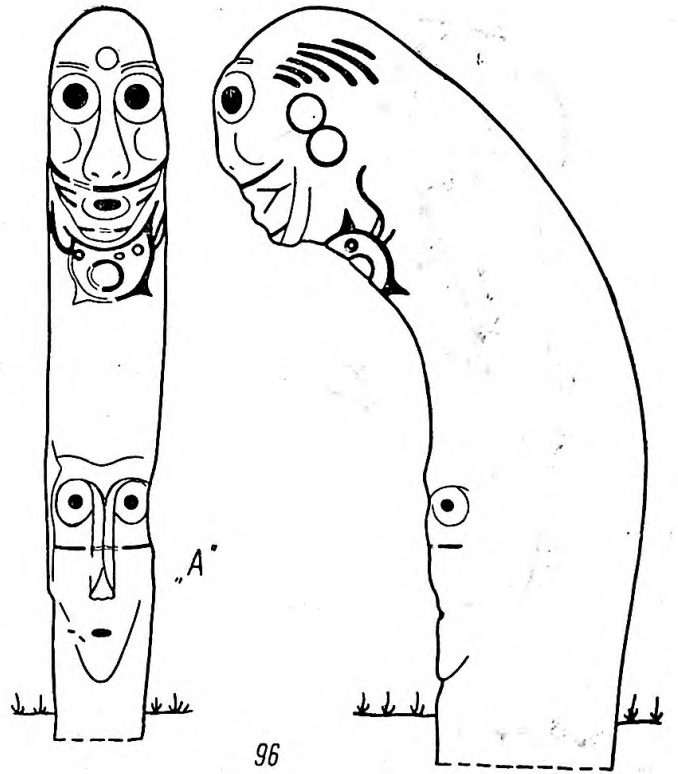

94

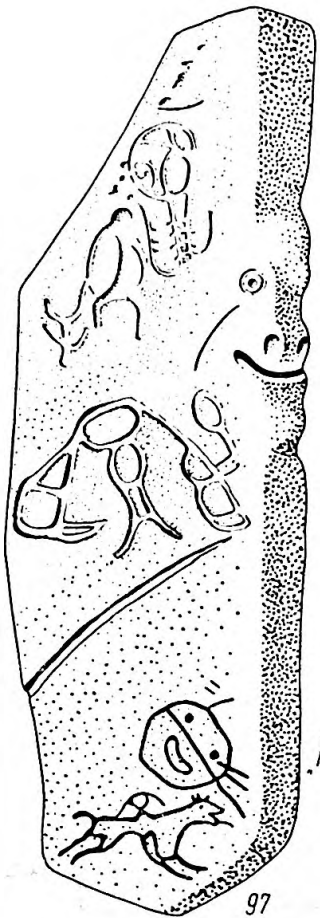
Табл. XLVII. Изваяния 90—94.

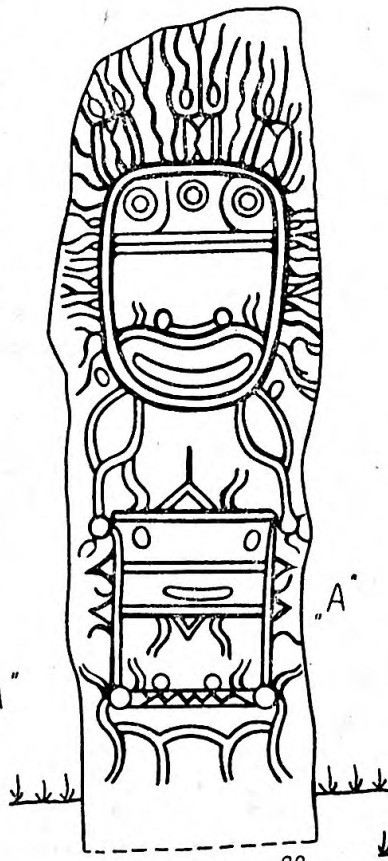
95

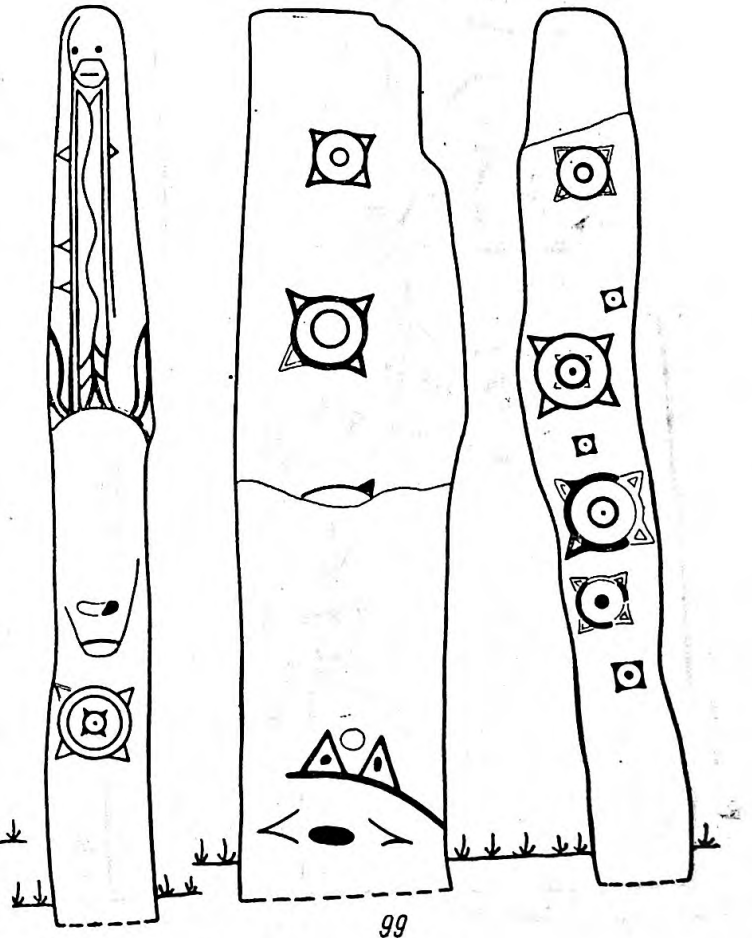
96

97

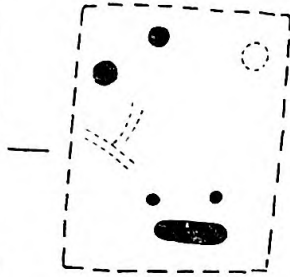
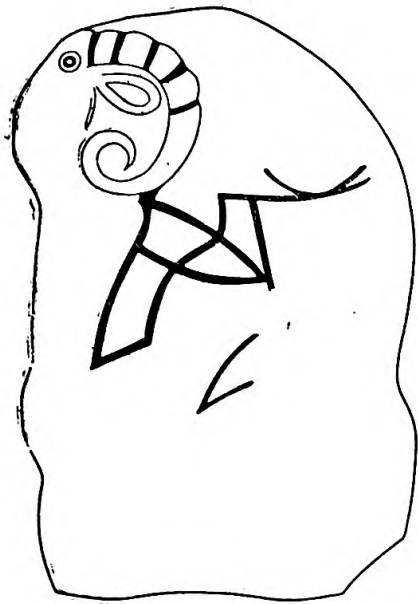

98

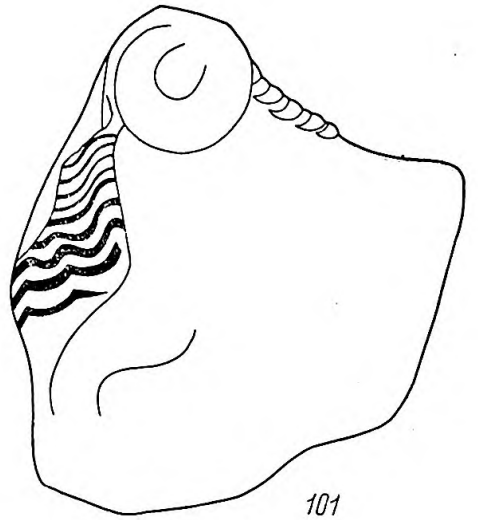

99

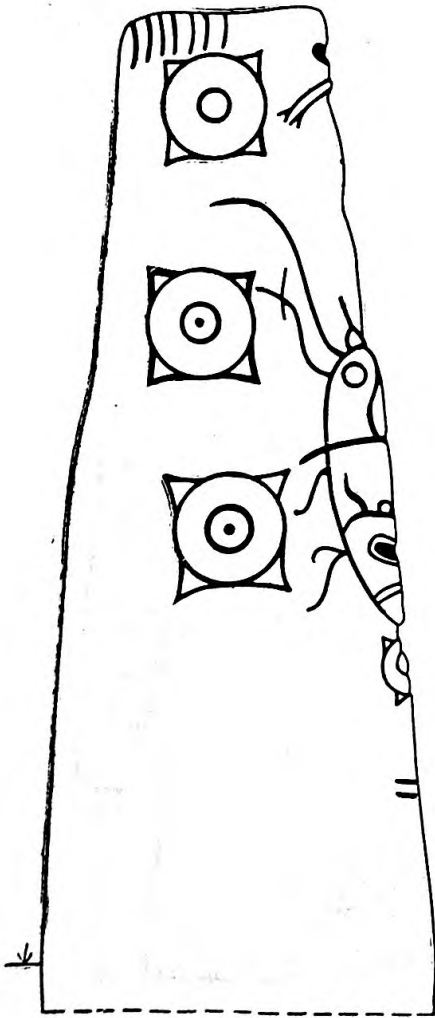
Табл. XLVIII. Изваяния 95—99.

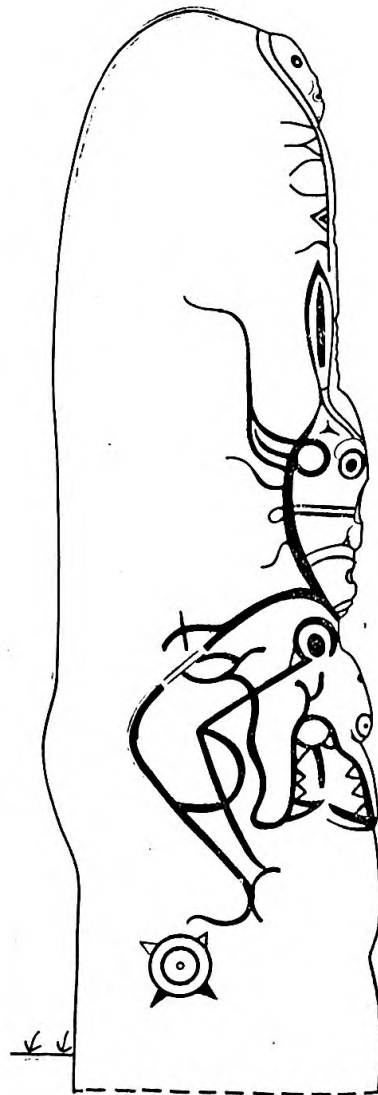
100

101

102

103

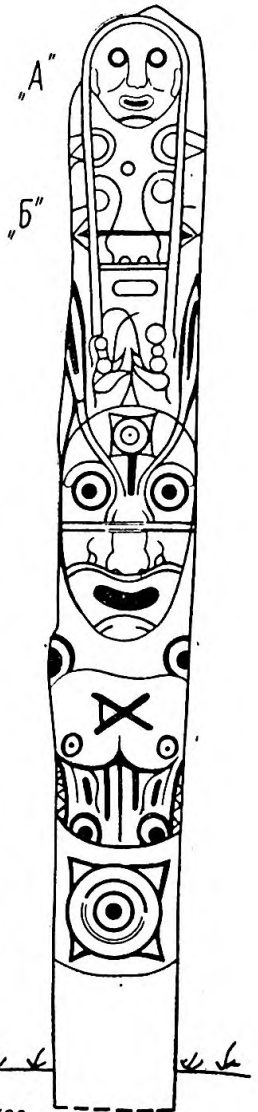
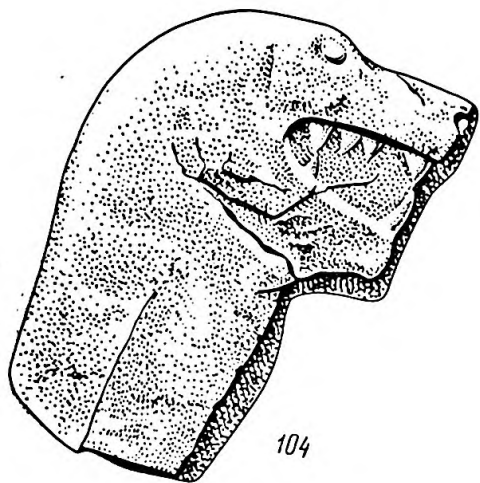
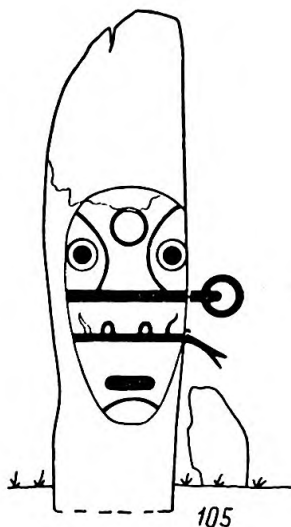

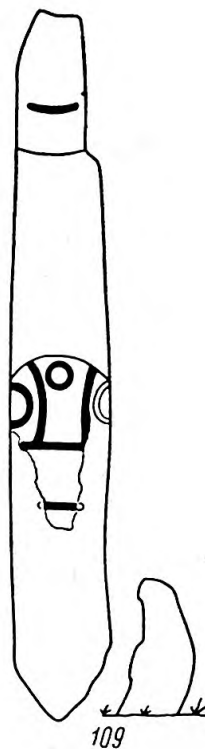
Табл. XLIX. Изваяния 100—103.

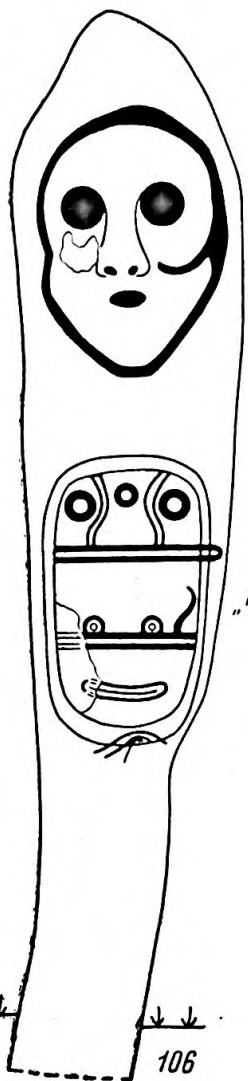
104

105

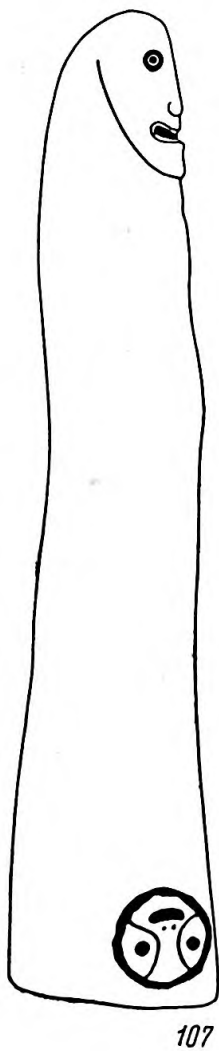

109

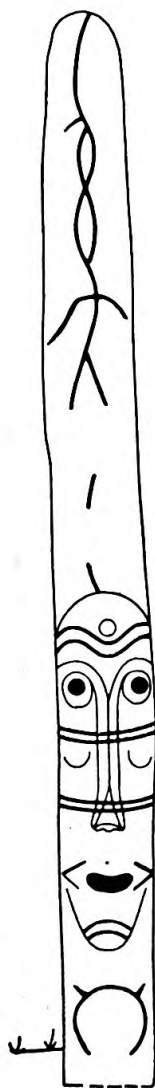
106

"A"

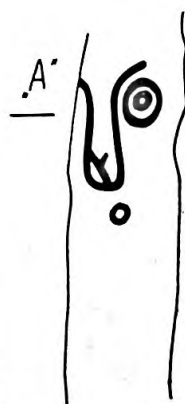
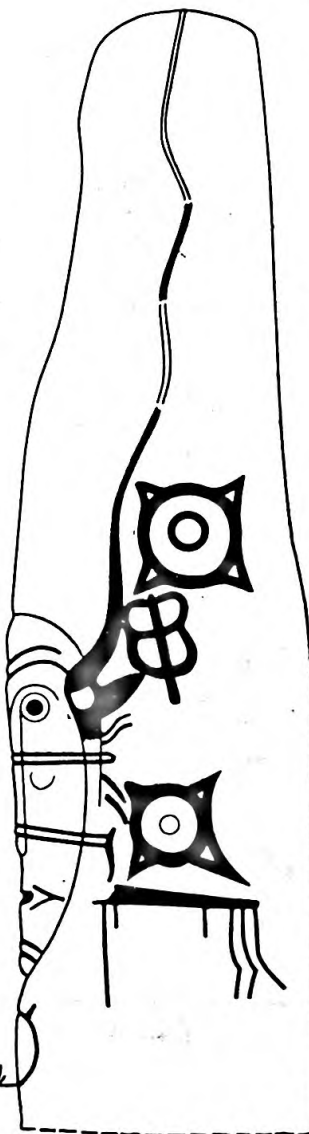

107

"A"

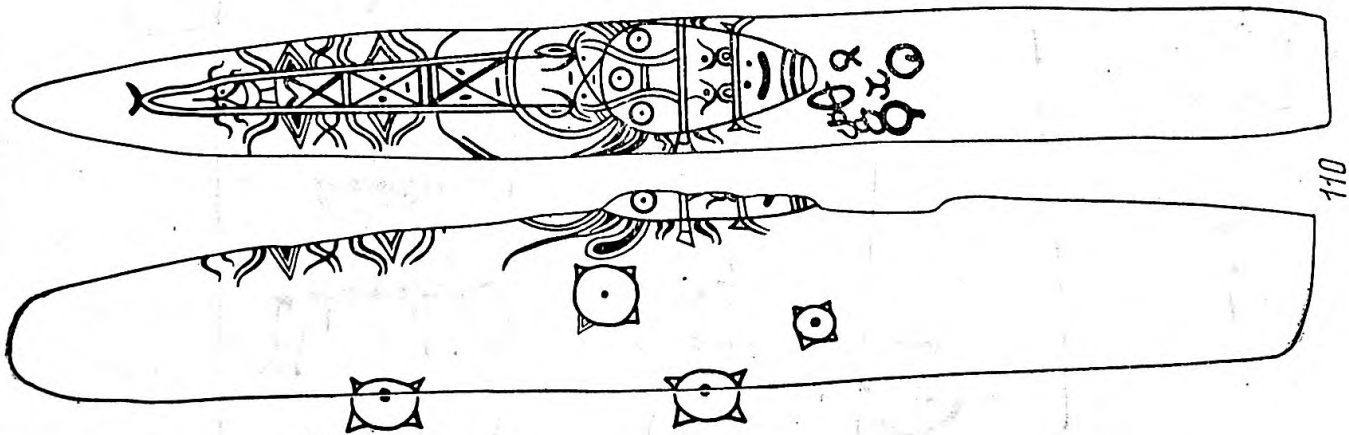

108

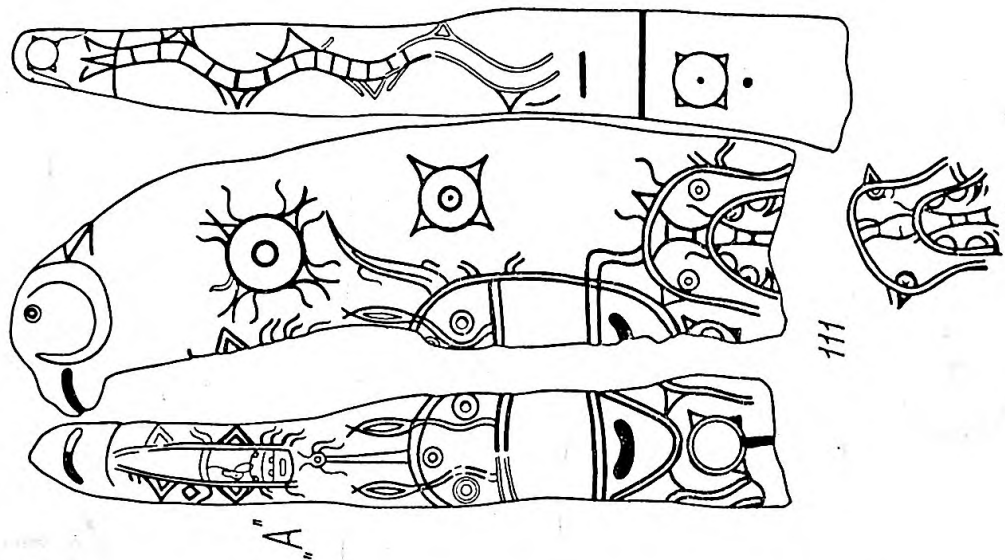

"A"

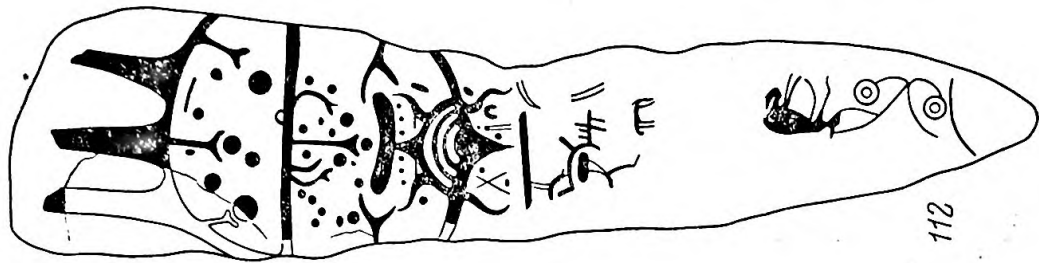
Табл. Л. Изваяния 104—109.

110

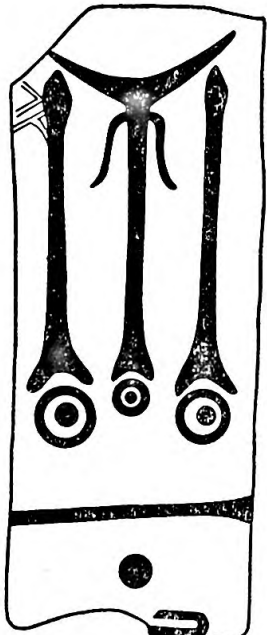

111

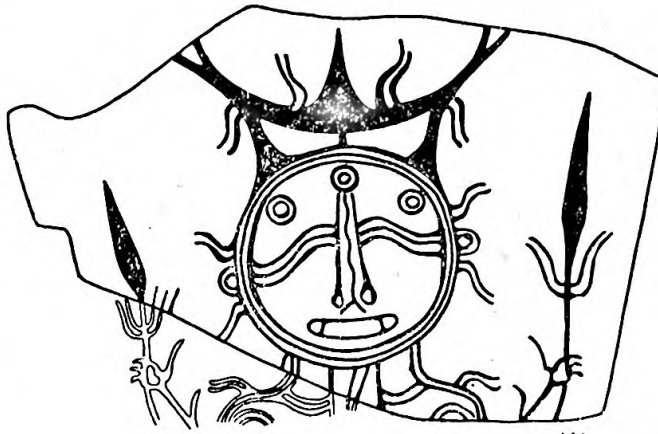

112

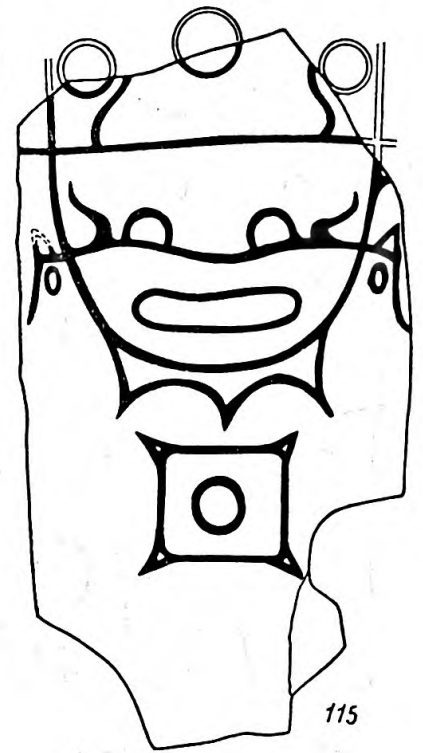
Табл. LI. Изваяния 110—112.

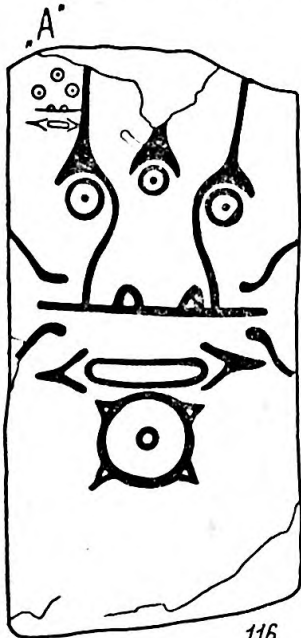
113

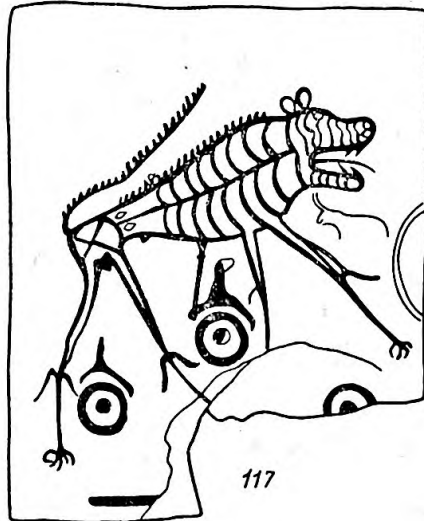
114

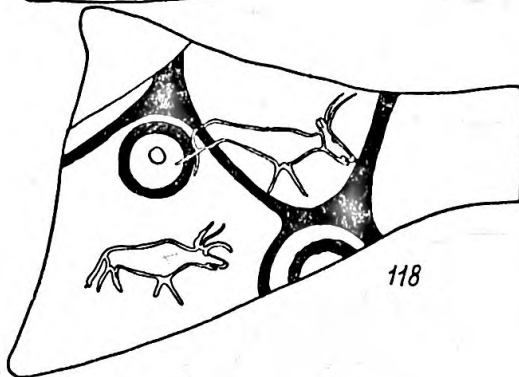
115

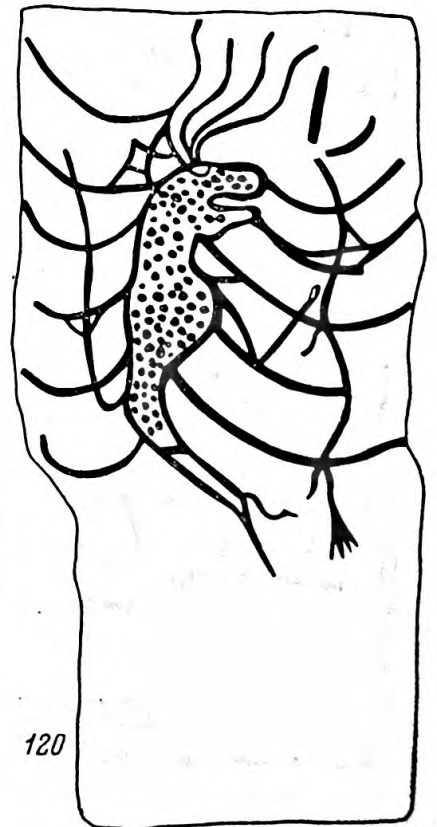
116

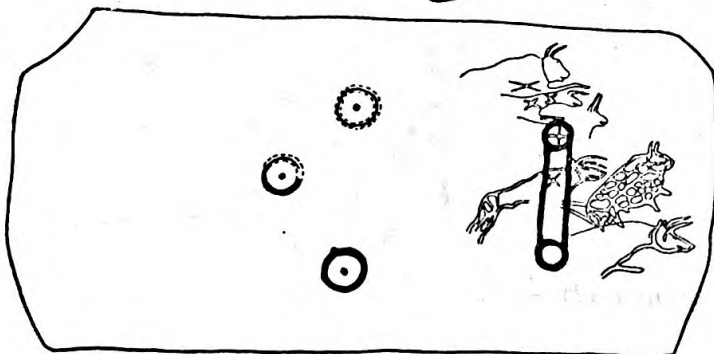
117

118

120

119

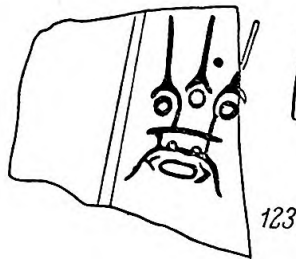
Табл. LII. Изваяния 113—120.

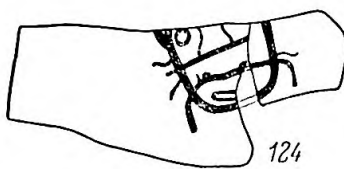
121

122

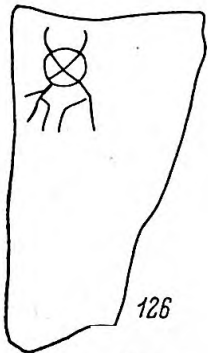
123

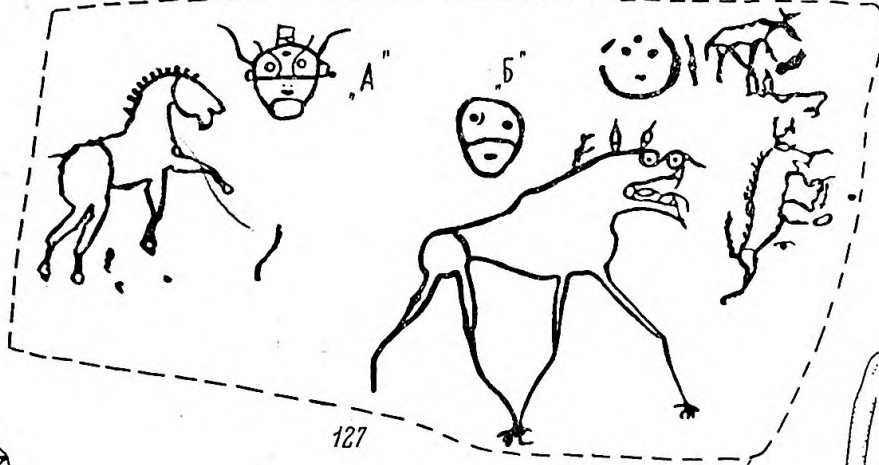
124

125

126

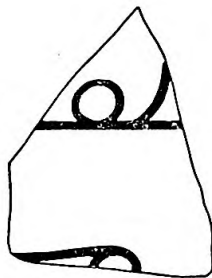
127

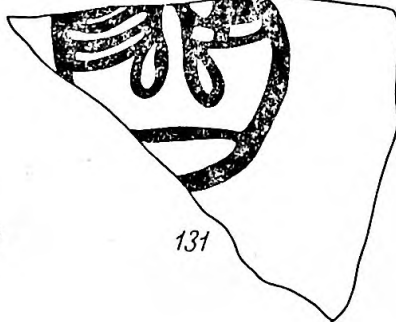
128

129

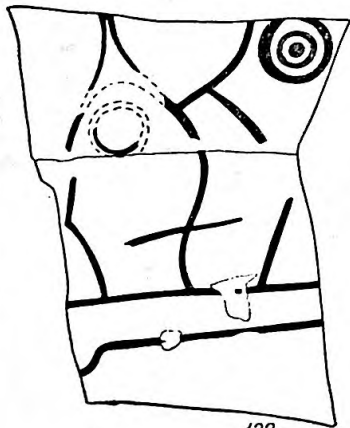
130

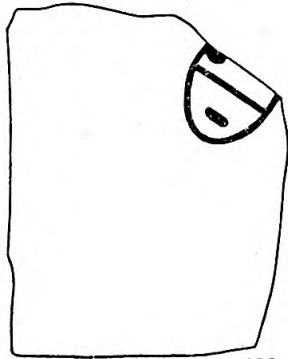
131

136

132

133

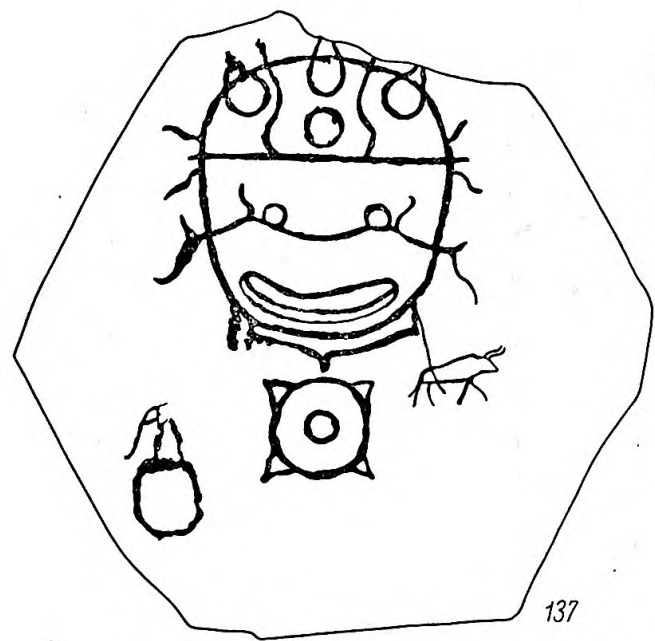

134

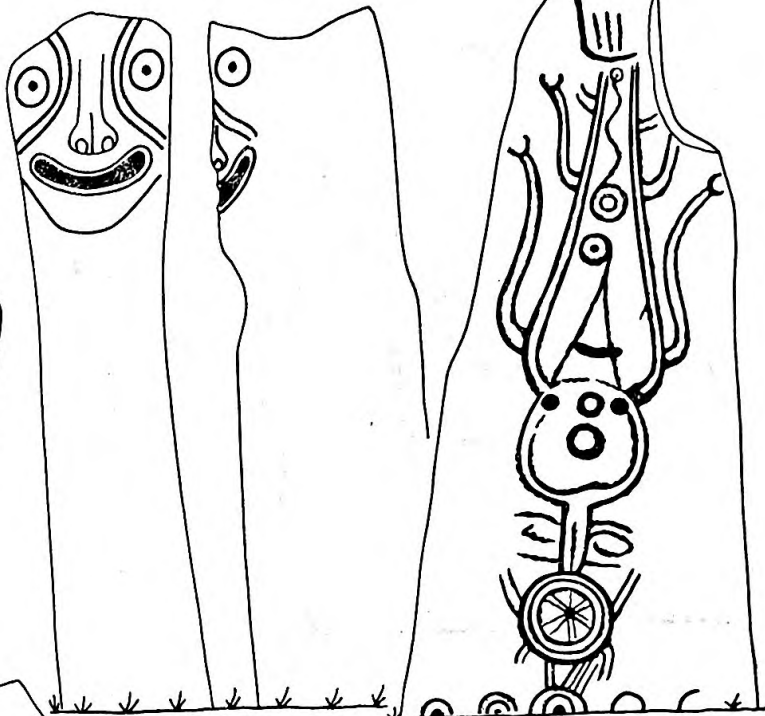

135

Табл. LIII. Изваяния 121—136.

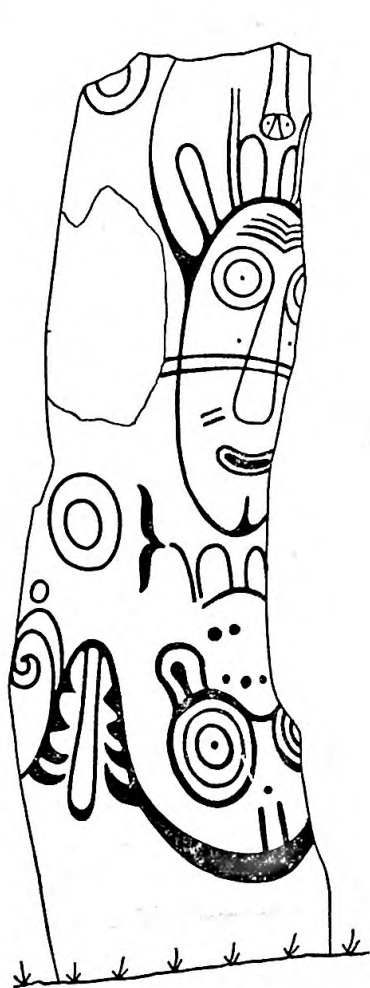

137

138

139

140

141

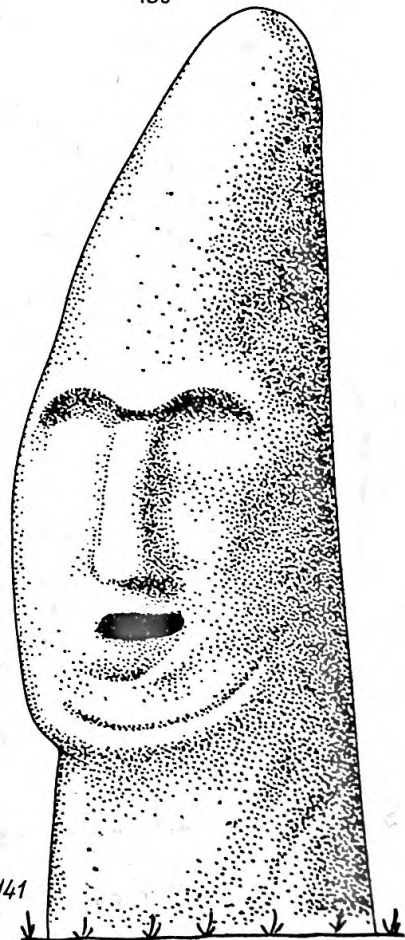

Табл. LIV. Изваяния 137—141.

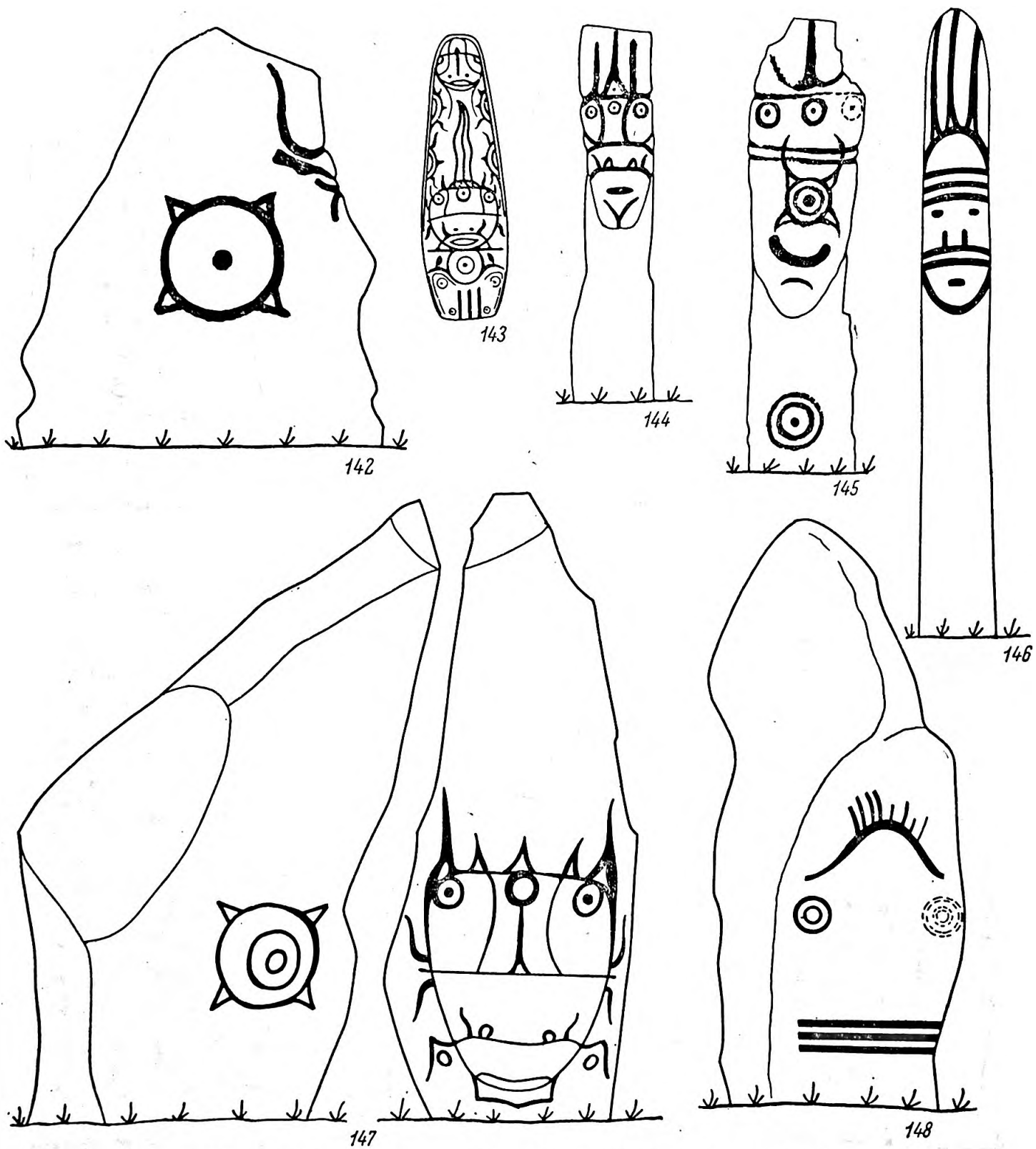
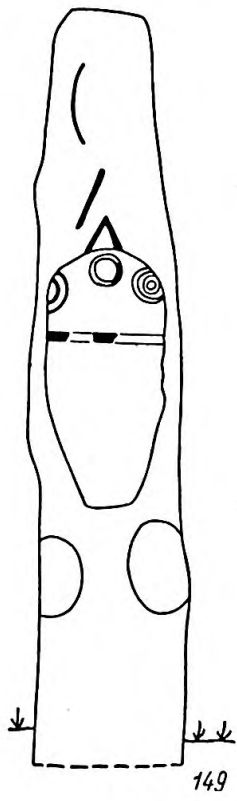
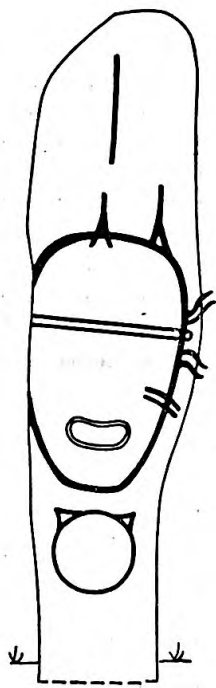

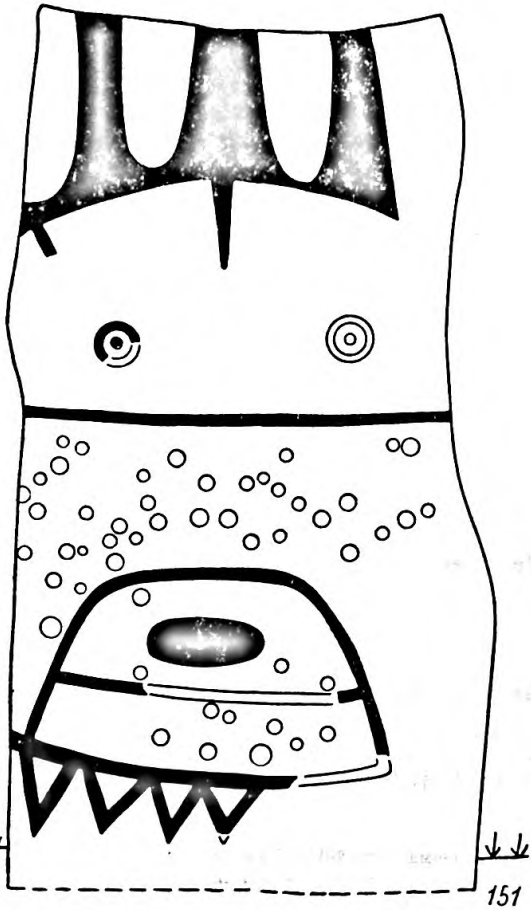
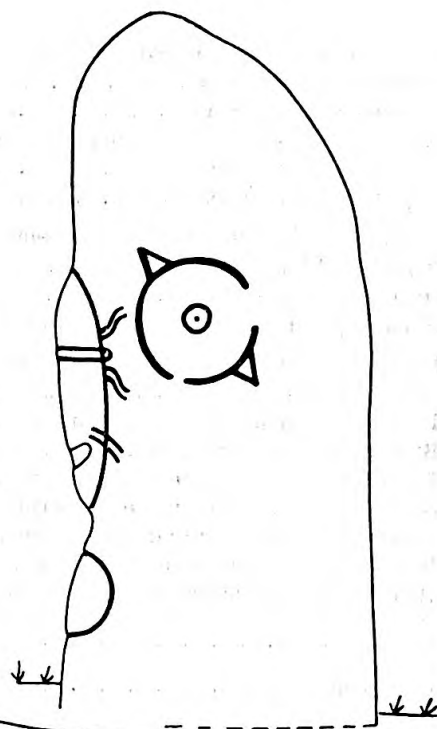
Табл. LV. Изваяния, не включенные в классификацию, — 142—148.

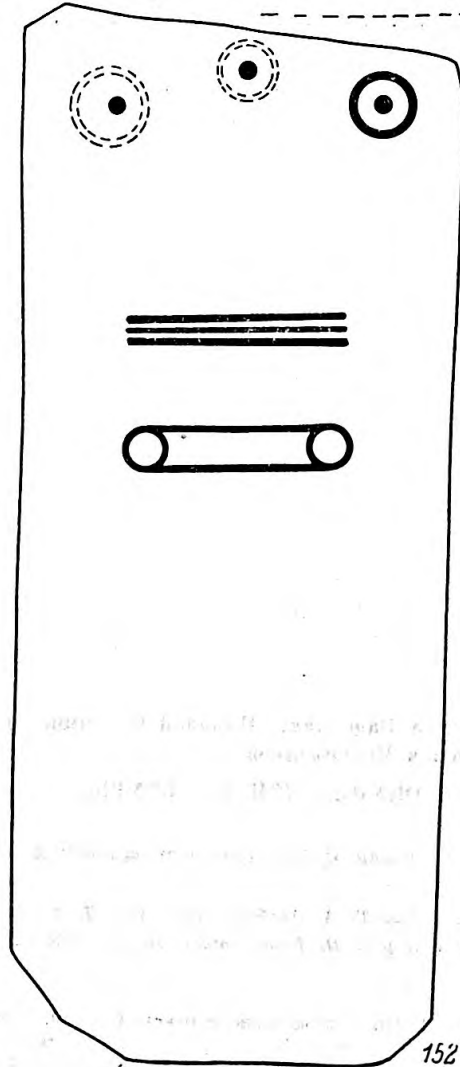
149

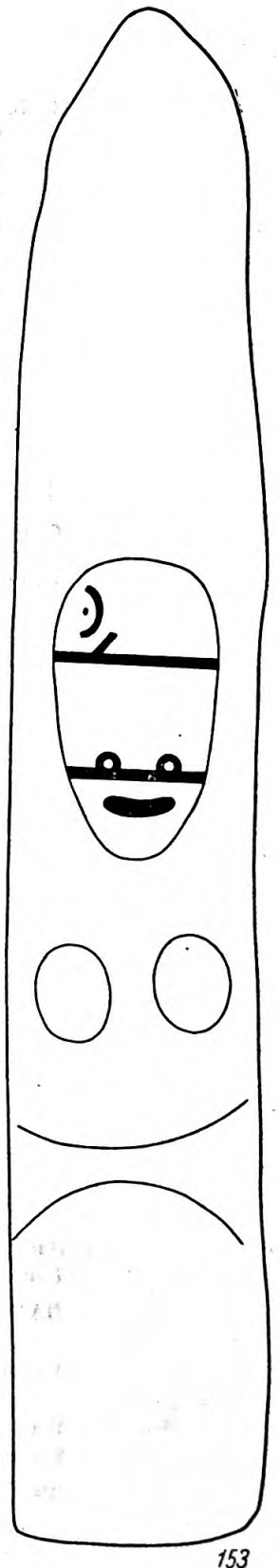
150

151

152

153

Табл. LVI. Изваяния, не включенные в классификацию, — 149—153.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. А. Максименков. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры	3
Описание памятника	3
Характеристика отдельных черт и особенностей памятника	14
Характеристика керамики	19
Характеристика инвентаря	22
Н. В. Леонтьев. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII	27
Описание материала	27
Анализ рисунков, особенности стиля и некоторые вопросы семантики	31
Г. А. Максименков. Окуневский курган у устья речки Черновой	35
Э. Б. Вадецкая. Изваяния окуневской культуры	37
История изучения древних изваяний	38
Классификация изваяний	39
Культурная и хронологическая принадлежность изваяний	49
Зооморфные изображения окуневской культуры	54
Некоторые вопросы семантики изваяний	57
Приложение I. Цифровое описание личин	78
Приложение II. Описание памятников по их местонахождению	81
Литература	88
Список сокращений	91
Таблицы	92

Эльга Борисовна Вадецкая, Николай Владимирович Леонтьев,
Глеб Алексеевич Максименков

ПАМЯТНИКИ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. А. Альбова. Художник Л. А. Яценко.

Технический редактор М. Н. Кондратьева. Корректоры Л. М. Бова и А. А. Гинзбург

ИБ № 9063

Сдано в набор 26.12.79. Подписано к печати 01.08.80. М-10938. Формат 60×90¹/₈. Бумага
типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 18¹/₂=18,5 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 22,16. Тираж 1600. Изд. № 7523. Тип. зак. 1007. Цена 3 р. 40 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ